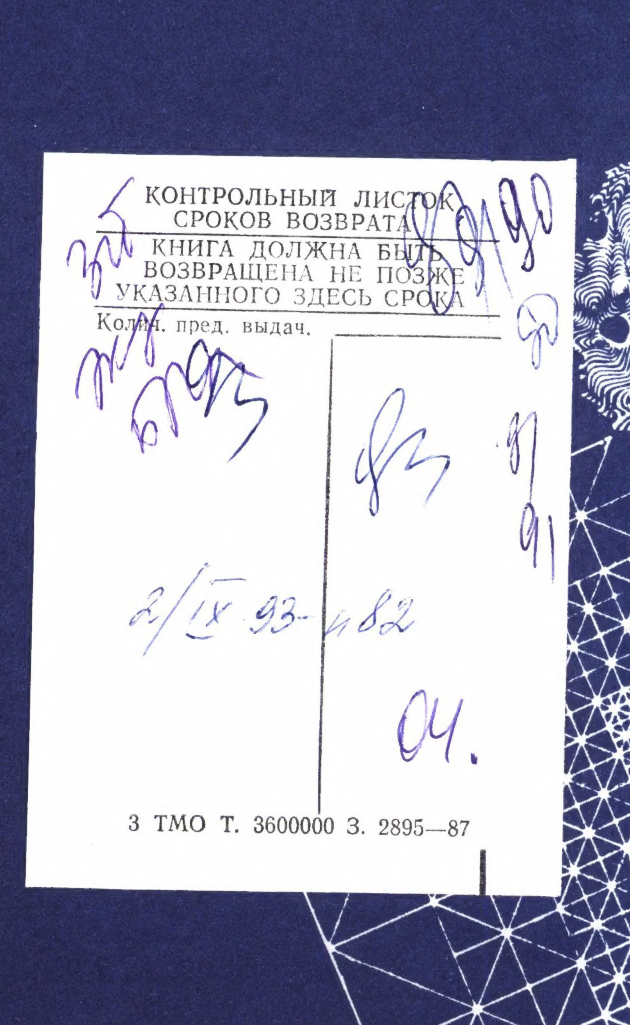
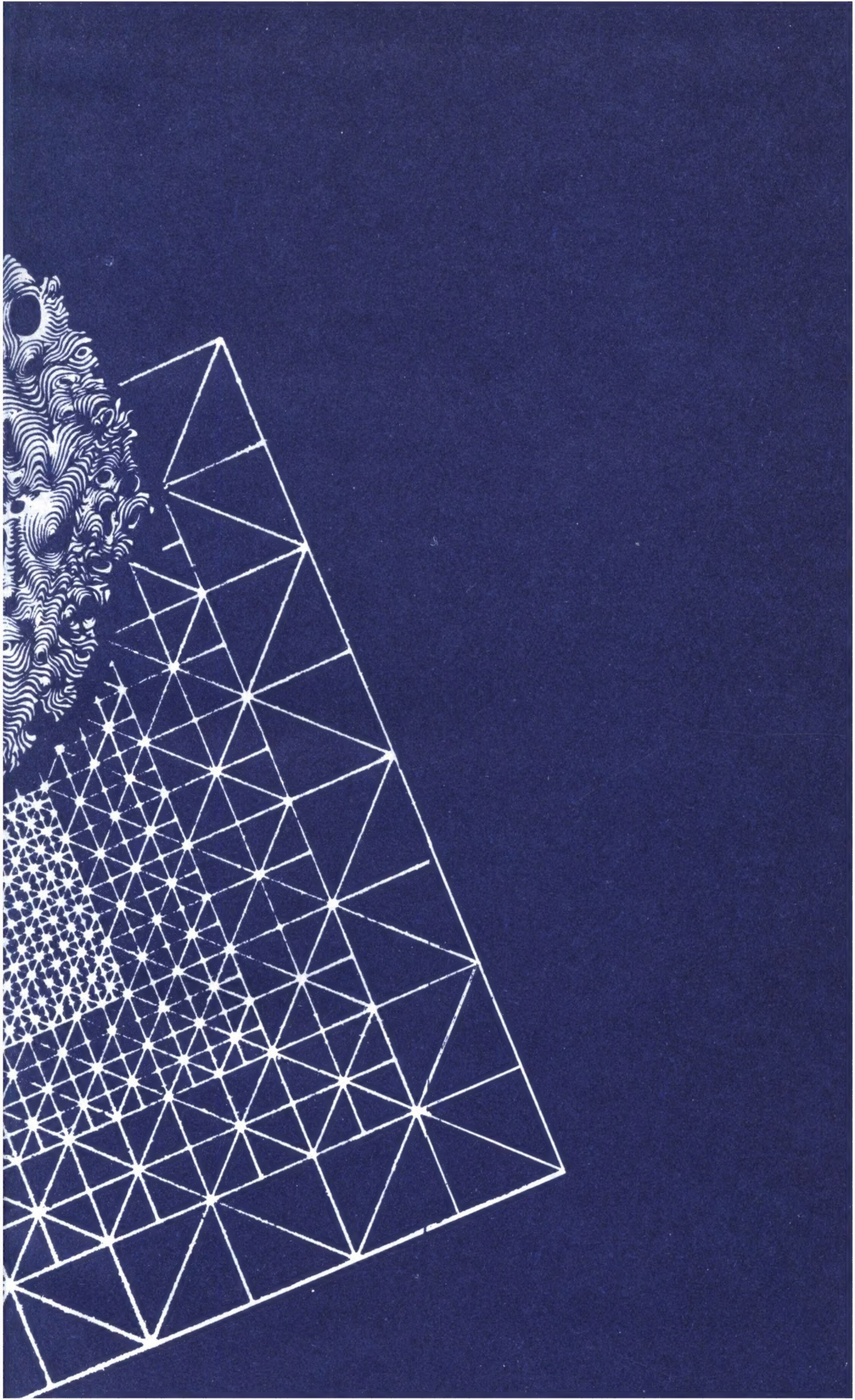
Федор Бурлацкий

НОВОЕ мышление

Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах

Политиздат

Федор Бурлацкий

НОВОЕ мышление

Федор Бурлацкий

Новое

Часть первая

НОВАЯ ВОЛНА

Часть вторая

ПЛАНИРУЕМЫЙ МИР

Часть третья

ПЕРЕСТРОЙКА

Часть четвертая

ОБНОВЛЕНИЕ

Часть пятая

ОПЫТ КИТАЯ

МЫШЛЕНИЕ

Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах

Издание второе, дополненное

Москва
Издательство политической литературы
1989

ББК 60.55
Б91

Бурлацкий Ф. М.

Б91 Новое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах.— 2-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1989.— 431 с.
ISBN 5—250—00993—X

Вышедшая в 1988 г. книга известного советского ученого, публициста, профессора Ф. М. Бурлацкого, посвященная острым проблемам перестройки, формирования нового мышления, развития демократизации, гласности, вызвала большой интерес читателей. Ее настоящее, второе издание дополнено главами, в которых освещаются вопросы обновления социализма, реформы политической системы («Какой социализм народу нужен», «Права человека и гражданина»), даются штрихи к политическим портретам Хрущева и Брежнева, включены и другие материалы. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Б $\frac{0302020200-155}{079(02)-89}$ КБ 57—1—88 ББК 60.55

ISBN 5—250—00993—X

ОТ АВТОРА

Эта книга вдохновлена теми переменами, которые происходят в нашей стране. Новое мышление. Технологическая революция. Революционные реформы. Таковы идеи, которые автор пытался отразить в книге. Конечно, она носит эскизный характер, многое в ней построено на диалоге, потому что многое еще не определилось. Ни одно из суждений не претендует на окончательность; они являются предметом размышлений, дискуссий и споров.

В нашей теории, практике и общественном сознании чем дальше, тем большее место занимает формирование нового мышления. В своей речи перед участниками международного форума «За безъядерный мир, за выживание человечества» М. С. Горбачев говорил: «...нужно *новое мышление,* нужно преодолеть образ мысли, стереотипы и догмы, унаследованные от безвозвратно ушедшего прошлого... Можно сказать, мы выстрадали *новое мышление,* которое призвано ликвидировать разрыв между политической практикой и общечеловеческими морально-этическими нормами».

Прежде всего это связано, конечно, с проблемами войны и мира, международных отношений. Сейчас, кажется, для всех очевидно, что мировая термоядерная война не только уничтожила бы современную цивилизацию, но полностью прекратила существование всего рода человеческого. Без нового мышления невозможно осознать и найти пути решения глобальных общепланетарных проблем.

Однако новое мышление не сводится к международным проблемам. Оно жизненно необходимо для понимания процессов, идущих в социалистическом мире, мире капитализма, развивающихся странах. Иными словами, новое мышление затрагивает некоторые фундаментальные вопросы нашего общественного развития. Его исходная предпосылка и в этом случае — крутые перемены,

которые произошли после второй мировой войны и набирают свой ритм и силу. Главные из них — социальные революции, последствия которых продолжают потрясать мир; технологическая, или — в иной терминологии — компьютерная, и информационная революции, со всеми их достижениями, противоречиями и проблемами.

Что несет человечеству новая технологическая революция? Гигантский подъем производительных сил, человеческих возможностей? Угрозу уничтожения жизни на нашей планете? Новый уровень благосостояния народов или углубление неравенства и взаимного недоверия между ними?

Нас с вами, конечно, особенно интересует, какое место сумеем занять мы, советские люди, наша страна в этом всемирном соревновании и борьбе за новый уровень технологического и экономического развития. Мы чувствуем и знаем, что упустили время, вероятно не менее 15 лет, в этом состязании, что нужны чрезвычайные усилия и энергичные реформы для ускорения нашего прогресса. В этом глубокий смысл тех перемен, которые происходят в стране. Но мы находимся только в начале большого пути. Поэтому особенно важны разнообразные мнения, суждения, дискуссии, которые связали бы воедино в нашем сознании проблемы внутреннего развития страны с глобальными общечеловеческими проблемами. Эта книга представляет собой не более чем эссе, попытку обрисовать некоторые общие контуры того гигантского по своим последствиям процесса, который развертывается на наших глазах. Этим объясняется и отбор вопросов, и форма изложения, которая варьируется в зависимости от характера обсуждаемой темы.

Автор будет считать себя вполне удовлетворенным, если высказанные суждения найдут отклик в душе читателей, стимулируя соразмышления и поиски, которые так необходимы всем нам сейчас.

Часть первая

НОВАЯ ВОЛНА

Японский феномен

Куда идет мир?

Технологическая революция

Фауст или Прометей?

Часть первая

НОВАЯ ВОЛНА

Глава I

КУДА ИДЕТ МИР!

Диалог автора с известным американским ученым профессором О. Тоффлером.

Ф. Б. Дорогой профессор! Я очень рад приветствовать вас в моем доме. Не знаю, в какой степени вы знакомы с моими работами, но я следил достаточно внимательно за вашими публикациями и ценю их. Замечу, что в какой-то степени мы с вами шли сходными путями. Например, ваша книга «Футурошок». Насколько я помню, вы завершаете ее призывом к совместным усилиям наших государств, государств всего мира — через ООН и другие международные организации — к решению глобальных проблем.

Примерно в то же время, еще не ознакомившись с вашей книгой, я сделал доклад на международном Социологическом конгрессе в Варне (в 1970 г.), который назывался: «Планирование всеобщего мира — утопия или реальность?» Потом, прочтя вашу книгу «Футурошок», я убедился еще раз, что ни одна новая или сравнительно новая мысль не приходит в голову одному человеку. С другой стороны, меня обрадовало совпадение наших ощущений и близость взглядов относительно того, что может реально сделать человечество для своего спасения от самоуничтожения и для прогресса. Вероятно, это свидетельствует не только о близости идей, но и об их истинности.

Сегодня мне хотелось бы поговорить о вашей новой книге «Третья волна». Пока у нас лишь немногие специалисты знакомы с этой работой, хотя слышали о ней. Я понимаю, как трудно в коротких словах определить главную идею такой большой книги. Но все-таки хотелось бы, чтобы вначале вы сами рассказали об основном ее замысле, аргументах и выводах.

О. Т. Во-первых, было бы полезно объяснить, почему она так отличается от «Футурошока». «Футурошок» — в основном — книга о факторах ускорения, о социальных и

технологических изменениях в наше время. Я не пытался изобразить в «Футурошоке» вновь возникающее общество. В «Третьей волне» упор делается не на этих процессах, а именно на очертании вновь появляющегося общества.

В 1970 году, когда «Футурошок» вышел из печати, было еще преждевременно выявлять характерные черты вновь возникающего общества. Теперь некоторые особенности, типичные для нового времени, можно уже уловить.

Основной тезис «Третьей волны» заключается в том, что мы уходим от века индустриального общества. 10 тысяч лет назад некий доисторический Эйнштейн — возможно женщина — задумал и осуществил то, что мы называем «первой волной» изменений. Она преобразовала племенных кочевников в оседлых крестьян.

Эта «первая волна» означала аграрную революцию, которая проходила очень медленно, со скоростью — так считают ученые — одного километра в год в течение 9 тысяч лет на территории Европы и других континентов.

Затем, приблизительно 300 лет назад, в Англии, во всей Западной Европе началась промышленная революция. Она охватила более 20 стран, которые теперь можно назвать индустриальными. 500 миллионов человек в Северной Америке, 500 миллионов человек в Западной Европе, 500 миллионов в Восточной Европе и Советском Союзе; 500 миллионов в Азии — Сингапуре, Тайване и т. д.

Промышленная революция преобразовала человеческое общество из сельскохозяйственного, аграрного в индустриальное, изменила образ жизни людей, превратила большинство крестьян в рабочих.

Изменения, происходящие в наше время, лишь кажутся изолированными одно от другого. Но если взглянуть глубже, то обнаруживаются связи между явлениями. И то, что происходит сейчас, есть «третья волна» изменений, которая по меньшей мере так же глубока, как промышленная революция, с той лишь разницей, что она протекает намного быстрее. «Первой волне» изменений потребовалось 10 тысяч лет, чтобы выполнить свое назначение. «Второй волне» потребовалось 300 лет. «Третья волна» идет очень, очень быстрым шагом.

Промышленная революция не только перераспределила количество людей, занятых в сельском хозяйстве и промышленности, усилив приток рабочей силы в го-

рода — на фабрики и в учреждения. Изменились семейные отношения. В сельскохозяйственном обществе семья представляла собой большое объединение людей, живших и работавших вместе. Семья изменилась в связи с появлением индустрии. Семьи уменьшились, вместо многочисленных семейств появились лишь семейные ячейки: муж, уходящий на работу, жена, остающаяся дома, и очень мало детей. Социологи подсчитали, что на семью приходится 1,8 ребенка. Семья потеряла свой вес, и многие ее функции взяло на себя общество.

Обучение детей, которое прежде осуществлялось дома, в индустриальном обществе взяла на себя школа. Больные, лечившиеся прежде дома, теперь пользуются больницами. Таким образом, люди в своем большинстве в основном находятся вне дома. Это делает новые изменения более глубокими по сравнению с прошлым.

Ф. Б. Значит, вы считаете, что нас ждет коренная реконструкция общества и радикальные изменения человеческой природы?

О. Т. Изменения, которые происходят сегодня, и те, которые нас ждут впереди, будут неуклонно усиливаться. В ближайшие 10—15 лет будут происходить не мелкие, а революционные изменения. Изменяется структура общества. Изменяется форма производства. Вся структура культуры и социальных институтов претерпит радикальные сдвиги. Это будут неслыханные преобразования, и все они произойдут в этом столетии и в начале будущего.

Нам достаточно подождать 30, а не 300 лет и не 10 тысяч лет. Теперь о характере самих изменений. Уяснить себе, насколько революционным является дух этих изменений, мы можем лишь путем сравнения новых институтов, возникающих теперь, с институтами индустриального общества, умирающими на наших глазах. Мы с женой путешествуем по всему миру и повсюду видим, что ломается сама система. Какая же система ломается? Не капиталистическая система. И не коммунистическая система. Ломается мировая индустриальная система. Образ жизни. Цивилизация, которая была создана промышленной революцией.

Ф. Б. А вы не думаете, Олвин, что мы наблюдаем и можем проследить в ближайшем будущем не одну, а по крайней мере две тенденции? Одна — это интернационализация, формирование того, что вы называете «третьей волной», а я назвал бы научно-технологической револю-

цией. Другая же тенденция связана с ростом определенного национального и социального своеобразия форм цивилизаций. Объясню свою мысль на примере Японии.

Я был там несколько раз. Эта страна — самый выдающийся пример современного индустриального развития. Но при всем том японцы остаются японцами. Они сохранили и свою культуру, и патриотизм, и даже национализм, они дорожат своим историческим достоянием. То же самое можно сказать и об американской, французской, индийской и китайской культурах. Поэтому будет происходить какой-то глубокий процесс на протяжении длительного времени, когда в рамках «третьей волны» или — в другой терминологии — в рамках научно-технологической цивилизации станет формироваться и множество сравнительно автономных цивилизаций.

О. Т. Я считаю, что вы правы. Полагаю, что ключом к анализу этих процессов является понятие «демассофикация». Промышленная революция — «вторая волна» изменений — создала целую цепь массовых обществ. Если мы посмотрим на две дюжины индустриальных стран, то легко заметить, что они выглядят по-разному. Корейцы говорят по-корейски. Шведы говорят по-шведски. Русские имеют одну идеологию, американцы — другую. Но в основе существует мощный параллелизм — массовое производство. Массовое распределение. Массовый отдых. Массовая деструкция, массовое образование. Каждое индустриальное общество, независимо от того, является оно капиталистическим или социалистическим, восточным или западным, руководствуется определенными принципами. Стандартизация, централизация, максимализация, гигантомания, дезинформация, специализация, синхронизация — пришельцы с Марса обнаружили бы повсюду одно и то же.

Ф. Б. И все-таки понятие «третья волна» страдает неопределенностью, ибо в нем не отражены специфические черты будущей эпохи, так же, впрочем, как в понятии «постиндустриальное общество». Слово «третья» или слово «пост» не несет в себе качественного определения. Поэтому я предпочитаю понятие «научно-техническая цивилизация». Оно включает в себя миникомпьютерную революцию, атомную энергетику, производство новых материалов, биотехнологию, космотехнологию и др. Но дело, в конце концов, не в терминах. Дело в том, чтобы ясно представлять себе разность социальных систем (капиталистической и социалистиче-

ской), существование которых сохранится и в рамках грядущей научно-технологической цивилизации.

О. Т. Я видел в Магнитогорске, Москве, Манчестере, Миннесоте, Миннеаполисе определенный параллелизм: повсюду люди встают в одно и то же время, завтракают в одно и то же время, идут на работу в одно и то же время, работают определенное количество часов в одно и то же время, приходят домой в одно и то же время, смотрят телевизор в одно и то же время, ложатся спать в одно и то же время, с разницей, быть может, в час или около того. И эта синхронизированная массовая система ритмично пульсирует. Это массовый ритм. Что это означает? Это означает, что в каждом индустриальном обществе существует сильнейшее социальное, политическое и культурное давление — к единообразию, к тому, чтобы все люди становились одинаковыми. Чтобы мы одевались так же, как наши соседи, чтобы мы верили в то же, во что верят соседи, смотрели те же телепрограммы, что и соседи, голосовали за то же, что и наши соседи, и т. д.

Такова была динамика индустриализации. То, что происходит сейчас, есть подлинно диалектическая революция. Подлинная революция — это не продолжение процесса массофикации. Это начало нового процесса — демассофикации.

Ф. Б. Что это значит?

О. Т. Можно объяснить понятие «демассофикация» как начало нового способа производства.

Ф. Б. Вы имеете в виду технику, навыки труда или отношения на производстве?

О. Т. Я имею в виду новые принципы во всем. Это не централизация, не стандартизация. Это нечто противоположное — децентрализация, дестандартизация, дебюрократизация. Стандартизация плюс специализация плюс синхронизация плюс концентрация плюс максимализация — все эти бюрократические принципы были встроены в процесс индустриализации.

«Третья волна» приносит принцип демассофикации и дебюрократизации. Начнем со способа производства. Моя жена и я работали пять лет на заводах. Она занималась физическим трудом: производила части для самолетов. Я работал на поточной линии, где делаются автомобили, велосипеды и многое другое. Я был механиком на сталелитейном заводе. В нашу задачу входило произвести как можно больше однородной продукции.

Это была экономика, основанная на принципе: чем

больше мы производим, тем дешевле становится продукт нашего труда, дешевеет каждая произведенная нами вещь.

Маркс говорил, что самая развитая форма производства — это массовая продукция. Генри Форд тоже так думал. Каждый капиталист и коммунист это повторяет. Но сейчас самая передовая форма — это демассофицированная форма производства. Массовая форма производства теперь является отсталой формой.

Мы посетили заводы во всех частях света и обнаружили, что самые передовые предприятия не производят теперь большого количества однородной продукции. Они работают на компьютерах: производят шесть экземпляров одной детали, 142 штуки того-то, 10 тысяч — этого, две детали и 42 штуки еще чего-то, непрерывно меняя ход производства. Потому что новая технология делает возможным быстро вводить изменения и делать варианты ее более дешевые.

Это указывает на необходимость производства индивидуализированных заказов, отдельных предметов в оригиналах без копий, на новой технологической основе. Это обходится дешевле, чем прежде, при массовой форме производства.

Ф. Б. Но в будущем, когда на Земле будет жить 15—20 миллиардов человек, является ли реальной возможность применять индивидуализированное изготовление производственной продукции?

О. Т. Конечно, что-то будет производиться и массовым, стандартным образом. Но это уже сейчас больше не является передовым способом производства.

Причина — не обязательно интересы потребителя. Это будет дешевле — вот причина. Дешевле производить этим способом, используя самую передовую технологию, чем пользоваться старыми формами технологии. Для меня интересно, что это означает с диалектической точки зрения. До промышленной революции производство не было массовым. Затем наступил период промышленной революции — массовое производство предметов потребления, а теперь мы начинаем двигаться обратно — от массового производства к индивидуализированным заказам, но на основе высокой технологии.

Ф. Б. Не грешит ли такой подход односторонностью? На процесс перемен ведь оказывают влияние не только технологические, но и социальные, политические, семейные, нравственные институты. Вспомните Сен-Симона.

Не соприкасается ли ваша теория с технологическим детерминизмом, основателем которого, вероятно, был этот великий французский мыслитель?

О. Т. Нет. Когда я был молодым и наивным, я мог быть технологическим детерминистом. Но не теперь. Когда я смотрю на все тенденции промышленности, я не считаю их уж столь значительными. Марксисты говорят, что способ производства очень важен. Я же не считаю способ производства решающим фактором. То, что происходит в других частях системы, также оказывает влияние и вызывает изменения. Когда я смотрю на систему распределения, я вижу, что каждая индустриальная держава имеет массовую систему распределения. Без массового распределения нет массового производства. Что же происходит в сфере распределения? Появляется все большее количество и разнообразие каналов распределения. И все большее количество каналов лишено возможности обслуживать малые группы и выборочно распределять товары между ними — более сложным и изысканным образом, вместо того чтобы предлагать массовую продукцию.

Что происходит в области коммуникаций? Вместо нескольких привычных каналов телевидение имеет теперь 20, 30 каналов; затем существует прямая передача через спутники, радио и т. д. и т. п.

Ф. Б. Коммуникации превратились в важные социальные и политические институты.

О. Т. Но происходит демассофикация средств информации. Появляются узкоспециализированные небольшие публикации, журналы, личные компьютеры. Мы идем к индивидуализации. Сейчас я наблюдаю в системе связи нечто такое, что соответствует тому, что происходит в системе индустриального производства.

Ф. Б. В целом мне кажется интересной ваша идея относительно «третьей волны». Но не надо ли сюда кое-что добавить? Думается, что она выглядит убедительней, так сказать, на макроуровне. Вы расчленяете всю историю человечества, собственно, по одному критерию — характер труда и уровень развития производительных сил. Но на самом деле человеческая история куда более многопланова и мозаична. Помните знаменитое замечание Энгельса относительно экономических детерминистов? Он заметил как-то после кончины Маркса, что если бы Маркс познакомился с трудами своих последователей, то воскликнул бы: «...я не марксист».

Ваша схема нуждается в дополнении. Собственность, власть. Цивилизованность или культура. Что касается собственности и власти, то здесь нет необходимости долго рассуждать. Полагаю, что вы, как и марксисты, придерживаетесь той точки зрения, что изменение характера собственности предопределило формирование ключевых социальных, а в конечном счете и политических институтов. Кстати говоря, это было впервые открыто еще древними мыслителями. Позднее, в эпоху Просвещения, Жан-Жак Руссо выразил это в знаменитой формуле: тот, кто первый оградил свой участок земли — положил начало современной цивилизации со всеми ее достижениями и пороками.

И проблема власти, вероятно, в достаточной степени хорошо исследована в исторической и социальной литературе. Вспомним Макиавелли или Монтескье, Михельса или Макса Вебера — в наше время. Ко всему этому, мне кажется, следовало бы добавить антропологический взгляд, а именно взгляд на природу человека. Я имею в виду не только биологические свойства, которые практически не менялись по крайней мере в течение всего известного нам отрезка человеческой истории. Я имею в виду интеллект и интеллигентность. Иными словами, уровень знаний, мыслительные способности и нравственные ценности. Процесс преобразования природы человека оказался куда более сложным, чем предполагали очень многие мыслители прошлого. Тот же Жан-Жак Руссо считал, что изменится и человек, нравы приобретут совершенно иной характер. Тем не менее мы видим, как в наше время в рамках одних и тех же форм собственности, например в странах капитализма, существовали совершенно противоположные институты и моральные устои. Достаточно сослаться на фашизм, который родился не где-нибудь, а в центре Европы, в развитой капиталистической стране, в период расцвета республиканских форм власти. Иными словами, в вашу в целом интересную схему следует включить и другие индикаторы.

О. Т. Я не хочу, чтобы осталось впечатление после нашей беседы, что я утопист. Я не утопист. Я считаю, что наш нынешний образ мыслей в отношении происходящих сейчас изменений может нам помочь что-то понять и относительно будущего. Но может быть, завтра мы будем вынуждены пересмотреть свой анализ.

Мне хочется затронуть тему, которую мы еще не обсуждали. Основная часть экономических изменений —

это изменение в факторах производства. До сих пор мы считали основными факторами производства сырье и капитал. Но даже для того, чтобы выкопать яму в земле, нужно умение и знание. И по мере того, как система становится более сложной, дифференцированной, демассофицированной, она, эта система, нуждается все больше и больше в обмене информацией.

Поэтому я хочу сказать об информационной революции, потому что она, являясь частью социальной системы и экономической системы, становится все более и более сложной, ее развитие все труднее предсказывать. Ни одно министерство или учреждение не может установить, что другое министерство или учреждение будет делать без гораздо более обширной информации, чем прежде. Поэтому для того, чтобы экономика могла работать, в системе должна быть оптимальная информация. Вот почему, когда М. Горбачев говорит о гласности, для меня это показатель выхода на проблемы понимания информационной революции.

В период «третьей волны» самое важное — это развитие экономики. Поэтому нет ничего более вредного, чем контроль, цензура, чрезмерная секретность. Поэтому свобода информации впервые становится не просто политическим или философским вопросом, а конкретным экономическим вопросом: сколько рублей у русского человека будет в кармане. Информация становится центральной проблемой экономического развития. Это заставляет нас пересмотреть нашу идеологию — как буржуазную, так и марксистскую.

Вы говорите о собственности. В период «первой волны» — сельскохозяйственной цивилизации — самой главной формой собственности была земля. Основной характеристикой этой собственности являлось то, что она физическая, вы можете до нее дотронуться. Второе: если я выращиваю пшеницу на своем поле, то вы не можете выращивать ее на том же самом поле.

Во время «второй волны» самой главной собственностью является уже не земля. Это здания, заводы, машины, средства промышленного производства. И если я владею фабрикой, вы не можете ее использовать. Если вы владеете фабрикой, я не могу ею воспользоваться. Но этот объект все еще остается физическим. Мое владение фабрикой в капиталистическом обществе заключено в клочке бумаги — в акциях. Это означает, что я владею небольшим кусочком предприятия.

В советском обществе ваше право собственности заключено в документе о вашей гражданской принадлежности. Вы имеете кусок бумаги, в котором написано, что вы советский гражданин. Это символизирует ваше право собственности в вашей системе.

Теперь мы переходим к «третьей волне». Основной собственностью в период «третьей волны» является информация. Характеристикой этой собственности является то, что вы можете пользоваться ею. И я могу пользоваться ею. Еще точнее — все мы можем пользоваться этой собственностью совместно. Это совершенно особая форма собственности.

В нашем обществе, при желании, я могу купить акции. Чем же я обладаю? Я обладаю не машинами. Для меня важны идеи в голове создателя этих машин. Я владею символами. Капитализм и социализм долгое время ведут между собой горячий спор. И те и другие должны теперь пересмотреть свои концепции.

Ф. Б. Пересмотреть или развить — не будем спорить о словах. Но в одном обществе растет поляризация богатства, достатка и бедности. В другом — все более торжествует социальная справедливость при значительной дифференциации оплаты труда. Эта противоположность бросается в глаза. Ваша экономика страдает от перепроизводства, наша — от дефицита; ваша — от безработицы, наша — от недостаточного профессионализма; ваша — от чрезмерной стихийности, наша — от сверхцентрализма...

О. Т. Пока же я хотел бы вернуться к тому, что вы сказали вначале и на что я не дал ответа. Речь шла о том, что некоторые страны становятся националистическими. Для нас это тот же процесс демассофикации. Потому что если мы воспринимаем индустриальное общество как попытку внести в систему единообразие с единообразными институтами и принципами индустриализма и пытаемся стереть все расхождения, если мы видим, что расхождения между этническими группами или языковыми группами подавляются индустриализацией во всех странах, тогда, значит, мы вступаем в период усиления различий: культурных, этнических и даже политических. А это означает, что торжествует не конвергенция, когда все становится одинаковым, а усиливаются различия в политической структуре мира. Это не противоречит идее демассофикации, а укладывается в нее.

Ф. Б. Что же, это сближает наши позиции. Теперь мне хотелось бы знать ваше мнение о социальных последствиях современного технического переворота. Из того, что вы говорили до сих пор, у меня сложилось впечатление, что вы не просто оптимист, а розовый оптимист. Постольку поскольку две проблемы сейчас вырисовываются, несомненно, как негативный результат современного технологического переворота, по крайней мере в странах, где нет серьезного планирования экономической и социальной жизни.

Первая — это безработица, в том числе и технологическая, и вторая — элитизм, то есть формирование общества по тому же принципу привилегий, общества, напоминающего все ту же лестницу, на которой различные группы расположены по вертикали.

Правда, критерии элитизма становятся новыми, по крайней мере в некоторых отношениях. Например, если раньше главным критерием была собственность, то сейчас все чаще становятся — социальный статус, характер образования, интеллектуальные способности, ну и конечно же власть.

О. Т. Я ни в коем случае не оптимист, когда речь идет о ближайшем будущем. Я полагаю, что мы находимся на грани еще большей экономической катастрофы, и твержу об этом по крайней мере с 1975 года, когда я опубликовал «Экоспазм». К сожалению, эта книга теперь выглядит актуальной ввиду всех сообщений о банкротстве банков и остановках производств.

Но сегодняшний кризис не похож на все предыдущие депрессии. Отличительным в этом кризисе является то, что это радикальная реорганизация, а не крах. Это кризис переструктурирования.

Ф. Б. Ну а что вы скажете о безработице? Она приобретает не только всеобъемлющий характер, но и какие-то новые черты. Сейчас почти 30 миллионов людей в западных странах не имеют работы. Между тем развитие технологии все больше и больше вытесняет человека из различных сфер, и не только производства, но и конторского труда и управления. Мне кажется, что это факт, который очень трудно опровергнуть.

О. Т. Если говорить о безработице, то мы, по-видимому, имеем дело с полдюжиной различных болезней, которые сведены воедино под общим названием, подобно тому как раком называют не одно, а различные заболевания. Я могу выделить по крайней мере

семь различных потоков, которые питают общую безработицу.

Прежде всего, это структурная безработица, которая возникает при переходе экономики от «второй волны» к «третьей волне». Она затрагивает все мировое хозяйство в силу того, что старые, традиционные отрасли прекращают свое существование или перемещаются в такие районы, как Таиланд или Мексика. Они оставляют пустоты в индустриальных отраслях, и миллионы людей остаются без работы.

Одним из результатов этого является усиление давления международной торговли, конкуренции, демпинга, неравномерности неожиданных спадов, экономического роста на мировом рынке. Это создает второй поток — поток безработицы, связанный с тенденциями развития международной торговли. Затем хорошо известен третий вид — это технологическая безработица. Существует безработица, являющаяся результатом чисто локальных или региональных причин местных перепроизводств, сдвигов в потребительских предпочтениях, торговых и промышленных слияний, экологических проблем — назовем это «нормальной» безработицей. Существует также более высокий, чем обычно, уровень временной безработицы людей в связи со сменой места работы. Существует безработица, которая является полностью результатом раздробленности информации. И наконец, безработица, которую я называю эстерогенной,— ненамеренная безработица, которая проистекает из-за глупой политики правительства, зачастую в результате политики по увеличению занятости. Я подозреваю, что большая часть нашей неструктурной безработицы имеет именно такой характер — это заболевание, вызванное врачом, оно может убить вас. К сожалению, политики и экономисты не отвечают за преступную политику, проводимую ими.

Ф. Б. И какой же из всех этих потоков вы считаете наиболее опасным?

О. Т. Более всего опасна безработица, которая возникает от разложения старых отраслей промышленности. И роста новых, формирующихся профессий и культурных установок — структурная безработица.

Ф. Б. Меня волнует демографическая проблема. Ее очень трудно совместить с представлением об обществе будущего. Людей становится все больше, и это трудно совместить с развитием индивидуальности. Происходит неизбежная нивелировка. Это с одной стороны. А с дру-

гой — не ощущаете ли вы противоречия: рабочих рук становится все больше, а технология делает все, чтобы заменить их машинами — мини-компьютерами, роботами, автоматическими системами? И еще — не ведет ли это противоречие к усилению социального дробления, к элитарному обществу какого-то нового типа? Где же выход?

О. Т. Главное, на мой взгляд,— переучивание. Это нужно будет использовать везде, где только возможно. Я считаю, что в скором времени приступим к делу обучения и переучивания в огромных масштабах. Все развитые человеческие общества должны будут вкладывать в это средства, независимо от того, ставится ли эта задача сейчас частным сектором, армией, средствами массовой информации, системой образования или всеми вместе.

Ф. Б. Если я правильно понимаю вас, выход — и об этом говорилось в вашей книге «Футурошок» — вы находите и в планировании экономических, социальных, образовательных и иных изменений. Иначе трудно осмыслить и решить проблемы переучивания, занятости и переструктурирования системы промышленности. Особенно в масштабах целой страны.

О. Т. В конце книги «Футурошок» я постарался выяснить разницу между централизованным сверху донизу бюрократическим планированием в промышленном стиле и более открытым, демократическим, децентрализованным стилем, который я назвал «предвосхищающей демократией». Сегодня американская пресса заполнена высказываниями финансистов, экономистов, радикальных теоретиков и функционеров многонациональных компаний, провозглашающих «благодетельное» сотрудничество бизнеса и правительства. Иногда более широко мыслящие, опытные менеджеры говорят, что профсоюзы также должны быть приглашены к процессу планирования.

И хотя это может представлять некоторый прогресс по сравнению с глупостями, что преобладают сегодня, все это пугает меня. На деле это старый «корпоративизм», с которым носились фашисты в 20-е годы.

Ф. Б. Чрезвычайно любопытно это совпадение ощущений представителя страны, где господствует свободный рынок, и у меня — представителя страны, где господствует плановая экономика. Первое — это то, что мы находимся на этапе переструктурирования производства и всей социальной жизни. И второе — это требование демократизации, как необходимого условия нашего экономического и социального роста. Если хотите, условия оздо-

ровления всей общественной жизни и нравов. Может быть, в этом как раз и есть симптом того, что новая технология сама ищет и находит пути воздействия на процессы социальной жизни и нравов.

О. Т. Да, но в отличие от вашего подхода, я считаю, что если и нужно планирование, то оно должно быть раздроблено. В этот процесс должно быть включено гораздо большее количество групп, начиная от поставщиков, компаний, организаций, расовых, этнических, мужских и женских профессиональных групп. А базисное планирование необходимо осуществлять на локальном, областном и региональном уровне и в национальном масштабе. Оно должно быть долгосрочным, а не краткосрочным и учитывать все виды экономических факторов, такие, как экология и качество труда.

Ф. Б. Я могу только частично согласиться с вашей идеей. Конечно, процесс планирования нуждается в демократизации. Кстати говоря, в этом отношении мы возвращаемся ко многим исходным моментам, которые были заложены у нас в начале 20-х годов и которыми впоследствии нередко пренебрегали. Ленин рассматривал наш Госплан, то есть штаб по планированию, не как административное, а как научное учреждение, где сконцентрированы силы наиболее видных специалистов, учитывающих все многообразие факторов производства, потребления, национальных и иных интересов, о которых говорите вы.

Но при всех обстоятельствах, я думаю, что стратегическое планирование должно сохраняться в общенациональном масштабе, однако в обновленном, демократизированном виде, иначе как мы можем представить себе экономическую структуру в целом? Я думаю, что самое главное сейчас — это предвидение. Умение разглядеть в сегодняшнем явлении тенденции, которые будут господствовать завтра. Перемены происходят так быстро, что без умного, реалистичного и далеко идущего прогноза нам невозможно будет подготовиться к сдвигам. Поэтому планирование социальных изменений, в ленинском понимании, то есть на основе подлинно научного прогноза, является одной из наиболее назревших насущных задач. Мне думается, здесь наши позиции сходятся.

О. Т. Нам и вам необходимо начать подготовку перехода всех находящихся в угрожающем положении отраслей «второй волны», которая соответствует новым перспективам, новой экономике «третьей волны».

«Базисные» отрасли, какими мы их видим, никогда уже больше не будут базисными. Необходимо способствовать росту новых базисных отраслей — биотехнологии, программированию, информатике, электронике. И второе — это постоянное обучение. В самом деле, обучение само по себе может быть крупным работодателем, так же как и гигантским потребителем оборудования, компьютеров и другой продукции, которая также обеспечивает работу по образованию людей.

Ф. Б. Я тоже полагаю, что ключ к будущим переменам — изменение системы образования. Боюсь, что мы поступаем подобно армиям, которые готовят солдат для прошлой войны. Иными словами, и наши школы, и наши вузы — не знаю, в какой степени это так в западных странах,— в подавляющей массе пока готовят специалистов для той экономики, которая существовала вчера, существует сегодня, но будет изменена завтра.

О. Т. Да. Это, безусловно, правильно. Нам необходимо кардинально изменить систему массового образования. Современные школы выпускают слишком много рабочих «фабричного стиля» для работ, которые уже не будут существовать. Надо разнообразить, децентрализовать, индивидуализировать образование. Меньше местных школ. Больше образования дома. Большая вовлеченность родителей. Больше творчества. Меньше зубрежки, именно рутинная работа исчезнет быстрее всего.

Только если мы соединим более традиционные действия удачным образом в одно совместное усилие, мы сможем начать преодолевать кризис безработицы. Как только мы сможем отказаться от старого, узкого понятия производства, поймем, что миллионы участвуют в этом преодолении, чтобы его осуществить — даже если они сами и не имеют формально работы,— мы заложим моральную основу для новой, гуманной системы вознаграждения.

Ф. Б. Изменения в системе образования тесно переплетены с развитием всей культуры.

О. Т. Я думаю, что для «второй волны» характерна массовая культура. Для «третьей волны» характерно отсутствие единой культуры. Постоянно меняющееся разнообразие новых культур.

Что отсюда следует? Отсюда следует, что чем больше мы приближаемся к экономике «третьей волны», тем большее значение приобретает культура. Отсюда следу-

ет, что ни одна расовая или этническая культура, ни одна религия, ни одна национальность не имеют монополии на лучшие способности, которые требует экономика «третьей волны». Каждая культура, будь то вест-индская, алжирская, кубинская или корейская, подходит к «третьей волне» со своей психологией, со своим собственным социальным характером, развившимся на протяжении веков. Именно «матчевая встреча» между культурами прошлыми и возникающими культурами «третьей волны» будет определять, как различные нации будут существовать в новой цивилизации, где в значительно большей степени, чем в массовом обществе прошлого, будут представлять собою постоянно изменяющуюся мозаику мини-меньшинств.

Да, мы вступаем в период, когда культура будет иметь большее значение, чем когда-либо. Культура не является чем-то окаменевшим в янтаре, это то, что мы создаем заново каждый день. «Третья волна» будет содержать в себе много культур, и это базис для морали. Быть может, это и есть подлинный базис для взаимопонимания людей, для формирования новых моральных ценностей в отношениях между людьми.

Ф. Б. Это интересное замечание. Хотя, конечно, оно не охватывает проблему целиком. Расовая дискриминация остается реальным фактом.

О. Т. Еще мне хотелось бы сказать о радикальных переменах в таком, если хотите, самом важном социальном аспекте, как семья. В течение «второй волны» семья являлась образцовой общностью. Предполагалось, что каждый человек вырастет и вольется в семейную общность — муж, жена, небольшое количество детей, живущих независимо. Например, когда моя жена была ребенком, ее родители были в разводе. И она была единственным ребенком в школе, чьи родители жили не вместе. А сейчас наша дочь — единственный ребенок в школе, чьи родители являются мужем и женой.

Ф. Б. Прежде мы имели однобрачную модель. Теперь два брака и даже три все чаще становятся правилом. Беда, однако, в том, что каждое последующее супружество нередко оказывается хуже предыдущего. Так, по крайней мере, утверждают социологи.

О. Т. В США очень многие представители молодежи предпочитают не оформлять свой брак, но жить вместе. Очень многие предпочитают вовсе не жениться и не выходить замуж. И сейчас никто никогда тебе не скажет:

почему ты не замужем. Никто не заподозрит, что у мужчины есть какой-то дефект. И никто не скажет женщине: ты старая дева, когда ей больше 30 лет.

Что осталось от прошлого — это желание людей иметь близких, любовь, друзей. Но формы контактов меняются. Вместе со сменой социально-экономических формаций происходят революционные изменения в семье.

Ф. Б. Теперь о проблеме личности. Интересно сравнить наши ощущения за последние 10—15 лет. Я имею в виду прежде всего среду, в которой я вращаюсь,— ученых, писателей, журналистов, других интеллектуалов. Раньше мы верили, что природа человека быстро меняется. Теперь у нас больше сомнений на этот счет. Природа человека на протяжении многих веков не только с биологической точки зрения, но и с точки зрения моральных ценностей, характера отношений между людьми менялась не так быстро, как нам казалось раньше. Я писал свою книгу о Макиавелли с этим чувством. Как много произошло в мире и как мало произошло изменений в сфере власти в XX веке. «Третья волна», о которой вы говорите, коснется прежде всего форм деятельности человека и, наверно, очень многих социальных институтов. Но пока я не вижу, что это приведет к радикальным изменениям в коренных и принципиальных отношениях — в природе человека и характере отношений между людьми.

О. Т. Это правда. Мы не видим разительных перемен в природе человека. Но некоторые изменения мы замечаем. Как я уже говорил, индустриальный человек ориентирован на труд. А что сделала промышленная революция? Она расколола надвое работу и жизнь. До промышленной революции работа и жизнь были одно целое. Вся семья работала вместе, как производственное целое. После промышленной революции работа отделилась от жизни, в особенности для мужчины. В период индустриализации мужчина стал смотреть на работу как на главное, а на жизнь — как на часть работы. Когда произошла технологическая революция, мужчина как рабочий стал не так нужен, как в доиндустриальный период, потому что машины его заменяют. Раньше он работал 16 часов, семь дней в неделю. Затем неделя укоротилась. Теперь 40—45 часов в неделю. Но все равно большую часть времени мужчина проводит вне дома, независимо от того, какова его работа. Он может быть профессором в университете, ученым в лаборатории, фабричным рабочим

или служащим. Они все имеют платную работу. Понятие о жалованье, зарплате связано с индустриализацией. Люди работали всегда. Но это не была служба, за которую платят.

Наши предки никогда не были безработными. При всяком социальном строе мы должны будем создавать новые определения понятия «работа». Новые способы обеспечения пищей и жильем, не связывая это с формальной работой или занятиями. Так должно быть во всем мире.

Ф. Б. Я согласен с вами, что понятие «работа» меняет свой характер, но все же не так радикально, как это представлялось. Конечно, происходит интеллектуализация труда. Масса людей вовлекается в сферу работы, которая может быть названа творчеством, то есть работы, связанной с расходованием умственной, а не физической энергии. Хотя до сих пор и, думаю, в обозримой перспективе и физический труд тоже будет занимать свое место. Причем многие виды физического труда будут становиться не более сложными, а более примитивными, на манер того, что показал Чарли Чаплин в своем фильме «Новые времена». Речь идет о превращении человека в придаток машины. Но вот что меня занимает: то, что касается изменения ценностных ориентаций и самой природы личности. Почему человечество с таким усердием, с такой настойчивостью, с таким безудержным интеллектуальным энтузиазмом старается избавиться от ручного труда?

Понятно, что физический, механический труд тяжел. Но человек все-таки создан не только с головой и интеллектом, но и с руками и ногами. Его физическое развитие представляет собой совершенно необходимый элемент гармонии. Древние это понимали, быть может, лучше, чем современные люди. Быть может, развитие промышленного производства с его отвратительными издержками и внушило людям такое пренебрежительное отношение к физическому труду. Но мы видим колоссальную тягу многих людей — ученых, писателей, журналистов, рабочих, не говоря уже о крестьянах,— к приятному для них физическому труду. Например, они выращивают цветы, разводят сады на своих приусадебных участках, украшают интерьеры.

Мне кажется, что человек кое-что утратил, когда пересел с лошади на машину. Общение с лошадью таило в себе нечто более интимное и радостное, чем общение

с машиной. Я говорю это, несмотря на то что являюсь шофером-любителем уже на протяжении 30 лет и обожаю быструю езду. Словом, физический труд вряд ли надо исключать из общественной жизни в будущем. Вероятно, будут найдены какие-то другие формы его воплощения. Но физический труд также естествен для человека, как труд интеллектуальный. Иначе станут реальностью те чудовищные фантастические рассказы о человеке будущего как о существе, голова которого имеет размер большого глобуса, а руки и ноги представляют какие-то отростки, как передние лапы у кенгуру. Но все это, конечно, относится к области фантазии, потому что будущего никто не знает.

О. Т. Да, будущего не знает никто.

Ф. Б. Вероятно, само понятие «человек» будет меняться.

О. Т. Да, будущее не предопределено, оно не обусловлено технологическим прогрессом и его нельзя научно проанализировать. Мы полагаем, что в системе его формирования участвует случайность, особенно в период революций. Мы не можем предсказать с точностью ход событий. И это весьма революционное утверждение. Я не говорю об СССР и США, но в Китае было очень трудно в этом отношении — они не хотели вести дискуссий на этот счет, потому что им казалось, что им все было известно о будущем. И только теперь выясняется, что они не знали будущего.

Ф. Б. Это относится к периоду «культурной революции», но не к традиционным взглядам китайцев. У них даже есть пословица, которую я люблю повторять. Она звучит так: «Очень трудно что-либо предсказывать, но особенно трудно предсказывать будущее».

Кстати, вы оптимист или пессимист по поводу будущего? Я вспоминаю спор между Руссо и Вольтером. Руссо считал, что развитие цивилизации ведет к падению нравов, а Вольтер верил в прогресс.

О. Т. Две позиции, которые вы называете, относятся к прошлому, к «золотому веку». Я не верю в прогресс, и я не верю в отсутствие прогресса. Я верю в изменения.

Ф. Б. Любопытно. Не значит ли это, что вы попросту верите в усложнение материи?

О. Т. Нельзя войти дважды в одну и ту же реку — все меняется. Для примера скажу о том, что мы видим в нашем обществе. Сошлюсь на две медицинские аналогии. Мы говорим, что в социальной системе происходит

нечто вроде деления и изменения клеток. Клетки в организме вначале бесформенны, а затем становятся клетками легкого, клетками почек, клетками сердца. Дело в том, что происходит процесс дифференциации.

Ф. Б. Я тоже пользуюсь этим примером с клетками организма. Усложнение социальной ткани — так я определяю этот процесс.

О. Т. Вы правы, как раз это и происходит.

Ф. Б. Если прогресс дает усложнение социальной ткани, то это действительно прогресс. Если критерием является только производство, или человеческая жизнь, или какие-то моральные и другие ценности, то никто не знает, что случится дальше, поскольку развитие человечества дает противоречивую картину. Новая технология и высокий уровень производства не всегда ведут к улучшению нравов.

О. Т. Правильно. Мы говорим о «третьей волне», что это глубокая революция, которая затрагивает все институты. Промышленная революция шла не вполне мирным путем, она проходила негладко. И было бы безумием надеяться, что то, что происходит теперь, то, что во многих отношениях является еще более глубоким преобразованием, будет развиваться гладко и легко в направлении прекрасного будущего. Без конфликтов. Поэтому наша модель предполагает конфликты. Очень трудно предсказать момент возникновения конфликта. Но быть оптимистом — это ненормально, быть пессимистом — очень опасно.

Ф. Б. Но ведь это очень неопределенная, да и грустная позиция.

О. Т. Да, пессимизм ведет к отчаянию, он очень опасен, потому что он приводит к мысли, что вы как личность или вы как общество не сможете ничего изменить. В период революционных изменений даже малый вклад в общее дело может принести большой вклад — к существенным переменам. То, что происходит в периоды революции, носит нелинейный характер. Это значит, что появляется возможность развития личности.

Я считаю, что мы будем свидетелями развития большого числа социальных и политических систем. Некоторые будут весьма демократичными, другие не будут демократичными. Однако, если они хотят выжить и действовать на уровне высокой экономики, они должны провести децентрализацию и приступить к начальной стадии интернационализации.

Ф. Б. Теперь мне хотелось бы обсудить проблему нового подхода и нового мышления и по поводу процессов интеграции и существующей дифференциации. Я считаю, что и американцы, и мы переоценили значение политических расхождений. Более того, принято рассматривать это как непреодолимый источник наших противоречий, главную причину для взаимных страхов и гонки вооружений. Я думаю, это неточно.

Если сравнить разницу, которая была между старой, феодальной Россией и прежними, республиканскими Соединенными Штатами Америки, то мы увидим, что в некоторых случаях эта разница была меньше, а в других гораздо больше, чем сейчас! Формирующаяся общечеловеческая цивилизация предполагает сохранение социальных, культурных и политических различий, а стало быть, взаимную терпимость и общую борьбу за выживание человеческого рода, обмена лучшим опытом.

О. Т. Мне бы хотелось сказать о «терпимости». Это понятие не для фанатиков, фанатики не терпят изменений. Они хотят идти назад, поэтому они непримиримы. Этого мы не можем допустить.

Ф. Б. Хотим мы этого или не хотим, но спор продолжается. Раз существуют две социальные системы, два принципа устройства общества, две схожие в индустриальном отношении, но расходящиеся в социальном отношении цивилизации, то неизбежно их идеологическое противостояние, сравнение, спор и дискуссия между ними. Я согласен с вами — нет ничего опаснее, чем железный занавес между социальными системами и культурными цивилизациями. В наше время даже такие развитые страны, как США или как Япония, не могут развиваться дальше, не входя в систему мирового хозяйства, не обмениваясь опытом, знаниями, достижениями с другими странами. Это в полной мере относится и к Советскому Союзу, и к другим социалистическим странам. Вы видите, что усилия нашего руководства и прогрессивно мыслящей части нашего общества идут именно в этом направлении. Мы добиваемся, чтобы СССР и другие социалистические страны стали равноправными участниками международного разделения труда. Руководители нашей страны не просто внесли предложения, а разработали целую систему мероприятий для создания совместных предприятий, активизации торговли и обмена технологической, культурной и всякой другой информацией.

Конечно, в условиях информационной революции —

а мы целиком принимаем этот термин, несмотря на то что он родился на Западе — исторический спор социальных систем переносится в новую плоскость — экономическое состязание, мирное сосуществование, взаимное сравнение результатов. Иными словами, честный спор систем должен стать правилом в международных отношениях. В связи с этим хотелось бы перейти к другому вопросу. Атомная война. Катастрофа. Можем ли мы предсказать, что произойдет? Как вы считаете? Или мы можем пользоваться только своей интуицией? Процесс, который мы сейчас наблюдаем, иррационален. Человечество накапливает все больше орудий самоуничтожения. Атомные бомбы, лазерные лучи — все это может уничтожить все живое на планете.

Каково ваше личное ощущение — имеет ли человечество шанс выжить, или все мы находимся в руках рока, фатума, природы, как бы мы это ни называли? Говоря иначе, действительно ли человечество обречено на вымирание, как утверждают многие, ради каких-то неведомых нам целей Вселенной? Быть может, оно уже сыграло свою роль и будет отброшено, как стоптанные башмаки? Иными словами, неизбежна ли гибель если не всего человечества, то современной цивилизации? Повторяю — я спрашиваю о ваших чувствах, о вашей интуиции. Потому что наша современная история стала настолько непредсказуемой, что, как мне кажется, разум и суждение не могут дать ясного ответа. Или это не так?

О. Т. Я считаю, что основные проблемы — не технологические. Основные проблемы — не боеголовки и не ракеты. Основные проблемы — политические. И в связи с этим я считаю, что мы страдаем от устаревшей геополитической системы в Европе.

Ф. Б. И во всем мире.

О. Т. Конечно. Но особенно в Европе. Эта система появилась в результате второй мировой войны. Европа разделена на две части, находящиеся под разным влиянием. Такое устройство могло возникнуть лишь непосредственно в момент окончания войны. Но прошло больше 40 лет, и дальше такое положение не может существовать.

Должна наступить реконструкция Европы. Это чрезвычайно трудно, потому что создалась шахматная ситуация — пат. Второе — я не верю в опасность войны, которая может исходить от СССР или от США. Когда я думаю о том, что будет через пять-шесть лет, то прихожу к выводу, что только утописты могут считать, что к тому

времени не станет ядерного оружия. И 10 лет, и 15 лет спустя будет существовать ядерное оружие. Может быть, и 50 лет. Но опасность будет исходить, повторяю, не от СССР и не от США. Опасность придет либо от объединившейся Германии, либо от какой-то другой страны, о которой мы даже не помышляем.

Ф. Б. Я тоже не верю, что СССР и США могут использовать ядерное оружие друг против друга. Это самоубийство. Однако идея безъядерного мира чрезвычайно плодотворна, она поворачивает вектор на 180 градусов от гонки вооружений к их сокращению и ликвидации. Наибольшая опасность может исходить от стран Ближнего Востока, ЮАР, Пакистана, если они овладеют ядерным оружием и решатся его применить.

Мы с вами интересовались историей цивилизаций прошлого. Изучали мнения историков, которые складывались в промежутке от Геродота до Тойнби. Я не думаю, что противоречия между нашими цивилизациями, между нашими системами могут послужить сколько-нибудь рациональным мотивом для того, чтобы рисковать уничтожением всего человечества.

Однако история иррациональна не только потому, что человек изобрел орудия самоуничтожения. Но и потому, что он на этом не остановился, а продолжает накапливать все больше и больше этого оружия, как будто он — человек — хочет гарантировать не просто самоуничтожение, но и уничтожение всего живого на Земле, а быть может, даже так обезобразить нашу планету, чтобы жизнь на ней уже никогда не смогла возродиться.

История иррациональна еще в одном отношении: она вручила в руки буквально нескольких людей судьбы всего человечества. Нескольких людей, которые допущены к атомной кнопке. Ничего подобного, никакой подобной власти не существовало ни в какие времена. Ни у одного императора, ни у одного восточного владыки, ни у одного западного монарха не было и быть не могло такой власти. Это уже какой-то фарс, какая-то вселенская шутка! Человечество вынуждено играть жалкую роль перед лицом Вселенной. И несмотря на это, продолжается гонка вооружений на земле, на воде, а сейчас США начинают военное состязание и в космосе. У меня к вам вопрос, так сказать, библейского характера, верите ли вы, что Вселенная уже исчерпала нашу роль, роль человечества?

О. Т. Ответом может быть очень громко сказанное — нет! Да, могло быть сказано, если бы человеческие су-

щества утратили способность к творчеству, утратили гениев, утратили желание выжить. История говорит, что тысячу лет назад, когда наступал тысячный год, были те же чувства и те же споры об апокалипсисе, армагеддоне и всемирной катастрофе.

Ф. Б. Откуда же появились эти чувства?

О. Т. Эти чувства появились — и тогда и теперь — от религиозных организаций.

Ф. Б. Не знаю. Пожалуй, дело не только в религиозных организациях. Эти ощущения люди получали еще в самые древние времена. Быть может, это связано со стремлением познать назначение человека — и не с его позиций, а с позиций Вселенной; очевидно, что человек не является ни венцом, ни целью для природы, для Вселенной. Он — средство для каких-то целей. Может быть, для познания, для развития, для обновления. Поэтому его история имеет начало и конец. Отсюда и ожидание апокалипсиса. А сейчас мы получили реальные средства для этого. Вот я бы хотел знать ответ — не рациональный, а интуитивный, конечно.

О. Т. Люди, жившие в первом тысячелетии, не имели образования. Они не знали, что человек существует уже миллионы и миллионы лет. Сейчас мы гораздо более образованны. Мозг человека развит, что ставит его много выше животных.

Ф. Б. Вопрос, поставленный современной историей, более сложен.

О. Т. Люди не знали, когда наступит извержение вулкана, примитивные религии утверждали, что человек исполнен зла.

Ф. Б. Я задаюсь не абстрактным вопросом. Меня волнуют чувства людей в связи с атомной угрозой. Теперь люди Земли знают о всех ужасных последствиях ядерной войны, и это потрясает их воображение.

О. Т. В течение всей человеческой истории наши самые отдаленные предки жили в страхе, испытывали предчувствие трагедии. Смерть была близка ко всему живому. И только с возникновением теории прогресса, индустриализации люди стали забывать о смерти. Я, так сказать, шовинист в отношении человеческого рода. Я полагаю, что придет такой день, когда человеческий род на Земле исчезнет. Мое дело, наше дело — отодвинуть этот день на миллионы лет, если это удастся. И верный путь к этому, я считаю,— начать колонизировать космос.

Ф. Б. Я боюсь, что атомная война нас как раз и готовит к этой роли.

О. Т. Американцы любят повторять изречение: «Мы должны умирать в ботинках». Что это значит? Даже если мы знаем, что должны умереть, если армагеддон будет завтра, мы будем жить так, как будто ничего не случится.

Ф. Б. Я тоже всегда был оптимистом. И после Рейкьявика, когда многие поддались панике, я опубликовал статью, в которой кроме анализа содержались и шутки. Многие говорили: «Как можно шутить в такой момент!»

Однако я хорошо помню историю. Я еще помню встречу в верхах Д. Эйзенхауэра и Н. Хрущева. Помню наши чувства во время встречи Джона Кеннеди и Н. Хрущева в Вене. Я написал пьесу для театра о Карибском кризисе. И многие мои коллеги были этим шокированы. «Это странно, что такой серьезный человек, как вы, мог написать пьесу...»

О. Т. Но опасность нас ждет не только от ядерной войны. Опасно употреблять химические препараты, а главная опасность — невежество.

Ф. Б. Какова должна быть роль в связи с этим ученых-гуманитариев, независимо от того, в рамках какой цивилизации, какой политической системы работают они? Не является ли главной проблемой для них воспитание терпимости. Мы должны проповедовать широкий взгляд на существующие ныне цивилизации, подобно тому как это делали мыслители Просвещения и Возрождения. Только так можно добиться доверия и взаимопонимания между народами, между руководителями. Это будет важнейшей предпосылкой прекращения иррациональной, фанатической гонки вооружений, возврата к цивилизованным отношениям, на путь прогресса.

Какова модель поведения человека науки и культуры в наше сложное время? Должны ли мы апеллировать только к общественному мнению наших стран, мировому общественному мнению или пытаться также оказывать влияние на политические решения? Эта последняя проблема — о взаимодействии с политиками — стала особенно острой, на мой взгляд, именно сейчас. Неосторожный шаг, необдуманное решение руководителей, и кнопка будет нажата, и все полетит к черту.

В этой связи перед нами возникает проблема влияния ученых на тех, кто принимает решения. Но такое влияние — вещь не простая. Потому что в какой-то мере надо действовать теми же методами, которыми действует правительство. Вот, например, я за свою короткую биогра-

фию жил в условиях, когда сменилось пять лидеров нашей страны. Как вы сами понимаете, каждый из них имел свои особенности, дистанция которых в некоторых случаях была огромного размера.

Что касается меня, то я всегда искал общественную трибуну. Мне было недостаточно выступать только перед студентами. Я искал способа и права на самостоятельное суждение, которое влияло бы в какой-то мере на общественное мнение. И сразу скажу о том, что как раз среди практических работников я встречал больше понимания и интереса, чем среди своих коллег.

Стояли ли вы в своей жизни перед подобными дилеммами и каково вообще ваше мнение по поводу ученых нашего века и способов их влияния на то, что происходит в мире?

Здесь, кстати, есть не только моральная проблема, но и проблема формы. Я люблю вспоминать одно высказывание Вольтера. Он говорил, что пишет свои труды не только для научной элиты — избранных ученых или мыслителей, но и для самой широкой публики. Отсюда разнообразие формы, начиная от сухих трактатов и кончая легкими драмами, водевилями и шаржами. В наше время Жан Поль Сартр был одним из немногих, кто пользовался разнообразными формами. Надо сказать, что меня нередко упрекали мои коллеги-ученые за то, что я пишу не только научную литературу, но и публицистику, и даже драмы для постановки в театре или на телевидении. Каково ваше отношение к этим проблемам?

О. Т. Я ничего не знаю о проблемах формы. Книги, статьи, телепередачи — все годится. Идеи XIX века о государственности и дипломатии, мне кажется, сводились к тому, что информация передается от народа к народу через посольства и дипломатов. Но случилось так, что эта форма общения и связей теперь безнадежно устарела. Она перегружена. Поэтому гораздо больший объем информации должен проходить между государствами помимо официальных каналов, минуя их. Если бы люди знали только то, что доходит до них по официальным каналам, они были бы еще менее осведомлены, чем теперь.

Поэтому для меня личные связи и личная инициатива, встречи и контакты между людьми — это неотъемлемая часть развития «третьей волны» и соответствующей ей системы коммуникаций на нашей планете. Объем информации должен быть изменен, и характер информации

должен быть изменен. Информация не должна быть ограничена телексом. Информация не должна идти только через компьютер. Она должна осуществляться при личных встречах.

Нужна возможность для ученых, писателей разных стран встречаться друг с другом, с интеллектуалами других стран и проводить вместе несколько дней. Все люди видят изменения, происходящие вокруг нас. И если мы начнем дискуссии, я думаю, мы все найдем что-то новое, чем мы можем поделиться: пусть один будет говорить о демократии, другой — о ядерном оружии, еще кто-то скажет, что главная проблема — американский империализм, ему возразят: главное — это коммунизм. Мы можем спорить о том, какая проблема самая важная. Мы все видим, что происходящие в мире изменения очень глубоки. Открытый диалог, открытая дискуссия покажет, что существуют только расхождения во мнениях, но что мы согласны во многом. Новая структура человеческого общества, новая цивилизация начинает появляться на наших глазах. А если это так, то большинство наших институтов устарело. Бюрократия устарела. Система образования устарела. Наша медицина устарела. Все наши социальные институты устарели. И если все существующие институты были созданы в основном в период промышленной революции, то это означает, что мы должны создавать новые институты.

Ф. Б. И последний вопрос: что может лечь в основу моральных ценностей современного человека и современного человечества?

На протяжении многих веков — хорошо или плохо — эту роль играла религия, Моисей с его 10 заповедями. Ветхий и Новый заветы с их нормами личного поведения: не пожелай ближнему того, чего ты сам себе не желаешь, и т. д. Конфуцианство в Китае или заветы Магомета на Востоке — все они, так или иначе, апеллировали к моральным ценностям.

Сейчас перед лицом новой, совершенно неслыханной угрозы, нависшей над всеми людьми на Земле,— к чему мы должны обращать свои взоры? Вольтер говорил, что надо сохранить бога, иначе не будет морали. Но он говорил также, что надо сохранить монарха, иначе не будет порядка. И оказался не прав — монархи практически повсюду исчезли, а порядок сохранился.

Говоря иначе, не следует ли искать какие-то общие основания морали, которые были бы адекватны новым

реальностям — угрозе существованию самого человечества и существованию самих цивилизаций. Что должно быть интегрирующим моральным фактором? Кодекс общечеловеческой морали — его нельзя создать искусственно. Но, по крайней мере, можно сопоставить какие-то общие принципы, основы такой морали — и ради выживания, и ради сотрудничества, и ради взаимопонимания, ради прогресса.

Религия всегда играла одновременно и объединяющую роль, воссоединяя людей одного вероисповедания, и разъединяющую роль, поскольку настраивала людей различных вероисповеданий друг против друга. И сейчас церковь продолжает играть ту же двойственную роль. Возможно, к ней прибавилось еще одно обстоятельство. Нас многие не любят в Америке и в других странах Запада, не доверяют нам, потому что мы атеисты.

Поэтому, может быть, в основу общечеловеческой морали, которая должна лежать также и в фундаменте международных отношений, надо положить простые нормы нравственности в том виде, как они существовали еще до Ветхого и Нового заветов, до Конфуция, до Шивы. Как они складывались в человеческом общежитии с самых древних времен. Помните, что Маркс сказал о международных отношениях? Простые нормы нравственности должны лечь в основу международных отношений, в основу общения между народами. Это чрезвычайно важно именно в данный момент.

Быть может, смысл нового мышления, о котором говорит руководство нашей страны и о котором мы думаем и пишем, как раз состоит в возврате к этим элементарным ценностям. Не убий. Не пожелай другому того, что ты сам себе не желаешь. Помогайте друг другу. Рассматривайте всех людей просто как людей в первую очередь. А уж потом как представителей какой-то социальной, религиозной или политической системы.

Конечно, речь идет не о том, чтобы вернуться к нормам первобытных общин. Но восстановить общечеловеческие нравственные нормы, развить их применительно к трагическому моменту, в котором находимся все мы,— это представляется продуктивной идеей.

О. Т. Что же, я могу только согласиться с вами. В условиях «третьей волны» будет формироваться и новая общечеловеческая мораль.

Ф. Б. Будем надеяться на это.

Глава II

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Думается, мы все еще недостаточно глубоко проникаемся сознанием того величественного (а быть может, и грозного!) процесса, который, подобно океанским волнам, прокатывается по земному шару. Речь идет о технологическом перевороте, а точнее — о новой технологической революции.

Всматриваясь в черты новой технологической революции, поневоле испытываешь двойственное чувство. Невозможно не восхищаться неистощимостью человеческого гения: он без устали творит чудеса в науке, технике, технологии информации. Но при всем том невозможно отделаться от тяжелого ощущения тревоги, видя, куда и как направляют эти достижения капиталистические центры индустриальной мощи.

Что ждет человечество на пороге третьего тысячелетия — гуманизация или, если позволено будет так сказать, «роботизация» отношений между государствами: углубление экономической пропасти и неравенства между странами, технологические войны за передел мирового рынка, экономические санкции и рост источников напряженности?

Эпохальные перемены

Нет ли преувеличения, когда мы говорим о наступлении эры новой технологической революции? Или, быть может, это не более чем крупный шаг известного всем научно-технического прогресса?

Меньше всего хотелось бы спорить о понятиях. В конце концов, не так важно, признаем ли мы за происходящим техническим переворотом «статус» революции. Куда важнее ясно отдавать себе отчет, что этому событию суждено в довольно короткие исторические сроки полностью видоизменить и заменить индустриальную базу во всем мире.

Разумеется, это разновременный процесс. Увы, далеко не все сразу попадут в технологический рай. По подсчетам экспертов, индустриально высокоразвитым странам понадобится примерно четверть века, среднеразвитым — не менее половины века. А вот пути и сроки про-

мышленно слаборазвитых стран (а таких большинство в современном мире) даже трудно измерить. Здесь-то как раз и кроется одна из самых острых проблем наступающей эпохи.

Но дело не только в этом. На наших глазах развертывается ожесточенное состязание между развитыми странами капитализма, прежде всего между США, Японией и Западной Европой. В сущности, началась перекройка всей индустриальной карты мира. И цепочка, а точнее, иерархия этих стран стала выстраиваться прежде всего в зависимости от овладения новейшей технологией и развития наиболее современных отраслей производства. Уже сейчас можно видеть, как больно бьют отстающих: возникает угроза технологической «колонизации» менее развитых капиталистических стран более развитыми. Холодная этика роботов — эффективность, прибыльность, голый чистоган, безжалостное наступление на конкурентов — грозит полностью вытеснить те элементы справедливости и демократизма, которые стали появляться в экономических отношениях в результате длительной борьбы народов.

Нужно ли напоминать о том, какое влияние на весь мир оказала первая промышленная революция XVIII века? Весь XIX и первая половина XX века развивались под ее знаком. Европа, которая первой совершила эту революцию, заняла господствующее место в мире и подчинила себе все континенты.

Вторая революция, названная научно-технической, еще более глубоко преобразовала производительные силы. Ее главным последствием в капиталистическом мире стало перемещение экономического и политического центра из Европы в США. Эта страна, которая вышла экономически окрепшей из второй мировой войны, первой освоила достижения НТР. Опираясь на свою военную и индустриальную мощь, она захватила лидерство в несоциалистическом мире.

В середине 70-х годов начался новый технологический переворот, основанный на новейших открытиях в науке и технике. Они ведут к коренным структурным сдвигам в области производства, потребления, управления, образа жизни, образования и культуры. Он-то и должен привести в будущем веке к новой, научно-технологической цивилизации, идущей на смену современному индустриальному обществу.

Мини-компьютеры

Представьте себе на минуту такие картины... Женщина уложила своего ребенка в постель и села за маленький столик. Всего несколько быстрых движений, и вот уже готовы электронные часы. А для производства обычных часов требуется примерно 400 операций, осуществляемых хорошо подготовленными профессионалами с помощью специальных механизмов... Ребенок лет десяти в магазине, где продается электроника, сосредоточенно бьет по клавишам: он ведет сложную игру с мини-компьютером... Мужчина подъезжает на машине к какой-то огромной металлической коробке, засовывает в расщелину карточку, и оттуда выскакивают банкноты — и это без всякого участия людей... Журналист по телефону передает свой текст за тысячи километров прямо в типографию, и умная машина сама копирует его...

Все это дает микроэлектроника, которая стала сердцевиной технической революции. Не случайно эту революцию нередко называют компьютерной. Качественно новое явление связано с мини-компьютерами, которые умещаются на кремниевом камешке величиной с горошину. Мини-компьютеры, интегральные схемы, промышленные роботы, микропроцессоры — вот где кроется святая святых технологического переворота.

Технологическая революция началась, по всеобщему признанию, с создания микрокомпьютеров. Их называют «чипами» или «блохами». В русском языке еще нет устойчивого понятия, адекватного этим названиям. Чаще всего мы пользуемся термином «чип».

Это ничтожно малое калькуляторное устройство, которое умещается в футляре размером в четверть спичечной коробки. Оно обладает такими же — а иногда и большими — возможностями, что и компьютеры первого поколения, созданные в 50-х годах. А ведь те компьютеры весили не менее 30 тонн и поглощали 150 тысяч ватт-часов электроэнергии.

Теперь даже как-то неловко вспоминать о километрах проводов и тысячах ламп, которые были упрятаны в эти чудовища. Неловко, потому что маленькая «блоха» — пластинка, в которую вмонтированы полупроводники, сопротивления и все соединяющие ее системы,— способна распорядиться и накопить десятки тысяч электронных единиц информации. Да что там десятки тысяч! Речь

идет уже о четверти миллиона, и не за горами время, когда счет пойдет на миллионы. Ученые обсуждают возможность создания «биологических блох». Такие «миниблохи» будут размещать в одном кубическом сантиметре объем потенциальной информации, который можно сравнить с человеческим мозгом.

Микрокалькуляторы могут быть использованы почти во всех сферах человеческой деятельности. Этому способствует и то обстоятельство, что «чипы» стоят не в десятки, а в сотни раз дешевле, чем первые компьютерные гиганты.

Фибровое волокно стало другим изобретением, которое перевернуло всю систему информатики. Оно способно передавать информацию по проволочкам толщиной с человеческий волос, что в корне меняет телевизионную и телефонную информацию и способы ее хранения. Эта новинка технологического прогресса, получившая название фибровой, оптической коммуникации, заменит систему, которая использует сотни тысяч километров тяжеловесного кабеля.

Уже сейчас роботы умеют собирать холодильники, сверлить крылья самолетов, красить автомобили, добывать уголь и мыть окна. Они опрыскивают поля, добывают полезные ископаемые из океанских глубин, ремонтируют спутники и даже начинают проектировать и собирать другие роботы. При этом все шире используется лазерная техника.

Американский журнал «Ньюсуик» 6 апреля 1987 года в статье «Следующее поколение компьютеров» писал, что ИБМ вскоре огласит характеристики своих строго засекреченных новых персональных компьютеров. По пятам за фирмой «Эппл», объявившей о выпуске машины «Макинтош-II», производство компьютеров третьего поколения уже начинает разворачиваться полным ходом. Примитивные машины первого поколения часто требовали от пользователей, чтобы они сами составляли свои программы. Вторая волна охватывала первые персональные компьютеры ИБМ и их производные, более пригодные для массового применения. Теперь многие считают эти компьютеры устаревшими. Компьютеры третьего поколения обладают самыми мощными на сегодняшний день микросхемами наряду с самой емкой памятью. Новые персональные компьютеры ИБМ (с более совершенными графическими свойствами) будут гораздо проще в обращении. «В плане возможностей,— говорит Дэвид

Уайнер, президент фирмы «Ливинг Видеотест»,— предела нет».

«В 90-х годах компьютер начнет имитировать человеческие органы чувств»,— говорит программист из Кремниевой долины Энди Херцфилд. Сначала на очереди слух и речь. Технология эта уже существует, но сегодняшние персональные компьютеры слишком несовершенны, чтобы надежно выполнять эти функции. У компьютеров третьего поколения будет много резервной мощности. «Курзуейл эпплайд интеллидженс» выпускает в продажу приставку, которая, если подключать ее к новейшим компьютерам, сможет распознавать до 20 тысяч произнесенных слов. Это даст возможность пользователям диктовать компьютерам целые письма, хотя некоторые исследователи считают, что большинство людей, возможно, все равно будет отдавать предпочтение клавиатуре.

Компьютеры третьего поколения будут также давать цветные изображения большой четкости. Подобно сотням тысяч музыкантов, уже подключающих компьютеры к своим клавиатурам, художники сочтут компьютеры третьего поколения важными помощниками в творчестве. Уже существуют программы для графического редактирования и создания компьютеров мультипликационных фильмов. Вскоре любители смогут подвергать обработке машиной домашние видеоленты и получать особые эффекты профессионального телевидения. К началу 90-х годов любой рок-ансамбль с видеокамерой и подходящей программой сможет изготовить технически впечатляющую музыкальную видеоленту. Компьютеры третьего поколения смогут также хранить в своей памяти справочные материалы в объеме десятков книг. Они закладывают в память телефонные номера целых районов; вместо того чтобы платить за услуги справочной службы, пользователь просто может обращаться за справками к своему компьютеру. Кроме того, выяснив нужный номер, компьютер автоматически набирает его.

Поразительная «хитрость» микроэлектроники состоит в том, что она проникает во все другие отрасли хозяйства и глубоко оплодотворяет их. С ней связано то явление, которое получило название информационной революции, что составляет вторую важнейшую черту технологического переворота.

Мини-компьютеры распространились на всю область управленческого, конторского труда, везде, где накапливается, обрабатывается и передается информация.

В развитых капиталистических странах в течение 80-х годов ожидается десятикратное увеличение электронных печатающих устройств. Предсказывают, что к концу века практически вся новая информация в этих странах будет накапливаться с помощью видеотерминалов.

Благодаря электронике конторский труд покончил с экстенсивным развитием. Автоматическая машинка, дополненная диктофоном, микрографией, позволяющей бесконечно уменьшить и концентрировать информацию, наконец, электронно-печатающие устройства, располагающие коммуникативными возможностями,— все это ведет к формированию «безбумажных учреждений».

Наступление нового технологического переворота ознаменовало изобретение фотонабора. Это революционизировало газетное дело. С помощью видеоэкрана, соединенного с компьютером, подготовленный материал простым нажатием кнопки отправляется в печатную машину. Лазерные видеодиски могут хранить значительно больше информации, чем обычные магнитные диски ЭВМ.

Микроэлектроника широко шагнула в сферу образования и повседневной жизни человека. Детский игрушечный компьютер обучает дошкольников и школьников арифметике, грамматике, развивает интерес к музыке, знакомит с основными принципами программирования.

Макси-перевороты

Компьютерный переворот, автоматизация, использование новых материалов и технологии меняют приоритет отдельных отраслей народного хозяйства. На первое место выходит радиоэлектроника, в том числе индустрия информации, нефтехимическая, атомная промышленность, ракетостроение. Происходит электронная автоматизация традиционных сфер производства — станкостроения, автомобильной и авиапромышленности, черной металлургии и др.

Все большее значение приобретают показатели, характеризующие самые современные отрасли производства, в первую очередь электронику.

Очевидно, что компьютерная революция — это только часть технологических сдвигов, которые происходят во всех отраслях науки, техники, народного хозяйства.

Широкое поисковое поле — новая энергетика. До сих пор она находилась в рабской зависимости от нефти и

газа. Сейчас положение меняется. Теплоэлектростанции все более переводятся на уголь, разрабатываются способы газификации угля, применяется технология смеси угля и нефти. Особенно меняется структура энергетики за счет использования новых источников, прежде всего атомной электроэнергии.

В числе наиболее перспективных видов топлива будущего называют технологию получения тепловой энергии посредством сжигания самого обычного мусора; извлечение бензина из отходов производства; превращение каменного угля в пульпу, которую можно затем перегонять по трубам на большие расстояния; использование природного газа в качестве автомобильного топлива; новые установки по использованию солнечной энергии; «энергетические фактории», получающие свою электроэнергию за счет переработки навоза, и др. И наконец, на очереди выделение водорода из воды искусственным фотосинтезом, что может стать главным топливом будущего.

Крупные структурные сдвиги происходят и в металлообрабатывающей промышленности. В послевоенный период было множество впечатляющих нововведений в процессе выплавки стали. В перспективе упор делается отнюдь не на расширение производственных мощностей, а на модернизацию технологии, на получение высококачественного металла. Быстро развивается процесс сокращения потребления металлов за счет их замены искусственными материалами. На этой основе происходят заметные сдвиги и в производстве станков, и в производстве автомашин, тракторов и других механизмов, потребляющих металлы.

Как утверждалось в правительственном прогнозе США в июне 1987 года, производство синтетических материалов и металлов космического века, а также новых компьютеров будет одной из наиболее перспективных отраслей промышленности в XXI веке.

Заместитель министра торговли США Кларенс Браун сообщил, что министерство торговли пытается заглянуть в будущее, чтобы содействовать обсуждению вопроса о том, какие барьеры придется преодолеть, чтобы обеспечить развитие новых технологий в США.

Браун отметил, что технология, упомянутая в докладе, может вызвать «революцию, которая затронет все отрасли промышленности в Америке и во всем мире».

В числе нововведений, которые, как полагают, обладают наибольшими возможностями воздействия на эко-

номику, было названо создание синтетических, керамических материалов и металлов космического века для применения в целях совершенствования двигателей автомобилей и самолетов, деталей электронных приборов и в электромашиностроении.

В числе прочих основных областей, которые сулят большие выгоды, были названы:

— компьютеры, в том числе суперкомпьютеры и ЭВМ с искусственным интеллектом,

— оптическое волокно и световолновая электроника для применения в средствах связи и компьютерах,

— генная инженерия для производства более эффективных лекарств, а также для применения в сельском хозяйстве,

— автоматизация заводов и фабрик, бизнеса и банковских услуг,

— успехи в медицине, которые приведут к улучшению возможностей диагностики и лечения таких болезней, как СПИД и рак,

— использование сверхтонких химических покрытий для совершенствования различных деталей электронных приборов, а также в химической и пищевой промышленности.

Транспортная революция идет несколькими путями. С одной стороны, резкое возрастание автомобильных перевозок. С другой стороны, увеличение скоростей железнодорожного транспорта, модернизация авиационного транспорта.

Вторая «зеленая»

Наконец, надо сказать о второй «зеленой» революции. Сельское хозяйство во многих странах уже превратилось в интегральную часть современной индустриальной экономики. В сущности, здесь полностью завершилась механизация процессов пахоты, боронования, культивации, уборки зерновых, кукурузы, сахарной свеклы и других культур.

Первая «зеленая» революция была связана с интенсификацией традиционных методов растениеводства. Особую роль здесь сыграло перекрестное опыление и развитие новых видов кукурузы, риса, пшеницы вместе с применением техники и химических удобрений. Это дало скачок в урожайности полей.

Теперь на очереди новая революция в этой отрасли. Ее развитие связано с применением биоинженерии.

Специалисты прогнозируют, что в течение ближайших 20 лет потенциальный рынок продуктов сельскохозяйственной инженерии составит от 50 до 100 миллиардов долларов в капиталистических странах. Это значительно больше рынка продукции медицинской генетики, которая уже завоевала широкое признание. Однако вторая сельскохозяйственная революция связана не только с биоинженерией. Речь идет и о дальнейшей интенсификации сельского хозяйства в целом, увеличении продуктивности производимых культур.

С бурным развитием биотехнологии связано чрезвычайно перспективное направление технологического прогресса. Оно началось в 70-х годах с разработки методов генной инженерии, а затем быстрого роста технологии клонирования клеточных и тканевых культур. Это дает возможность создавать новые организмы животных и растений, отличающихся новыми качествами и функциями, посредством пересадки чужих генов в клетку.

Имеются убедительные прогнозы, что в ближайшем будущем благодаря новым методам биотехнологии одно лишь растение сможет дать за один год 200 тысяч побегов, одна корова за период своей жизни произвести 100 телят. Биотехнология позволит многократно увеличить кпд сельскохозяйственного производства.

Вторая «зеленая» революция, основанная на использовании биотехнологии, приведет к коренному изменению занятости в сельском хозяйстве. Направления этих изменений можно видеть из простого сравнения ее в промышленно развитых странах, которая составляет от 5 до 10 процентов населения, и в развивающихся странах, где в этой области до сих пор трудится 80 процентов самодеятельного населения. Резкое сокращение занятости в деревне, умноженное на бурный демографический рост населения, вызовет тяжелые социальные стрессы в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Новую страницу — пока еще практически почти неизведанную — в технологической революции открывает космос. Зарубежная печать сообщает, что уже в 90-х годах товары, изготовляемые над атмосферой, на космических заводах, поступят в продажу в обычные земные магазины. Наверное, на них будет стоять интригующая отметка: «Изготовлено в космосе».

Итак, мини-компьютеризация, автоматизация ведущих отраслей промышленности и сельского хозяйства, биотехнология и космическое производство — основа

новой технологической революции. И одновременно основной предмет размышлений, дискуссий, споров между специалистами во многих странах мира.

Качественно новое явление — практическое использование искусственных спутников Земли. Созданные людьми механизмы достигли Марса, Венеры, Юпитера и ряда других планет. Человечество открыло для себя невиданные горизонты для познания и технического прогресса, оно обрело реальную способность проводить наблюдения за всей Солнечной системой и далеко за ее пределами. Не за горами день, когда для перевозки грузов и людей будет использоваться ракетно-космическая техника.

Таковы некоторые, обозначенные пунктирно, самые внешние черты новой технологической революции. Ее масштабы захватывают дух, раздвигают границы нашего воображения. Пройдет несколько десятилетий, и люди будут в окружении таких машин и вещей, о которых мы сейчас можем только фантазировать.

Военные игры

Кто дерзнет сказать, что солнце лживо? — спрашивали древние. Кто рискнет утверждать, что технический прогресс не может привести к ожогам, если им неразумно пользоваться. Что же говорить о техническом прогрессе, который уже не раз обращался во зло людям, особенно в военной области!

Первый ожог новейшая революция нанесла в области занятости. Мы уже обсуждали с О. Тоффлером вопрос о технологической безработице, которая приобрела, в сущности, неотвратимый рост в капиталистических странах.

А что будет завтра, когда действительно грядут роботы? Тогда, быть может, каждый пятый попадет в число обездоленных, униженных, отвергнутых. Умирают многие профессии, отживают целые отрасли хозяйства. Система свободной рыночной конкуренции пасует перед лицом технологического переворота, она не в состоянии обеспечить плавное переливание рабочей силы из одних отраслей и предприятий в другие.

Но самые опасные ожоги — ожоги первой степени, ожоги неизлечимые — современная технология вызывает в военном деле. Новая технология — это нерв новейшего военного производства, его движущая сила.

На Западе пишут о том, что все более стремительными темпами совершается техническая революция

в области вооружений. Утверждают, что 80-е годы — это период стремительных технических перемен в ракетостроении и приспособлениях к ракетам. На горизонте маячат бомбардировщики-«невидимки», способные запускать крылатые ракеты-«невидимки» и точные управляемые снаряды. Появляются чрезвычайно мобильные и необычайно точные системы доставки, развертывание которых уже начинается.

Американцы ставят вопрос о полной замене всего потенциала межконтинентальных баллистических ракет, производство которых стоило сотни миллиардов долларов. Но и это только первый шаг модернизации вооружений.

Самый крупный шаг, да что там шаг — скачок, даже прорыв в неведомое — это создание военных космических систем. Нам нет нужды гадать, что стоит за программой «звездных войн»: американцы надеются, опираясь на свои достижения, прежде всего в области электроники, а также используя потенциал Японии, добиться превосходства над СССР в военной области. Средства, предназначенные для так называемых «космических войн»,— противоспутниковые и противоракетные системы. Если быть совсем точным, то именно системы для уничтожения ракет противника представляют собой новое слово технологии завтрашнего дня. Противоспутниковые средства были известны и раньше.

В Вашингтоне идет острая борьба вокруг военных космических программ, прежде всего программы СОИ. Прежняя американская администрация взяла курс на осуществление таких программ. Рассчитанные на четыре этапа, завершение которых наступит в XXI столетии, эти программы предположительно будут стоить более одного триллиона долларов. Научные эксперты полагают, что понадобится примерно 2400 боевых орбитальных станций, оснащенных лазерами. Но и при этих условиях их эффективность, по оценкам американских специалистов, едва ли достигнет 60—80 процентов перехвата боеголовок. Кроме того, изучаются и другие системы так называемого оборонительного оружия, предназначенные для уничтожения боеголовок как на стартовом участке траектории, так и на других. Например, система оружия с использованием «кинетической энергии» предполагает создание ракет-перехватчиков и орудий для стрельбы со сверхвысокими начальными скоростями.

Армия и военные монополии могут быть спокойны: дел у них будет по горло, им не придется униженно искать заказы на рынке по производству компьютерных игрушек. Да что там говорить — именно теперь наступает звездный час в буквальном смысле этого слова. Вперед, к звездам, чтобы сильнее обрушиться оттуда на Землю...

Но дело не только в военных космических программах. Технологический переворот распространяется на обычные виды вооружений, особенно в связи с применением мини-компьютеров, новых материалов, более совершенной оптики. За послевоенный период сменилось примерно пять-шесть поколений такого оружия. Теперь на очереди ряд модернизаций, которые охватят, в сущности, все виды обычных вооружений: самолеты, танки, орудия, минометы, автотранспорт, автоматы — словом, все военные средства, которые использовались в многочисленных войнах стран несоциалистического мира после второй мировой войны.

Это сулит новый соревновательный бум в мировой торговле оружием. А возможно, и перераспределение ролей его поставщиков. США, которые продают львиную долю всего поступающего на мировой рынок оружия, конечно, сохранят свой приоритет в этом занятии. Далее идут СССР, Франция, Англия, Италия, Бразилия. В обозримом будущем, по-видимому, относительно увеличится доля Японии и ФРГ, особенно в поставке новейших стратегических материалов, прежде всего электроники. Японцы уделяют особое внимание работам в области противоракетной обороны, контроля за морскими коммуникациями, ведут испытания танка, который полностью обслуживается роботами и компьютерами, а также ракеты «земля — море» и др. Одним словом, военные игры в странах капиталистического мира получают могучий импульс.

«Мисс текнолоджи»

Острый ожог — возможно, пока еще ожог второй степени — получили взаимоотношения между капиталистическими центрами промышленной мощи — США, Японией, Западной Европой. Развернулась борьба: кому предстоит стать «мисс текнолоджи» и утвердиться на самом пике новой технологической революции. Электронные, информативные, стальные, сельскохозяйственные войны стремительно меняют соотношение сил между промышленными гигантами.

В технологической войне схватились в первую очередь два крупнейших государства современного капиталистического мира — США и Япония. Если США все еще превосходят Японию по объему промышленного (не говоря уж о сельскохозяйственном) производства, то Япония превосходит США в ряде наиболее современных видов производства, прежде всего в области электроники.

Как сообщила 12 апреля 1987 года «Нихон кэйдзай», Япония со времени выхода на международную арену в качестве современного государства действовала под девизом развития технологии и считала данное направление своей национальной политикой. Это естественно для страны, которая по размерам территории находится на 50-м месте в мире, имеет огромное население в 120 миллионов человек и обладает весьма скудными запасами энергетических ресурсов и сырьевых материалов. Взяв за образец довоенную Англию и послевоенную Америку, Япония, стремясь «догнать и перегнать» эти страны и стать «фабрикой мира», прилагала усилия для повышения своей международной конкурентоспособности и развития технологии.

Во время вступления в войну на Тихом океане валовой национальный продукт (ВНП) Японии составлял всего лишь десятую часть ВНП США. В настоящее время размеры ВНП Японии превышают половину американского. Если страна, располагая таким огромным экономическим потенциалом, будет по-прежнему заниматься массовым выпуском продукции, вдвое превосходящим по объему внутренний спрос, и экспортировать половину изделий в Америку и Европу, то это, естественно, вызовет торговые противоречия в тех областях, где рынок уже близок к насыщению.

Если взять, к примеру, полупроводники, то на Японию приходится 60 процентов мирового экспорта запоминающих устройств с емкостью памяти 64 килобита и 90 процентов устройств с емкостью памяти 256 килобит. Доля Японии на мировом рынке в этой области чрезвычайно велика. К тому же сейчас японские компании ускоренными темпами разрабатывают более емкие устройства — с памятью 1,4 и даже 16 мегабит. Высокая доля Японии в мировом экспорте станков с числовым программным управлением также становится проблемой в странах Западной Европы.

Япония стала сейчас одной из ведущих стран в области научно-исследовательских работ. Ее капиталовложения в эту сферу составляют 10 процентов мировых.

В отношении Японии американцы и западные европейцы испытывают острое чувство, где зависть крепко перемешана с отчаянием. «Центр мира перемещается в Азию», «Япония — это страна XXI века», «Бесчестная игра азиатов душит американскую промышленность» — такими заголовками и сентенциями пестрят статьи и книги в странах Запада. Чего же так испугались представители белой расы? Утраты векового господства над азиатами? Не только этого. Они испугались тайны, которая стоит за технологическими успехами Японии. Как и прежде, японцы работают продуктивнее, чем американцы,— неведомо почему, и это вызывает особое раздражение и особое беспокойство. И есть от чего волноваться. Судите сами.

В книге, специально посвященной американо-японскому соперничеству, под заглавием «Удивительная раса» У. Дэвидсон пишет: «США ведут одновременно две войны: в области вооружений с Советским Союзом, а в области промышленности с Японией. Для обеспечения как военного, так и промышленного превосходства США жизненно важное значение для них имеют техника и технология информации (информатика и средства связи). Японцы за несколько лет захватили 15 процентов американского рынка оргтехники, 40 процентов рынка электронного ширпотреба, 100 процентов рынка видеомагнитофонов, 10 процентов такого важного рынка, как компоненты для электронного оборудования». Дефицит США в торговле с Японией достиг 150 миллиардов долларов.

Газета ФРГ — «Цайт» рассказывает о новом этапе борьбы западноевропейских и японских монополий в области радиоэлектроники. Связан он с новой системой передачи и записи звука — так называемой цифровой. Отличается эта система, как известно, тем, что никакие помехи, искажения, неизбежно присутствующие в передаваемых или записываемых электромагнитных колебаниях, не влияют на конечный результат — абсолютно точное воспроизведение звуковых колебаний. На этой основе еще в 1983 году были созданы в Западной Европе (фирмы «Филипс», «Бертельсман») так называемые компакт-диски (КД) диаметром не более 12—13 сантиметров и с исключительным качеством и продолжительностью звучания. Однако ныне фирма «Сони» выпустила

миниатюрные магнитофонные кассеты размером 73—54 миллиметра и магнитофоны к ним, работающие на том же принципе. Это внесло панику среди производителей КД — ведь магнитофонная лента отличается от диска тем, что запись на ней можно стирать и наносить заново. Кто же будет покупать диски, если можно сделать перезапись с диска у соседа? Сейчас отчаянная борьба между фирмами в самом разгаре.

Американцы обвиняют японцев в нечестной игре. Это проявляется, по словам американцев, в том, что японцы будто бы получают не менее 40 процентов своих сведений о технологических новинках посредством технологического шпионажа. Но и американцы не остаются в долгу. В газете «Вашингтон пост» сообщалось, что «ЦРУ распорядилось о выплате взяток на сумму 55 тысяч долларов с целью получения чертежей с описанием секретной технологии, которая используется в Японии в скоростном наземном транспорте, а именно на самой скоростной в мире монорельсовой системе». Технологический шпионаж стал государственной мафией в наше время. Это одна из быстро растущих «отраслей» и в сфере государственного управления, и в частных фирмах в капиталистических странах.

Львиное содружество

Кто успевает в науках, но отстает в нравах, тот больше отстает, чем успевает, говорили в старину. Увы, это правда и в наш технотронный век. Лозунг «горе побежденным» нередко оборачивается как «горе победителям», которых растлевают нравственная эрозия, национальный эгоизм, поклонение чистогану. «Роботизация» нравственных отношений между американцами и их прародителями — англичанами, голландцами, немцами, французами — идет в чрезвычайно быстром темпе.

Символом нового типа экономических отношений между ними стал торгово-валютный «рейганизм». Иными словами, беспредельный американский эгоизм, не считающийся ни с кем и ни с чем. Завышенные ставки доллара, протекционизм в отношении американских товаров, рост процентной ставки — только вершина того айсберга, который катится из Атлантики в Европу. Америка превыше всего — ведущий принцип политики США, и страны Западной Европы попали в число первых жертв этой политики.

Величайшее несчастье быть счастливым в прошлом. Это в полной мере ощущают сейчас развитые страны Западной Европы, которые все более отстают в мировой технологической гонке.

Французский ежемесячник «Монд дипломатик» писал: «Европа сошла с ума. Она умирает. Настало время готовиться к ее похоронам. Нет смысла желать ее смерти: она умрет сама собой под ударом научного и экономического прогресса, достигнутого ее конкурентами».

Хочу успокоить западных европейцев: Западная Европа не умрет, но действительно умирают ее вековые претензии на роль вершительницы судеб мира. И серьезный удар был нанесен в той сфере, что некогда была символом величия Европы и предметом зависти всего цивилизованного мира: в науке, технике, технологии. Возможно, что спасение — в создании общего европейского дома странами Западной и Восточной Европы.

В ходе «стальной войны» члены «Общего рынка» потребовали, чтобы США выплатили им компенсацию в размере 570 миллионов долларов за убытки, понесенные в результате дополнительных ограничений на импорт стали в США. Но американцы, конечно, отвергли это требование, объявив его «нелепым».

Другой фронт новой технологической войны — сельскохозяйственная продукция. Здесь особенно остро столкнулись интересы США и стран Западной Европы.

Технологическая колонизация

Промышленные гиганты пытаются навязать всему несоциалистическому миру модели, существующие внутри капиталистических стран: супербогатые, просто богатые, средние, бедные, нищие страны. По их милости 70 процентов людей на Земле застряли на этапе первой промышленной революции или даже на предшествующих этапах. Многие из них заняты примитивным земледелием, охотой и собиранием плодов, подобно тому как это делали их предки тысячу лет назад.

Правда, некоторые из развивающихся стран выбились в люди и заняли место средних промышленных держав. Но какой ценой? Ценой экономического подчинения империалистическим центрам. Они напоминают человека, который держит волка за уши: их все более затягивает пасть транснациональных монополий, международных банков и валютных фондов, растущих долгов.

Посмотрите, кто больше всего задолжал Западу: именно те, кто с таким трудом пытается создать свои периферийные центры экономической мощи. Бразилия является страной с самой большой внешней задолженностью в мире — 111 миллиардов; за ней следует Мексика — 100 миллиардов; Аргентина — 52 миллиарда и Южная Корея — 42,8 миллиарда долларов. Сравнивая эти цифры, можно понять, в чем источник глубокого финансового кризиса, который переживают названные и еще 25 других развивающихся стран. Они буквально задыхаются от долгового бремени. Происходящий технологический переворот не только не ослабляет, а обостряет проблему. Закупки новой технологии, а также оружия привели к стремительному росту задолженности развивающихся стран США, Западной Европе и Японии. Их долги превысили тысячу миллиардов долларов. Господство в электронике, информатике, атомной энергетике, ракетостроении и других видах передовой технологии становится орудием перекачивания ресурсов, превращения менее индустриально развитых стран в сырьевые придатки более развитых, информационной экспансии. На наших глазах технологическая помощь служит средством политической и даже социальной переориентации многих стран развивающегося мира.

Все более остро стоит перед развивающимися странами продовольственная проблема. В статье итальянского журналиста Тито Сансы под характерным названием «Голодать, утопая в зерне» справедливо утверждается, что сейчас в мире производится столько продовольствия, что вполне достаточно, чтобы ни один человек не знал голода. Но, несмотря на это, миллиард человек (иными словами, пятая часть всего человечества) страдает от недоедания. Таковы гримасы второй «зеленой» революции.

Опасное явление — растущая «колонизация» западными средствами массовой информации развивающихся стран. Один из известных африканских деятелей, Кристофер Насименту, так характеризовал это явление: «Это возрождает колониализм, причем гораздо более эффективно. Первый мир осуществляет контроль, третий мир лишен такого контроля. Представление о мире создают западные средства информации». Так оборачивается информационная революция для развивающихся стран. А на очереди еще глобальное телевидение, которое Запад всеми силами пытается ис-

пользовать для культурного проникновения в другие страны.

Отсюда можно видеть, почему так остро и актуально звучат идущие от развивающихся стран предложения о новом экономическом порядке, о демократизации информационного порядка, о преодолении неоколониализма, идущего рука об руку с технологической помощью.

Какова же мораль и каков выход? Выход состоит во все более активных усилиях социалистических стран, а также развивающихся государств по овладению самыми последними достижениями науки и техники. Только при этом условии новая технологическая революция действительно станет общечеловеческим достоянием. Кроме того, ее течение и последствия для стран, народов и континентов должны все больше регулироваться международными средствами — через ООН, ЮНЕСКО, международные экономические организации, через развитие сотрудничества между центрами технологической мощи с учетом интересов всех народов и государств. И тогда человечество сможет воспользоваться плодами технологического переворота и свести на нет его угрозы.

Глава III
ФАУСТ ИЛИ ПРОМЕТЕЙ!

«Если выбирать между Фаустом и Прометеем, я предпочитаю Прометея» — эта сентенция принадлежит Бальзаку, и заявлена она со свойственной ему бескомпромиссностью суждения.

Между тем весь ход развития человечества показывает, что дилемма не так проста и выбор вряд ли может быть так однозначен. Прометей, открывший, если верить легенде, секрет огня человеку, стал великим символом технических и научных достижений цивилизации. Фауста же волновала проблема смысла земного существования и поиска счастья человека.

Конечно, идеальное решение — это объединение обоих начал. Но как раз этот симбиоз оказался совсем не простым делом. И не случайно предшественник Гёте Жан-Жак Руссо в специальном трактате доказывал, что прогресс науки и техники не только не способствовал улучшению, а, напротив, сильно ухудшил нравы. В другом трактате он раскрыл социальные причины этого

странного феномена, видя их в общественном неравенстве.

В наше время дилемма заострилась необычайно. Большие, средние и крошечные Прометеи бесконечно снабжают человечество все новыми и новыми, захватывающими дух техническими игрушками. Позавчера это был пароход, вчера — самолет, сегодня — ракета, завтра — полностью автоматизированный завод, управляемый мини-компьютером величиной с мизинец.

Но что происходит при этом с обществом и с самим человеком? Становится ли ему лучше, легче и интереснее жить? Обретает ли он новое духовное богатство и, наконец, положенную ему природой простую радость бытия на Земле? Увы, об этом редко задумываются творцы научного и технического прогресса на Западе. Иначе разве они начали бы современную НТР с изобретения атомной бомбы?..

Будущее приходит быстро

Я подумал обо всем этом в связи с теми дискуссиями, которые сейчас снова вспыхнули в США и Западной Европе вокруг социальных последствий нынешней технологической революции. Больше всего размышлений и споров вызывает в этом контексте развитие миниэлектроники, информатики, биотехнологии. Ну а впереди уже просматривается новая, еще более экзотическая область — космотехнология.

Все эти направления тесно связаны между собой, но каждое имеет, разумеется, свой самостоятельный выход в социальную сферу. Поэтому их общественные последствия обычно рассматриваются раздельно. Мне же хотелось бы попытаться свести вместе и сопоставить выводы представителей различных наук по этим проблемам.

Остановлюсь на дискуссиях, организованных в 1985 году тремя крупными западными журналами. Еженедельник «Ньюсуик» привлек самых известных футурологов для обсуждения темы «2000 год». Особое внимание здесь уделено развитию так называемой «домашней электроники» и того влияния, какое она окажет на общественные и семейные отношения. В дискуссии приняли участие известный нам О. Тоффлер, Айзек Азимов, известный писатель-фантаст, автор более 300 книг, профессор биохимии Марвин Сетрон, президент международного центра прогнозирования, приобретший известность своими

книгами «Встреча с будущим», «Рабочие места в будущем».

Другой журнал — «Сьенс э ви» опубликовал обширную статью «В поисках профессий 2000 года: консьерж, водитель грузовика или официант?»

Еще одна заинтересовавшая меня дискуссия на тему «Может ли технология изменить общество?» была организована ежемесячником «Монд дипломатик», который семь полос своего июньского номера за 1985 год посвятил проблемам биотехнологии.

Участники этих дискуссий нарисовали достаточно яркую и впечатляющую картину современного научного и технического прогресса. Но вот что огорчает и разочаровывает, когда читаешь о результатах проведенных исследований,— поразительная бедность суждений по вопросу, которому посвящены дискуссии, а именно: что же произойдет с обществом и человеком в 2000 году и дальше — в XXI веке? Впечатление такое, будто люди отправляются в полет с завязанными глазами. Все чувствуют, что происходит нечто грандиозное, но никто не знает, чем обернется дело в будущем.

Вы помните прекрасную балладу Гейне об историческом споре, который вели между собой представители двух религий — христианской и иудейской? Так вот нынешние дискуссии о XXI веке несколько напоминают религиозные диспуты, участники которых проповедуют полюбившиеся им идеи, слабо связанные с реальными фактами. Лично мне, признаться, больше импонирует то, что сказал Эйнштейн: «Я никогда не думаю о будущем. Оно приходит само достаточно скоро». Увы, этому правилу следуют немногие.

Западная футурологическая мысль сейчас переживает, пожалуй, голубой период: она настолько вознеслась над грешными проблемами Земли, настолько «отлетает» от действительности и настолько пробавляется интеллигентными словечками о переворотах, сдвигах, мутациях, радикальных переменах, что только цвет неба может считаться соответствующим ее нынешнему духу.

Образчиком таких настроений могут служить идеи известных футурологов. Например, Марвин Сетрон, подобно Тоффлеру, исполнен оптимизма: «К 2000 году высокий уровень технической революции затронет все специальности и профессии и создаст бум в области создания новых рабочих мест». Айзек Азимов предсказывает: «Служащие 2000 года, возможно, будут вынуждены

лишиться половины своего оклада, для того чтобы обзавестись всем необходимым для нового образа жизни. Те люди, чью работу будут выполнять теперь компьютеры, должны будут переквалифицироваться».

Но вот в такое маниловское занятие футурологов вторгается холодная струя расчета. Дело прогнозирования социальных сдвигов технологической революции берут в свои руки экономисты. И расчеты их производят удручающее впечатление.

Да, они тоже отдают должное новой «электронной цивилизации». Но что происходит при этом в сфере труда, можно видеть из следующих примеров. Владелец одного швейного предприятия в Великобритании установил в цехах электронное оборудование и автоматизировал операции по маркировке и раскрою ткани. Число работников на его предприятии сократилось с 200 до 20. Во Франции на одном из предприятий были установлены роботы для покрытия лаком дверей и шкафов. Удалось вдвое снизить расход лака. В то же время количество работников сократилось со ста человек до шести.

Растущая безработица в капиталистическом обществе наносит основной удар по молодым людям, которые в промышленно развитых странах составляют по-прежнему от 22 до 60 процентов безработных. Еще выше эта цифра для развивающихся стран, в которых армия безработных на 27—73 процента состоит из юношей и девушек моложе 25 лет...

Но дело не только в том, что технологическая революция похищает работу. Не менее драматично то, что она обрекает трудящегося человека, в сущности, только на обслуживание машины. Микроэлектроника освобождает человека от физических усилий, от монотонных и опасных работ — и в этом ее достоинство. Но она берет на себя функции человеческого интеллекта и многие его навыки к труду.

В полиграфии передача текстов через спутник, а также электронная верстка полностью обесценивают традиционное ремесло линотипистов и наборщиков. То же самое происходит и в механике. Роботы присваивают себе квалификацию шлифовальщиков, токарей и фрезеровщиков. Особенно агрессивно роботы ведут себя в чертежной области. Здесь они в ближайшее время полностью заменят человека. В области технического черчения, картографии, при составлении архитектурных планов, стилистических схем компьютер работает лучше человека.

И даже когда рабочий управляет автоматизированной системой, он превращается в простого ассистента промышленного робота. Его задача нередко сводится к включению и выключению машины. Сама машина диктует ему свою волю и навязывает свое решение. Уже сейчас имеются нефтеперерабатывающие заводы, энергетические станции, поезда с автоматическим управлением, где роль рабочего заключается лишь в том, чтобы следить за исправностью системы. Это очень напряженная работа, поскольку всякая неисправность может привести к катастрофе, но от работника не требуется никаких профессиональных талантов, а только выносливость нервной системы.

Авторы статьи «В поисках профессий 2000 года...» пишут, что первые итоги технологической революции выглядят таким образом:

в активе — выигрыш в производительности труда, постепенное исчезновение тяжелых и опасных работ;

в пассиве — утрата рабочих мест и все более посредственное качество работ, в которых подлинная компетентность уже не требуется.

«При наличии небольшой прослойки технократов,— пишут авторы,— основная масса тружеников состоит из более или менее пассивных контролеров, от которых не требуется даже, чтобы они знали, как устроена внутренняя программа, которую они обслуживают». Предсказывают, что в мире завтрашнего дня только для одной профессии из 10 потребуются знания и только одно место из 20 будет иметь отношение к высокоразвитой технике. И вот сенсационный вывод исследователей: к концу века самые большие перспективы открываются для следующих специальностей — консьержи или сторожа зданий, кассиры, секретари, письмоводители, медсестры, официанты, учителя и воспитатели в детских садах, водители грузовиков, санитары в больницах.

Подлинный шок в американском общественном мнении вызвали прогнозы лауреата Нобелевской премии Василия Леонтьева. Он утверждает, что к 2000 году в результате распространения новой технологии в США сократится не менее чем на 20 миллионов рабочих мест. Это составляет 11 процентов всех рабочих мест в американской экономике. Еще хуже будет обстоять дело после этого рубежа. К 2200—2230 годам, по расчетам Леонтьева, обществу придется иметь дело с ситуацией, когда часть активного населения Америки будет обеспечена работой,

а другая полностью отдана во власть безработицы. Самой острой проблемой в обществе станет проблема самой работы. «С чисто технической точки зрения,— пишет Леонтьев,— этот процесс во многом аналогичен тому, что происходило 50 лет назад в сельском хозяйстве, когда лошадей начали заменять тракторами: постепенно эти «исправные слуги» были охвачены технической безработицей, а затем полностью исчезли с полей и ферм».

И все же свой анализ авторы статьи пытаются закончить на оптимистической ноте: «Следует ли из этого заключить, что мы готовим своим детям беспросветное будущее? Конечно нет. И по многим причинам. Во-первых, потому, что экономисты не пророки, их предвидение не слово божье. Кроме того, не все экономисты согласны друг с другом».

Слабое утешение! В сущности, у авторов не хватило смелости сделать действительно серьезные выводы из приводимых ими самими бесспорных данных. Попробуем это сделать за них.

Критерии прогресса

Если научно-технический прогресс является целью, а не средством, тогда Запад действительно создает совершенную «электронную» цивилизацию. А что, если раскрытие секретов природы есть только средство, а целью является человек, его развитие, его счастливое существование на Земле? Тогда «электронная» цивилизация должна быть решительно дополнена поиском социального и нравственного идеала.

А разве не об этом же говорят экологические последствия НТР? Трагедия с Чернобыльской АЭС заставила людей во всем мире заново оценить преимущества и угрозы, которые несет с собой мирное использование ядерной энергетики. После потрясения, вызванного первыми сведениями о результатах этой трагедии, о погибших людях, об испорченных урожаях, об эрозии почвы, началось по нашей инициативе серьезное обсуждение проблем международной безопасности и сотрудничества в этой области. Многие меры уже приняты. Но немало сложнейших проблем еще осталось. Вот одно из свидетельств остроты этой проблемы.

Западногерманский журнал «Шпигель» опубликовал статью об авариях на атомных электростанциях. В ней

утверждается, что уже неоднократно человечество оказывалось на волосок от катастрофы. Это стало ясно на основании докладов о 48 авариях, засекреченных Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) в Вене: многие из аварий произошли по самым невероятным, глупейшим поводам, начиная от Соединенных Штатов и Аргентины и кончая Пакистаном...

397 ядерных реакторов эксплуатируются сейчас во всем мире в 26 государствах: 99 — в США, 50 — в СССР, 49 — во Франции, 21 — в ФРГ. Свои ядерные реакторы имеют и такие страны, как Пакистан и Южная Корея. Почти каждая из этих стран (скрывая это от общественности) проинформировала МАГАТЭ хотя бы об одной аварии, правда, ни одна из них не протекала так трагично, как в аргентинском городе Эмбальсе. Ведь там после отказа насосов положение обострилось еще больше: оставшаяся во вторичном контуре вода продолжала нагреваться...

«Планета наносит ответный удар». Под этим заголовком журнал «Штерн» (№ 36, 1985 г.) публикует большую и обильно иллюстрированную статью о небывалом увеличении — как по числу, так и по размерам — природных катастроф за последние несколько лет. Хотя эти явления мы продолжаем считать стихийными, говорит журнал, но у них есть совершенно определенная причина — разбойничье отношение к природе, неоправданное вмешательство человека в естественные законы. По подсчетам Красного Креста, число стихийных бедствий на Земле увеличилось с 43 в 1960 году до 81 в 1979 году. За 70-е годы больше всего пострадали люди — от засухи (244 млн чел.), наводнений (154 млн), тропических ураганов (28 млн), землетрясений (12 млн). Число погибающих за год увеличилось в 6,5 раза. Журнал приводит жуткие примеры последствий неразумного вмешательства человека в экологическую систему.

Наконец, надо сказать о демографической проблеме. К середине 1987 года население нашей планеты достигло 5 миллиардов человек. Эти данные приводятся в распространенном в Женеве ежегодном докладе Фонда ООН по деятельности в области народонаселения.

Согласно этому докладу, население земного шара возрастает каждую минуту на 150 человек и соответственно на 220 тысяч в день и на 80 миллионов в год.

В результате этого к концу нынешнего века в мире будет проживать 6 миллиардов человек, а к 2010 году их станет 7 миллиардов и в 2020 году — 8 миллиардов. В основном прирост населения будет происходить за счет развивающихся стран. К концу XXI века численность населения планеты, по прогнозам, стабилизируется в пределах 10 миллиардов человек. В докладе также отмечается, что в настоящее время средняя продолжительность жизни человека составляет 60 лет.

Итак, глобальные проблемы обостряются. Это очевидно. Каково должно быть наше отношение к ним? В конце концов, все дело сводится к тому, что мы понимаем под прогрессом человеческого общества. Боюсь, что современная западная мысль заметалась в растерянности перед феноменом технологической революции именно потому, что она утратила эти критерии, и день сегодняшний, как это ни странно, значительно уступает дню вчерашнему и даже позавчерашнему в общественном сознании буржуазного общества. Вот что говорил известный американский философ и поэт Ральф Уолдо Эмерсон, который жил и творил в середине прошлого века: «Истинный показатель цивилизации — не уровень богатства и не величина городов, не обилие урожая, а облик человека, воспитываемого страной».

Это был ясный критерий, и критерий высоконравственный. Он ставил в центр прогресса развитие всего лучшего, что заложено в человеке природой, и мерил уровень цивилизованности именно этой мерой.

В эпоху, которая непосредственно предшествовала нашему времени, Франклин Рузвельт тоже выдвинул свое понимание цели общественного развития: «Наш прогресс проверяется не изобилием у тех, кто уже имеет много, а тем, способны ли мы достаточно обеспечить тех, кто имеет слишком мало». Если бы Олвин Тоффлер и Айзек Азимов попытались приложить эти два критерия к современному американскому обществу, то наверняка пришли бы к пессимистическим выводам. Главной жизненной целью для подавляющего числа американцев, да и для жителей других стран Запада стало потребление вещей — свой домик, своя машина, свой компьютер. А главным признаком нового общественного сознания становится равнодушие к обездоленному меньшинству, где каждый десятый член общества — безработный, а едва ли не четверть населения живет за пределами черты бедности.

Иными словами, Эмерсон и Рузвельт декларировали определенный социальный идеал. С нашей, марксистской точки зрения, это идеал ограниченный, поскольку он основывается на сохранении частной собственности. Но все же это была какая-то нравственная модель, которая не сводила дело к получению жизненных благ и погоне за деньгами, а тем более к пренебрежению к нуждам значительной части общества.

Сейчас мировая философская мысль резко уступает мысли естественнонаучной и технической. Видимо, история выдвигает на передний план то одну, то другую ипостась человеческого гения. И если в нашу эпоху нет Шекспира, Леонардо да Винчи, Гегеля, то имеются Эйнштейн и Винер. Технический гений явно подавил гения художественного, а быть может, и философского...

Расплата — элитаризм

Куда же действительно идет индустриальный Запад? Прежде всего я убежден, что это общество сделало свой выбор, и сделало его на длительную перспективу. Вслед за Бальзаком оно решительно предпочло Прометея и пренебрегает Фаустом. Буржуазное общество захвачено технологической гонкой, независимо от тех социальных, политических и военных последствий, к которым она приведет. Конкуренция и погоня за прибылью делают свое дело повседневно и ежечасно, не оглядываясь на предостережения умных футурологов. Конечно, технологический прогресс многократно увеличивает производительность труда, разнообразие товаров потребления, коренным образом меняет материальные основы человеческого существования. Но что происходит с общественными отношениями? Вот поистине главный вопрос западной цивилизации.

Думается, что XXI век уже в своем начале усилит элитаризм буржуазного общества. Технологический прогресс при сохранении нынешней структуры западных обществ еще более укрепит и сделает еще более непреодолимыми барьеры, разделяющие различные социальные группы. Наряду с элитой богатства и власти все более будет укреплять свое положение и влияние технологическая элита, которая образует замкнутую касту по примеру индийских браминов. В то же время компьютерная автоматизация и биотехнология будут расширять в объеме две социальные группы людей исполнитель-

ского труда, подчиненных машинам. Эти группы будут страдать больше от недостатка престижа, чем ранее от бедности.

Первая группа — работники, обслуживающие машины, с достаточно низким образованием и общественным статусом. По-видимому, она будет насчитывать не менее 20 процентов среди работающих в обществе. Вторая группа — обслуживатели обслуживателей: сторожа, официанты и др., о которых пишет В. Леонтьев. Эта группа, наверное, тоже в начале века будет занимать не менее 15 процентов. И наконец, группа париев, навсегда лишенных работы. Эта группа при нынешних темпах роста будет включать к концу века в себя не менее 15 процентов, если не будут предприняты энергичные меры в области социального планирования.

Все это не обязательно означает снижение уровня потребления. При растущем изобилии товаров будет нетрудно бросать куски с пиршественного стола всем слоям. Но это не только не уменьшит, а еще более подчеркнет бедственное положение людей, которые получают подачки за то, что не работают.

Простые прислужники машины или отвергнутые даже ею, эти группы населения будут главными жертвами технологической революции. Как будет чувствовать себя при этом элита? В какой степени она будет ощущать накал страстей, возникающий среди ее антиподов? Какие буферные решения она предпримет для спасения стареющей общественной структуры? Все это покажет будущее.

Если раньше мы говорили, что богатые становятся все богаче, а бедные — все беднее, то теперь можно сказать, что привилегированные становятся все более привилегированными, а обделенные становятся еще более обделенными. Я имею в виду не только распределение доходов, но и такие параметры качества жизни, как распределение образования, общественного статуса, участие в управлении, моральное удовлетворение трудом.

Иными словами, элитарность в буржуазном обществе усилится и приобретет еще более драматические черты. И тогда особенно остро встанет подлинно социальный вопрос — о необходимости радикального изменения всей общественной структуры.

Еще хотелось бы сказать несколько слов о некоторых уроках, которые следуют из зарубежного опыта для нас. Первый и главный: мы должны ясно представлять себе

не только те гигантские возможности для развития производительных сил и народного благосостояния, которые сулит новая технологическая революция, но и сложные проблемы, возникающие в процессе ее проникновения в ткань общественной жизни. Это и проблемы переобучения и профессиональной переориентации больших групп работников; это и проблемы мелких предприятий, а также развития надомных форм трудовой деятельности; это и проблемы компьютеризации управления и радикального изменения характера труда служащих; это и экологические и многие другие проблемы. Совершенно очевидно, что намечаемые у нас планы технологической модернизации должны уже сейчас дополняться глубоко проработанными научными планами социальных изменений. Тогда мы сможем на деле использовать достижения технологической революции и свести на нет сопутствующие ей негативные явления, так, чтобы Прометей и Фауст дополняли, а не противостояли друг другу.

Глава IV

ЯПОНСКИЙ ФЕНОМЕН

Автор этих строк несколько раз посещал Японию. И пожалуй, главное, что привлекало его внимание,— это технологический переворот, одним из пионеров которого выступает эта страна.

Каковы основные приметы этого переворота, чем он стимулируется, какое влияние он оказывает на позицию Японии в современном мире, на духовную жизнь, культуру и стиль жизни его народа? Обо всем этом я беседовал со своими японскими коллегами-журналистами, учеными, а также менеджерами — руководителями крупных предприятий. Было бы нелегко воспроизвести все эти беседы, тем более что многие из имен моих собеседников ничего не сказали бы читателю. Поэтому я предпочел привести высказывания моих партнеров к одному общему знаменателю. Это японец-сан, или господин японец (назовем так условно моего собеседника), который представляет собой довольно типичную фигуру среди японских интеллектуалов.

Вот он сидит передо мной, этот человек небольшого роста, с круглой, остриженной почти под бокс головой, с внимательными и немножко лукавыми глазами,

с неизменной японской улыбкой вежливости на лице, в своем стандартном светло-синем костюме, в бело-голубой рубашке и узком черном галстуке.

Итак, мы начинаем.

Автор. Уважаемый японец-сан! Признаться, мне очень хотелось бы проникнуть в загадку современной Японии. Посетив вашу страну, я увидел здесь города, которые своей архитектурой напоминают западные индустриальные центры, особенно американские, но в то же время отличаются от них. Невысокие прямоугольные здания, характерные для средних американских городов, но вокруг таких современных зданий сотни маленьких, как горошины, квадратных, типично японских домиков, которые облепляют эти здания, как лилипуты Гулливера. Дороги, эстакады, акведуки — ну совсем как в Европе. Но тут же традиционные японские парки с их асимметрией камней, с маленькими водоемами, в которых плавают карпы самых невероятных расцветок, мелкие, совсем крошечные наделы фермеров. Автомашины, поезда, самолеты, магнитофоны, компьютеры и другие изделия, типичные для индустриальной страны. И наряду с этим десятки тысяч изделий японских ремесленников-умельцев из фарфора, глины, кости, придающие необыкновенное своеобразие городским витринам.

Но главное даже не это. Меня, как и многих в нашей стране, занимает загадка того индустриального скачка, который сделала Япония за последние 30 лет,— от страны патриархальной, полуфеодальной до второй индустриальной державы капиталистического мира. Мы знаем, что кульминация так называемого японского «экономического чуда» осталась теперь уже в довольно далеком прошлом. В 1981 году Японию настиг экономический спад, от которого она едва начинает оправляться, сбрасывая с себя, как змея кожу, нерентабельные отрасли экономики — такие, как алюминиевая или нефтехимическая.

Но если я правильно понял, Япония теперь сосредоточила свое внимание не на общем глобальном росте промышленного производства, а на том, что получило название нового технологического переворота. Именно на этом поприще Япония рассчитывает дать бой всем современным цивилизованным нациям и, может быть, вырваться на самые передовые рубежи к началу следующего тысячелетия. Так вот, мне хотелось бы прежде всего проникнуть в тайну вашего национального характе-

ра, понять, какие силы действуют на японцев в их движении на пути к техническому прогрессу. И видят ли японцы какие-либо негативные последствия этого процесса в сфере социальных отношений, в области морали, в утрате культурных ценностей?

Японец-сан. Очень хорошо! Только, может быть, не стоит произносить слово «тайна», поскольку японцы не очень любят впускать в свой внутренний мир. А тем более в мир новой технологии. Как только мы слышим слово «тайна», нам хочется спрятаться, как жемчужине в ее раковину.

Автор. Да, я заметил это свойство японской натуры. Оно удачно сочетается с огромной любознательностью к чужим тайнам. В мире, наверное, нет более завзятых путешественников, чем японцы. В каком бы самолете я ни летал по миру, почти всегда там находились японские пассажиры. Любознательность стала, возможно, одной из отличительных черт современного японца. Любознательность в области последних достижений в науке, технике, медицине, борьбе за долголетие. Я рассчитывал, что здесь мне ответят любезностью на любезность. Однако этого не произошло, несмотря на все старания, мне не удалось побывать на самых современных японских предприятиях. Мне сказали, что это составляет едва ли не сокровеннейшие секреты Японии. Поэтому мне хотелось бы восполнить этот пробел беседой с вами.

Японец-сан. Я к вашим услугам.

Автор. Начнем с общей картины. Как бы вы определили то, что сейчас называют технологическим переворотом или компьютерной революцией?

Японец-сан. Мы, японцы, не любим таких пышных слов. И хотя у вас подозревают, что мы заимствуем все у американцев, однако это не совсем так. Мы проявляем сдержанность в словах и терминах. Зато стараемся сделать что-то конкретное.

Автор. И как это «что-то» выглядит? Могли бы вы сказать об этом для нашего читателя?

Японец-сан. Попробую. Совсем немножко. Самое главное в техническом прогрессе сейчас — это, пожалуй, новый уровень в производстве компьютеров, робототехники и микроэлементов. Вы хорошо знаете, что компьютеры уже сейчас широко используются в Японии, Соединенных Штатах, да и в других странах. Но то, что будет завтра, точнее, через 10—20 лет, превосходит любую научную фантастику.

Мы производим сейчас компьютеры пятого поколения. Среди них так называемые суперкомпьютеры, способные выполнять несколько сот миллионов операций в секунду. 24 японских проекта создания компьютеров пятого поколения уделяют главное внимание искусственному интеллекту. По-видимому, здесь кроется сердцевина того, что вы называете новой компьютерной революцией.

Автор. Декарт когда-то бросил фразу, которая стала исторической: «Я мыслю, значит, я существую». Это стало наиболее признанным определением особенностей homo sapiens, то есть человека, в отличие от любого другого существа. Можно ли считать, что сейчас, когда создан и совершенствуется искусственный интеллект, эта формула устаревает? Что и машина начинает мыслить?

Японец-сан. Я думаю, что в определенной степени это уже свершившийся факт. А завтра — завтра это уже просто станет обыденным явлением. Что может уже сейчас делать искусственный интеллект?

Компьютеры диагностируют болезни, причем с такой точностью, что в 80 процентах случаев врачи полагаются на их результаты. Компьютеры используются в геологии и эффективно помогают при поисках нефти и других полезных ископаемых. Создан некий «бионный нос», который способен различать тончайшие нюансы ароматов. Это изобретение должно принести большие изменения в парфюмерную и пищевую промышленность. Компьютер уже сейчас «читает» печатные материалы при помощи оптического устройства. При этом он выбирает ключевые слова и фразы и акцентирует на них внимание.

Особое развитие у нас получила робототехника. Япония сейчас впереди по количеству роботов. Уже в 1985 году у нас их насчитывалось примерно 32 тысячи, тогда как в США только 6300.

Автор. Я слышал и другие цифры.

Японец-сан. Но соотношение остается тем же: просто иногда затрудняются, какие машины относить к числу роботов. Если другие отрасли японской промышленности топчутся на месте, то промышленность по производству роботов в Японии растет не по дням, а по часам. Что делают роботы?

В Японии широко используются роботы-лесорубы. Они поднимаются на дерево по спирали с помощью системы колесиков и по пути цепной пилой отпиливают

ветки. Фирма «Хитати» недавно демонстрировала созданный ею портативный робот. Это невысокий металлический джентльмен, который движется по небольшой дорожке. Он может сам прийти на работу и достаточно мал, чтобы войти туда, куда не могут войти другие роботы. Он может передвигаться по гигантским стальным конструкциям, которые представляют собой каркасы больших судов, и производить сварку. Он может держать предмет весом до 5,5 фунта и манипулировать им. Его сенсорные датчики позволяют устанавливать те точки, где необходима сварка. А фирма «Судзумо» продает робот, который снабжен манипуляторами и захватами и используется для изготовления типично японских рисовых лепешек. Он готовит 1200 лепешек в час — в 3 раза скорее самого опытного пекаря. Фирма «Сэйю» устанавливает роботов-носильщиков для переноски товаров со складов. Фирма «Тосиба» произвела робот-хобот, который снабжен манипулятором длиной в 7 футов с восемью сочленениями и напоминает хобот слона. Этот робот предназначен для инспекции опасных мест на атомных электростанциях.

Роботы могут реагировать на внешние изменения, выносить суждения, вступать в общение с операторами, обрабатывать информацию. Очень скоро будет создана машина, способная видеть, слышать, обонять, осязать, распознавать устные команды и реагировать на них — на понятном всем языке. И кажется, нет сомнения в том, что где-то до конца века будут созданы такие системы, которые будут давать юридические, медицинские и финансовые советы, предсказывать погоду, проектировать здания, составлять ведомости, учить детей и контролировать сложные производственные процессы. Словом, в нашей многолетней программе исследований в области новейших компьютеров предусматривается создание совершенно новых машин с искусственным разумом и суперкомпьютеров, работающих в тысячу раз быстрее современных машин.

Автор. Меня восхищает тот несколько детский восторг, с которым говорят японцы о робототехнике, о компьютерной революции. Нет ли, однако, каких-либо новых угроз, которые несет эта революция в капиталистическом обществе, подобно тому как произошло с термоядом? Ну например, не стоит ли за этим какая-то новая волна в области военного дела, скажем в милитаризации космоса?

Японец-сан. Мы об этом как-то не думаем. Хотя, конечно, надо признать, что лазерное оружие, о котором очень много говорят в США, целиком зависит от совершенствования суперкомпьютеров.

Автор. Значит ли все это, что тот, кто раньше и лучше других научится производить самый совершенный компьютер, сможет претендовать на новую, быть может, господствующую роль в мировой экономике?

Японец-сан. Мы и об этом не думаем. Мы просто заняты производством, прежде всего в самых современных отраслях промышленности.

Автор. Но американцы не только думают, но и довольно громко и раздраженно обсуждают эту проблему. Пентагон запросил более миллиарда долларов на ближайшие пять лет для разработки сверхскоростных компьютеров и искусственного интеллекта. При этом не последнее место в аргументации военного ведомства занимали ссылки на опережающее развитие японской компьютерной техники. Они утверждают, что в этой борьбе не на жизнь, а на смерть победа достанется той стороне, которая сумеет создать наиболее компактные микроэлементы.

Японец-сан. Японские разработки идут в том же направлении. Думаю, что мы здесь достигли также не меньших успехов.

Автор. А как это может сказаться на развитии экономических отношений между США и Японией? Один крупный американский экономист говорил мне о том, что в торговле с Японией США выступают в качестве слаборазвитой страны. Две трети американского экспорта в Японию составляют сельскохозяйственные продукты, сырье и минеральное топливо. А 90 процентов японского экспорта в США составляют промышленные товары и оборудование. Активное сальдо японской торговли в США непрерывно растет.

Японец-сан. Здесь нет никакой драмы. Япония имеет в свою очередь большой дефицит в торговле с Канадой и Австралией. Одно перекрывает другое. Мы, страна со 120-миллионным населением, практически лишены собственных ресурсов. Мы завозим около 100 процентов нефти, 50 процентов продовольствия из-за границы. Кроме того, напрасно распространяют слухи о том, что Япония живет главным образом за счет экспорта, то есть за счет вывоза в другие страны. На самом деле мы экспортируем всего 13 процентов своего национального про-

дукта, тогда как Англия — 20,5 процента, Западная Германия — 26,7 процента, Канада — 29 процентов. Только США экспортируют меньше нас.

Автор. На Западе много пишут о так называемых нетарифных барьерах. Говорят и об импортных квотах, и о законах на закупку в первую очередь национальных товаров, и об административных тарифах. А больше всего — о каких-то неуловимых барьерах, которые отражают культуру японского народа, его психологию. Японец из патриотических соображений покупает товары японского производства и только в самых исключительных случаях — зарубежные товары. Верно ли это?

Японец-сан. Не знаю, быть может, в этом есть какая-то доля истины. Мы, японцы, на наших маленьких островах должны быть очень сплоченными. В 380 милях от нас гигантский Китай с его миллиардным населением. И совсем близко — могучий Советский Союз. А на дальних рубежах за океаном — наши друзья и конкуренты в экономической борьбе. Нам не устоять на ногах, если мы не будем действовать как единая нация.

Автор. Абсолютно не уверен, что это возможно в классово расколотом обществе, каким является Япония. Но здесь мы, кажется, подошли к особенно интересующему меня вопросу: в чем на самом деле секрет такой невероятной «входимости» японца в современную техническую цивилизацию?

Я нередко слышал на Западе суждения о том, что Япония удачно соединила феодализм с самым современным капитализмом. Именно этот союз породил грозную машину. К числу «преимуществ» феодализма в этом смысле многие относят приверженность к иерархии, покорность власти, лояльность и почтительность, исполнительность в отношениях на предприятиях, внутри компаний и фирм, традиционное трудолюбие и нетребовательность японцев. Все это умножено, по мнению экспертов, на необычайную индивидуальную мобильность и активность и замешено на типично японском патриотизме, который раньше находил выход в военной экспансии, а теперь — в экспансии экономической. Что вы скажете об этом?

Японец-сан. Запад преувеличивает нашу загадочность. Имеются довольно простые объяснения особенностей нашей экономической системы и характера японца как работника. Я назову лишь некоторые из этих особенностей — не в порядке их значимости, потому что мне

трудно отдать предпочтение тому или иному фактору. Эта проблема не всегда ясна нам самим.

Первая причина — историческая. Вы, конечно, знаете, что еще в 60-х годах прошлого века мы совершили свою революцию. Как раз тогда Япония вышла из изоляции. Она повернулась лицом ко всему миру. Первое, что она стала делать,— это заимствовать западную технологию, западную промышленность и систему образования.

Японцы всегда были склонны к заимствованиям в духовной сфере. Буддизм к нам пришел из Индии. Конфуцианство — из Китая. Мы воспринимали все эти учения и «японизировали» их на свой лад. То же самое началось в конце прошлого века в области техники, науки, образования. Сейчас на конкурсах среди школьников японские юноши и девушки почти всегда занимают первые места, опережая своих сверстников из США и Западной Европы как раз в области естественнонаучных и технических знаний. Мы, кажется, раньше других достигли всеобщего среднего образования, которое тесно связано у нас с приобщением к самому современному научному и техническому уровню.

Но образование не рассматривается как решающий фактор для карьеры человека. Главное — это активность, изобретательность, лояльность. Каждая компания или фирма, принимая на работу человека, даже получившего лучшее университетское образование, устраивает ему собеседование или экзамен и ставит на самую низшую должность, предлагая проявить себя либо как изобретательного инженера, либо как умелого коммерсанта, либо как менеджера. Все его продвижение зависит исключительно от его деловой хватки. Я думаю, вы знаете, что в Японии почти во всех компаниях и фирмах существует пожизненный наем работников. Поступающий делает свой выбор один раз и на всю жизнь. Он принимает на себя обязательства в отношении фирмы, которая в свою очередь принимает на себя обязательства в отношении его личной судьбы.

Автор. Быть может, это как раз один из институтов, который более всего напоминает феодальные нравы: пожизненный контракт сродни брачному соглашению, но с той существенной разницей, что стороны отнюдь не равны в своих правах и обязанностях. Фирма, компания, ее руководители располагают всей полнотой власти в отношении работника: они определяют его рабо-

чее место, его заработную плату, его продвижение по службе, а работник должен отвечать на это исключительно усердным, напряженным и самоотверженным трудом. Не означает ли это усиление эксплуатации и интенсификации труда?

Японец-сан. Возможно, вы правы. Современные предприятия, компании или фирмы напоминают в чем-то патриархальные поместья, где каждому отведена своя роль, свое место. Но зато и рабочий, на наш взгляд, много выигрывает от этой системы.

Автор. Что же?

Японец-сан. Прежде всего он, в сущности, гарантирован от увольнения.

Автор. Откуда же тогда появляются — и их немало — безработные в Японии? Насколько мне известно, уровень безработицы сейчас является наиболее высоким, чем когда-либо в прошлом. Не случайно стачечная борьба японских трудящихся постоянно нарастает. В последнее время японские профсоюзы все активнее стали выступать против «технологической» безработицы. Конечно, пока еще никто не громит роботов, подобно тому как в XVIII веке разрушали машины. Но конкуренция в системе «человек — робот» становится фактом в капиталистическом обществе. Кроме того, существует мнение, что в Японии скрывают действительное число безработных. Интересно, а как у вас поступают с плохо работающими людьми? Неужели их просто удерживают на производстве?

Японец-сан. Пожизненная занятость до 55—60 лет — один из главных факторов, я в этом убежден, нашего экономического успеха. Благодаря этому обеспечивается верность работника своему предприятию. Но, конечно, такая система имеет и свои теневые стороны. Япония стала самым «старым» обществом по числу пенсионеров. Или другая проблема: у нас имеется такое выражение — «мадогивадзоку». Это означает: «служащий, сидящий близ окна». Речь идет об избыточной рабочей силе, причем нередко это как раз высокооплачиваемые работники. Что касается того, откуда у нас растет безработица, то, на мой взгляд, это объясняется проблемами трудоустройства молодежи и не работавших до этого членов семьи, преимущественно женщин. В последнее время многие предприятия стали отказываться от системы пожизненного найма, как не отвечающей потребностям нашего нынешнего развития.

Автор. А вы не думаете, что работник, который фактически лишен возможности выбора — и в рамках данного предприятия, и за его пределами,— немножко напоминает что-то вроде вассала или феодального арендатора, прикованного к своим средствам производства?

Японец-сан. Это компенсируется ростом заработной платы работника за выслугу лет. Рабочий, проработавший на одном предприятии 20 лет, получает нередко вдвое больше, чем его товарищ, только что пришедший на производство. Кроме того, с этим связаны и система пенсий, и другие льготы.

Автор. И вы думаете, что именно этот фактор играет решающую роль в трудовой активности японского труженика?

Японец-сан. Большинство японцев, если их спросить, что их заставляет так быстро двигаться, наверное, ответят одним словом: конкуренция. Я не знаю другой страны в современном мире, где конкуренция достигала бы такой степени остроты и велась в таких жестких формах, как у нас.

Автор. Но ведь это характеризует любую капиталистическую систему.

Японец-сан. Но в особенности нашу. В Японии очень много конкурирующих компаний и фирм — намного больше, чем в любой западной стране. Вот, например, электроника насчитывает более 600 компаний. Здесь конкуренция особенно остра. В США существует всего четыре крупные автомобильные компании, а в Японии — девять. Вот еще одна особенность: 70 процентов всей продукции в Японии производится на мелких предприятиях, а в США — только 40. Здесь конкуренция особенно жестока. Например, в 1982 году в Японии потерпели банкротство 17 тысяч фирм, и по стране прокатилась волна индивидуальных и общесемейных самоубийств.

Автор. Вероятно, за этим стоит и другая социальная проблема. Хозяева мелких (а нередко и крупных) предприятий, производящих самые современные товары, экономят на элементарных средствах безопасности труда, что нередко приводит к гибели людей, например в результате взрывов на шахте, к болезням и раннему старению работников.

Японец-сан. Да, конкуренция неумолима. И не менее, а, вероятно, еще более остра внешняя конкуренция. Японии, как молодой индустриальной державе, прихо-

дится особенно трудно. Ее козырь — это сниженные цены на продукцию. С помощью такого пропуска мы проникли и на рынки развивающихся стран, и на рынки таких могучих конкурентов, как США и страны Западной Европы.

Конкуренция с ее жестокими, безжалостными законами — это, пожалуй, главный двигатель нашего прогресса.

Автор. На Западе убеждены, что к этому надо добавить экономическую политику правительства. Многие считают даже, что именно это отличает японскую экономику от экономики других капиталистических стран. Внутренняя экономическая политика, которая на протяжении 30 лет проводится либерально-демократической партией — прямыми ставленниками крупного и среднего капитала, протекционистская торговая политика рассматриваются как имеющие первостепенное значение для японской экономики.

Японец-сан. Правительство действительно активно вмешивается в экономические отношения. И здесь тоже есть своя особенность. Если на Западе государство стремится поддерживать слабеющие или даже нерентабельные отрасли производства, такие, как, скажем, угольная промышленность в Англии, то в Японии, наоборот, созданы благоприятные условия только для процветающих, самых современных отраслей.

Автор. Теперь о духовных, особенно моральных проблемах. Япония стала второй индустриальной державой несоциалистического мира. Более того, по производству на душу населения она догнала, а многие утверждают, и перегнала США. Японские товары, подобно тропическому ливню, хлынули во многие страны. Но вот вопрос, который неизменно задают все, кто побывал в Японии: какие моральные ценности несет эта японская цивилизация человечеству? И несет ли она какие-то новые ценности?

До сих пор сама Япония является объектом широкой американизации. Образ жизни, стиль поведения, моральные устои японской молодежи в большой мере напоминают 70-е годы США. Я видел в токийских парках десятки групп юношей и девушек, которые, поставив могучий японский магнитофон, безудержно на протяжении многих часов отплясывали рок-н-ролл. Толпы молодежи кочуют по вечерам по японским улицам, заполняют кафе, огромные залы с игровыми машинами,

кинематографы с американскими фильмами, притоны, где на сцене показывают половые акты, лав-отели, сдающие внаем за доступную цену комнаты на энное количество часов на условиях полной секретности. Суждено ли Японии пройти через нравственные муки поколения 60—70-х годов в США? Словом, можно ли вообще говорить о каких-то специфических ценностях японской цивилизации?

Японец-сан. Это очень трудный вопрос. Может быть, самый трудный из всех, которые стоят перед японским обществом.

Мы сделали скачок от патриархальной культуры к современной индустриальной культуре. Но мы всеми силами старались сохранить лучшие из своих традиций в области духа. Не знаю, в какой мере мы преуспели в этом, что еще осталось и что размыто американизацией. У нас практически исчезло кимоно — его можно увидеть лишь в театральных представлениях и дома. Однако мы сохранили японское стихосложение, которое не имеет себе аналога. Наши рекламы с их вытянутыми прямоугольниками, цветными фонариками многокрасочностью напоминают изобразительное творчество прошлого. Мы сохранили и приумножили ремесленную культуру, выпускающую и сейчас сотни тысяч специфически японских изделий. Наш кинематограф воспринял многое у Запада. Тем не менее он обретает национальные особенности.

Можем ли мы это предложить всему миру? Навряд ли. Японцы и не претендуют на это. Распахнув широко двери для индустриальной цивилизации, Япония все еще остается замкнутым и довольно однородным обществом — по крайней мере в культурном отношении, а также в образе жизни и традициях. И я думаю, что еще многие десятилетия Япония будет выходить на общечеловеческий рынок только со своими техническими новинками, а не с какими-то новыми идеями и какими-то духовными ценностями. Быть может, это не так уж и плохо, поскольку такому подходу чужды и мессианство, и гегемонизм, которым — признаем это — многие грешат в современном мире.

Автор. И последнее — о новых глобальных целях Японии. Наступление, которое ведет японская технология на западные рынки, да и на весь мировой рынок, уже и сейчас значительно видоизменило существующее мировое хозяйство. Сложившийся после второй мировой вой-

ны «пакс американа» твердо опирался на подавляющее превосходство США в экономическом плане. Две силы подточили этот порядок: «Общий рынок» в странах Западной Европы и Япония.

На Западе многие задумываются над тем, какие последствия это будет иметь для всей системы международных отношений. Иными словами: на что претендует Япония — на какое место в мире?

Японец-сан. Этот вопрос является предметом борьбы и дискуссий среди японцев — и не только на правительственном уровне, внутри партий, но и в общественном мнении. Премьер-министр Накасонэ предложил Японии свою альтернативу. Он обещал президенту Рейгану увеличить вклад Японии в вооружение в обмен на согласие позволить Японии играть некую новую роль на Азиатском континенте.

Но подавляющее большинство японцев убеждено, что новый японский национализм представляет собой рецидив традиционного национализма, приведшего Японию к катастрофе во второй мировой войне.

Автор. Президент Рейган оказывает постоянное давление на Японию, заставляя ее тратить все больше средств на вооружение. Не исключено, что он преследует при этом не только политические, но и экономические цели. Американцы сетуют на то, что Япония до последнего времени тратила на оборону около одного процента своего национального продукта, тогда как западноевропейские страны тратят 3—6 процентов. В этом на Западе видят одно из экономических преимуществ Японии и конечно же мечтают о том, чтобы лишить ее этого преимущества.

Особенно тяжелым является военное бремя для американской экономики. Отсюда и стремление втянуть Японию в гонку вооружений и ослабить ее как конкурента. Правда, это палка о двух концах. Сами американцы не могут не знать, что произошло бы, если бы Япония отказалась от провозглашенных ею самой трех принципов (не производить, не иметь и не хранить на своей территории ядерного оружия) и включилась в ядерную гонку.

Японец-сан. Конечно, такая проблема существует, но я не думаю, что это проблема сегодняшнего или завтрашнего дня. Правительственной партии придется лавировать и искать более гибкие решения политических проблем.

Автор. На этом прогнозе японского интеллектуала можно, пожалуй, поставить точку. Процесс экономической борьбы между Японией и США находится в самом разгаре. Что касается природы «японского чуда», то нам еще не раз придется возвращаться к размышлениям над этой загадкой.

Часть вторая

Часть вторая

ПЛАНИРУЕМЫЙ МИР

Глава V

БРЕМЯ РЕШЕНИЯ

22 ноября 1963 года потрясенный американский народ, а также другие народы земного шара узнали о трагической смерти Джона Фицджеральда Кеннеди. В 12 часов 30 минут Джон Кеннеди, находившийся в открытом «кадиллаке», который медленно ехал по Элм-стрит — одной из основных артерий города Далласа, был смертельно ранен в шею и голову. Склонившаяся к своему супругу Жаклин Кеннеди в ужасе воскликнула: «О нет, нет!» Но уже через час 35-й президент Соединенных Штатов Америки скончался.

Убийство Джона Кеннеди не было случайным. Как было сказано у гроба президента, «фанатизм, ненависть, предубеждение и высокомерие слились в этот ужасный момент в одно целое, чтобы погубить Джона Кеннеди». Сам Кеннеди знал об этой ненависти и даже в какой-то мере предчувствовал свою близкую гибель.

Утром 22 ноября, в самый день убийства, у президента состоялся знаменательный разговор с близкими ему людьми. Он сказал: «Если бы кто-нибудь действительно захотел застрелить президента США, то это была бы не очень трудная работа. Все, что ему надо было бы сделать, так это забраться в высокое здание, имея телескопическую винтовку, и никто ничего не мог бы сделать, чтобы предотвратить подобную попытку...» Но он отправился в Даллас навстречу пулям, пущенным из винтовки с оптическим прицелом Ли Х. Освальдом и теми черными силами, что стояли за его спиной.

Выстрелы в Далласе послужили лишь развязкой драмы, которая началась задолго до этого. Кульминация этой драмы была за год до катастрофы. Как раз тогда состоялось острейшее за весь послевоенный период столкновение сил на политическом Олимпе США. Речь идет о карибском кризисе, чему предшествовала интервенция в «заливе свиней» против революционной Кубы, когда все человечество было поставлено на грань термоядерной войны. Тогда Соединенные Штаты

имели президента хотя и далеко не «голубя», но деятеля, способного реалистически оценить общую угрозу ядерного уничтожения и принять советские предложения о необходимости компромисса в интересах мира. Карибский кризис стал уроком, о котором человечество не вправе никогда забывать, если оно хочет выжить и обеспечить себе нормальное существование на Земле.

В решении проблем карибского кризиса американский президент опирался на группу членов правительства и политических советников, в которую входили: его брат, министр юстиции Роберт Кеннеди, игравший особенно активную роль; министр обороны Р. Макнамара; председатель объединенной группы начальников штабов генерал М. Тэйлор; специальный помощник президента М. Банди; государственный секретарь Д. Раск; его заместитель Л. Болл; директор ЦРУ Д. Маккоун; посол США в Советском Союзе Л. Томпсон; вице-президент Л. Джонсон; Т. Соренсен; Э. Стивенсон; Д. Диллон; заместитель государственного секретаря Р. Гилпатрик; А. Джонсон и другие. Они входили в кризисную группу Совета национальной безопасности.

Ниже следует документированная, основанная на разнообразных американских и советских источниках политическая хроника событий одного дня.

Я избрал драматургическую форму для изображения одного из самых драматических событий нашего века и стремился воспроизвести дискуссии и столкновения во время знаменитой «черной субботы» 27 октября 1962 года в Белом доме. Тогда Джон Кеннеди принял условия, предложенные Советским Союзом, и тем самым способствовал благополучному разрешению карибского кризиса.

В Соединенных Штатах по-разному оценивают поведение президента (который был достаточно противоречивой фигурой) во время этого кризиса. Одни рисуют романтический образ «непреклонного лидера, бесстрашно глядящего в глаза русским». Другие говорят о «неустойчивом, подавленном, неуверенном в себе человеке, готовом на любые уступки». Думается, что и те, и другие не правы. Истина заключается в том, что в сложной обстановке эскалации кризиса Джон Кеннеди сумел реалистически оценить ситуацию. Кроме того, сам президент проделал эволюцию: в начале кризиса он пытался действовать традиционными военно-политическими методами, а в конце понял, что эффективны

только дипломатия, только равноправные переговоры и компромисс. Мы увидим Джона Кеннеди на этом последнем рубеже кризиса.

Овальный кабинет президента Джона Кеннеди в Белом доме. В кабинете в креслах расположились братья Кеннеди. За окном — вечерняя полумгла. Настольные лампы бросают странные тени на две одинокие фигуры, склоненные друг к другу.

Джон Кеннеди. Я пригласил тебя, Бобби, перед заседанием кризисной группы Совета национальной безопасности, чтобы поручить тебе миссию чрезвычайной важности. О ней не должен знать никто — ни члены правительства, ни конгрессмены.

Роберт Кеннеди. Я весь внимание, господин президент.

Джон Кеннеди. Впрочем, если говорить о субординации, то почему ты воспротивился моему указанию о составлении планов использования подземных убежищ для высшего руководства?

Роберт Кеннеди. Я открыто сказал и могу повторить президенту, что я не пойду в убежище. Если до этого дойдет дело, то миллионов 60 американцев будет убито в одно мгновение и примерно столько же русских. Я никуда не пойду. Я останусь дома, чтобы разделить общую судьбу.

Джон Кеннеди (мягко). Наш отец сказал бы: «Ты мужественный парень, сынок...» Но приказ — это приказ.

Роберт Кеннеди. Да, Джек.

Джон Кеннеди. Но это кстати. Вернемся к сути дела. Я думаю, ты понимаешь, что сейчас мы можем оставить официальный тон. Моя судьба, как и твоя судьба, поставлена на карту. Но речь идет не об этом. Речь идет о судьбе американского народа, а быть может, и всего человечества.

Роберт Кеннеди. Я понимаю, Джек.

Джон Кеннеди. Сейчас, когда над Кубой сбит наш самолет У-2, ситуация резко изменилась. Еще несколько дней назад нам казалось, что кульминация кризиса осталась позади. Я имею в виду тот момент, когда русские корабли подошли к линии карантина и остановились, не пересекая ее. Этот разумный шаг дал нам шанс вдохнуть воздух и в более спокойной обстановке искать пути мирного урегулирования. Но теперь опять эскалация стремительно набирает высоту.

Роберт Кеннеди. Да. Это злосчастное событие. Но возможно, было опрометчиво посылать самолет в такой напряженный момент.

Джон Кеннеди. Возможно. Но сейчас поздно об этом говорить. Они сбили наш самолет над Кубой, и летчик погиб. В другое время американцы проглотили бы это. В конце концов, самолет был сбит над территорией суверенного государства. Но теперь это стало поводом для подлинного взрыва эмоций со стороны всех. И этим пользуются наши «медные каски».

Роберт Кеннеди. Да, генералы просто в бешенстве. Объединенное командование военных штабов требует незамедлительной бомбардировки баз на Кубе — не менее чем 500 бомбовых ударов. А некоторые даже говорят о ядерном ударе.

Джон Кеннеди. Неужели есть и такие?

Роберт Кеннеди. Да. Они утверждают, что обычная бомбардировка будет недостаточно эффективной: она уничтожит базы, но не повредит ракеты. Генерал Тэйлор делает вид, что не разделяет таких взглядов. Но он использует «бешеных» для того, чтобы настоять на своем решении — незамедлительном ударе с воздуха. Кризис показал, что самое ужасное, что может быть,— это допустить военных к политическим решениям.

Джон Кеннеди. Не только к политическим, но и к военным решениям. Эти «медные каски», впрочем, имеют одно преимущество: если мы поступим так, как они хотят, то из нас никого не останется в живых, чтобы сказать им, как они не правы.

Роберт Кеннеди. Дело не только в военных. Многие конгрессмены на их стороне.

Джон Кеннеди. Многие — не то слово. Почти все. Во всяком случае, почти все те, с которыми я встречался вчера. Они подняли такой крик о возмездии, будто дело идет не о риске ядерной катастрофы, а об операции канонерок.

Роберт Кеннеди. Хуже всех Дин. Я еще в период берлинского кризиса понял, что никогда не буду в одном лагере с Ачесоном. Я настоятельно говорил им, что президенту будет очень неприятно, если кризисная группа примет решение относительно воздушной атаки.

Я заявил им, что не считаю возможным, чтобы президент США отдал приказ о начале военных операций. Мы умеем драться, мы будем драться, если это нужно, но не для того, чтобы просто выжить. Мы будем драться

за наши идеалы. А если мы проведем подлую военную атаку без предупреждения, то это приведет к непоправимым последствиям, и мы заслужим презрение потомков.

Я говорил, что президент стоит за активные действия, с тем чтобы русские безошибочно уяснили себе, что положение серьезное. Но вся энергия президента направлена на то, чтобы вывезти ракеты в обмен на какие-то наши уступки. Я говорил, что не надо спешить. Возможно, мы будем знать, в чем заинтересованы русские, в течение ближайших 48 часов. И только после этого можно будет принять, если это будет нужно, жесткие решения.

Джон Кеннеди. А что же они? Какова была их реакция?

Роберт Кеннеди. Они прозрачно намекали на то, что президент имеет какие-то свои личные мотивы и цели в этом кризисе. 6 ноября предстоят выборы в палату представителей, и демократы могут потерять места, если кризис не будет преодолен. Поэтому президент готов к максимальным уступкам.

Джон Кеннеди. Дурацкое рассуждение.

Роберт Кеннеди. То же самое сказал им я, но они продолжали твердить, что, если бы президент был озабочен защитой американских интересов, он мог бы поставить на карту свои шансы на выборах.

Джон Кеннеди. Все обстоит как раз наоборот. Если бы я заботился о шансах демократов 6 ноября и о своих шансах в будущем, я согласился бы с требованием нападения на Кубу. В этом случае не было бы никакого риска лично для меня, но был бы гигантский, сумасшедший риск ядерного конфликта для всего человечества.

Роберт Кеннеди. Тем временем республиканцы подогревают страсти в конгрессе. Они требуют незамедлительного удара по Кубе.

Джон Кеннеди. Вот это как раз и выдает их с головой. Ибо если бы я пошел на это, все лавры достались бы демократам, а республиканцы проиграли бы свои выборы.

Роберт Кеннеди. Они блефуют в твердой уверенности, что президент воздержится от опрометчивых действий и тогда они смогут сказать: он показал себя неспособным к решительной политике. Все они явно хотят загнать президента в угол. Когда я бросил в лицо Тэйлору и Ачесону, что наши генералы напоминают во-

енных «ястребов» времен Джефферсона, то они не постеснялись в ответ назвать меня «голубем», чье место не в правительстве, а за университетской кафедрой.

Джон Кеннеди. А что же Макнамара? Он не дрогнул в новой ситуации?

Роберт Кеннеди. О, Мак на высоте. Он и сейчас решительно против любого вида вторжения и бомбардировки. Больше того, он заявил, что мы должны заплатить русским за то, чтобы они вывезли свои ракеты. Он прямо рекомендовал убрать наши стратегические ракеты из Турции и Италии и даже подумать о нашей базе Гуантанамо.

Джон Кеннеди. Мак — молодчина! А как выглядит сейчас государственный секретарь?

Роберт Кеннеди. Кого я не понимаю, так это Раска. Он тоже выступил за ограниченный удар по Кубе. Правда, с предварительным уведомлением.

Джон Кеннеди. Раск играет не в военные, а в политические игры. Он больше думает не о разрешении кризиса, а о будущих выборах и о своем месте в правительстве.

Роберт Кеннеди. Значит ли это, что он поставил крест на нынешнем президенте?

Джон Кеннеди. Нет, скорее, он пытается делать ставку на двух лошадей: какая бы ни пришла первой — он будет на коне.

Роберт Кеннеди. Признаюсь, я не ожидал такой расстановки сил. Она далеко не в нашу пользу. Как же случилось, что мы оказались в меньшинстве в трудный момент? Ведь это все люди, которых ты сам подбирал.

Джон Кеннеди. Всех, да не всех! Власть президента только кажется могущественной. Но Франклин Рузвельт не раз жаловался на недостаток власти, особенно в критических ситуациях. Вспомни, как конгресс, да и вся нация сопротивлялись неизбежному — вступлению Америки в войну против «оси». Нужен был Пёрл-Харбор, чтобы Америка очнулась.

Роберт Кеннеди. Теперь нам грозит Пёрл-Харбор наизнанку. Варварское нападение на другую страну без всякого предупреждения — это не имеет прецедента за всю историю нашей страны. Погибнут тысячи, десятки тысяч кубинцев. Могут погибнуть и русские... Наши военные полностью потеряли контроль над собой.

Джон Кеннеди. Или пытаются взять контроль над президентом. Первый совет, который я дам своему

преемнику,— это чтобы он следил за генералами и отказался от мысли, что если они военные, то их мнение по военным делам стоит хоть один цент.

Роберт Кеннеди. Это были последние слова, которые сказал Эйзенхауэр перед уходом из Белого дома.

Джон Кеннеди. Мы, пожалуй, недооценили его предупреждение. В мирной обстановке все это сглаживается. А сейчас, в условиях острого кризиса, мы убедились, что военные первыми теряют голову.

Роберт Кеннеди. Они склонны действовать по традиции, по моделям прежних войн. Хотя они лучше других знают, что представляет собой ядерное оружие, но именно они меньше всего сделали выводов относительно военной и политической стратегии в новых условиях.

Джон Кеннеди. Военные посходили с ума, они все-таки хотят начать войну. (Президент закрыл лицо рукой, его рука вдруг сжалась в кулак, глаза стали напряженными. Шепотом: «Все, что угодно, только не это. Мы на краю бездны, и выхода нет... Неужели мир действительно стоит на грани катастрофы? Неужели мы все делаем неправильно?..») (Пауза.) У нас нет выбора. Русские правы, когда они говорят, что мы, потягивая канат с двух сторон, все сильнее затягиваем узел ядерной войны.

Мы — перед острой дилеммой: удовлетворить законные требования русских и не потерять политический контроль в правительстве и на Капитолии. Единственный выход — это тайная дипломатия. Другого я не вижу.

Роберт Кеннеди. Риск огромен!

Джон Кеннеди. Я сказал бы, риск смертелен для нас с тобой в случае проигрыша. Но лучше поставить на карту нашу собственную судьбу, чем судьбу американского народа и всего человечества.

Роберт Кеннеди (вставая). Я преклоняюсь перед твоим величием, мой президент, мой дорогой брат. (С чувством пожимает ему руку.) Итак?

Джон Кеннеди. Итак, я хочу просить тебя снова посетить советского посла и строго конфиденциально сделать новое предложение.

Роберт Кеннеди. Посетить — в такой поздний час.

Джон Кеннеди. Да, именно сейчас. Проблема должна быть решена сегодня или никогда. Время не оставило нам ни одного дня, ни одного часа.

Роберт Кеннеди. Что я должен сказать?

Джон Кеннеди. Ты заявишь русскому послу: мы согласны дать гарантии невторжения на Кубу и уважения ее суверенитета, неприкосновенности ее границ в обмен на вывоз наступательных ракет с острова.

Роберт Кеннеди. Но о таких гарантиях мы уже сообщали русским в нашем последнем послании.

Джон Кеннеди. В этом послании нам пришлось прибегнуть к некоторым оговоркам. Сейчас строго конфиденциально, лично от моего имени, ты заявишь: мы даем прочные, надежные гарантии, и я кладу весь свой авторитет, что мы будем неукоснительно придерживаться обещания.

Роберт Кеннеди. Боюсь, что одного этого мало. Советы добиваются ликвидации наших ракетно-ядерных баз вблизи своих границ. И, говоря откровенно, я могу понять их беспокойство. Конечно, я не стану об этом говорить публично, но многим ли отличаются наши базы вокруг Советского Союза от военной базы, которую они хотели создать на Кубе, в подбрюшине Америки?

Джон Кеннеди. Ты прав. Здесь есть проблема. Мы могли не считаться с этим раньше. Мы и сейчас значительно превосходим русских в отношении термоядерного потенциала. Но сейчас они имеют 300 боеголовок против наших 5000 и их требования трудно игнорировать, хотя мы и будем им противостоять во всю меру наших сил.

Роберт Кеннеди. В последнем послании советское руководство требовало ликвидации наших ракетно-ядерных установок в Турции.

Джон Кеннеди. Ты, как всегда, сразу схватил суть проблемы.

Я не думаю, я просто уверен. Это единственный выход из кризиса. Советское руководство может пойти на договоренность только в том случае, если мы ответим мерой за меру, компромиссом на компромисс. Кроме того, ты знаешь мое отношение к турецким ракетам. Я давно считал, что наши «юпитеры», которые стоят там, уже настолько устарели, что больше ни на что не смогут пригодиться.

Роберт Кеннеди. Военные оспаривают это.

Джон Кеннеди. Но они не правы. Я изучил этот вопрос и приказал еще несколько месяцев назад вывезти эти ракеты. И я был глубоко возмущен, когда узнал, что они все еще там. Мне объяснили: это вызвано возражениями турок, а также некоторых членов НАТО.

Роберт Кеннеди. Вопрос о турецких ракетах приобрел символичное значение. Даже те, которые в принципе за это, считают, что наши противники смогут использовать подобную сделку как острое оружие против нас. Наши союзники по НАТО считают также, что эта проблема относится к компетенции НАТО, а не одних США. Мне передавали мнение Гарольда Макмиллана. Он опасается эскалации кризиса, но в то же время не колеблется в том отношении, что следует всеми силами сопротивляться торгу и не идти на сделку с русскими. Он утверждает, что подобный «товарообмен» был бы катастрофой, так как он бы подорвал доверие западноевропейских стран к своему американскому союзнику.

Джон Кеннеди. Что же он предлагает по существу?

Роберт Кеннеди. С ним никто не советовался. Но, судя по имеющейся информации, у него нет никакой конструктивной идеи. Одни всплески эмоций.

Джон Кеннеди. А как все же считаешь ты, Бобби?

Роберт Кеннеди. Я считаю, что это было бы достаточно разумным компромиссом. У нас будут большие неприятности, если мы будем продолжать дискуссию. Надо взять на себя ответственность и пойти на это.

Джон Кеннеди. Я рад, что ты согласен со мной. Но действовать можно только тайно. Так, чтобы гарантировать себя от взрыва здесь, в Вашингтоне.

Роберт Кеннеди. Ты допускаешь?

Джон Кеннеди. Я должен исходить из этого допущения. Положение экстремальное, ему не было прецедентов никогда в прошлом. И выход из него также может оказаться экстремальным. Поэтому твоя миссия должна быть абсолютно тайной. Мы должны удовлетворить русских и позаботиться о своих позициях здесь.

Роберт Кеннеди. Что же я должен сказать послу?

Джон Кеннеди. Ты должен заверить его, что мы уберем ядерные боеголовки из Турции. Но мы не можем это сделать сейчас, не согласовав с нашими союзниками по НАТО. И я твердо гарантирую, что мы убедим их и сделаем это.

Роберт Кеннеди. Джек, ты понимаешь, на какой риск мы идем? Тайная дипломатия, втайне от правительства, от конгресса, от наших союзников, от американского народа...

Джон Кеннеди. Нас оправдает успех. Сейчас на карту поставлена ядерная война. Можно пренебречь традиция-

ми, чтобы спасти страну. Я могу повторить Черчилля: я избран нацией не для того, чтобы присутствовать при ее похоронах... Но и это еще не все.

Роберт Кеннеди. Что же еще?

Джон Кеннеди. Есть еще один пункт, и я ни за что не доверил бы его никому, кроме тебя. Ты должен сказать послу, что президент дошел до самой крайней черты. И, быть может, даже преступил эту черту. Еще один шаг — и я, и мое правительство рухнем в пропасть. Тогда власть захватят ультраправые и Пентагон. И весь мир покатится к черту.

Роберт Кеннеди. Ты допускаешь импичмент?

Джон Кеннеди. Я допускаю все. Страсти накалены до предела. Выбор, на который мы идем, все дальше разводит нас с ними по обе стороны баррикад, и никто не может сказать, кто и когда начнет стрелять...

Роберт Кеннеди. Они могут использовать Линдона. Многие из них считают его своим человеком.

Джон Кеннеди. Ты знаешь, мы часто расходились с Джонсоном. Но я не думаю, что это так. Они найдут человека посильнее... Теперь я сказал тебе все. Ты можешь зажечь свет и запустить всю эту банду...

Роберт Кеннеди (поднимаясь). Среди этой банды есть и неплохие ребята: Макнамара, Соренсен, Томпсон, Стивенсон...

Джон Кеннеди (улыбаясь). В каждой банде можно найти здравомыслящих людей. Но когда они все вместе, это все же напоминает банду.

Роберт Кеннеди уходит. В Овальный кабинет входят члены кризисной группы Совета национальной безопасности.

Джон Кеннеди. Джентльмены! Я собрал вас сегодня в столь позднее время, чтобы обсудить новую ситуацию, которая сложилась в результате гибели самолета У-2. Я уже говорил свое мнение: установка русских ракет на Кубе представляет попытку коренного изменения баланса сил, и я твердо убежден, что ракеты следует убрать. Но какими средствами и какой ценой? Вот в чем главный вопрос.

Из прежних обсуждений напрашивались три варианта решения. Первое: ничего не предпринимать. Но это отвергается всеми. Об этом нечего и говорить. Второе: воздушное нападение. Третье — продолжение блокады.

Я хотел бы, чтобы все еще раз высказали свое мнение в новой обстановке. Я хотел бы подчеркнуть, что я стою за активные действия. Нам надо показать Советскому Союзу, что мы относимся к создавшемуся положению со всей серьезностью и будем действовать с большой решительностью. Но одновременно мы должны сохранить возможность маневрировать. Больше того, мы должны предоставить также и русским возможность для маневра. Ядерные державы не вправе добиваться того, чтобы загнать друг друга в угол, откуда выход может быть один — только к ядерному конфликту.

Макнамара. Я — за продолжение блокады. У-2 ничего не изменил в принципиальном подходе. Такой подход отвечает нашей позиции как лидера свободного мира. Воздушная атака, предлагаемая руководителями военных штабов, будет иметь огромные, непредсказуемые и, я уверен, непоправимые последствия. Этот удар неизбежно выведет из строя множество гражданских объектов, и несколько тысяч русских будет убито. Москва не простит этого. Она обязательно ответит, и ответит очень решительно. Тогда мы можем потерять контроль над ситуацией, и дело дойдет до мировой войны.

Генерал Тэйлор. Господин президент! Объединенный штаб главного командования и раньше доводил до вашего сведения, что он считает блокаду слишком слабой мерой. Мы еще за четыре дня до того, как был сбит У-2, предлагали атаковать именно ту базу, с которой был сбит самолет, а также и другие базы. Не скрою, господин президент, что приказ воздержаться от нападения произвел шок в Пентагоне. Это был самый тяжелый день в жизни наших вооруженных сил.

Джон Кеннеди. События, однако, подтвердили нашу правоту. Я вам напомню, что еще несколько дней назад мы чувствовали, что подошли к краю пропасти. Вы помните, с каким напряжением мы ожидали столкновения русских подводных лодок и надводных кораблей с нашим флотом. Но русские поступили разумно. Они повернули свои корабли, и эскалация конфликта была приостановлена.

Конечно, это не решало проблему. Хотя мы и блокировали доставку новых ракет, но мы не добились отказа от установки уже завезенных туда ракет и строительства баз. Так или иначе, мы убедились, что идея блокады, предложенная нами и отвергнутая нашими штабами, оказалась эффективной. Что было бы, если бы с самого

начала мы согласились на бомбовый удар, где бы сейчас был мир?

Генерал Тэйлор. Но теперь время действовать, потому что мы имеем последний шанс уничтожить эти ракеты. Иначе они будут установлены и будут действовать против нас.

Джон Кеннеди. Я представил на ваше рассмотрение письмо, подготовленное Гилпатриком.

Соренсен. Кризисная группа отнеслась критически к этому письму, и мы с Бобом составили другой вариант. В нем говорится о твердых гарантиях невторжения на Кубу в обмен на вывоз ядерного оружия. Это должно сопровождаться прекращением карантина и осуществлением инспекции Организации Объединенных Наций.

Гилпатрик. Сейчас мы делаем выбор между ограниченными и неограниченными формами военных действий. Ведь блокада, или, как мы ее деликатно назвали, карантин,— это тоже военные действия, и большинство из нас считает, что лучше начать с ограниченной формы.

Маккоун. Эти меры сейчас безнадежно устарели. Надо знать русских. Как только мы начнем отступать, они ринутся в атаку, откусывая у нас кусок за куском и даже не заботясь о том, чтобы их хорошенько прожевать. Они понимают только силу. Жестокий урок с У-2 должен окончательно отрезвить нас. Воздушная атака — это минимальное решение. Это первый шаг, который мы должны сделать.

Джон Кеннеди. Не первый шаг самый важный. Важно, чтобы обе стороны не совершили эскалации в направлении четвертого и пятого шага. Иначе некому уже будет делать шестой шаг.

Маккоун. Именно об этом я и говорю, господин президент. Надо нам сделать первый шаг, и тогда русские не смогут развернуть свои базы на Кубе и сделать второй шаг по пути эскалации.

Томпсон. Вы не знаете русских. Это не те люди, против которых можно действовать силой. Вспомните Гитлера с его планом молниеносной войны. Первые месяцы казалось, что он достиг цели и этот колосс на глиняных ногах вот-вот рухнет. А что произошло потом? Эти люди собираются медленно, но действуют быстро. И смею заверить вас, что они действуют мужественно и решительно.

Маккоун. Вас слишком хорошо кормили в Москве, Ллуэлин!

Томпсон. Меня неплохо кормят и здесь, в Белом доме... Но я стараюсь ни там, ни здесь не терять здравого смысла.

Маккоун. Русские бросили США прямой вызов. Мы включены в состязание воли руководства двух стран. И чем скорее мы примем решение, тем лучше.

Генерал Тэйлор. Я полностью разделяю мнение Дина Ачесона. Меня называют «ястребом». Ну что же, я скажу больше: я «ястреб» вдвойне, от начала до конца.

Маккоун. Я тоже за воздушное нападение.

Диллон. И я не вижу иного выхода.

Генерал Тэйлор. Теперь или никогда. Воскресенье должно стать днем решающей атаки, и решение это надо принять сейчас, поскольку для подготовки нам нужно достаточно времени. Многие у нас считают, что в случае необходимости не следует останавливаться и перед ядерным ударом.

Макнамара. Ядерный удар по базам на Кубе?! Но это ядерная война!

Генерал Тэйлор. Надо трезво смотреть ей в лицо, войне. Войны были всегда. Они становились все страшнее. И всегда находились люди, которые пугались этого.

Макнамара. Но эта новая война с чудовищными последствиями!

Генерал Тэйлор. Каждая война была новой. В первой мировой войне погибло 10 миллионов человек, во второй — 50 миллионов. До этого никто не мог вообразить, что возможны войны с такими потерями. В следующей войне, если она все же произойдет, погибнет вдвое, ну, втрое больше. Военный министр должен думать о войне трезво, как о деле, а не высиживать голубиные яйца.

Макнамара. Еще хуже вообще не думать и носить медную каску вместо головы. Здесь нет трусов, здесь нет и «голубей», генерал Тэйлор, здесь есть здравомыслящие политики и авантюристы.

Джон Кеннеди. Я призываю вас к порядку. Вся эта полемика неуместна. Мы попросту не рассматриваем четвертый вариант. Специально для вас, Маккоун и Тэйлор, я хотел бы повторить то, что я уже сказал в Организации Объединенных Наций, и сказал не для пропаганды. Уже сейчас ядерная война имела бы ужасающие последствия. Еще чудовищней это будет в будущем, по мере накопления ядерных средств уничтожения. Все мы должны помнить, что может случиться так, что в один день

наша планета станет необитаемой. Каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок живет под дамокловым мечом термоядерной войны.

Шансы выиграть войну — 1 : 1. Иными словами, никаких реальных шансов нет.

Соренсен. Иногда мне кажется, что именно Тэйлор выступает в качестве руки провидения.

Генерал Тэйлор. Что ты, черт возьми, хочешь этим сказать, Тэд?

Соренсен. Я хочу сказать вот что. Если допустить на минуту, что провидение желает превратить нашу Землю еще в одну огненную звезду и видит в человеке орудие этого свершения, то именно Тэйлор служит его промыслу.

Банди. Ха! Тэйлор и Маккоун — две руки провидения! Вот уморил...

Соренсен. А иной раз мне думается, что было бы недурно, если бы провидение направило комету на Землю, и тогда мы и русские нашли бы наконец полезное применение нашим бомбам, пытаясь расстрелять небесное тело, вместо того чтобы расстреливать тело человеческое...

Джон Кеннеди. Джентльмены. Я понимаю — время позднее, все устали... Но будем все же оставаться в русле делового обсуждения.

Генерал Тэйлор. Последствия войны не так страшны, как их изображает Соренсен. Конечно, если она разразится, будет ужасно. Погибнет не менее четверти американцев. Но нация сохранится. Зато мы будем навсегда избавлены от того дамоклова меча, который, по справедливым словам президента, висит над каждым американцем, да и над всеми людьми на Земле.

Соренсен. Ты все-таки чудовище, друг мой Тэйлор. Хотя сам этого, наверное, и не подозреваешь. Неужели ты не понимаешь, что победы в ядерной войне не будет, а будет жестокое поражение для обеих сторон?

Генерал Тэйлор. Господин президент! Вы полагаете, что мы можем воспитывать солдат и офицеров на подобных идеях? Что они пойдут в бой, твердо зная о своей обреченности? Или нам следует внушать им надежду не просто на законное отмщение врагу, а на трудную и все же возможную победу?

Джон Кеннеди. Я считаю, что задачи воспитания в армии имеют специфический характер. Мы это сейчас не обсуждаем. Но в политике мы не можем исходить

из самообмана. Иначе мы действительно доведем дело до самоубийственной войны.

Генерал Тэйлор. Я тоже за мир — поверьте мне, господин президент. Но мир выигрывает тот, кто меньше боится войны и больше готов ее вести.

Джон Кеннеди. Вы полагаете, что русские меньше боятся войны, чем мы?

Генерал Тэйлор. Я в этом уверен, господин президент. Они потеряли в прошлой войне 20 или даже 30 миллионов. Они привыкли к испытаниям. Им не страшно потерять и вдвое больше. Поэтому они готовы — не скажу, к ядерной войне, но к риску войны.

Томпсон. Это ужасно! Так не понимать противника! Как же вы собираетесь вести с ними дела, если все построено на такой ложной основе? Для русских прошлая война была страшной трагедией. Для каждой семьи, в сущности, для каждого взрослого человека и для ребенка, которые пережили войну. Американцы даже не в состоянии вообразить ничего подобного этому чувству. Поэтому русские ничего не жаждут больше, чем мира. Они готовы смириться с любыми материальными невзгодами — только бы не было войны.

Джон Кеннеди. Я склонен скорее верить Томпсону, чем вам, Тэйлор.

Маккоун. Но мы говорим не о войне. Воздушная атака — это еще не война. Это только военная акция.

Джон Кеннеди. Господин Маккоун! Я не желаю идти путем Хирохито. Я не хочу нашего Пёрл-Харбора.

Маккоун. Господин президент, мы уже слышали эти слова от вашего брата. Я говорил ему и готов повторить здесь: нужно анализировать проблему, а не поддаваться эмоциям и сантиментам. На нас лежит историческая ответственность перед нашей страной.

Соренсен. И перед всем миром.

Банди. Мы должны думать прежде всего об Америке. Мы получили полномочия от американских избирателей, а не от мирового сообщества.

Стивенсон. А главное — мы принимаем решение за всех, за все человечество. Подумайте о парадоксальности нашего положения. Два десятка людей здесь, в Вашингтоне, и примерно столько же в Москве решают судьбы всех людей на земном шаре. И мы не в состоянии даже спросить их об их мнении, их воле, хотя — что там говорить — их воля ясна: в мире нет такой цели, которая стоила бы ядерной катастрофы.

Маккоун. Это пустые абстракции. Какое они имеют отношение к реагированию на смерть американского летчика и гибель У-2?

Соренсен. Теперь вы хватаетесь за рычаг эмоций... Но главное даже не это. Наши действия, что бы мы ни предприняли, не будут безответными, и надо думать об ответе на ответ русских.

Банди. У-2 изменил ситуацию, и сейчас я — за жесткие решения!

Соренсен. Дорогой Банди! Я, признаться, поражен тем, как быстро вы меняете свои позиции. Вначале вы выступали за воздушную атаку, потом за блокаду, потом советовали вообще ничего не делать, поскольку это может резко сказаться на ситуации в Европе и вызвать новый берлинский кризис. И наконец, сейчас вы готовы влиться в группу, которая выступает за бомбовую атаку.

Банди. Меняюсь не я — меняется ситуация. И очень быстро. Мы действуем в условиях эскалации, которая растет как снежный ком, и глупо упорствовать в устаревших мнениях. Я предпочитаю сейчас активные действия, поскольку они несут момент внезапности и ставят всех перед свершившимся фактом.

Раск. В конце концов, здесь дело идет о сложной проблеме, и трудно найти однозначное решение.

Соренсен. Должен сказать, Дин, что предлагаемые вами решения тоже были далеко не однозначны. Вы выступали и за бомбовый удар, и за карантин. А потом предпочли отмалчиваться на заседаниях или вовсе не приходить на них.

Линдон Джонсон. Роберт как-то говорил на одном заседании, и говорил верно, что сейчас речь идет о настолько важном событии, что ни одно из решений не может быть абсолютно правильным и что люди имеют право иметь свое мнение и высказываться «за» и «против» тех или иных предложений.

Джон Кеннеди. Да. А каково же мнение вице-президента?

Линдон Джонсон. Боюсь, что я мало могу добавить к тому, что здесь сказано. Мне кажется, что многое из того, что говорил Маккоун, имеет свои резоны, хотя нельзя отвергнуть все аргументы, которые выдвинули Макнамара и Соренсен. Меня смущает то, что многие в конгрессе и вне его стен считают, что мы пятимся назад. Боюсь, что популярность нашей администрации падает по мере того, как развертывается кризис.

Джон Кеннеди. Но каково же ваше предложение, Линдон?

Линдон Джонсон. Господин президент, я просил бы дать мне время, чтобы еще раз взвесить все обстоятельства.

Банди (громким шепотом). Он, как всегда, умывает руки.

Линдон Джонсон (услышав реплику). Быть может, это ничуть не хуже, чем сегодня говорить одно, а завтра прямо противоположное.

Банди. Вероятно, вы правы, господин вице-президент. Но лучше иметь хоть какую-то, пускай динамичную, позицию, чем совсем никакой.

Джон Кеннеди. Вернемся к сути дела. В конце концов, демократия предполагает не только голосование «за» и «против», но и право воздержаться. (Все смеются.)

Алексис Джонсон. Я — за жесткие действия. Мы вправе это сделать, поскольку наша позиция отвечает доктрине Монро.

Джон Кеннеди. Доктрина Монро! Какого черта, что это значит, какое отношение это имеет к международному праву?

Стивенсон. Ровно никакого, господин президент. Эта доктрина характеризует только взаимоотношения между странами в рамках нашего континента. Кроме того, она безнадежно устарела. Я выступаю за карантин и за немедленное заявление о том, что мы согласны на переговоры. Я считаю, что Макнамара прав. Мы должны заплатить необходимую цену, и вывод ракет с Кубы этого стоит. Эта цена — не только гарантия суверенитета Кубы, но и ликвидация наших ракет в Турции. Я сказал бы больше — и эвакуация нашей базы на Кубе.

Маккоун. Этот парень готов все отдать. Может быть, вы отдадите заодно и свою шляпу, мистер Стивенсон? Ведь она в общем-то стоит не так дорого, как Гуантанамо.

Генерал Тэйлор. Вот уж воистину «голубь» высшего класса!

Джон Кеннеди. Даже если нас вынудят пойти на это, нам не надо начинать с таких максимальных уступок. Это будет слишком. Кроме того, я решительно против того, чтобы отдать базу на Кубе. Это было бы уже не поражением, а капитуляцией. Но хотя я лично далеко не во всем согласен с рекомендациями Стивенсона, я

считаю, что очень мужественно с его стороны открыто сделать подобное заявление...

Макнамара. Я уже высказывал не раз свое мнение и готов повторить его снова. Я против воздушной атаки, а тем более подлой атаки без предупреждения. Это, однако, не помешает мне отдать приказ относительно всех приготовлений на случай, если такое решение все же будет принято впоследствии.

Джон Кеннеди (раздумчиво). Мне предстоит еще объяснить американскому народу, почему мы не выступали своевременно против установки ракет на острове, почему мы не выступили раньше.

Соренсен. Я прошу прощения, господин президент, но объяснять придется не только тем, которые давят на нас справа. Позиция администрации подвергается критике с двух сторон. И если одни требуют более активных и даже военных действий, то другие — а их тоже немало — глубоко убеждены, что весь конфликт раздут искусственно. Что с самого начала предпринимались какие-то лихорадочные шаги вместо использования метода переговоров.

Джон Кеннеди. Что вы имеете в виду?

Соренсен. Я повторяю, господин президент, речь идет не о моем мнении — я его высказал. Это мнение не только избирателей, но и достаточно видных людей. Они говорят, что конфликт был создан не самими ракетами, а нашей неадекватной реакцией. Люди спрашивают: почему, в конце концов, нам можно устанавливать ракеты вблизи границ Советского Союза, а им нельзя устанавливать вблизи наших границ? Я вспоминаю Уолтмена. Он сказал мне: принимая во внимание политическую реальность, надо было добиваться вывода ракет, но вместо того, чтобы сделать это разумным путем, путем переговоров, все вы стали фабриковать ядерный кризис. Но кризис этот никому не нужен. Они говорят администрации — мы не думаем, что вы ищете катастрофы, но вы ведете дело к катастрофе. Президенту, говорят такие люди, следовало бы спокойно обсудить этот вопрос с русскими путем обычной дипломатической процедуры, без публичного бряцания оружием.

Банди. Сейчас он запел нам с голоса наших «яйцеголовых» либералов.

Соренсен. Нет, я имею в виду не только нашу научную среду, дорогой мой оппонент. Такие мнения высказывают многие деятели в Европе, и в том числе в НАТО.

Маккоун. Мы не должны впутывать в это НАТО. Достаточно нам разноголосицы в наших собственных рядах.

Болл. Но мы не можем игнорировать возможную реакцию наших союзников. Они крайне обеспокоены тем, что столь важные решения принимаются за их спиной.

Банди. И вы рекомендуете пригласить их сюда, в Овальный кабинет? Не тесно ли будет?

Болл. Я рекомендую только принимать во внимание их позицию.

Входит Роберт Кеннеди.

Соренсен. Боб, тебя здесь очень не хватало, где ты, черт возьми, пропадал в такой момент?

Ачесон. Боюсь, что именно он-то и занимался реальным делом.

Роберт Кеннеди. На этот раз правы. Как говорил кто-то, хорошее суждение является обычно результатом опыта. А опыт часто является результатом слабого суждения...

Так вот, джентльмены, я имел встречу с советским послом. Я снова изложил ему позицию президента, нашу твердую решимость не допустить размещения ракет. Я повторил также о наших гарантиях уважать суверенитет Кубы.

Раск. И что же русские? Конечно, отвергли соглашение? Выдвинули новые требования?

Роберт Кеннеди. Нет. Я должен торжественно сообщить президенту и Исполкому национальной безопасности, что соглашение достигнуто. Завтра, в воскресенье, русские выступят с официальным заявлением. Ракетный кризис благоприятно разрешен. (Все члены группы, кроме Джона Кеннеди, поражены как громом.)

Соренсен. Поистине вот неожиданное и славное известие.

Раск. Но, быть может, есть какие-то тайные требования русских?

Генерал Тэйлор. Это слишком хорошо, чтобы можно было поверить. За этим действительно стоит какая-то тайна.

Роберт Кеннеди. Тайна проста, обе стороны поняли, что военные методы чреваты неслыханной опасностью для обоих народов и всего мира. И мы, и русские прониклись решимостью выйти из кризиса дипломатическими средствами. И, как видите, достигли успеха.

Джон Кеннеди. Джентльмены, позвольте поздравить вас с достигнутыми результатами. Независимо от того,

кто занимал какую позицию, наша группа представляла собой чрезвычайно эффективный инструмент для решения проблемы такой сложности, с которой впервые столкнулась наша страна.

Наши споры окончены, решение принято. И поверьте мне — лучшее из возможных решений. Мы выиграли мир и устранили угрозу на своих границах. Хорошо, что русские тоже выиграли мир. Ибо если бы они «выиграли» войну, то это была бы и наша война. Что касается Кубы, то вряд ли можно считать ее реальной опасностью для Америки.

И еще я хочу сказать. Ядерная мощь имеет свои пределы. Ее невозможно использовать даже в региональных кризисах, ею невозможно запугать даже малые державы. Этой палкой невозможно ударить, не нанося удара по самому себе. Таков урок пережитого нами ракетного кризиса. Позвольте пожелать вам спокойной ночи, господа!

Соренсен. Спасибо, господин президент, у меня это будет первая спокойная ночь за последние недели.

Макнамара. Не скрою, я думал сегодня вечером о том, сколько еще солнечных закатов мне будет дано увидеть.

Генерал Тэйлор (Маккоуну). Все это хорошо, но боюсь, что мои генералы после всего этого скажут, что нас доконали, и захотят объявить забастовку.

Маккоун. Боюсь, что забастовка пойдет на пользу не им...

Все уходят, кроме братьев Кеннеди.

Джон Кеннеди. Итак?

Роберт Кеннеди. Я прямо и даже, пожалуй, слишком эмоционально сказал послу: президент считает, что, если нынешняя ситуация продлится дольше, он может потерять контроль над военными.

Я сказал: США твердо гарантируют невторжение на Кубу и уважение ее суверенитета. Тогда посол спросил меня о судьбе турецких ракет. Я ответил, что президент дает гарантию, что ракеты и ядерные боеголовки будут вывезены в течение четырех-пяти месяцев [1].

---

[1] Джон Кеннеди был верен своему слову. Он дал указание 29 октября 1962 года вывезти из Турции ракеты и ядерные боеголовки к апрелю 1963 года, даже если придется ликвидировать ракеты на месте. Впоследствии на это было получено согласие НАТО, и 25 апреля 1963 года Макнамара доложил президенту, что последняя ракета уничтожена в Турции, а последняя боеголовка вывозится.

Посол, по-видимому, был готов к такому предложению и заверил, что советское руководство даст свое согласие.

Джон Кеннеди. Итак, дипломатия оказалась эффективным средством в момент ядерного кризиса. Как ты думаешь, Бобби, что скажут американцы о своем президенте после всего этого?

Роберт Кеннеди. Все, что угодно, кроме правды. Одни будут видеть «ястреба», другие — «голубя». И только, быть может, я — один я — буду знать, что президент действовал в этот трагический момент как истинный лидер!

Джон Кеннеди. Спасибо, брат. Я благодарю бога за то, что в этот трудный час у меня есть ты, Бобби. (Крепко пожимает ему руку, и некоторое время они молчат, переполненные чувствами.)

Роберт Кеннеди. Я поздравляю тебя, Джек, со счастливым завершением тринадцати дней ядерной лихорадки и окончанием «черной субботы». Завтра все американцы, все русские да и все люди на Земле могут праздновать золотое воскресенье.

Джон Кеннеди. Да. А сегодня я отправляюсь в театр, подобно Линкольну, и надеюсь, что меня там не ждет его судьба...

Глава VI

МОРАЛЬ ЛЕОНАРДО

Мораль Леонардо... Так назвал я эту главу книги. Когда-то я прочел о том, что Леонардо да Винчи скрыл от своих современников идею создания подводной лодки — одно из самых важных своих изобретений, опасаясь, что оно попадет в руки политиков и военных. Мы узнали об этом эпизоде из его записи в дневнике, сделанной тайнописью.

Этот факт поразил меня. Как вы знаете, Леонардо да Винчи был не только величайшим живописцем, но и крупным естествоиспытателем. В качестве военного инженера он укреплял крепости, совершенствовал артиллерию, вел фортификационные работы. Но подводная лодка, по-видимому, казалась ему особенно опасным изобретением, которое может сделать невозможным свободное мореплавание.

В этом факте интересно и другое. Леонардо да Винчи не просто скрыл свою идею, не выбросил ее, а записал

для потомков. Он верил в то, что мы сможем ею правильно распорядиться, он верил в прогресс.

И вот мне давно хотелось сопоставить мораль и нравы ученых нашего времени, создающих ядерное оружие, с моралью Леонардо. Возвысилась эта мораль вместе с научным и техническим прогрессом или упала? А если упала, то почему? Что происходит в современном мире? В какой степени моральны или аморальны люди, разрабатывающие и совершенствующие новые виды вооружений?

Какой мир мы оставляем нашим детям и внукам, которым предстоит жить в XXI веке? Жить или преждевременно умереть? Умереть от термоядерного огня...

Как это началось

История создания термояда относится к началу XX века. Город Цюрих, в самом центре Швейцарии, предгорья Альп, один из красивейших уголков Земли.

По странной иронии судьбы в этом городке, в центре мирной, нейтральной страны, жил в начале века молодой человек, который работал в одном из самых мирных учреждений — в ведомстве мер и весов. Человек, известный теперь всему свету...

Вглядитесь еще раз в знакомые черты. Да, они олицетворяют могущество человеческого разума. Но только ли? Всмотритесь в этот распаханный, морщинистый лоб, в эти печальные глаза, в разметавшиеся, как на сильном ветру, седые волосы.

Нет, здесь запечатлена не только мудрость человеческой мысли — здесь проступает весь трагизм Кассандры, которая предчувствует разрушение Трои. Лицо Эйнштейна — это печаль атомного века.

Великий ученый был вовлечен в ядерный водоворот. У истоков атомной бомбы стоят открытия ученых различных стран Европы конца прошлого века и начала нынешнего.

Французы Пьер и Мария Кюри, англичане Резерфорд, Чедвик, датчанин Нильс Бор, итальянец Ферми, немецкие ученые Ган и Штрассман, австрийка Мейтнер — вот люди, которые своими открытиями положили начало атомной эре[1].

[1] Материалы по истории создания атомного вооружения взяты из книги А. И. Иойрыша, И. Д. Морохова, С. К. Иванова «А-бомба» (М., 1980).

Но кто же первым сказал «а»? Кто первым замыслил превратить эти открытия в атомную бомбу? Документально установлено, что первыми о бомбе заявили немцы. 24 апреля 1939 года в военные ведомства Германии поступило первое предложение о создании супербомбы. С ним обратились профессор Гамбургского университета Хартек и доктор Грот. В своем письме они писали: «Та страна, которая первой сумеет практически овладеть достижениями ядерной физики, приобретет абсолютное превосходство над другими». Вот она, мораль Леонардо в эпоху фашизма!

В послевоенных воспоминаниях бывшего военного преступника Шпеера имеется рассказ о том, как однажды, где-то в середине сентября 1939 года, Гитлер, вернувшийся из окрестностей Варшавы, просматривал военную кинохронику в своей берлинской квартире. На просмотре кроме Шпеера присутствовал Геббельс.

По свидетельству Шпеера, Гитлер вскочил с кресла и стал топать ногами и кричать: «Так с ними и будет! Уничтожим их!» Всего через несколько дней было принято решение о развертывании работ по созданию атомного оружия, впоследствии получивших название Уранового проекта, руководство которым было возложено на брата министра рейха — физика К. Вайцзеккера. Фактически же научным руководителем проекта стал физик-теоретик лауреат Нобелевской премии Гейзенберг. Да, да, тот самый Гейзенберг, который учился в Кембридже у Резерфорда вместе с нашим Петром Капицей, слушал там лекции Эйнштейна.

Итак, Германия дала первый толчок... Затем в дело вступили США. В августе 1939 года американский физик Сциллард посетил Эйнштейна в Лонг-Айленде, где тот находился на отдыхе. И вот такой разговор произошел между ними.

Сциллард. Я приехал сюда по совету Энрико Ферми и других ученых. Они полагают, что только вы можете убедить президента Рузвельта в необходимости приступить к созданию ядерной бомбы. Вот проект письма, подготовленного нами (читает). «Последние работы физиков показывают, что уран может быть в ближайшем будущем превращен в новый важный источник энергии. Это новое явление может также привести к созданию бомб, возможно, хотя и менее достоверно,— мощных бомб нового типа. Одна бомба этого типа, доставленная

на корабль, сможет полностью разрушить весь порт с прилегающими к нему строениями.

Поэтому США должны опередить немцев и приступить к экспериментальным работам для подготовки этого оружия. Хотел бы обратить ваше внимание на то, что Германия прекратила продажу урана из захваченных чехословацких рудников и что в Институте кайзера Вильгельма в Берлине повторяются американские работы по урану».

Эйнштейн. Имеем ли мы право убивать людей посредством энергии, которая скрыта природой за семью замками и недоступна людям?

Сциллард. Энергия урана будет использована исключительно в целях защиты от фашизма.

Эйнштейн. Но если фашизм будет повержен до того, как мы создадим бомбу?

Сциллард. Тогда она ни в коем случае не будет применена в военных целях.

Эйнштейн подписал письмо. В этом проявились все величие и все иллюзии ученых, стоявших у истоков самого чудовищного изобретения за всю историю человечества. И Сциллард, и Эйнштейн обманулись в своих надеждах. Бомба была сброшена на людей. И эта ошибка ученых определяет меру их ответственности перед всеми людьми на земном шаре, живущими под дамокловым мечом атомного уничтожения.

Письмо Эйнштейна попало к Рузвельту только в октябре 1939 года, когда в Европе уже бушевала мировая война. Это письмо было передано Рузвельту его неофициальным советником — крупным финансистом Саксом. И между ними состоялся примечательный обмен мнениями.

Рузвельт. Ну, какую еще блестящую идею вы мне принесли? И сколько надо вам времени, чтобы изложить ее?

Сакс. Сегодня я буду краток, господин президент. Я хочу напомнить вам один исторический факт. Молодой американский изобретатель явился к Наполеону и предложил ему построить флотилию паровых судов, которые могли бы пересечь Ла-Манш при любой погоде и обеспечить высадку десанта. Наполеону это показалось невероятным, и он высмеял изобретателя. История редко прощает такие промахи. Кто будет первым главой государства в мире, существующем в 1939 году, который

поможет ученым-физикам, стремящимся дать своей родине оружие, превосходящее все, что было известно до настоящего времени?

Рузвельт. В конечном счете то, чего вы добиваетесь,— это всеми средствами помешать нацистам пустить нас на воздух, не так ли, Алек?

Сакс. Совершенно верно.

Рузвельт (вызывает звонком военного помощника генерала Уотсона). Это требует действий.

Президент Рузвельт понял военное значение научного открытия ученых. 1 ноября 1939 года состоялось заседание Консультативного комитета по урану, в который вошли военные и ученые. Вскоре был создан знаменитый Манхэттенский проект. Это было 13 августа 1942 года. Во главе проекта был поставлен бригадный генерал инженерных войск Гровс. Он пригласил известного американского физика Юлиуса Роберта Оппенгеймера возглавить работу по созданию атомной бомбы. В ноябре 1942 года началось строительство лабораторий, где должны были проводиться исследования. Для этой цели было выбрано одно из самых уединенных мест в унылой пустыне штата Нью-Мексико — в районе Лос-Аламос, расположенном на плато недалеко от Санта-Фе. Сюда прибыла группа ученых из различных американских университетов, в которой решающую роль играл Энрико Ферми.

Вот любопытный факт. В 1941 году — заметьте, еще в 41-м — американский писатель-фантаст Лайн опубликовал свою повесть «Злосчастное решение». Располагая минимальной информацией, он рассказал в своей повести о том, как в Америке из урана-235 сделана сверхбомба. Он предсказал, что американские политики, военные в конце войны не погнушаются сбросить эту бомбу на крупный город противника. Когда в 45-м все это подтвердилось, писатель-фантаст был привлечен к ответственности за разглашение государственной тайны...

Прошло пять лет напряженной работы участников Манхэттенского проекта. И вот... 16 июля 1945 года в 5 часов 30 минут на уединенной базе Аламогордо в штате Нью-Мексико состоялось испытание первой атомной бомбы.

Большая группа ученых и военных расположилась в 9 километрах от стальной башни высотой 30 метров, где должна была взорваться бомба.

Единственный журналист, допущенный к испытаниям — Лоуренс, писал впоследствии в газете «Нью-Йорк таймс»: «Это был такой солнечный восход, которого еще не видел мир: огромное зеленое суперсолнце, за какую-то долю секунды поднявшееся на высоту более 3 километров и продолжавшее подниматься все выше, пока не коснулось облаков и с поразительной ясностью осветило вокруг себя землю и небо». Через несколько секунд раздался оглушительный взрыв, мощная волна пронеслась. Огненный шар солнца стал расти, все больше и больше увеличиваясь в диаметре. Вскоре его поперечник составил уже полтора километра и еще через несколько секунд уступил место столбу клубящегося дыма, который поднялся на высоту 12 километров, принял форму гигантского гриба. Потом вся земля задрожала, и вновь раздался грохот. Начался новый атомный век.

Журналист Лоуренс тут же, на полигоне, спросил Оппенгеймера, что он чувствует. Тот в ответ процитировал слова из священной книги индусов «Бхагавад Гита»: «Я становлюсь смертью, потрясателем миров». Другой ученый — Кистяковский — за завтраком в тот же день сказал: «Я уверен, что, когда наступит конец света, в последнюю миллионную долю секунды последний человек увидит нечто подобное тому, что увидели мы».

Мораль Леонардо... Быть может, ученые должны были скрыть свое изобретение? Но нет! Надо всеми маячила тень немецкой супербомбы. Надо было любой ценой опередить фашистов. Шпеер — личный друг Гитлера, который стоял во главе военной промышленности «третьего рейха», заявил на Нюрнбергском процессе: «Нам потребовался бы еще год-два, чтобы расщепить атом».

Почему немецкие ученые не преуспели в осуществлении Уранового проекта? Этот вопрос окружен легендами. Он служит темой блефов и детективных историй. Сам Гейзенберг доказывал, будто в меру своих сил тормозил осуществление Уранового проекта. Можно ли поверить в это? Можно ли поверить, что Гейзенберг действительно стал троянским конем Уранового проекта и тормозил его изнутри?

Факты свидетельствуют о другом. Об одной из самых поразительных ошибок самовлюбленного фюрера. Он не поверил в возможность достаточно быстрого создания атомной бомбы. Опьяненный успехами первых лет войны, падением Польши, крушением Франции, подчинением

его воле большей части стран Западной Европы, 22 июня 1941 года Гитлер обрушил всю мощь своей военной машины на Советский Союз. Он ждал блицкрига, быстрой победы. И вот потому-то Гитлер распорядился вкладывать средства только в военно-научные проекты, которые дадут практические результаты в самый короткий срок.

В 1941 году были сокращены ассигнования на осуществление Уранового проекта. А в начале 1942 года Гитлер подписал приказ, налагавший запрет на разработку проектов, которые нельзя реализовать за несколько месяцев. В марте 1943 года Управление армейского вооружения отказалось от Уранового проекта, и он был передан в ведение имперского исследовательского совета. Вот где главная причина того, что фашизм не получил в свое распоряжение атомной бомбы.

Уже после войны стали известны некоторые подробности, говорящие о том, что Гейзенберг, Ган и другие немецкие ученые попросту пошли ложным путем к созданию атомной бомбы...

В августе 1945 года группа немецких физиков покорно ожидала своей участи в Фарм-холле — небольшом городке в Англии. Здесь были Гейзенберг, Вайцзеккер и другие участники Уранового проекта. Незадолго до того каждого из членов этой группы выловила американская разведка, которая имела специальное задание захватить всех немецких ученых-атомщиков — участников Уранового проекта, так же как и создателей ракетного оружия. Американская разведка была столь усердна, что захватила ученых в английской, французской и советской зонах оккупации...

Здесь, в Фарм-холле, немецкие атомщики впервые услышали о взрыве атомной бомбы над Хиросимой. Между ними вспыхнула дискуссия, которая была записана на пленку подслушивающим аппаратом.

Гейзенберг. Разве в связи с этой атомной бомбой упоминалось слово «уран»?

Ган. Нет.

Гейзенберг. Тогда атомы тут ни при чем. Насколько я могу судить, какой-то дилетант в Америке утверждает, что у такой бомбы мощность 20 тысяч тонн взрывчатого вещества. Но ведь это нереально.

Ган. Как бы там ни было, вы, Гейзенберг,— посредственность и можете спокойно укладывать свои чемоданы.

Гейзенберг. Я полностью с вами согласен. Это, вероятно, бомба высокого давления, и я не могу поверить, что она имеет что-то общее с ураном. Скорее, им удалось найти какой-то химический способ гигантского увеличения силы взрыва. Для нас, занимавшихся этим пять лет, вся эта история выглядит довольно странно.

Вайцзеккер. Американцы оказались способными на координацию усилий в гигантских масштабах. В Германии это было бы невозможно. Там каждый стремился бы все сосредоточить у себя.

Гейзенберг. Серьезная финансовая поддержка стала для нас возможной только весной 1942 года. Но мы не имели морального права рекомендовать своему правительству потратить 120 тысяч марок только на строительство.

Вайцзеккер. Я думаю, что основная причина нашей неудачи в том, что большая часть физиков из принципиальных соображений не хотела этого. Если бы мы все желали победы Германии, то мы наверняка добились бы успеха.

Ган. Я в это не верю, но все равно рад, что нам это не удалось.

Гейзенберг. И все-таки, как они этого достигли? Я считаю позорным для нас, работающих над тем же, не понять, как им это удалось.

Вайцзеккер. У русских наверняка нет бомбы. Если бы американцы и англичане были бы порядочными империалистами, они уже завтра сбросили бы бомбу на Россию. Впрочем, они никогда не сделают этого. Они скорее сделают из нее политическое оружие. Конечно, это неплохо. Однако мир, достигнутый таким путем, сохранится лишь до того момента, пока русские сами не сделают бомбу. После этого война станет неизбежной.

Вот что заботило выдающихся ученых! Они боялись выглядеть посредственностью. Их тяготило ощущение проигрыша в состязании с американскими коллегами. И только! Разве их волновал вопрос о морали? Об ответственности перед человечеством? Нет! Только тщеславие. После разгрома Германии перед учеными и политиками встала именно нравственная проблема: можно ли применять атомное оружие против Японии, которая не имела ядерного проекта и находилась накануне поражения?

Надо с сожалением признать, что под давлением военных и политиков большинство ученых — участников

создания атомной бомбы проголосовали за ее применение против Японии. И только некоторые подняли свой голос против. Среди них главную роль играл Сциллард, да, да, тот самый Сциллард, который в свое время уговорил Эйнштейна подписать письмо президенту Рузвельту о создании атомной бомбы. Он снова обратился к Эйнштейну — на этот раз, чтобы с его помощью предотвратить применение атомных бомб против японского населения.

В апреле 1945 года Сциллард посетил Эйнштейна в Принстоне.

Сциллард. Рассуждая формально, я не имею права говорить с вами о том, о чем я собираюсь говорить. Да, да, формально это так. Но по существу... Встает вопрос: что делать дальше? Германский фашизм сокрушен. Это произошло прежде, чем Гитлеру удалось добиться того, что сделано здесь, в Америке.

Эйнштейн. Помните, я говорил вам о возможности возникновения такой ситуации?

Сциллард. Да, помню. Должен признаться, что тогда, пять лет назад, я не мог представить трагизм этой ситуации. Если тогда все мы тревожились, опередит ли нас Гитлер, то сейчас встает вопрос вопросов: что делать нам с бомбой дальше?

Эйнштейн. Для вас это вопрос?

Сциллард. Для меня нет. Но ведь дело не во мне. 2 августа 1939 года я просил вас подписать письмо, содержавшее ходатайство действовать как можно быстрее. А сейчас, в апреле 1945 года, я хочу уговорить вас подписать другое письмо к президенту с просьбой воздержаться от поспешных действий.

Эйнштейн поставил свою подпись, не говоря ни слова. Но было уже поздно. Ученые сыграли роль донкихотов XX века. Позднее Эйнштейн напишет исторические слова: «Американское решение было фатальной ошибкой. Стало привычным полагать, что один раз примененное оружие может быть применено снова». Это были ученые, чья мораль сродни морали Леонардо.

А как отнеслись политики того времени к созданию этого нового, неслыханного оружия? Осознали ли они все трагические последствия термоядерной гонки для судеб всего человечества?

Об этом — разговор Отца с Сыном. разговор поколений.

Сын. Ты говоришь, отец, что я не знал войны и потому живу бездумно, как трава на обочине. (Ты любишь этот наивный образ.) Что я не ценю, не считаю священных минут жизни, подаренных мне судьбой. Да, я не знал войны. Это беда моя или мое благо? Но каждый день моей жизни, сколько я себя помню, я слышу о войне. О той, которая закончилась почти за 25 лет до моего рождения. И о той, которая еще может быть. Когда — через 5—10—20 лет? И мне хотелось бы услышать от тебя — ведь ты международник и твое поколение соприкоснулось с войной,— почему я так часто слышу о войне. Это что — память о прошлом или «воспоминание» о будущем?

Отец. Ты слышишь о прошлой войне потому, что мы, люди старшего поколения, не можем забыть о ней. Ты слышишь о будущей войне потому, что мы хотим предотвратить ее. Сейчас, когда жизнь нашего поколения идет к своему неумолимому исходу, нам особенно ясно: не было у нас события более трагического, чем война, и не было у нас события более торжественного, чем Победа. В День Победы мне было немногим меньше, чем тебе сейчас. И я помню отчетливо, как все мы — юноши, девушки, дети, старики, солдаты, мужики и бабы, простые люди и люди знаменитые — плакали от счастья, от разрывающей душу тоски по тем, кто не дожил до этого дня. Все мы были как одно целое, как один организм — израненный, обессиленный, могучий, торжествующий. Такого чувства я не испытал больше никогда.

Сын. Старик, я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас...

Отец. Твоя ирония бьет мимо цели: не я спас тебя от смерти. Это меня спасли от смерти солдаты, когда они вытащили мать, отца и меня — несмышленыша из уже прихваченного огнем, горящего вокзала и перебросили через борт вагона, загруженного почти доверху металлическими чурками. То был последний эшелон, который вышел с обреченной станции. Ну тем самым солдаты, конечно, спасли и тебя. Вряд ли появилась бы какая-то другая структура, которая произвела бы тебя на свет...

Сын. Прости, я не хотел задеть тебя. И я больше других счастлив, что тебе выпало жить...

Отец. Да, мне странным образом выпало жить, потому что война закончилась в 45-м, а не в 46-м — раньше,

чем повзрослело наше поколение. Нам выпало жить в промежуточную пору, когда не было пожара войны, хотя и постоянно мелькали ее зарницы. И если бы я верил, что это может кому-то помочь, я каждый день возносил бы молитвы за тех, кто возложил свою жизнь на алтарь Победы.

Сын. Да, я помню это у Гамзатова о журавлях. Нам кажется, мы понимаем ваши чувства.

Отец. Но мы не хотим, чтобы вы жили только этими чувствами. Мы хотим другого: чтобы вы свято берегли память о тех, кто не вернулся. И чтобы вы знали, как началась война, почему ее не удалось предотвратить, какой ценой далась Победа.

Политики говорят, что новая война начинается, когда вырастает поколение, позабывшее о старой войне. Ваше поколение не должно стать Иванами, Фрицами, Джонами, не помнящими уроков прошлого.

Сын. Я хотел спросить тебя, собственно, о другом. Я часто слышал и читал о «большой тройке» — о Рузвельте, Сталине, Черчилле, о том, как они собирались вместе в Тегеране, Ялте, а затем уже в ином составе в Потсдаме и решали судьбы войны и мира. Они решали, как жить следующим поколениям — и твоему и моему. Иногда я думаю, что это были какие-то гиганты...

Отец. Почему — гиганты?

Сын. Потому что в их руках находились судьбы мира и миллиардов людей.

Отец. Я не верю в гигантизм. Сказки о циклопах или гулливерах так и остались сказками. Амплитуда возможностей человека в конечном счете не так уж велика. Медведев был когда-то самым сильным человеком на Земле — он поднимал в 3 раза больше того веса, который может поднять обыкновенный средний мужчина, если его хорошо тренировать...

Но история действительно вознесла «большую тройку» на неслыханную высоту. Огромные различия интересов, политических позиций, воспитания не помешали им принять по меньшей мере два существенных решения — о совместных действиях в войне и о послевоенном мире.

Сын. А ведь говорят, что нельзя впрячь в одну телегу коня и трепетную лань...

Отец. Вряд ли среди этой «тройки» кто-то играл роль трепетной лани... Рузвельт, который вывел Америку из

тяжелейшего кризиса и развернул ее в сторону нового курса. Черчилль, многократно отстраненный от власти и призванный парламентом и народом в годину тяжких испытаний и ими же свергнутый в момент Победы. Ну, Сталин — о нем мы когда-нибудь поговорим особо... Сам факт общения, столкновения, контакта этих политических утесов высекал искры, высекал молнии.

Сын. А что же мир, который они оставили человечеству?

Отец. Что ж, мир оказался удивительно устойчивым. Ни у кого из профессиональных политиков не может быть сомнений, что мы живем в мире, у истоков которого находится Ялта. Загляни хотя бы в Заключительный акт в Хельсинки. Европа осталась в тех границах, которые были определены накануне и после Победы. Загляни в Устав ООН — он сохранился в том же виде, что и тогда. Когда я перечитываю ялтинские соглашения, я удивляюсь не тому, как много произошло перемен — конечно, эти перемены колоссальны,— а как много было завоевано Победой.

Сын. Но нам рассказывали, что многие на Западе сейчас осуждают Ялту. Говорят о том, что тогда были заложены семена всех будущих раздоров. Говорят: уже тогда «большая тройка» ссорилась, особенно Черчилль со Сталиным.

Отец. Не внимай вздору. Ялта была торжественным мигом сотрудничества не просто разных характеров — разных социальных систем.

Представь себе... В субботу, 3 февраля 1945 года, иными словами, за три месяца до Победы, старый, больной человек — Франклин Рузвельт прибыл в Ялту, пройдя несколько океанов и морей на небольшом крейсере «Куинси», чтобы сесть за стол переговоров с лидерами страны, которая несла неслыханное бремя в общей войне. Сам по себе приезд президента был актом огромного мужества. Черчилль говорил: «Мы бы не нашли худшего места для встречи, если бы потратили на поиски десять лет». Близкие советники Рузвельта тоже возражали против его поездки в Россию. Рузвельт и в этом вопросе проявил твердость. И в немалой степени ему история обязана тем, что именно Ялта стала кульминацией сотрудничества великой коалиции, ярчайшим фактом послевоенной истории.

В Ялте были достигнуты важнейшие решения: о будущем Германии, об освобожденных районах, о Польше,

о вступлении СССР в войну против Японии, о послевоенном урегулировании с Японией, об участии Франции в оккупации Германии, о порядке голосования в Совете Безопасности ООН и многие другие.

Сын. Интересно знать, а что думали три лидера о будущем всего мира, как они себе его представляли?

Отец. Думали?..

Сын. Ну, говорили...

Отец. Что они говорили, известно.

В последний день конференции — это было 10 февраля — был дан обед, на котором присутствовали только руководящие деятели. Они обменялись тостами, и это были слова о будущем.

Рузвельт заявил, что он чувствует себя здесь как в семейной обстановке и что именно этим он хотел бы характеризовать отношения, существующие между нашими странами. Он указал на крупные изменения, происшедшие в мире в последние три года, и на то, что более крупные изменения предстоят впереди. «Наша задача,— сказал президент,— обеспечить каждому мужчине, женщине, ребенку на Земле безопасность и благосостояние».

Провозглашая тост за союз между тремя великими державами, Сталин сказал, что нетрудно было сохранить единство во время войны, поскольку существовала единая цель — нанести поражение общему врагу,— которая была ясна каждому. Более трудная задача встанет после войны, когда различные интересы будут толкать союзников к разобщению. Он выразил уверенность, что «нынешний союз может выдержать и это испытание». «И наш долг позаботиться об этом и добиться, чтобы наши отношения и в мирное время были такими же тесными, как и в военное»,— сказал он.

Наиболее патетичен был премьер-министр Черчилль. Он сказал: «Все мы стоим на вершине горы, откуда открывается широкая перспектива славного будущего... Мы сейчас находимся ближе к этой цели, чем когда-либо в истории, и было бы трагедией, которую история нам никогда не простит, если бы мы упустили предоставившуюся нам возможность».

Сын. Как ты думаешь, Рузвельт говорил искренне?

Отец. Я думаю, да. И проживи он еще хотя бы несколько лет, многое было бы иначе, несмотря на острое различие интересов и идеологий членов коалиции.

Сын. Но он вскоре умер...

Отец. Да, всего через два месяца после Ялты, 12 апреля 1945 года Рузвельт почувствовал себя плохо. Он успел произнести всего несколько слов: «У меня болит голова». После этого потерял сознание и умер. Врачи установили тяжелое кровоизлияние в мозг. Когда два месяца спустя близкий друг и сотрудник Рузвельта Гопкинс во время своего пребывания в Москве рассказал Сталину о последних минутах президента, тот ответил, что Ленин тоже умер от кровоизлияния в мозг, последовавшего за ударом, вызвавшим у него паралич руки.

Когда умер Рузвельт, наши газеты вышли с траурными рамками на первых полосах, я помню это. Многие у нас считали, что это огромная утрата для советско-американских отношений и для всего мира. И не ошиблись...

Сын. Но вот эти гиганты... Иногда они мне кажутся просто слепцами...

Отец. Почему слепцами?

Сын. Потому что они не видели будущего. Например, бомбы... и ее роли.

Отец. Какой бомбы?! Атомной?

Сын. Я не знаю другой бомбы. Есть еще, правда, водородная, а говорят, и нейтронная. Но это все едино.

Отец. Да, у нас было другое ощущение бомбы. Те, которые падали на наши дома, были другими.

Сын. А что ты испытал, когда услышал об атомной бомбе?

Отец. Я был потрясен. Мне часто потом по ночам снился сон: весь мир, вся планета взрывается, превращаясь в огненный шар, и я просыпался в ужасе...

Сын. Мне очень хотелось бы узнать вот что: как относились Рузвельт, Черчилль и Сталин к атомной бомбе? Смогли ли они предвидеть ее значение для войны и мира, для всей последующей жизни человечества?

Отец. На это нельзя ответить с абсолютной достоверностью. Известно, что в августе 1939 года Альберт Эйнштейн написал письмо президенту Рузвельту с предложением приступить к созданию атомной бомбы. Он мотивировал это тем, что в Германии ведутся аналогичные работы. Это побудило Рузвельта организовать знаменитый Манхэттенский проект, что в конечном счете привело к созданию атомной бомбы.

Сын. Хотел или не хотел Рузвельт сбросить бомбу на немцев или японцев?

Отец. Это осталось загадкой истории. Быть может, он ограничился бы демонстрацией могущества бомбы где-нибудь в пустынном месте, как и предлагали некоторые советники. В момент, когда Рузвельт находился в Ялте, еще не было известно, будет ли создана бомба. Американцы тогда считали, что если СССР не примет участия в войне против Японии, то эта война может затянуться до 1947 года и будет стоить США по меньшей мере одного миллиона человеческих жизней. Поэтому Рузвельт всеми силами добивался согласия Сталина на участие в войне с Японией. И прежде всего поэтому он был глубоко удовлетворен итогами Ялты, поскольку такое согласие было получено.

Сын. Ну а Трумэн? Колебался — бросать ли бомбу?

Отец. Ни секунды. Он выдвигал два мотива. Первый: бомба — плата за Пёрл-Харбор. Второй мотив касался СССР. «Если только она взорвется,— говорил Трумэн еще в момент испытания бомбы,— а я думаю, что это будет именно так,— я получу дубину, чтобы ударить по этой стране». Он имел в виду вовсе не Японию, а Советский Союз.

Не колебался и Черчилль. Бомба привела его в восторг. «Что такое порох — чепуха! Электричество? — Бессмыслица! Атомная бомба — вот второе пришествие Христа!» — восклицал Черчилль.

Сын. А как отнесся Сталин к бомбе?

Отец. Черчилль вспоминает любопытную историю. На Потсдамской конференции перед Трумэном встал деликатный вопрос: как проинформировать Сталина об успешных испытаниях бомбы?

После одного заседания «большая тройка» собралась в парке, примыкавшем к дворцу, в котором происходила конференция. Трумэн подошел к Сталину, а Черчилль наблюдал их разговор издали.

Трумэн сказал: «У нас есть теперь бомба необычайно большой силы». Сталин как будто не понял, о какой бомбе идет речь, поскольку Трумэн не упомянул названия — урановая или атомная. «Ну как?» — спросил сразу же Черчилль у Трумэна. «Он не задал мне ни одного вопроса»,— ответил президент.

Трумэн утверждал, что «русский премьер не проявил особого интереса». «Я был уверен, что он не имел ни малейшего представления о значении сказанного»,— писал Черчилль в своих воспоминаниях позднее. Они ошибались.

Сын. Сталин знал о бомбе?

Отец. Не только знал — и у нас уже велась работа над ее производством. Маршал Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» следующим образом рассказал об этом эпизоде. «Сообщают, что после того, как Сталин вернулся с заседания, он передал Молотову разговор с Трумэном. Молотов ответил: «Цену себе набивают». Сталин сказал: «Пусть набивают. Надо будет поговорить с Курчатовым об ускорении этих работ».

Сын. Неужели в ту пору не было людей, которые отдавали себе отчет в значении ядерного оружия, которое может перевернуть вверх дном не только военную технику, но и весь мир?

Отец. Трудно предположить, чтобы эти деятели не видели огромного воздействия, которое окажет ядерная бомба на последующее развитие мира. Хотя прямых данных об этом нет. Известно, что в последней речи, которую Рузвельт готовил, но так и не произнес в день своей кончины, он собирался говорить о растущей роли науки в мире. Он просил своих помощников подобрать цитаты из высказываний Джефферсона о науке, сказав при этом: «Лишь немногие понимают, что Джефферсон был и ученым и демократом, и кое-что из сказанного им надо повторить сегодня, потому что наука начинает приобретать значительно большее значение, чем когда-либо, для будущих судеб всего мира». Биографы Рузвельта впоследствии утверждали, что эта непроизнесенная речь была навеяна информацией о близящихся результатах Манхэттенского проекта.

Сын. Были же ученые, которые могли просветить политиков того времени?

Отец. Такие ученые были. И одному из них, датскому физику Нильсу Бору, человечество должно поставить памятник за его мужество, самоотверженность и принципиальность. В одиночку он начал борьбу против могучих властителей мира. Он обратился с письмами к Черчиллю и Рузвельту. Он утверждал, что атомная гонка может стать неизбежной, если не будут приняты меры для установления нового, более прогрессивного порядка в мире. Он считал необходимым предупредить соперничество в области атомного оружия, предлагал немедленно начать переговоры, к которым надо привлечь Советский Союз.

Когда Рузвельту доложили о соображениях Бора, он предложил организовать его встречу с Черчиллем. После

некоторого сопротивления Черчилль согласился принять Бора, который в это время находился в США. Ученый пересек океан и 16 мая 1944 года был принят премьер-министром. Эта встреча великого ученого и крупного империалистического политикана напоминала разговор двух инопланетян. Черчилль отвел Бору для беседы полчаса и большую часть времени говорил сам. Он полностью отверг предложение Бора об ослаблении секретности в создании атомного оружия, о контактах с Советским Союзом. Единственно, на что соглашался премьер-министр,— это прочитать Памятную записку Бора. Такую же Памятную записку Бор передал Франклину Рузвельту.

И вот что писал Бор: «Если только в ближайшее время не удастся достичь контроля над использованием новых активных материалов, любое временное превосходство, каким бы значительным оно ни было, может оказаться менее весомым, чем постоянная угроза человечеству. Ввиду всего этого нынешнее положение дел представляет, пожалуй, самую благоприятную возможность для проявления ранней инициативы, исходящей от той стороны, которая благодаря благоприятному стечению обстоятельств достигла ведущей роли в овладении могущественными силами природы, до сих пор находившимися вне власти человека». Бор указывал в своем письме, что советские ученые ведут аналогичные исследования и что уже в конце войны Россия сможет иметь свое ядерное оружие.

Сын. И что же дальше?

Отец. А дальше произошло нечто странное. Нильс Бор был принят президентом Рузвельтом. Президент внимательно выслушал ученого и его Записку. Однако всего лишь через три недели, 19 сентября 1944 года, во время встречи Черчилля и Рузвельта в Гайд-парке, они обсудили меморандум Нильса Бора и полностью отвергли его предложение. В результате этого обсуждения родилась другая Памятная записка — от 19 сентября 1944 года,— которая имела, в сущности, историческое значение. Однако значение, увы, с колоссальным отрицательным знаком — со знаком минус. В Записке говорилось: «Мы решительно отклоняем предложение о разглашении работ, ведущихся по проекту Тьюб Эллойз (имеется в виду Манхэттенский проект.— *Ф. Б.*)... Мы настаиваем на проведении расследования по поводу деятельности проф. Бора. Необходимо убедиться, что он не несет

ответственности за утечку информации, особенно русским».

Что касается Черчилля, то он действовал еще решительнее. Он предлагал даже арестовать Бора или по крайней мере «открыть ему глаза» на то, что он на грани государственного преступления.

Так закончилась первая миссия мира — прямая предшественница нынешнего движения ученых против атомной смерти.

Сын. Почему все-таки американцы решились сбросить бомбы на Японию?

Отец. Это легко понять, сопоставив даты. Первая атомная бомба была взорвана 6 августа 1945 года, а 9 августа Советский Союз перебросил огромные силы на азиатский театр военных действий. Квантунская армия Японии была обречена. В свою очередь, разгром Квантунской армии означал полное поражение Японии. Бомба была не последним актом войны с Японией, а первым политическим актом «холодной войны». Так Трумэн и Черчилль взяли на себя ответственность за те угрозы, которые она создала современному миру.

Сын. А что сделал Сталин?

Отец. Сталин принял единственно возможное в ту пору решение: раз атомная бомба создана американцами и они готовы использовать ее как орудие шантажа (а возможно, и не только шантажа) против Советского Союза, необходимо иметь собственную бомбу.

Сын. А нельзя было тогда добиться запрета бомбы?

Отец. В 1946 году Советский Союз обратился к Соединенным Штатам с предложением о полном запрещении производства и применения атомного оружия. Этот проект был отвергнут Трумэном и другими политическими руководителями западного мира. Так был упущен шанс — повернуть колесо истории XX века в спокойное русло.

Сын. А почему американцы не пошли на это? Они хотели напасть на нас?

Отец. Вряд ли, хотя Трумэн не исключал такой возможности. Он вел специальный дневник в 1952 году во время войны в Корее. Там есть запись, в которой он грозил нашей стране атомной бомбардировкой. Правда, одно дело — сделать запись в личном дневнике, а другое — решиться на осуществление такого чудовищного и обоюдоопасного плана.

Сын. А Черчилль?

Отец. Черчилль как раз и выступил с идеей постоянного наращивания ядерного потенциала Соединенных Штатов, Запада. Он говорил: «Может получиться, что в результате этого в высшей степени странного процесса безопасность будет дитятей страха, а выживание будет близнецом уничтожения».

Сын. Но ведь ядерная война действительно не разразилась. Разве этот факт не подтверждает позицию Черчилля?

Отец. Нет, не подтверждает. Давай подумаем: почему удалось избежать ядерной войны? Потому что война стала бессмысленной, грозит взаимным уничтожением? Потому что сложилось такое соотношение сил между двумя системами, которое делало невозможным одержать Победу? Нет, войну удалось предотвратить потому, что мы, Советский Союз, и многие другие державы и народы боролись против войны. Главное — наша политика, наша активная миролюбивая позиция.

Сын. Быть может, дело объясняется проще: в мире не было нового Гитлера, кого-то, кто решился бы на войну.

Отец. Действительно, такого руководителя в послевоенный период не было. Но были на Западе изрядно перетрусившие политики, готовые нанести — со страху — упредительный удар, смертельно боясь первого удара противника.

И все же здравый смысл брал верх. Страх, как и любая эмоция,— самый худший советчик в политике. В политике главное — расчет, трезвое понимание причин и следствий. Понимание того, что будет со страной, которая начнет войну против Советского Союза.

Сын. Но здравый смысл не гарантировал прекращения гонки термояда. Можно ли вообще ее остановить?

Отец. Механизм остановки чрезвычайно сложен. Как трудно бывает остановить даже велосипед на большой скорости. Еще сложнее остановить поезд, и невозможно на лету остановить самолет. Гонка вооружений набрала невероятный ритм, и нужны чрезвычайные усилия, чтобы ее остановить.

Сын. А сколько бомб сейчас накоплено?

Отец. Примерно 60 тысяч. И каждая из них может уничтожить 10 Хиросим.

Сын. Значит, можно уничтожить весь мир?

Отец. Теоретически можно уничтожить все живое.

Сын. Что значит «теоретически»?

Отец. Фактически бомбы падали бы не на каждого человека, не на каждое селение и город, а лишь на обозначенные цели.

Сын. А что будет с планетой?

Отец. Никто не знает, что может быть с биосферой, когда взорвутся все бомбы. Многие ученые считают, что вся планета будет охвачена холодом до 40 градусов мороза — как следствие радиации.

Сын. Но зачем же американцам так много бомб? Ведь это противоречит здравому смыслу. Зачем взаимное многократное уничтожение?

Отец. Это противоречит здравому смыслу, но не больше, чем ему противоречила первая и вторая мировые войны. Возьми первую мировую войну. Народы перемалывали друг друга в военной мясорубке. А что они могли выиграть? Территорию? Репарацию? Все эти цели ничтожны в сравнении с потерями. Механизм войны плохо согласуется со здравым смыслом. Это прекрасно показал Толстой в «Войне и мире». Есть течение событий, которое способно нарушить планы, замыслы, четко поставленные цели.

Сын. Ты полагаешь, что человечество находится во власти событий, фатума?

Отец. Дело, конечно, не в предопределенности, хотя я и слышал подобные высказывания от своих зарубежных коллег. Они говорили, что планета жаждет обновления, как накануне обледенения или всемирного потопа.

Сын. Так в чем же дело?

Отец. Трудно сказать. Но мне иногда кажется, что нас они совершенно не понимают. Более 40 лет они вбивают себе в голову (вопреки фактам), что мы вот-вот нападем, если не на них, то на Западную Европу. «Они сильны — значит, агрессивны». Так, надо полагать, многие американцы думают о нас — и глубоко ошибаются. Мы сильны потому, что хотим сохранить мир и отстоять то, что завоевано Победой. Мы помним, что на нас напали, считая нас неготовыми к войне. Мы сохраняем силу, чтобы ни у кого не было нового соблазна. Но страх перед нами — это одна сторона.

Другая — жажда командовать в мире. Они также вбили себе в голову представления о том, что США — самая богатая, самая развитая, самая могучая держава и потому должна быть лидером на земном шаре. По странному капризу судьбы атомная бомба, созданная европейцами-эмигрантами, попала в руки американских

руководителей. Это и вскружило им голову — до сих пор не раскружится. Уже давно мир стал иным. Многие страны догнали США. Одни в военном отношении. Другие — в экономическом. А американцы все еще тоскуют о былом превосходстве и хотят вернуть его любой ценой.

Сын. Ты думаешь, американцы хотят войны?

Отец. Простые люди, народ, конечно, не хотят. Да и руководители, думаю, тоже либо не хотят, либо боятся. Но дело, однако, не в прямом желании или нежелании. Дело в действиях, которые имеют свою логику.

Сын. Ты говоришь о гонке термояда?

Отец. Да. Сама по себе эта гонка все время приближает мир к войне. В нее могут включиться новые страны, в том числе возглавляемые безответственными правительствами, например ЮАР, Израиль, Пакистан. Здесь зреет новая, быть может, главная опасность.

Сын. Сколько же будет бомб к 2000 году?

Отец. При таком ритме накопления их может быть 70—80 тысяч.

Сын. А людей на Земле?

Отец. Примерно шесть с половиной миллиардов человек.

Сын. Бомб хватит на всех?

Отец. Бомб хватит на всех.

Сын. А продовольствия?

Отец. Продовольствия на всех может не хватить. Его потребление в Азии и Африке может даже уменьшиться!

Сын. А воды, лесов, энергии, растений, животных, воздуха, наконец,— всего этого будет хватать нашему поколению, когда оно достигнет зрелости?.. Таков мир, каким вы его нам оставляете...

Отец. Что же, мир как мир. Он ничуть не хуже, а, наверное, в чем-то лучше того, который достался нам. Как бы там ни было, а мировой войны нет уже более 40 лет. И есть реальная надежда, что ее не будет.

Сын. А что для этого нужно?

Отец. Многое. В частности, приход на Западе реалистически мыслящих лидеров, с которыми можно было бы иметь дело.

Сын. Я не всегда могу понять, в чем суть споров между американцами и нами. Почему нам так трудно говорить друг с другом? Разве американцы не боятся ядерной войны? Разве им не страшно?

Отец. Им страшно, но выход они искали во все большем накоплении оружия. Наши руководители заявляют:

ядерной войны допустить нельзя — ни малой, ни большой, ни ограниченной, ни тотальной. Они говорят: попытка решить исторический спор между двумя системами путем военного столкновения была бы гибельна для человечества. Давайте разоружаться!

Сын. Мне кажется, это элементарно. Неужели кто-то на Западе отвергает такой подход?

Отец. К сожалению, да. Не всегда открыто, но своими практическими действиями. Они верят в оружие как фактор сдерживания. Генералы поклоняются бомбе, как некогда древние люди поклонялись какому-то идолу.

Вот что заявил президент Р. Рейган: «Я торжественно обещал восстановить военную мощь Америки так, чтобы мы могли способствовать миру, гарантируя в то же время нашу свободу и безопасность... Ядерный потенциал сдерживания был и остается единственным величайшим оплотом мира в послевоенную эпоху».

Единственным... И пока не будет отвергнута такая философия и такая политика, мир будет висеть на волоске. Нужны деятели, которые не возлюбили бы, а возненавидели бомбу. Важно, чтобы в США появились такие партнеры. Быть может, одним из них мог стать Кеннеди, но его убили. Одно время казалось, что им может стать Никсон, но его прогнали. Наконец, Картер подписал Договор ОСВ-2, но он не был ратифицирован в конгрессе. А затем и сам Картер потерпел поражение на очередных выборах. Пришел Р. Рейган, который вначале повернул в сторону милитаризма.

Сын. Но ведь были переговоры — и в Женеве, и в Рейкьявике. Президент признал невозможность ядерной войны. Он не отверг идею ядерного разоружения. Мы заключили с Америкой соглашение об уничтожении ракет среднего радиуса и тактических ракет.

Отец. Да, все это так. Но — я в этом убежден — официальный Запад пока не готов к полной ликвидации ядерного оружия.

Сын. Что же, остается ждать нового Рузвельта?

Отец. Сами американцы пишут о вакууме руководства в США. Приходит на память статья из «Нью рипаблик», в которой говорилось о неудачливых президентах в Америке. Там называют: Джонсона — «мужланом», Никсона — «мошенником», Форда — «клоуном», Картера — «некомпетентным» президентом. Конечно, здесь изрядная доля гротеска. Но факт остается фактом:

в нынешних условиях Западу все еще не хватает лидеров с историческим мышлением.

Сын. Ты веришь, что такие лидеры появятся?

Отец. Я надеюсь на это. Чрезвычайные угрозы возносят, как правило, на гребень мировой политики мировых лидеров. Америка ждет нового Рузвельта. Она все более проникается пониманием немыслимости ядерной войны.

Сын. Ты говоришь о руководителях или общественности?

Отец. Об общественности, к которой все чаще примыкают представители руководства. Миллионы американцев поставили свои подписи под требованием запрещения атомной бомбы, десятки миллионов — под требованием замораживания. Большинство палаты представителей конгресса отстаивает идею замораживания ядерного оружия. В их числе такие известные деятели, как демократ Эдвард Кеннеди и бывший кандидат в президенты от демократической партии Г. Харт. Конгресс все чаще ограничивает президента в развертывании программы СОИ и в проведении испытаний ядерного оружия. Среди опрошенных американцев две трети высказались за советско-американский пакт о прекращении создания нового ядерного оружия и за улучшение отношений между двумя странами. Нынешние и будущие американские лидеры должны будут посчитаться с этим поворотом в общественном мнении.

Сын. А пока — пока ты мог бы прямо ответить на прямой вопрос: будет ядерная война при жизни нашего поколения или не будет?

Отец. Вопрос не прямой — прямолинейный. Никто не мог бы тебе ответить на этот вопрос. Можно говорить лишь об усилиях, о борьбе, о тенденциях, о возможностях.

Сейчас во всем мире произошел взрыв общественной активности. Простые люди стали понимать, что дело мира пора брать в собственные руки. Прогрессивная политика и массовая активность — это главная гарантия мира. Войну удастся предотвратить, если оба эти фактора будут сопряжены, действенны, эффективны. Такая возможность есть, и она реальна.

Сын. Ну а ближайшие перспективы, разве они не поддаются прогнозу?

Отец. Я бы рискнул сказать, что в мире пока нет таких сил, которые хотели бы и одновременно могли бы начать ядерную войну.

Сын. Ну а дальше? Дальнейшее — молчание, как говорил Гамлет?

Отец. Дальше — дальнейшее уже будет зависеть от вашего поколения.

«Звездные войны»

В последние годы термоядерная гонка приобрела новое качество. Возникла угроза ее перенесения в космос.

В связи с этим все большую активность в борьбе против ядерной угрозы проявляет «Союз обеспокоенных ученых» США. Представим себе одну из его дискуссий по поводу программы «звездных войн». Полемика ведется главным образом между американскими учеными-физиками. Ниже я попытался воспроизвести одну из таких дискуссий, разумеется, со своим комментарием...

В центре внимания всех представителей прессы и зрителей — а было их там не меньше 50 человек — находился один из старейших американских ученых-физиков. Известный всему миру создатель водородной бомбы, этот человек сейчас выступает в роли главного защитника программы «звездных войн». Я предпочел бы не называть его. Подлинное имя этого человека известно всем. Назову его просто Тедди, отец Марии. Впрочем, и другие участники дискуссии выступают не под своими именами, хотя позиции, мысли, доводы каждого я стремился воспроизвести со скрупулезной точностью.

Итак, представьте себе зал заседания. Вот он перед нами, «гений» эпохи, человек, который разгадал тайну солнца — термоядерную реакцию!

Его оппонент тоже известный физик, один из организаторов «Союза обеспокоенных ученых». Назовем его Карлом. Мария, дочь Тедди от второго брака, которая, надо думать, без разрешения отца явилась на этот ученый диспут, чтобы составить свое мнение, а может быть, и сказать свое слово. Ее друг Авель. Он пришел сюда не спорить, а протестовать.

Диспут начинается.

Тедди. Итак, почему я говорю «да» программе «стратегической оборонной инициативы»?

Оборона эффективна, если 80 процентов ракет нападения может быть уничтожено ценой всего лишь какой-то части средств, затраченных на нападение.

Возможно ли добиться такого результата? Я утверждаю, да, возможно.

Один из методов перехвата ракеты первого удара — как в фазе запуска, так и в фазе полета — использование мощного лазерного пучка, который отличается высочайшей точностью прицела. В этом случае лазерные установки находятся на Земле, и по сигналу о начавшемся нападении на орбите приводятся в действие специальные зеркала, с помощью которых лазерный луч направляется на мишень.

После обнаружения ракеты ее надо сбить либо с помощью инертного снаряда, так называемого «кинетического убийцы», либо с помощью энергии ядерного взрыва. Мой вывод: без надежной системы обороны в случае широкомасштабной войны может погибнуть один миллиард человек. При наличии такой системы потери уменьшатся минимум на 800 миллионов человек.

Задачу построения мира на основе взаимопонимания и сотрудничества следует, пожалуй, оставить нашим детям и внукам. А оборонительное оружие как раз и может дать будущим поколениям возможность сосуществовать и сотрудничать.

Карл. Почему я говорю «нет» программе «звездных войн»?

В американских и советских арсеналах примерно 20 тысяч единиц стратегического ядерного оружия (помимо 30 тысяч единиц так называемого тактического ядерного оружия) ждут, когда их сбросят на мишени. Количество человеческих жертв в серьезном конфликте между США и СССР, по подсчетам специалистов, в среднем составит до 2-х миллиардов человек. Если к этому добавить повышение уровня радиоактивности, действие токсических газов от горящих городов и наступление так называемой «ядерной зимы», то станет ясно: человечество стоит на краю окончательной катастрофы.

Стратегическая оборонная инициатива является, в сущности, оборонительной многоплановой системой, включающей в себя лазеры, пучковое оружие и ракеты-«убийцы», действующие на кинетической энергии. Но даже ученые и инженеры, относящиеся к СОИ благосклонно, сомневаются в том, что за несколько десятилетий удастся привести в действие оборонительную систему, эффективность которой составила хотя бы 50 процентов. Допустим даже, что она будет эффективна на 80 процентов. Это значит, что, если русские выпустят против Соединенных Штатов 10 тысяч боеголовок, 20 процентов из них достигнут цели. Но 20 процентов —

это 2 тысячи боеголовок, чего вполне достаточно, чтобы полностью уничтожить Соединенные Штаты.

Мой вывод: стратегическая оборона не сможет защитить США в случае атомной войны. СОИ может быть преодолена и хитроумно обойдена. Она подвергает опасности космическое пространство и усугубляет угрозу атомной войны.

Тедди. Мой коллега не принимает во внимание существенный момент. Имеется область, в которой Соединенные Штаты обладают неоспоримым превосходством. Это компьютеры. Современные суперкомпьютеры позволяют создать разветвленные системы, нейтрализующие помехи. Здесь мы впереди, и было бы глупо этим не воспользоваться!

Карл. Сомнительно, чтобы русские с их выдающимися достижениями в области космической техники сидели сложа руки и дожидались, когда Соединенные Штаты доведут до совершенства свою СОИ.

Что касается компьютеров, «управляющих боем», то пока электронно-счетного устройства, обладающего всеми необходимыми для этого качествами, не существует. И появится оно не раньше чем через несколько поколений компьютеров.

Несмотря на все усилия лучших специалистов, компьютеры страдают серьезными недостатками из-за ошибок в программировании. Нередко ошибки эти не удается выявить своевременно, отчего срывается запуск ракет или спутники вообще гибнут. И только после многочисленных проб ошибку удается исправить. Но в «звездных войнах» не будет времени для проверок и исправления ошибок. «Проверка» будет только одна.

Председательствующий (держит в руках какую-то записку). Господа! Я вынужден прервать ваш диспут для прослушивания важного сообщения (читает). «Через несколько минут с мыса Канаверал во Флориде отправится в космическое плавание корабль многоразового использования «Челленджер». На этот раз мы сможем увидеть весь сценарий этого захватывающего спектакля. Семь участников полета, в их числе учительница Криста Маколифф, удобно располагаются в своих уютных креслах. Дается команда... Пуск!.. Но что это? Что?.. Что происходит с ракетой?.. О!О!О! «Челленджер» горит! Он взрывается! Ракета падает и исчезает в пространстве...» Все вскочили с мест. Лица... Лица... Лица.

...Да, сама смерть разметала этот научный диспут. Никогда я не видел такого взрыва эмоций, было перемешано все — боль, горе, отчаяние, протест, вызов. Заседание, конечно, было прервано, и председательствующий даже не объявил о том, когда оно будет продолжено.

Голос диктора (программа Эй-би-си). В Вашингтоне и во всех других городах США приспущены государственные флаги над учреждениями и предприятиями, в воинских частях в знак скорби по поводу гибели семи космонавтов, находившихся на борту потерпевшего катастрофу космического корабля многоразового использования «Челленджер». Страна оплакивает всех, и особенно Кристу Маколифф, которая должна была вести передачи для школьников из космоса.

История эта имела продолжение. Дальнейшее действие произошло в номере гостиницы. В кресле сидит Мария. В углу — Авель. Они смотрят телевизор, по которому передают информацию и комментарий о гибели «Челленджера». Эта передача продолжается и во время последующей беседы. Звук то нарастает, то убывает.

Мария (плачет). Ужасно... Она была учительницей, как и я...

Голос диктора. Точная причина катастрофы пока не установлена, факты указывают скорее на отказ систем, чем на ошибку персонала. А это свидетельствует о ненадежности технической базы далеко идущих космических планов Рейгана. НАСА вынуждено приостановить на год программу «Спейс шаттл».

Входит отец Марии.

Тедди. Моя девочка, моя бедная девочка! (Бросается к ней, прижимает к груди ее голову.)

Голос диктора. Президент Рейган заявил, что «на этом ничего не заканчивается», это вызывает различную реакцию среди политиков, военных и ученых.

Мария. Даже сейчас они продолжают врать. Ты... Ты участвовал во всем этом, отец?

Тедди. Непосредственно — нет. Но я знал о готовящемся полете. Его программа пересекается с моими исследованиями, и мы заложили в нее свой небольшой эксперимент... То, что произошло, ужасно... Я понимаю твои чувства.

Мария. Ужасно? И это все, что ты можешь сказать?

Тедди. Во все времена познание требовало жертв. Вспомни Прометея!

Мария. Погибли люди, Криста... Она ничего не знала о ваших играх...

Тедди. Было опрометчиво посылать женщину в космос. Я всегда был против этого. Полеты — слишком суровое занятие, их не следует превращать в шоу или в бизнес.

Голос диктора (Эй-би-си). Корабли многоразового использования непосредственно приходят на смену ракетам и бомбардировщикам, но катастрофа показывает, какой предстоит еще пройти путь, прежде чем космические исследования станут безопасными для будущего человечества.

Тедди. Вот видишь? Без риска нет продвижения вперед.

Авель. Вперед? Куда? К ядерной могиле?

Тедди. Я не хотел бы продолжать этот спор сейчас. Ты не представила меня, Мария.

Мария. Авель, это мой знаменитый папа, ты о нем слышал.

Авель. Сэр...

Мария. А это мой друг Авель.

Тедди. Твой друг? И давно?

Мария. Достаточно давно. Уже три месяца.

Тедди. Мистер Авель, нельзя ли попросить вас погулять с полчаса? А потом, если позволите, мне хотелось бы поговорить и с вами.

Авель. О чем нам говорить, сэр?

Тедди. Я отец Марии. Я думаю, что мне есть о чем поговорить с ее другом.

Авель. Что ж, я готов, сэр, если этого хочет Мария.

Тедди. Я этого хочу! Разве этого недостаточно? (Примирительно.) Потом, почему вы так обращаетесь ко мне все время — сэр, сэр? Зовите меня просто Тедди.

Авель (раздумчиво). Тедди? Разве я стал бы называть своего генерала Тедди? Быть может, вы не знаете, что я был всего-навсего сержантом в армии, сэр?

Тедди. Но я не генерал.

Авель. Вы больше чем генерал, сэр. Ведь вы создали эту штуку.

Тедди. Какую штуку? Что вы там бормочете?

Авель (спокойно). Бомбу. Разве не вас называют отцом водородной бомбы, сэр?

Тедди (с некоторой гордостью). Ну да, я изобрел водородную бомбу, ну и что? Какое это имеет отношение к нашему разговору?

Авель. Никакого, сэр. Я просто объяснил вам, почему я не могу обращаться к вам иначе. (Пауза.) Кроме того, я черный.

Тедди. Черный? Какой же вы черный?

Мария. Его прабабушка по матери была черной.

Авель. Я черный, сэр. Это так же верно, как и то, что вы не вполне белый в этой стране, сэр.

Тедди (закипая). Я не могу понять, что здесь происходит. При чем здесь прабабушка, при чем здесь черный? Я пришел сюда, чтобы поговорить со своей дочерью, и прошу вас, мистер Авель, предоставить мне такую возможность. Разве я не имею права на этот маленький знак внимания, в конце концов?

Авель. Извините, сэр. Но вот как Мария?

Мария. У меня нет секретов от Авеля, папа. Кроме того, ты, наверное, будешь говорить о политике. О нашей демонстрации. Против этого нелепого диспута. Но об этом лучше тебе поспорить с Авелем.

Тедди. Почему же нелепого, позвольте вас спросить, господин Авель? Вы сами, наверное, стоите за выяснение истины. А истина рождается в споре, в сопоставлении научных мнений.

Авель. Мнений? Ваш диспут, сэр, скорее напоминал пир во время чумы. Два ученых гурмана, любуясь своим интеллектом, спорят о том, сколько погибнет от ядерной чумы — сто миллионов, миллиард — или погибнут все эти гусеницы с человеческим обликом, которые не в состоянии даже понять, о чем идет речь. Атомная реакция, лазерный луч, кинетика — игра для посвященных. Игра римских авгуров, которые обмениваются друг с другом многозначительными междометиями...

Тедди. Теперь я понимаю, что с тобой происходит, моя девочка. В какие игры тебя вовлек этот странный парень...

Мария. Никто меня не вовлекал, отец. А уж если кто-то и довел меня, то, говоря начистоту, это был ты, именно ты.

Тедди. Я? Я люблю тебя, тебя одну всю мою жизнь. Еще задолго до твоего рождения я знал, что ты придешь. Я ждал тебя. После смерти Берты я не любил никого, кроме тебя...

Мария. Я не застала Берту. Мне говорили, что она была хорошей женщиной. Быть может, если бы она была моей матерью, все было бы иначе. Но мою мать ты не любил никогда.

Тедди (пауза). Да, это правда. Я не любил твою мать. Я женился на ней только для того, чтобы была ты. Я так был поглощен своим делом, что у меня не хватало ни сил, ни времени на что-то другое. Одна ты всегда была моим прибежищем, нитью, которая связывала меня с жизнью. И вот теперь ты уходишь...

Мария. У тебя остается твое дело, твоя бомба.

Тедди (потрясенно). Когда-то ты гордилась своим отцом...

Мария (печально). Да, я гордилась тобой всю мою жизнь.

Тедди. Что же? Что произошло? Что переменилось?

Мария. Все рухнуло. Рухнуло в один день. Рухнуло, когда я поняла, чем ты занимаешься...

Тедди. Чем я занимаюсь? Я работаю на безопасность Америки.

Авель. Безопасность... оборона... Этими словами полковник Оуррен держал всех нас в подземелье три года. Ровно три года я просидел в бункере у пульта, вернее, у замка, простого замка наподобие зажигания в автомашине. Стоило только повернуть ключ!

Тедди (примирительно Авелю). Я понимаю... Это тяжелая работа. Но кто-то должен ее делать, не так ли? Она по плечу только мужественным людям. Я рад пожать вашу руку (протягивает руку, но она повисает в воздухе).

Авель (вежливо). Сэр?

Отец. Мы с вами делали одно дело, только разными средствами.

Авель. Сейчас, пожалуй, вы правы, сэр. Но я вышел из игры.

Тедди. Вы дезертировали?

Авель. Считайте, так. Я просто снял с себя ответственность... А вы, вы, кажется, продолжаете играть в эти игры. Вы и сейчас считаете, что, создавая бомбу, работали на безопасность страны?

Тедди. Да, черт побери! А во имя чего тогда мы работали? Не спали ночей. Искали, мучились сомнениями. Рисковали своей шкурой во время испытаний. Потом, я был не один. В наших проектах участвовали самые выдающиеся ученые мира. Ферми, Сциллард, Бор, Оппенгеймер, наконец, сам Эйнштейн, великий Эйнштейн стоял у истоков создания бомбы.

Мария. Я с детства слышала эти имена — Эйнштейн, Ферми, Оппенгеймер. Я жила среди их портретов, о них

вспоминал отец. Они открыли какой-то другой, потусторонний мир. И в их руках оказались наши судьбы — судьбы всех живущих на Земле людей.

Авель. Нужно ли было его открывать? Да и кому охота жить в потустороннем мире?

Тедди. Это вполне реальный мир. Просто чтобы его понять, нужно немного напрячь свои способности и немного знания.

Мария. Я думала — они не ведали, что творили. Отец рассказал мне о бомбе. Потом я увидела фильм. А потом мне часто снился один и тот же сон: последний миг моей жизни — весь мир, вся планета взрывается, превращается в огненный шар, и я просыпалась в ужасе...

Авель. Меня еще в школе, а потом в армии приучали относиться к бомбе иначе. По-деловому. Ну бомба, ну уничтожит сразу полмиллиона человек. Но если ты остался, не обуглился, ты должен делать что-то, готовиться к ответному удару, спасать живых, спасать себя...

Тедди. Я не голосовал за применение атомных бомб против Хиросимы и Нагасаки. У меня чистые руки.

Авель. Но вы и не выступили против этого.

Тедди. Не выступил. И не только потому, что это было бесполезно. В ту пору у нас, у Америки, появился новый враг — русские. Они включились в создание ядерного оружия. Гонка стала неизбежной. И нам надо было любой ценой быть впереди. Уже тогда я понял, что Черчилль прав — бомба станет главным средством сдерживания и предотвращения войны. Безопасность и ядерная мощь стали близнецами-братьями.

Авель. И дело пошло быстро — не правда ли, сэр? Сколько ядерных бомб сейчас имеется в мире?

Тедди. Ну скажем, около 60 тысяч.

Авель. И что же — мир стал безопаснее? Америка да и другие страны живут спокойнее? Вы можете констатировать это с чистой совестью?

Тедди. Но мировую войну удалось предотвратить. И этим мир обязан нам. Разве это не так?

Авель (холодно). Бомба имеется у обеих сторон. Какой же бомбе прикажете молиться за то, что все еще нет войны? Нашей или русской?

Тедди. Дурацкие вопросы. Разве наша сдерживает нас? Она сдерживает русских.

Авель. А русская бомба? Разве она сдерживает их самих? Она сдерживает нас.

Тедди. Ну и что?

Авель. Это я спрашиваю вас: ну и что? Чего вы добились?

Тедди. Вы хотите дать свое объяснение, почему нет войны.

Авель. Да это же очевидно. Войны нет, потому что нет нового Гитлера. Как вы думаете, если бы во главе какой-либо державы, располагающей этими игрушками, стоял такой Гитлер, остановил бы его страх перед возмездием? Или он решился бы на авантюру? Ответьте по совести.

Тедди (с колебанием). Не знаю, откровенно говоря, не знаю. Самого Гитлера это, пожалуй, не остановило бы.

Мария. Вот видишь, отец...

На экране телевизора кадры американской хроники.

Голос диктора (Эй-би-си). Сегодня здесь, на мысе Канаверал, собрались 3 тысячи сотрудников Центра космических полетов имени Кеннеди, чтобы траурной церемонией почтить память семи погибших членов экипажа «Челленджера».

Они расположились на тех самых трибунах, неподалеку от стартовой площадки, где утром 28 января сидели друзья и родственники отправляющихся в полет астронавтов.

В пасмурное небо поднимается вертолет. Он берет курс на океан. Ровно в 11 часов 39 минут — время взрыва космического корабля — с вертолета сбрасывают в морские волны венок, в который вплетены семь белых гвоздик.

Тедди. Мы живем в технотронный век, дети мои, и вы не вправе терять мужество.

Авель. Мужество... Трусость... Престиж... Нам вбивали в голову эти слова тысячу раз наши офицеры. Но что все это значит перед фактом взрыва 50 тысяч бомб? Всеобщего уничтожения? Обледенения Земли?

Тедди. Мы можем создать оборонительный щит и спасти нашу цивилизацию. Ты слышишь меня, Мария? Я не только создал водородную бомбу, которая тебя ужасает, но я изобрел и защиту от нее, оружие, которое гарантирует нашу оборону.

Авель. Мы слышали на диспуте об этом. В газетах. Там говорилось, что такое оружие уже разработано.

Тедди. Эта программа нацелена против самого опасного для Америки оружия — русских межконтинентальных ракет. Представьте себе, что Америка останется

без этой активной обороны и Советский Союз совершит на нее нападение, чтобы завладеть ею, 95 процентов населения исчезло бы с нашего континента. А при наличии оборонного щита погибло бы лишь 10—20 процентов населения.

Мария. Но это же миллионы людей!

Тедди. 25—50 миллионов человеческих жизней — это, конечно, потеря ужасная. Но все же не конец света.

Авель. Может быть, следовало бы спросить у тех самых людей, которые попадут в число 25—50 миллионов смертников?

Мария. В самом деле, отец, кого ты включаешь в эти 25 процентов? Меня? Себя? Авеля?

Тедди (пытается отшутиться). Так нас же трое — стало быть, это 75 процентов — те, кто сохранится.

Мария. Тогда давай пригласим четвертого, например нашего президента. Кого же из четырех можно будет обречь на заклание?

Авель (рассудительно). Президента надо исключить. Нам говорили, что в момент опасности его мгновенно поднимут на самолете высоко в воздух. Оттуда он будет руководить операцией «Смерть нации». Профессора, наверное, тоже следует исключить. Таких людей правительство будет прятать где-то в самых глубоких бункерах.

Мария. Тогда нас остается только двое — Авель и я. Ты, конечно, оставишь меня в живых, папа? И на заклание отдашь Авеля?

Тедди. Решили подурачить старика, молодые люди? Как же на самом деле зовут твоего дружка, Мария? Как вас зовут, молодой человек? Хотя бы это вы можете сказать отцу Марии?

Авель (вскакивает). Сержант в отставке, сэр. Солдат военно-воздушных сил, сэр. Готов на все ради наших высоких идеалов, сэр!

Тедди (холодно). Кончайте валять дурака, сержант или кто бы вы там ни были.

Авель (молодцевато). Есть не валять дурака. (Садится.)

Тедди. Авель?! А я, по-вашему, кто — Каин? Убийца в голубом халате? Вы хотите изобразить нас, ученых, положивших свой талант, свой гений, свою жизнь на спасение Америки, убийцами? Вы хотите повернуть вспять всю историю нашего века, вернуть его к доатомной эре? Но это невозможно. Научный прогресс не остановить. Не создай мы бомбу, ее создали бы другие —

немцы, японцы, русские. Кстати, русские создали ее очень скоро после нас.

Авель. После. В этом все дело! А когда мы были одни, был шанс остановить процесс и договориться с русскими.

Тедди. Нам была нужна бомба, чтобы русские не захватили Западную Европу, а может быть, и весь мир.

Мария. И ты веришь в эти басни, отец?!

Авель. Скажите откровенно, сэр, что там у вас еще на уме — вооружить лазерами «Шаттлы»? Соорудить военные станции на Луне? Изобрести ядерные пистолеты?

Тедди (блестя глазами). Пистолеты? А что, это вполне осуществимая идея. Вот смотрите, молодой человек, вы должны это понять (чертит что-то на бумаге).

Авель (обращаясь к Марии). А он у тебя случайно не того, Мария? (Крутит пальцем вокруг лба.) Это объяснило бы многое.

Тедди (закипая). Смею заверить, что мой интеллект удостоверен пятью академиями, членом которых я являюсь. Я понимаю, что вам на это наплевать в высшей степени, но любой компетентный человек скажет вам, что в мире сейчас нет ученого, который знал бы ядерную проблему лучше меня.

Авель. Тогда это сам мир того... если он до сих пор не разглядел вашего безумия, сэр.

Тедди. Безумия? Создавать оборонительную систему — это безумие?

Авель. То же самое вы говорили и о наступательных системах. А какая гарантия, сэр, что в ответ на вашу оборонительную систему не будет создана эффективная наступательная система? Или что сама ваша оборонительная система в перспективе не перерастет в наступательную?

Тедди. Я ничего не могу гарантировать. Никто не может заглядывать так далеко вперед. Мы отвечаем на непосредственные угрозы. Мы участвуем в разработке глобальных стратегий сегодняшнего дня. А какими они будут завтра, в конце нынешнего века, а тем более в середине следующего, этого знать не может никто. Даже я.

Авель. А после, что будет после?

Тедди (пауза). Не знаю... Я не знаю, что будет после.

Мария. Отец! Дорогой отец! Послушай меня: пойдем с нами! Это придаст могучий импульс нашему движению. Заяви, что ты хочешь встретиться с русскими

физиками, как советовал Нильс Бор еще в самом начале ваших игр. Единение создателей оружия во имя его уничтожения! Мы будем вместе!

На экране телевизора — хроника американской и советской космической технологии. Полет «Союз — Аполлон». В затылок виден американский телекорреспондент.

Корр. Какую альтернативу вы видите планам «звездных войн»?

Карл. Такой альтернативой должно стать совместное с русскими исследование космического пространства и полеты к другим планетам.

Я мечтаю написать репортаж о том, как американский «Шаттл» стыкуется с советским «Салютом». Как по новой мирной программе работает новый международный экипаж, как создается на орбите гигантская космическая верфь, на которой монтируется международный межпланетный пилотируемый корабль, как стартует он к Марсу. Как печатают советские и американские парни первые следы на красном песке марсианских пустынь.

Тедди (пауза). Это невозможно. Это иррационально. Это недостижимо, ни американцы на это не пойдут, ни тем более русские. Он не знает русских!

Мария. За что ты так ненавидишь их, отец? Ведь это не русские, а фашисты уничтожили в Венгрии твою семью и хотели убить тебя. Ведь это от фашистов ты бежал в Америку. А русские уничтожили фашистов.

Тедди. Я ненавижу не русских, а их систему. Человеку с талантом и интеллектом там невозможно дышать...

Авель. Предположим, сэр, вас вывезли бы не в Америку, а в Россию, вы и там делали бы бомбу?

Тедди (пауза). Я создавал бомбы не для нападения, а для защиты Америки (устало). В конце концов, я не политик, я — физик.

Мария. И как физик мог заниматься звездами, а не «звездными войнами». Тогда ты действительно мог стать великим ученым, и вся твоя жизнь была бы иной...

Тедди. Я и есть великий ученый... если хотите знать. После Эйнштейна не было никого значительнее меня в науке. (Бормочет.) Ферми? Конечно, он был неплохой физик, но уже тогда он прислушивался к моим советам, хотя был вдвое старше.

Мария. А другой...

Скажи, ведь все это неправда, что пишут газеты?.. Что это ты погубил Оппенгеймера?..

Тедди. Клевета! Бесчестная клевета! Я никого не погубил. Ни Оппенгеймера, ни кого-либо другого на протяжении всей своей жизни. Я стоял перед трудной дилеммой, и я был единственным, кто занял мужественную позицию.

Авель. Когда решался вопрос, оставаться ли Оппенгеймеру во главе программы создания новых видов атомного оружия, комиссия допросила 24 ведущих ученых. Только пять человек осудили его позицию. Это верно, сэр?

Тедди. Да, кажется, их было пять.

Авель. Точнее было бы сказать — «нас», а не «их», сэр. Вы были забойщиком среди них. Не так ли, сэр?

Тедди. Что значит «забойщиком»? Я занял твердую позицию, и весь последующий ход истории полностью подтвердил ее правильность.

Мария. Твердую? Что это значит, отец?

Авель. Я скажу тебе, Мария, как это было. Судилище над Оппенгеймером было переломным моментом в отношениях между политиками и учеными. В глазах политиков Оппенгеймер был виновен. Он противился созданию супербомбы и добивался переговоров по этому поводу с СССР. Это вызвало взрыв и в Белом доме, и на Капитолии, и в Пентагоне. Оппенгеймер предстал перед специально созданным комитетом по атомной энергии. Так, сэр?

Тедди. Примерно так.

Авель. Расследование началось 12 апреля 1954 года. Председательствовал бывший военный министр Г. Грей. Заседателями были — промышленник Т. Морган и профессор У. Ивенс. Советником был адвокат Р. Ребб — близкий сотрудник сенатора Маккарти. Материалы расследования заняли три тысячи страниц. Так, сэр?

Тедди. Ну, дальше.

Авель. Дальше Оппенгеймер говорил о том, что его ужасает, как быстро падает моральный уровень. Уже никому не кажется странным, что уничтожают целые города... Он говорил прежде всего об ученых, которые знают, что делают. Он сказал, что сейчас, когда нам угрожают тысячи ловушек техники... мы должны, более чем когда-либо, требовать свободы личности, больше, чем когда-либо, заботиться о человеке. И он говорил, что мечтает об обществе, где дети учат наизусть стихи, где женщины танцуют в хороводах, где каждый чувствует

искусство и стремится к науке... Он осудил применение атомного оружия в Хиросиме. Он сказал, что это оружие агрессии, внезапного нападения и ужаса... И тогда...

Мария (напряженно). Что тогда?

Авель. Тогда комиссия обратилась к твоему отцу.

Мария. И что сказал отец? Что ты сказал, папа?

Тедди. Я сказал то, что могу повторить и сейчас. Мы были потрясены, когда узнали, что профессор Оппенгеймер во время визита к президенту Трумэну плакал и проклинал свои руки и свой мозг, которые были причиной смерти сотен тысяч людей. Я понимал эти чувства, они могли бы дать современному Шекспиру сюжет для трагедии нашего века.

Авель. А потом, что вы ответили на прямой вопрос комиссии: можно ли считать Роберта Юлиуса Оппенгеймера благонадежным?

Тедди. Я в корне расходился с ним по многим вопросам, его действия, говоря откровенно, всегда казались мне путаными и непонятными. И я сказал, что предпочел бы, чтобы работой по обеспечению жизненных интересов страны руководил другой человек, которого я понимаю лучше и которому, следовательно, я больше доверяю...

Авель. Вы сказали еще прямее, сэр! Благоразумнее было бы признать Оппенгеймера неблагонадежным и лишить допуска к секретной работе.

Тедди. Ну и что? Я не стыжусь этого. Да. Было бы правильнее не давать ему допуска к работе, в которую он не верил.

Мария. Так это правда, отец. Ты предал своего друга! Учителя, единомышленника.

Тедди. Он не был ни моим учителем, ни другом, ни единомышленником. Никогда. Ни одной минуты. Наоборот. Мы — представители совершенно различных культур. Он — американец, я — венгр, он — менеджер, прежде всего менеджер, любитель рекламы и власти. Я — ученый. Он постоянно хромал в сторону коммунистов. Его жена была членом компартии. Он... он завидовал, да, завидовал мне. Потому что идея термоядерной реакции пришла вот в эту голову. (Стучит себя по лбу.) И Оппенгеймер не мог вынести этого. Да что мы здесь толкуем о морали? Вы знаете, что сказал Энрико Ферми, вдохновитель всего нашего проекта, когда была взорвана первая атомная бомба на испытательном полигоне? «Это прежде всего интересная физика».

Мария. Ужасная фраза. Наверное, он раскаялся в ней?

Тедди. Никогда! Он понимал: война кормит науку.

Авель. Да, все вы перешагнули через мораль подлинных гениев. Джордано Бруно сгорел на костре, отстаивая истину, Леонардо да Винчи...

Тедди. Что вы толкуете о Леонардо? Разве он знал, что такое фашизм? Разве в его времена было две самых истребительных мировых войны?

Авель. Нет. Это верно. Хотя и он был современником десятков войн и сотен сражений. И Оппенгеймер после Хиросимы и Нагасаки вернулся к морали великих ученых прошлого. Это он сказал: «Мы сделали работу за дьявола!»

Тедди. Слизняк! Он был интеллигентный слизняк! Вы его не видели, вы с ним не работали каждый день, как я, что вы можете знать о нем? Надо иметь мужество принимать непопулярные решения. Даже жестокие.

Мария. Жестокие... Да... Я вспоминаю, что говорила мать в тот последний день, когда она оставила тебя и меня... Она говорила тебе: вспомни Роберта, ты его предал. Он был единственным, кто ценил твой талант и снисходил к твоим слабостям. А ты его предал. Как предал меня и предашь когда-нибудь свою дочь, предашь все, что тебя окружает...

Тедди. И это говоришь мне ты — моя дочь, единственное, что я любил в жизни? Это ты говоришь своему отцу?

Авель. Сэр! Вы отец водородной бомбы. Этим все сказано. Наверное, ваше поколение уйдет из жизни не опаленным ее огнем. Это вы оставляете нам, нашему поколению. Но запомните: если все же это случится, мы, прежде чем превратиться в космическую пыль, успеем послать вам вдогонку наши проклятия!

Глава VII

ФИЛОСОФИЯ МИРА

Общечеловеческая ценность

Воистину сейчас необходимы новое мышление, новая философия мира, которая объединяла бы, а не разъединяла народы Запада и Востока, все человечество. Надо отказаться от традиционной философии войны и мира,

которая была выработана в прошлые исторические эпохи.

Философия войны так же стара, как и сама война. Отец истории Геродот из Галикарнаса собрал в девяти книгах сведения о том, как эллины и варвары вели войны друг с другом. Война для него — нормальное состояние человеческого общежития.

«Если хочешь мира — готовься к войне» — пожалуй, никто точнее, чем римляне, не выразил главного принципа той концепции вооруженного мира, которую проповедуют и сегодня любители агрессий и международного диктата.

На протяжении веков лучшие умы человечества пытались сформулировать философию мира, но сводилась она либо к благородным, но идиллическим мечтаниям, как у Платона, моральным принципам, как у Канта, либо к некоторым нормам взаимоотношений государств в период кратких передышек между войнами, как у Гуго Гроция.

Клаузевиц, этот классик милитаризма, чье имя до сих пор с восхищением произносят многие на Западе, выдвинул идею: Война есть продолжение политики другими средствами. В. И. Ленин использовал формулу Клаузевица как обвинение старому, уходящему обществу угнетения и войны. Одно из главных и великих преимуществ социализма В. И. Ленин видел как раз в том, что он несет избавление от войн, несет мир и нравственные отношения народам. «Социалисты,— писал В. И. Ленин,— всегда осуждали войны между народами как варварское и зверское дело». Именно социализм меняет в корне отношение к вопросам войны и мира. Современный социализм не только проводит на практике политику мира между народами, но и формирует, развивает и пропагандирует идеи мира, которые все более завоевывают умы на всем земном шаре.

Сейчас человечество по-настоящему спаяно общей судьбой. Возникла и быстро укрепляется тесная взаимосвязь и зависимость народов самых отдаленных друг от друга континентов. Мир социализма и мир капитализма, так же как и мир развивающихся стран, сосуществуют на одной планете. Ученые и политики много спорят о понятии «мирное сосуществование». Но одно несомненно: мирное сосуществование при всех толкованиях как минимум предполагает существование человечества и как максимум — его всесторонний прогресс и развитие.

Диалектика мирового развития в нашу эпоху породила новое историческое противоречие — противоречие всей современной цивилизации. Оно состоит в том, что научно-техническая революция в известном смысле значительно опередила социальное развитие народов. Она застала мир расколотым на две системы, обремененным острыми экономическими, социальными, политическими, идеологическими противоречиями. Это породило тяжелые, а в определенных случаях — и драматические последствия, поскольку человеческое общество, как единое целое, оказалось неподготовленным к разумному, справедливому и исключительно гуманному применению достижений науки и техники.

Борьба противоположностей, острейшие противоречия на международной арене — главная, бросающаяся в глаза особенность жизни современного общества. Никогда противостояние социально-политических гигантов, располагающих новейшими образцами оружия массового уничтожения, не было столь грозным.

Однако необходимо видеть не только природу противоположных начал, но и природу единства человечества, анализировать возможность сотрудничества различных сил, учитывая их во многом противоположные устремления. Социальные противоречия на мировой арене не исключают политических соглашений и компромиссов, более того — сотрудничества для решения всеобщих глобальных проблем. Об этом нам напоминает опыт антигитлеровской коалиции, объединявшей страны с противоположным общественным строем. Об этом свидетельствуют и успехи разрядки в 70-х годах. Несмотря на приливы и отливы в международных отношениях, сотрудничество в таких сферах, как экономика, наука, техника, культура, коммуникация, имеет явные тенденции к расширению и углублению. Народы жаждут надежного, гарантированного, необратимого мира.

Ядерный век поднял проблему сохранения всеобщего мира и недопущения катастрофического конфликта на уровень ценности номер один в любой иерархии международных ценностей, независимо от точки отсчета.

На Западе была популярна формула «лучше быть мертвым, чем красным». Но такой дилеммы в наше время быть не может. Нет вещи важнее всеобщего мира. И мир — это ценность, которая идет рука об руку с социальным прогрессом.

В ядерный век коренным образом изменяются и политические цели, связанные с подготовкой войны. Формула, согласно которой большая война соответствует большой политике, не «работает» в условиях термоядерного конфликта, поскольку нападающая сторона будет не в лучшем положении, чем подвергшаяся нападению. Целью агрессивной войны всегда было достижение определенных выгод — экономических, территориальных, стратегических, престижных. Ни одна из этих целей не может быть достигнута в результате мировой термоядерной войны.

Что касается нравственной, то есть истинно человеческой, точки зрения, то приговор подобной перспективе был вынесен всеми народами сразу же после трагедии Хиросимы и Нагасаки.

Мировая политика как самостоятельный феномен — это политика, имеющая глобальную цель — предотвращение термоядерной войны, которая представляет собой общечеловеческое бедствие. В этой связи следует уточнить и само понятие «мир».

Принято говорить о мире между государствами, о мире между нациями, о мире между социальными группами и отдельными людьми и т. д. Следовательно, понятие «мир» можно отнести (наряду с такими понятиями, как «политика», «власть», и некоторыми другими) к категории полисемантических, многозначных. Говоря о глобальной проблеме предотвращения термоядерной войны, руководство нашей страны имеет в виду категорию всеобщего мира, который понимается как общечеловеческое достояние, как абсолютная ценность в отличие от относительных ценностей, имеющих значение для отдельных государств, наций, социальных групп и неизбежно носящих поэтому более частный характер.

Еще в XIX веке Ф. Энгельс высказал предположение, что может настать такое время, когда прогресс военной техники сделает войну бессмысленной. Подобные высказывания можно найти и у В. И. Ленина. Однако сам по себе один этот фактор не мог бы привести к всеобщему миру. Если бы на свете существовала только одна система — капиталистическая, если бы не было противоположной системы — социалистической и ее миролюбивой политики, мир уже давно был бы вовлечен в ядерный конфликт. Экономические и политические кризисы капитализма, приход к руководству в тех или иных странах авантюристических сил фашистского типа, эскала-

ция локальных конфликтов, наконец, случайность и ошибки давно бы могли привести к термоядерному конфликту, если бы не могучее противодействие стран социализма.

Советский Союз никогда не исходил из того, что прочный мир может обеспечить только военная сила и построенная на ней политика. Такая политика вела бы не к миру, а к гонке вооружений, конфронтациям и в конечном счете к войне. Именно поэтому наша партия, Советское государство так целеустремленно отстаивают принципы мирного сосуществования, так неуклонно следуют курсом мира, международного сотрудничества.

Именно с этой линией мы связываем решающее значение главного, наиболее универсального фактора — растущего превосходства социально-политических сил мира над силами войны. Не следует упрощать дело. Речь идет не только о соотношении сил социализма и империализма. Речь идет также о факторах, влияющих на подход к этой проблеме в рамках мировой капиталистической системы, и особенно о роли развивающихся стран. Растущее воздействие рабочего класса, интеллигенции, которые в массе своей выступают против термоядерной войны, влияние неприсоединившихся стран, мирового общественного мнения, более сдержанная позиция таких участников НАТО, как Франция, борьба реалистических сил против экстремистов внутри правящих кругов США — все это создало ситуацию, которая сделала практически невозможным решение о развязывании термоядерной войны.

Разумеется, мы не предлагаем своим западным партнерам попросту позаимствовать нашу социалистическую философию мира. Мы не наивные люди и прекрасно понимаем, что они на это не пойдут. Нет, мы предлагаем совместными усилиями формировать новую концепцию мира и в этом духе менять наши отношения. Именно совместно, общими усилиями, раз мы убедились, что война между нами смерти подобна.

Как можно было бы определить основной вывод, который логически вытекает из постановки вопроса о новом мышлении по проблемам войны и мира? Думается, он состоит в обосновании необходимости перехода от традиционной системы международных отношений к новой системе, основанной на приоритете общечеловеческих интересов и ценностей, на принципах мира и сотрудничества.

Необходимость в таком подходе особенно обостряется в связи с тем противоречивым влиянием, которое оказывает на международные отношения научно-техническая революция. М. С. Горбачев неоднократно возвращался к этой мысли — и в Женеве, и в Вашингтоне, и в Москве, и в Нью-Йорке. И нам имеет смысл остановиться на этой проблеме более подробно.

Каждый раз, когда на земном шаре — на Ближнем Востоке, в Африке или в Юго-Восточной Азии — вспыхивает военная тревога, сотни миллионов людей во всех уголках мира испытывают щемящее, а то и, пожалуй, унизительное чувство беспомощности перед термоядом. Перед пламенем, которое в мгновение ока превратит в пепел, в пыль тебя, твоих детей, твой дом, дома твоих друзей, твой город и оставит после себя пустынную, отравленную землю, где никогда уже не вырастут ни хлеб, ни цветы, ни трава.

Произошло поразительное превращение: наша планета, казавшаяся бескрайней и незыблемой, стала обыкновенным космическим телом — легко облетаемым и уязвимым. А человек обрел способность наносить вред не только самому себе, роду человеческому, но и самой планете — колыбели нашей цивилизации.

Термоядерно-экологический век

В XX веке впервые случилось так, что судьбы каждого человека, всех народов, всего человечества, да и самой планеты нашей сплелись в один узел: одна война на всех и один мир — всеобщий, неделимый.

Очевидно, что в наш век, век термоядерный, электронный, экологический, когда наука и техника демонстрируют все свои возможности и все свои опасности, предотвращение термоядерной войны объективно стало главной целью мировой политики.

Как же предотвратить сползание к катастрофе? Одни говорят: только сила, стало быть, только дальнейшая ракетно-ядерная гонка способна предотвратить войну. Наш народ глубоко убежден, что наращивание термоядерного оружия — порочный и гибельный путь. Мир может быть укреплен, упрочен, гарантирован только на путях мира, разоружения, а не на путях вооружения и подготовки материальных условий для мировой войны.

Популярный на Западе американский социолог М. Мак-Люэн пишет, что «в момент появления спутника

планета стала глобальным театром, в котором нет зрителей, а есть лишь актеры». По его мнению, это сделало необходимым новое «экологическое мышление». Верно, но беда в том, что далеко не все актеры (например, представители военно-промышленного комплекса США) осознали новую реальность, не все готовы сделать необходимые выводы.

Выступая в 1970 году на Международном социологическом конгрессе в Варне, автор этих строк обратился к своим коллегам — социологам и политологам — с предложением сосредоточить усилия на планировании мира, совместно участвовать в разработке планов и программ всеобщего мира и сотрудничества. Доклад автора «Планирование всеобщего мира — утопия или реальность?» был распространен ЮНЕСКО и нашел положительный отклик среди прогрессивных ученых и политиков Запада.

В докладе было предложено разграничить следующие этапы международных отношений:

— **пассивный,** или негативный, всеобщий мир, синонимом которого является «холодная война»: это состояние, когда сохраняется острая международная напряженность, усиленно наращиваются вооружения, сохраняется политическая и военная конфронтация двух мировых систем, векторы которой устремлены к мировой войне;

— **активный,** или позитивный, всеобщий мир, синонимом которого является разрядка международной напряженности, когда ослабляется политическая конфронтация, развивается международное сотрудничество, но еще не преодолена гонка вооружений и военная конфронтация двух мировых систем, а значит, сохраняется опасность мировой войны;

— **планируемый** всеобщий мир, под которым имеется в виду такое международное состояние, когда будут осуществляться целенаправленные меры, ведущие не только к ослаблению напряженности и всестороннему сотрудничеству, но и к прекращению гонки вооружений, поэтапному разоружению, а в конечном счете — к исключению мировых войн, к прочно гарантированному всеобщему миру, к созданию новой системы международных отношений на принципах мирного сосуществования. Это модель будущего, за которое выступают прогрессивные силы на всей земле.

В последнее время человечество получает доказательства того, что планировать мир и международное сотрудничество можно и должно. Инициатива — и это нельзя опровергнуть — принадлежит нашей стране. В Заявлении М. С. Горбачева 15 января 1986 года выдвинута программа полной ликвидации ядерного оружия до конца этого века. Эти идеи были развиты в его выступлении в ООН в ноябре 1988 года, где разработана программа, связывающая воедино разоружение, борьбу против экологической угрозы, за права человека.

Конечно же планирование всеобщего мира не может быть делом одной страны или даже одной социальной системы. В современном мире больше 150 государств, и если война может быть начата одним из них, то всеобщий мир, по-видимому, зависит от всех государств или по крайней мере от большинства, и прежде всего от великих держав, располагающих наибольшим термоядерным потенциалом.

Очевидно и другое: планирование всеобщего мира, то есть строительство новой системы международных отношений, основанной не на силе термояда, а на всеобщей безопасности,— дело новое, чрезвычайно сложное и специфичное. Оно принципиально отличается, например, от экономического национального планирования, где план есть закон, обязательство. Планирование социальных процессов вообще неравнозначно экономическому планированию, тем более это относится к международным отношениям — с борьбой классовых сил и различных политических тенденций.

Но недостаточно говорить о прогнозе. Планирование мира имеет целью активное воздействие на систему международных отношений. Если прогноз представляет собой обозримую перспективу, а фантастика рисует воображаемую перспективу, то план означает регулируемую перспективу. Иными словами, от нынешнего поколения людей зависит, какая из тенденций развития современного мира станет реальностью — быть или не быть всеобщему миру и сотрудничеству народов, быть или не быть человечеству на планете Земля.

Бомба и безопасность

XX век гордится наукой. Но увы, наука нашего времени в значительной мере устремилась в объятия войны. Группа блистательных ученых, между прочим, таких

убежденных гуманистов, как Энрико Ферми, первой создала атомную бомбу. Второй этап наступил, когда была создана водородная бомба. Ее мощность в 750 раз превышала мощность каждой из бомб, сброшенных над Японией. Но и это не стало пределом. На следующем этапе была создана кассетная боеголовка — МИРВ. Но и этим дело не ограничилось. В последние годы американские ученые работают над созданием космического оружия.

Ну а дальше? Дальше, сообщают американские социологи Г. Кан и А. Винер, станет возможным создание машины «судного дня», с помощью которой можно будет уничтожить все живое на Земле, превратить ее в огненный шар.

Войны — закон существования существ, которые зовутся homo sapiens. К такому фаталистическому выводу приходят многие западные ученые. Последнее издание труда «Исследование войн», подготовленное американским профессором Куинси Райтом, содержит более полутора тысяч страниц и 77 таблиц. Автор подсчитал, что с 3600 года до н. э. до 1962 года произошло не менее 14 542 войн. В результате войн в XX веке из каждой тысячи человек погибло 90, а в прошлом веке — только 15.

Другой американский ученый, Айвэн Геттинг, сопоставил число войн и число убитых в различные исторические периоды. Цифры навели его на мысль о некой закономерности: число убитых лихорадочно возрастает по мере роста населения и развития цивилизованности. Он назвал ее раскручиванием «спирали смерти».

По подсчетам Геттинга, процент убитых на войне по отношению к населению Земли возрастает в каждые полстолетия в 4,5 раза. Западные социологи, обеспокоенные демографическим взрывом, подсчитали, что к концу столетия население Земли почти удвоится и достигнет 7 миллиардов человек. «Спираль смерти» должна, по-видимому, их успокоить: военный взрыв перекроет демографический. Через 80—130 лет, как пишет Геттинг, в войнах будет уничтожено 100 процентов теперешнего населения.

Ученые заметили также, что существует цикличность возникновения крупных войн. Американские исследователи Фрэнк Дептон и Уоррен Филлипс пришли к выводу, что существует 25—30-летний цикл, в котором пять лет занимают войны. Вот данные о военных периодах на

протяжении последних ста лет: 1840—1844 годы; 1865—1869 годы; 1890—1894 годы; 1914—1918 годы; 1939—1945 годы.

Социологи по-разному объясняют и эту закономерность. Большинство из них связывают это с представлением о смене поколений. По такой логике каждая новая война становится возможной, когда забывают о старой.

Надо ли пассивно этого ждать или пора наконец остановиться над пропастью? И начать пусть трудный, но необходимый поворот к новой системе отношений между народами? Поворот, за который с неослабевающим упорством борется наш народ, знающий, что такое война.

Психологический фактор

Атомные взрывы в Хиросиме и Нагасаки заставили людей содрогнуться. Все ощутили, что столкнулись с чем-то чудовищным, неслыханным, непредвиденным. Тем не менее механизм человеческого сознания продолжал работать в прежнем направлении. Очень скоро западные политики стали действовать так, будто термояд не принес ничего нового в мировую политику.

Наиболее яркий представитель западного политического мышления того времени, Уинстон Черчилль, предпринял попытку связать традиционное представление о международной политике с ядерным оружием. Это ему принадлежит сомнительная честь формулирования мысли о том, что термоядерное оружие является гарантией против возникновения мировой войны, поскольку делает ее бессмысленной. В своей речи в Фултоне он выступил против запрещения ядерного оружия и призвал западные державы форсировать его производство.

Соединенные Штаты Америки первыми вступили на этот путь, вкладывая огромные средства, материальные и человеческие, мобилизуя лучшие интеллектуальные силы. Так был упущен шанс в самом зародыше приостановить пагубный процесс. «Ядерный щит», «ядерный зонтик», «равновесие страха», «ядерное превосходство» — на Западе было придумано немало формул, суть которых все та же: не надо бояться гонки вооружений, она служит гарантией против мировой войны.

Новая ли это идея? Быть может, она представляет собой оригинальное изобретение, специфичное для ядерной стратегии, которое обыкновенный человеческий ум не в силах осмыслить? Ничуть не бывало. Во второй по-

ловине XIX столетия А. Нобель изобрел динамит, и вот что он заявил в этой связи: «Может быть, мои заводы покончат с войной скорее, чем ваши конгрессы. В тот день, когда два крупных армейских соединения смогут мгновенно уничтожить друг друга, все цивилизованные нации придут в ужас и распустят свои армии». Вскоре произошла франко-прусская война, а через 43 года — первая мировая война. Сейчас человечество каждый день бросает 5 миллиардов долларов в пасть молоха вооружений.

Наиболее сильный довод, приводимый сторонниками так называемого «ядерного сдерживания», состоит в том, что прошло уже более 40 лет после второй мировой войны, а третьей мировой войны, несмотря на острые международные конфликты, перманентную напряженность, локальные войны, удалось избежать.

Анализ факторов, которые привели к такому результату, позволяет наметить следующие гипотезы:

1. Мировая война не разразилась, поскольку она стала бессмысленной в результате угрозы взаимного уничтожения или взаимного нанесения непоправимого ущерба.

2. Мировую войну удалось предотвратить в результате образования биполярной международной системы (США, союзники — СССР, союзники), которая привела к равновесию сил и сделала сомнительной (или невозможной) победу одной из сторон в мировом конфликте.

3. Мировую войну удалось предотвратить в результате превосходства сил мира над силами, заинтересованными в развязывании термоядерной войны.

Мы полагаем, что все эти три фактора сыграли свою роль, но решающим является третий. Однако рискованная политика «балансирования на грани войны» — один из показателей того, как мало склонны иные политики считаться со здравым смыслом.

Биполярная система в международных отношениях после второй мировой войны, несомненно, сыграла известную роль в сохранении всеобщего мира. Соотношение военно-экономических сил между Советским Союзом и другими социалистическими странами, с одной стороны, США и другими капиталистическими странами — с другой, сложившееся вскоре после второй мировой войны, содействовало созданию определенного равновесия в международной системе. Однако мировая война не наступила не из-за самого факта равновесия сил, а потому,

что одна из сторон — социалистические страны — решительно боролась за укрепление всеобщего мира.

Именно поэтому мы придаем решающее значение третьему фактору — превосходству сил мира над силами войны. Как уже отмечалось, речь идет не только о соотношении военно-экономических сил в рамках биполярной системы, а и о политических факторах в рамках западных союзов: влияние рабочего класса, прогрессивной интеллигенции, которые в массе своей выступили против термоядерной войны, воздействие мирового общественного мнения, позиция таких участников Атлантического блока, как Франция, борьба «голубей» и «ястребов» в правящих кругах США и, наконец, голос неприсоединившихся стран Азии и Африки.

Однако все новые достижения в военной технике вносят элемент колебания в соотношение сил (в области наступательного и оборонительного оружия); биполярная международная система постепенно размывается попытками создать «третью», «четвертую» силы как в Азии, так и в Европе, со своей системой ценностей и ориентаций; возможные научно-технические и социальные взрывы и катаклизмы (экономические и политические кризисы, появление тоталитарных диктатур, усиление влияния военно-промышленного комплекса в США и др.) — все это может усилить тенденцию к международной анархии и усугубить военную опасность. Отсюда вытекает необходимость поиска кардинальных решений.

Серьезную роль в укреплении всеобщего мира, несомненно, сможет сыграть дальнейшее развитие ООН. В то же время нужно учитывать, что угроза термоядерного конфликта может потребовать принятия самых быстрых и оперативных решений. Практически в них будет участвовать только ограниченное число лиц. По этой причине ООН сможет стать важным орудием планирования всеобщего мира при условии достижения предварительного согласия по крайней мере между теми, кто располагает наибольшими ракетно-ядерными потенциалами (прежде всего между СССР и США).

Имеются различные варианты дальнейшего развития системы международных отношений, основанной на равновесии сил. Одним из них является дальнейшее развертывание системы блоков. Упомянутые Г. Кан и А. Винер предсказывают возникновение таких, например, блоков, как Китайский, Западноевропейский, Латиноамериканский, Африканский, Арабский, Индийский, и др.

В такой картине будущего видны все пороки системы международных отношений, основанной на наличии блоков и гонке вооружений. Экстраполированная в будущее, нынешняя международная система действительно имеет тенденцию к созданию региональных военно-политических союзов и объединений. Но это привело бы к усилению гонки термоядерных и иных видов вооружения уже в рамках блоков и союзов, обладающих достаточной автономией в своих действиях. Возникновение целой системы блоков усилило бы действие факторов, работающих на мировой термоядерный конфликт, и, в сущности, возвело бы непреодолимые препятствия на пути осуществления поворота в сторону от гонки вооружений.

Какова же конструктивная альтернатива системе равновесия сил той системе, которая лучше или хуже, но, несомненно, содействовала сохранению всеобщего мира на протяжении последней четверти века? Такой альтернативой является осуществление всеми народами и государствами связанных между собой акций, в том числе коллективных, через ООН, многосторонних, двусторонних, целенаправленных, гарантирующих предотвращение термоядерной войны и развитие плодотворного международного сотрудничества. Цель состоит в том, чтобы шаг за шагом укреплять основы устойчивых, стабильных, долгосрочных отношений, которые не могли бы поколебать спонтанно возникающие то там, то здесь политические конфликты. Это и есть планируемый мир, который в конечном счете должен привести к изменению всей системы международных связей на мировой арене.

Состояние планируемого мира основывается на реалистическом прогнозе сохранения идеологических и политических разногласий между двумя основными мировыми социально-классовыми системами. Он означает лишь, что выносятся за скобки и становятся юридически запрещенными и практически неосуществимыми действия, ведущие к мировой термоядерной войне. В первую очередь такими действиями являются применение термоядерного, а затем и иных видов оружия массового уничтожения, производство и испытание таких видов вооружения, развязывание агрессивных и региональных войн и т. п.

Неизбежное идейно-политическое, а также экономическое соревнование на международной арене двух противоположных социально-классовых систем не должны

переходить в состояние военно-политических международных конфликтов, а должны разрешаться невоенными средствами. Американский социолог А. Этциони называет такое ограничение уровня международных конфликтов «инкапсуляцией». Это означает, что исключаются определенные средства и типы конфликтов и устанавливается механизм проведения в жизнь достигнутых соглашений и предложений («капсула»). Другой американский ученый, Мортон Каплан, касаясь создания системы ослабления международной напряженности, пишет: «Такая система предполагает, что произойдет изменение как внутри американской, так и внутри советской системы. Советское общество станет более открытым и менее агрессивным, а США с меньшей горячностью будут защищать международный порядок».

Такая позиция нуждается в критике, во-первых, ввиду необъективной оценки стран социализма и, во-вторых, ввиду выдвижения в качестве условий ослабления напряженности структурных и социально-политических сдвигов в рамках двух мировых систем.

На самом деле поиск путей ослабления международной напряженности и укрепления всеобщего мира должен исходить из реалистической оценки состояния мира сейчас и в прогнозируемой перспективе. Реальной альтернативой может явиться план всеобщего мира (или множество планов и программ), выработанный учеными и политиками и положенный в основу деятельности по крайней мере ведущих держав и международных организаций. Такой план (или планы) мог бы служить отправным моментом для поворота, а в конечном счете и для радикальных изменений в системе международных отношений в интересах сохранения мира.

Провозглашая задачу предотвращения термоядерной войны, Советский Союз отстаивает не только интересы своих народов, но и интересы всего человечества. Обширный комплекс внешнеполитических усилий Советского Союза отвечает и другой важной цели планирования мира — переходу к нормальному для состояния всеобщего мира сотрудничеству между всеми народами и государствами.

С точки зрения науки планирование всеобщего мира требует анализа таких понятий, как поворот в гонке вооружений, разоружение и его этапы, гарантии неядерным державам, всеобщее участие в программе разоружения, санкции в отношении государств, настаивающих

на продолжении гонки вооружений, дифференциация международной ответственности различных держав за сохранение всеобщего мира, соглашения (двусторонние, многосторонние, мировые) о мероприятиях по реализации плана мира, альтернативы концепции равновесия сил и, наконец, новый характер системы международных отношений в условиях мира без термоядерного оружия.

Главное звено в осуществлении плана и планов всеобщего мира — ослабление и прекращение гонки вооружений, постепенное разоружение в области термоядерных средств, а в конечном счете — полный отказ от производства и применения термоядерного оружия. Опыт уже в достаточной мере показал, что осуществление таких мер — дело очень сложное. Но другого выбора у человечества нет.

Ученые могут оказать содействие политикам прежде всего своим участием в создании международного климата доверия и сотрудничества.

Крупные дипломатические и международно-правовые достижения последних десятилетий (договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах, Заключительный акт, принятый в Хельсинки, советско-американские соглашения «О предотвращении ядерной войны», ОСВ-1 и нератифицированный Договор ОСВ-2 и многие другие) внушают надежду на возможность серьезных сдвигов в деле ограничения и прекращения гонки вооружений и укрепления мира.

Годы, прошедшие после апрельского Пленума ЦК КПСС 1985 года, ознаменовались двумя крупнейшими историческими достижениями. Ратификация Договора между СССР и США о ракетах средней и меньшей дальности; прекращение нашего участия в войне в Афганистане, визит бывшего президента США Р. Рейгана в Москву в мае 1988 года, переговоры с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым высветили все эти аспекты перестройки нашей внутренней и внешней политики, неразрывно связанные между собой.

В прошлом политические деятели в США видели только один путь — наращивание силы, ракетной и ядерной мощи, военного, экономического и психологического давления на СССР. Дело было не только в пропагандистских эскападах вроде «империи зла». Дело было в реальной политике США, которая имела только один вектор — больше бомб, больше новых фантастических

программ вооружения на земле, на воде, под водой, в воздухе и в космосе. До сих пор еще деятели того времени не могут успокоиться, они постоянно предостерегают американскую администрацию против любых соглашений с нашей страной.

С этой точки зрения нужно признать большой общей победой обеих стран и их руководителей то, что накануне встречи в Москве произошла ратификация Договора о ракетах средней и меньшей дальности в Верховном Совете СССР и сенате США. Точно так же важной победой явились зафиксированные в подписанном заявлении принципы о подготовке Договора по поводу 50-процентного сокращения стратегических вооружений и других важных аспектах советско-американских отношений. Серьезное значение имеет также заключение сорока семи соглашений по другим проблемам.

Проблема влияния на другие государства и международные системы в направлении укрепления гарантии против эскалации термоядерного конфликта тем злободневнее и важнее, что начинается ядерная гонка в Азии и возникает, следовательно, вопрос о коллективном контроле над ней.

Политику нередко сравнивают с игрой в перетягивание каната. Рациональное зерно этого сравнения состоит в том, что в политике, как нигде, важна активность, важна борьба, важны действия. Чем больше сил накапливается на той стороне, которая выступает за мир, тем больше гарантии, что мировой термоядерной катастрофы удастся избежать. Тем больше надежды на то, что планируемый мир станет реальностью.

Как можно представить себе формирование нового типа международных отношений на основе нового типа мышления, адекватного нашему веку?

Коренной вопрос современного мирового развития — это, конечно, вопрос отношений между Востоком и Западом. И сейчас уместно подумать не только о текущих проблемах, но и о фундаментальных основах, на которых, наверное, должны зиждиться отношения между странами социализма и капитализма в ядерный век.

М. С. Горбачев выступил с идеей цивилизованных отношений на мировой арене. Что это значит практически? Почему используется понятие «цивилизованные отношения»? Какой объем принципов, норм, практических действий кроется за этим? Иными словами, какова «идеальная модель» отношений «Восток — Запад»?

В 20—30-х годах обе стороны — капитализм и социализм — были убеждены, что война между ними неизбежна в силу противоположного характера их систем. Но жизнь оказалась сложнее. Вторая мировая война началась внутри капиталистической системы, а в дальнейшем страны, некогда участвовавшие в интервенции против Советского Союза,— Великобритания, Франция, Соединенные Штаты — оказались нашими союзниками в общей борьбе против фашизма. Вот практический урок, который преподала история и который никогда не следует забывать. И после Победы прошло уже более 40 лет, а войны, к счастью, удалось избежать, несмотря на острую конфронтацию, которую Запад время от времени развертывал против нас.

Думается, что цивилизованные отношения представляют собой шаг вперед и в сравнении с разрядкой международной напряженности. Речь идет, вероятно, о таком этапе мирного сосуществования, который наследует лучшее у разрядки и означает значительное продвижение по пути совместных действий, направленных на ликвидацию угрозы ядерного уничтожения. Именно совместных, а не сепаратных действий национальных государств и союзов. Конечная цель цивилизованных отношений — полная ликвидация ядерного оружия. Когда мы добились военного паритета, даже Западу стало ясно: это оружие неприменимо, а стало быть, в военном отношении бессмысленно. Конечно, ядерное оружие выступает сейчас как средство сдерживания. Но кто доказал, что современное вооружение не в состоянии выполнять эту функцию?

Кстати говоря, принципы, о которых мы говорим, отнюдь не являются изобретением последних дней. Обе стороны — Восток и Запад — уже предпринимали усилия, чтобы сформулировать какой-то кодекс поведения в условиях ядерного века. И особую ценность представляют документы 70-х годов, прежде всего «Основы взаимоотношений между СССР и США», принятые двумя нашими странами.

В связи с этим вспоминается одно из наиболее интересных и значимых выступлений видного представителя американской элиты Джорджа Кеннана, бывшего посла США в СССР, участника движения за спасение договоров об ограничении систем ПРО. 24 сентября 1984 года в еженедельнике «Нью-йоркер» он поместил материал под заголовком «Письмо американцу». Главный смысл

этого письма — пора кончать с политикой вражды к Советскому Союзу. Ниже приводятся выдержки из этого письма, которые касаются фундаментальных проблем советско-американских отношений.

«Дорогой друг!

Вас, несомненно, удивит это мое внезапное послание, но я решил адресовать это письмо вам, ибо в наши дни из всех, кто близок к верхушке власти в Вашингтоне, вы единственный обладаете честностью и искренностью, когда дело доходит до попыток избавить нас от мировой катастрофы.

Несмотря на тот факт, что в отношениях между двумя странами нет ни одной политической проблемы, которая могла бы послужить основанием для войны между нами (имеется в виду СССР и США.— *Ф. Б.*), подготовка материальная и психологическая к такой войне стала глубоко укоренившейся традицией не только для наших вооруженных сил, но и для значительной части нашего гражданского общества. Я не считаю нужным уделять здесь внимание вооруженным силам, достаточно лишь прочесть хотя бы малую толику данных, непрерывно поступающих из Пентагона, в заявлениях его руководителей и в отчетах корреспондентов, освещающих его деятельность, чтобы признать, что это — система, нацеленная во множестве аспектов на концепцию не только о возможности советско-американской войны, но и о ее большой вероятности и даже неотвратимости. В сотнях документов, ежедневно обрабатываемых в Пентагоне, Советский Союз фигурирует как «противник». Потенциал американских сил неизменно характеризуется с той точки зрения, на что они способны в противоборстве с советскими силами в войне... Подготовка к конкретной войне в таких колоссальных масштабах, пусть даже основанная на концепции обороны или осуществляемая под ее прикрытием,— это шестерня, вращающаяся только в одном направлении.

Многое из того, что было сказано выше, в равной мере касается органов массовой информации, не говоря уже об авторах приключенческой литературы и детективных романов. Здесь также в ходе бесконечного рассмотрения решающего столкновения — советско-американской войны не на жизнь, а на смерть — Советский Союз как противник предстает в самом страшном и бесчеловечном виде.

Решающее значение имеет вопрос о войне и мире. С этой проблемой время терять нельзя. Но для того чтобы достичь прогресса в решении ее (а в этом состоит суть того, что я пытаюсь вам сказать в своем письме), нам необходимо более внимательно, чем мы это делали до сих пор, посмотреть на самих себя, на наши мотивы, на наше поведение, на процессы, формирующие наше общество. Одного только возвращения за стол переговоров недостаточно для решения этой проблемы».

Одновременно Джордж Кеннан обратился с письмом и к русскому другу. Не буду приводить выдержки из этого письма, в котором он адресует нам ряд упреков по конкретным проблемам советской внешней политики, тем более что в нашей книге уже содержатся ответы на эти вопросы. Сейчас важнее главная мысль Дж. Кеннана, как и других его единомышленников, о необходимости решительно отказаться от концепции враждебности и связанного с нею военного противостояния.

Да, выход состоит в том, чтобы учиться искусству жить вместе, цивилизовать наши отношения, а в перспективе — приступить общими усилиями к постепенному формированию новой модели международных отношений, адекватной проблемам нашего ядерного, экологического, космического века, в рамках которого все человечество могло бы более успешно решать назревшие задачи и предотвращать растущую угрозу самому его существованию.

Вот один из примеров такого подхода. Наша страна представила на рассмотрение ООН развернутую программу мирного сотрудничества в космосе, создания всемирной космической организации, которая координировала бы усилия стран в исследовании и освоении космоса. Это — фундаментальные научные исследования и применение их результатов в области геологии, медицины, материаловедения, изучения климата и природной среды. Это и создание спутников глобальных систем связи, дистанционного зондирования Земли. Это, наконец, создание и использование в интересах всех народов новой космической техники, включая крупные орбитальные научные станции, различные пилотируемые корабли, а в перспективе — индустриализация околоземного пространства. Как говорил М. С. Горбачев, такая деятельность устремлена в мирное будущее всего человечества.

Советский Союз выступил и одним из активных участников заключения международной конвенции о режиме хозяйственного использования ресурсов Мирового океана. Решение этой задачи также имеет огромное значение для обеспечения прогресса цивилизации, умножения возможностей, которыми располагает современное общество.

Таким образом, человечество уже встало на путь совместного налаживания взаимовыгодного сотрудничества, развития подлинно цивилизованных отношений. Экономические и социальные программы, которые осуществляются ЮНЕСКО, программы помощи тем или иным странам, образовательные программы дают нам в миниатюре модель, которая может стать исходной точкой для решения этой проблемы. Правда, все эти программы имеют частный, или региональный, характер. У человечества пока еще нет опыта не только осуществления, но даже составления глобальных общечеловеческих программ.

Говоря о проблемах цивилизованных отношений между двумя системами, нельзя не коснуться вопросов идеологической борьбы. Стиль и формы этой борьбы могут быть и бывают различными. Этот стиль был совсем другим в период общей войны против фашизма. В период «холодной войны» это был стиль враждебности, когда другую сторону рассматривали как врага, и даже врага номер один. Это стиль военного психоза или психологической войны. Он, наверное, тоже является одним из показателей нецивилизованности. По-видимому, надо искать такие формы и методы идеологической борьбы, которые не мешали бы сотрудничеству народов в интересах мира, которые готовили бы народы не к мысли о неизбежности конфликтов, конфронтации, военных потрясений, а к необходимости взаимопонимания и общих действий против ядерной угрозы.

...США — СССР: партнеры, соперники или враги? Совместное признание руководителями двух великих держав того факта, что война между нами невозможна, логически требует отказа США рассматривать СССР в качестве своего врага. Соперники как социальные системы — да, партнеры в борьбе против общей ядерной угрозы — да, но враги — нет! Только при таком подходе можно перевести неизбежное состязание двух великих держав с военных рельсов на мирные.

15 января 1986 года М. С. Горбачев выступил с заявлением первостепенной важности. Остановимся на нем подробнее. Исходя из необходимости поворота к лучшему на международной арене, Политбюро ЦК КПСС и Советское правительство приняли решение о ряде крупных, принципиального характера внешнеполитических акций.

Главная из этих акций — конкретная, рассчитанная на точно определенный период времени программа полной ликвидации ядерного оружия во всем мире. Советский Союз предлагает, действуя поэтапно и последовательно, осуществить и завершить процесс освобождения Земли от ядерного оружия в течение ближайших 15 лет, до конца нынешнего столетия.

Наряду с изъятием из арсеналов государств оружия массового уничтожения Советский Союз предлагает, чтобы предметом согласованных сокращений стали обычные вооружения и вооруженные силы.

Значительная часть новых советских инициатив непосредственно обращена к Европе. На ее долю при осуществлении крутого поворота в пользу политики мира могла бы выпасть особая миссия. Эта миссия — новостройка разрядки.

Большие перемены произошли в наших отношениях с внешним миром. Образ термоядерного монолита — такого таинственного и такого грозного, который жил в сознании миллионов людей на Западе, да и на Востоке, стал уступать место новому образу — живого и умного русского медведя, проснувшегося от длительной спячки и жаждущего общения и добра своим и чужим современникам и потомкам. Такой волны симпатии мы не ведали со времени мировой войны, когда слово «советский» звучало как символ жертвенности и гуманизма.

Надо было посмотреть на лица телезрителей в странах Запада, когда они увидели на экранах, как уничтожают советские и американские ракеты. Надо было услышать их впечатления о выводе войск из многострадального Афганистана. Надо было ознакомиться с их оценками освобождения «узников совести», о гласности и плюрализме мнений в СССР, о многократном расширении визитов и контактов. Надо было по-новому увидеть всю нашу жизнь, чтобы понять: человечество все больше с нами, за нас, за наше обновление.

Решения XIX партконференции, выступление М. С. Горбачева на сессии Генеральной Ассамблеи ООН

показали теснейшую взаимосвязь внутренней и внешней политики нашей страны. Гласность и перестройка открывают новые возможности для сотрудничества с другими странами в деле разоружения и прогресса. Потепление международного климата становится все более существенным фактором нашего технологического и демократического развития.

Проблемы информации

Новое мышление остро ставит проблему информации и профессионализма при освещении международных отношений. Главное — это подход, методология, цели, которые ставит перед собой международная журналистика.

У нас, собственно, уже давно сложились два подхода, два стиля в международной журналистике. Один, который можно было бы назвать репортажно-фельетонным, другой — аналитический, проблемный. Дело, конечно, не в том, что жанры репортажа, фельетона плохи, второсортны, а проблемная статья хороша уже в силу избранного жанра.

Политический фельетон — тонкий, ироничный — дело хорошее. Но это большая редкость в нашем журналистском цехе. Так же, как по-настоящему острый, умный памфлет. Можно назвать буквально два-три имени журналистов-международников, владеющих этими жанрами. Но зато многих имитаторов, производящих серую «фельетонную» продукцию, легко распознать по несерьезности тона — даже когда речь идет о столь важных предметах, как, скажем, переговоры о разоружении. И еще один безошибочный индикатор — вторичность информации, суждений, а главное — представители этого «жанра», как правило, не затрудняют себя сбором и анализом информации, а довольствуются тем, что берут из буржуазных источников — телеграфных агентств, газет, телевидения. Повторяя иногда и их ошибки, порою намеренные. И, снабдив чужую информацию критическим, крикливым гарниром, считают свою задачу выполненной. Помнится, мои коллеги развлекались, вычеркивая цитаты западных газет в статьях одного популярного в свое время журналиста. Оставалось своего, родного текста — кот наплакал, процентов 10—15.

Что же получается в итоге? Получается, в сущности,— хотят того или не хотят такие авторы — поощрение информационной зависимости.

Конечно, у наших журналистов «бойкого» стиля было и остается надежное оправдание. Это ссылка на беспардонную практику журналистов западных. На тех, кто готовит фильмы «Америка», «Рэмбо» или «Парк Горького», кто поносит нашу страну, наш образ жизни, нашу политику. Встает, однако, вопрос: надо ли нам следовать подобным примерам буржуазного журнализма? Или нужно переступить через эмоции, не поддаться соблазну гвалта, а учиться у наших политических деятелей, которые не устают нести миру правду нового мышления?

Идеологическая борьба или «психологическая война» — вот в чем вопрос. Реакционные круги Запада постоянно втягивают нас в «психологическую войну», как и в гонку вооружений. Это две стороны одной медали в их стратегии. Что должно быть нашим ответом? Борьба и против гонки вооружений, и против методов «психологической войны». А значит, подлинная борьба идей, аргументированная критика реакционной политики империализма, защита наших идеалов и ценностей.

Между тем многие международники предпочитают писать, используя привычные стереотипы обличения Запада. Это нетрудное занятие, для него достаточно более или менее хлесткого пера. Тем более что под руками колоссальный массив материалов, публикуемых по этим темам в прессе Запада. Ведь и среди зарубежных журналистов — будем объективны — работает немало людей, которые остро критикуют политику реакционных кругов в своих странах.

Другое направление нашей международной журналистики, куда более трудное, нередко рискованное,— аналитическое, проблемное — дает пеструю картину, которая не укладывается в схемы, складывавшиеся на протяжении десятилетий. Иными словами, его представители пишут правду. Эта правда ни в малейшей степени не обеляет капитализм как систему. Напротив, вскрывает самые больные проблемы современного буржуазного общества: противоречий технологической революции, милитаризма и элитаризма, растущего разрыва в политическом и социальном статусе различных социальных групп, проблем морали, экспансии экономического и информационного империализма...

Справедливости ради заметим, что в последнее время у нас все более укрепляется этот стиль — объективного, широкого охвата всех сторон жизни современных циви-

лизаций, умелого и умного диалога с зарубежными деятелями, учеными, журналистами, глубокой критики капитализма в его новых формах.

Состязание двух направлений в международной журналистике в нашей стране само по себе совсем неплохо. Ведь любая состязательность полезна. Проблема в том, что серьезная аналитическая журналистика нередко оказывалась в трудном положении, ей приходилось ломать стереотипы, переубеждать редакторов, а иной раз и общественное мнение, которое тоже формировалось на протяжении десятилетий.

Новое мышление и новая политика, которую проводит руководство нашей страны на мировой арене, детерминируют и новый подход к задачам международной журналистики. Руководители страны декларируют гуманизацию международных отношений, отказ от примитивных стереотипов, от концепции врага. А международная журналистика порою продолжает плыть в прежних водах и грести так же усердно, как и прежде, к берегам противостояния.

В последние годы мне довелось выступать перед различными аудиториями — в сенате США, во многих университетах этой и других стран Запада. Например, в Лондоне была организована открытая дискуссия с Денисом Хили, в Италии — обмен мнениями с группой христианско-демократических парламентариев. Меня потрясло ощущение гигантского интереса самых различных кругов к тому, что там называют «курсом Горбачева»,— к реформам и демократизации внутри СССР, ко всем новым инициативам на мировой арене. Не будет преувеличением сказать: мы стоим у истоков такого поворота зарубежного общественного мнения, который может быть сравним только с настроениями времен второй мировой войны, когда слова «русский», «советский» вызывали волну глубоких симпатий во всем мире.

Перед нами, журналистами-международниками, встает ясная и одновременно чрезвычайно сложная задача. Помогать своим трудом колоссальным усилиям руководства нашей страны, направленным на достижение практических соглашений с Западом — и в области разоружения, и в области экономического сотрудничества, и в области гуманитарных отношений. Содействовать укреплению и углублению симпатий к Советскому Союзу, ломке стереотипов о нашей «военной угрозе».

Другая, не менее важная сторона этой проблемы —

правдивая и широкая информация советской общественности обо всем, что происходит в современном мире. Анализ событий и тенденций, откровенный, честный диалог с нашими зарубежными партнерами, аргументированная критика наших противников. И тут нам тоже нужна крутая перестройка. Очевидно, что сейчас все мы — и фельетонисты, и аналитики — стоим перед необходимостью поворота в освещении жизни такого разнородного конфликтного и такого связанного общей судьбой мира.

Если говорить по крупному историческому счету, то мы, ученые и журналисты, несем ответственность перед советской общественностью за ряд «дыр» в области информации об окружающей наше общество международной среде.

Первое. Мы своевременно не информировали нашу общественность о новой технологической революции, которая бурно развернулась в Японии, США, в странах Западной Европы где-то с середины 70-х годов. О революции, связанной с созданием мини-компьютеров, новых средств информатики, о появлении новых центров экономической мощи — в Бразилии и Аргентине, в Сингапуре, в других регионах. О новом уровне автоматизации производства, о создании отраслей, потребляющих вторичные ресурсы, о путях преодоления топливного дефицита. Речь и о второй «зеленой» революции в сельском хозяйстве, об использовании новой технологии, об успехах генной инженерии.

Запоздание с решением проблем технологической революции — это расплата за отгороженность нашего общества от важных источников информации. До тех пор, пока мы не вырвемся из информационной изоляции, пока советские люди не будут знать о колоссальных сдвигах, которые происходят в мире под воздействием нынешней технологической революции, пока они не получат возможности сравнивать свой труд, свое профессиональное мастерство с трудом и достижениями зарубежных рабочих, фермеров, ученых, мы не сможем эффективно решить проблемы нашего экономического развития. А ведь мы нередко тешим себя сравнением своего развития с уровнем послевоенного или довоенного периода, а то и с 1913 годом. Между тем вокруг нас развивался, и — будем прямо говорить — развивался бурно, весь мир. Старая пословица «Я сам с усам» в наше время безнадежно устарела. Только на основе взаимного обогащения опытом

можно развивать собственную технику и экономику, а не в отрыве и тем более не в противостоянии всем другим цивилизациям.

Второе, чего нам до сих пор не хватает,— это широкой информации о социальной и культурной жизни за рубежом. Но ведь 90 процентов населения западных обществ составляют трудящиеся, и это отнюдь не сплошь оболваненные, манипулируемые, неграмотные, а вполне нормальные люди с достаточно высоким уровнем профессионализма, со своими интересами и предпочтениями.

Между тем у нас сложилась странная манера писать о безработных и не писать о работающих, писать о реакционных деятелях и не писать о прогрессивных, писать о «массовой» культуре и не писать о культуре. Словом, сложилась манера писать лишь часть правды. Например, наши международники много и усердно писали о «массовой» культуре Запада. Но не оказались ли они «учителями наоборот»? Не содействовали ли они тем самым распространению в нашем обществе, среди молодежи образцов именно такой эрзац-культуры? А ведь в странах Запада наряду с реакцией, с производителями «массовой» культуры живут и работают прогрессивные ученые, писатели, деятели кино. Расплатой за неинформированность является и искусственный ажиотаж, который разыгрывается, когда происходят фестивали зарубежного кино, идут театральные и эстрадные представления, показывают художественные выставки из Парижа, Рима, Лондона, Мадрида.

Третья проблема: переход от «простенькой» концепции врага к куда более сложной концепции партнера, соперника, конкурента в изображении правящих кругов стран Запада. Здесь международная журналистика тоже отстает от нового мышления и новой политики, проводимой руководством нашей страны.

В чем это сказывается? Прежде всего в том, что политические руководители стран Запада рисуются чаще всего лишь одной краской. Конечно, мы знаем, что они представляют собой по преимуществу самые консервативные силы современного западного мира. Но, с другой стороны, мы должны вести политический диалог с ними, добиваться практических решений.

Отсюда следует, что надо различать борьбу различных тенденций внутри политических элит в странах Запада, в том числе и в Белом доме. Что надо лучше пони-

мать своих партнеров, их подлинные цели, интересы и планы. Что нельзя просто ограничиваться «отпором» — это дело полезное при любой политической погоде,— но уметь искать и находить точки сближения позиций. Иными словами, подход, который торжествует ныне в нашей внешней политике, должен восторжествовать и в нашей международной журналистике. Иначе мы будем не помогать, а мешать нашей партии и государству добиваться реальных результатов в области разоружения, в развитии экономического сотрудничества, в осуществлении всего того нового, что вошло в нашу жизнь после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС.

Между тем комментарии на выступления руководителей западного мира даже в лучших статьях сводятся нередко к простому повторению хорошо известных читателям позиций советского руководства, изложенных к тому же в куда менее яркой, раскованной и убедительной форме. Школьное правило «Повторение — мать учения» не может стать правилом современного журнализма. И еще: нам нужно учиться диалогу.

Мы вступаем в пору подлинного диалога с самыми разнообразными оппонентами, среди которых имеются и прямые противники, и люди, которые понимают опасность фантастической гонки вооружений, имеются краски не только черные и белые, но представлена и вся гамма.

Особенно важно по-новому думать и писать о социалистических странах. Провинциальный патернализм, бездумная критика тех явлений, которые не укладываются в наш опыт, недооценка права других народов на самостоятельное решение своих проблем — все это пережитки стереотипов прошлого, отвергнутые нашей большой политикой. Журналистика должна по-настоящему освоить ленинскую мысль о том, что только на основе опыта различных стран возникает «цельный социализм». Сейчас должны стать правилом доброжелательный поиск интересного, полезного, положительного опыта других стран социализма, равноправный обмен мнениями, открытый разговор с нашими друзьями об уроках ошибок и неудач.

Итак, новое мышление, которое пробивает себе дорогу в подходе писателей, публицистов, ученых, обсуждающих проблемы нашего внутреннего развития, должно получить полное право гражданства и в международном журнализме. Думается, что каждый из нас —

обозревателей или зарубежных корреспондентов, всех журналистов, пишущих на международные темы,— обязан по-новому осознать свой долг в условиях перестройки.

* * *

Предлагаемый Советским Союзом комплекс новых внешнеполитических инициатив рассчитан на то, чтобы человечество встречало 2000 год под мирным небом и космосом, чтобы оно не знало страха перед ядерной, химической или любой другой угрозой уничтожения и было твердо уверено в собственном выживании и продолжении рода человеческого.

Всем нам, людям Земли,— и на Западе и на Востоке, и на Севере и на Юге — как воздух необходимо новое мышление, отвечающее реальностям нашего века. Нам нужны новая мысль, новое сознание, особенно о войне и мире.

Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло —
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь!

Эти слова Беранже удивительно уместны в наш ядерный век — век, когда впервые за всю свою многомиллионную историю человек действительно может утратить Солнце, утратить Землю, породившую человека себе на горе. Утратить навеки, безвозвратно. Такая угроза должна была бы перевернуть человеческое сознание, заставить человека заново оценить смысл своего существования, характер своих отношений с другими людьми, с матерью Землей, с Солнцем, со Вселенной.

Человечество нуждается в новом мышлении, если оно не хочет исчезнуть с лица Земли, подобно тому как исчезли по причинам неясным и загадочным его предшественники — динозавры, мамонты, а быть может, и иные существа, обитавшие на ней миллионы лет назад.

Никогда человеку еще не требовалось так круто изменить свое мышление, как сейчас. И это, повторяю, в особенности касается сферы международных отношений. Традиционные ценности, принятые веками представления о войне и мире, сработанные еще римскими императорами и воспринятые империалистами XX века,— вся эта военная премудрость перевернулась с ног на голову

в наш ядерный век. Прежние понятия вдруг вывернулись наизнанку.

В самом деле, что такое война? Раньше это была битва за победу над врагом. Сейчас мировая война — это способ самоуничтожения с утешительной мыслью, что одновременно будет уничтожен и твой противник.

Что такое мир? Раньше это был период дружественных отношений между народами и государствами. Сейчас это время лихорадочного накопления термоядерного оружия, способного гарантировать полное уничтожение жизни на Земле.

А что такое наши дети?

Неужели это существа, родившиеся на свет для того, чтобы сгореть в ядерном огне при температуре 10 миллионов градусов?!

Разумеется, мы не простаки. Наши партнеры должны твердо усвоить: как аукнется, так и откликнется. На каждую МХ найдется новая МБР, на военную космическую программу — наша программа, более эффективная и менее дорогостоящая. Паритет, завоеванный ценой огромного напряжения сил и лишений, не удастся сломать никому.

Только зачем все эти военные игры? К чему бряцать друг перед другом все новыми изобретениями чудовищного воображения, которые нашим предкам могли присниться лишь в кошмарном сне? Обе стороны уже достаточно убедились в том, что переиграть друг друга — невозможно, использовать эти игрушки — невозможно, напугать ими другую сторону — невозможно. Что же остается? Прекратить игру, прекратить военное состязание. Пусть ученые и инженеры во всех странах мира изобретают ракеты для совместных полетов на Марс, пусть устремят человечество к звездам, а не к «звездным войнам».

Мы и американцы не должны, не можем быть врагами. Иначе американский и советский народы в какой-то сумасшедший миг за несколько минут превратятся в ядерную пыль. Зачем тогда была наша великая история? Зачем тогда поколения наших предков создавали наши города, наше искусство, нашу культуру, рожали детей и верили в их лучшее будущее? Зачем тогда были Пушкин и Уитмен, Толстой и Твен, Хемингуэй и Шолохов? Зачем Исаакиевский собор и Бруклинский мост, Ленинград и Сан-Франциско, равно как и Париж, Рим, Лондон, Токио, Шанхай? Зачем Леонардо да Винчи

создавал свою «Тайную вечерю», а Микеланджело достраивал собор святого Петра, зачем Нотр-Дам де Пари, дворцовая анфилада Гугун в Пекине? Зачем жили на земле Шекспир и Гёте?..

Человечество должно обрести новое мышление, если оно не хочет навеки исчезнуть с лица нашей планеты, а стало быть, из всей Вселенной, которая создавала нас, быть может, для великой цели самопознания и развития.

Советские люди поняли это, наверное, раньше других — не потому, что умнее, а потому, что знают, что такое война. И не просто знают, а чувствуют всем своим нутром, всей своей израненной душой. Потому, что у нас нет ни одной семьи, в которой не погибли бы отец, мать, брат, дед, сын. 20 миллионов полегли на полях Великой Отечественной войны, и все 200 миллионов взрослых людей несут в себе эту память как неизбывную боль, как жестокий урок, как предостережение. Нет, мы не сожалеем, что американские семьи не испытали того же самого, что враг не стоял ни под Нью-Йорком, ни под Вашингтоном, что у них не было умирающего от голода Ленинграда и разрушенного до последнего камня Сталинграда. Но мы не хотим, мы не желаем, чтобы наш народ, как и американский, как и все народы Земли, был принесен в жертву неведомому року или человеческой глупости.

Это должны, это не могут не понять и американцы, и все другие люди. А пока надо ждать и бороться, ждать и твердо вести свою линию — учиться жить вместе на нашей планете Земля, которая стала такой маленькой и уязвимой. Ждать и надеяться, что не только нашим, но и всем последующим поколениям удастся избежать апокалипсиса.

Часть третья

ПЕРЕСТРОЙКА

Сопротивление

Два взгляда из одного кабинета

Первые уроки

Часть третья

ПЕРЕСТРОЙКА

Глава VIII

ДВА ВЗГЛЯДА ИЗ ОДНОГО КАБИНЕТА

Вечер. Кабинет первого секретаря обкома КПСС. За столом сидит Иван Петрович — временно исполнявший обязанности первого секретаря обкома КПСС. Открывается дверь, входит Василий Романович — недавно избранный первым секретарем обкома КПСС.

Садятся напротив друг друга за длинным столом. Боковые бра бросают тусклый свет на их набычившиеся фигуры. Пауза. Каждый ждет, что начнет другой. Не выдерживает Иван.

Иван. Спасибо, что зашел, Василий Романович. Я уж и не ждал, думал — проигнорируешь мою просьбу. После бюро... Да и пора тебе этот кабинет осваивать, здесь всегда первый сидел, а мой — рядом. Ты извини, что я задержался, завтра же перееду.

Василий. Да ну что ты, о чем говоришь?

Иван. Чай пить будешь? Галя мне тут оставила, теплый еще...

Василий. Чай? Чай — это хорошо.

Иван. Хотя сейчас лучше было бы по маленькой, по старой схеме... как в былые времена на Садово-Кудринской...

Василий. Да уж действительно! Я так думаю, положенную норму мы с тобой выбрали...

Иван. А может... в порядке исключения, для ясности. У меня тут для встреч с иностранными гостями припасено...

Василий. Не стоит, пожалуй. Да и что можно прояснить на нетрезвую голову, когда и с трезвой-то не очень получается?

Иван. Ну ладно! Обойдемся чаем. (Пауза.) Как же это ты так, Вася, рубанул на заседании «по собственному желанию»? Я здесь десять лет вкалываю, дни и ночи, область из ямы вытаскиваю. Последние полгода, ты знаешь, обязанности первого исполнял. А ты здесь меньше месяца. Друзьями были столько лет, работали вместе в горкоме. Не предупредил, не поговорил, как

обухом по голове... Не чужие вроде бы, в одной комнате жили в академии, вместе грызли сухую корку науки. Погорячился, может?..

Василий. Погорячился? Не знаю... Может, и погорячился, а может — и правильно сказал. Ехал я сюда, Ваня, с хорошим чувством, знал, что ты здесь. Есть на кого опереться... Но то, как ты себя вел на бюро, что предлагал,— ну ты извини, подвинься... Помнишь, шеф наш в горкоме эту присказку любил?.. Мало сказать, удивил ты меня. И не ты вроде бы совсем. Другой человек. И тут у нас должен быть разговор серьезный. Обком не может ходить на двух ногах враскорячку. Не может!

Иван. Или тебе в Москве что-то подсказали насчет меня? Дали полномочия? Скажи откровенно, как другу. Не ко двору я в новой-то обстановке? Лыком не вышел?

Василий. Ну какие полномочия? Просто сказали, присмотреться. Ко всем кадрам присмотреться и входить с предложениями.

Иван. Впервые увидели...

Василий. Не волнуйся зря, никаких прямых указаний насчет тебя не было.

Иван. Так в чем же дело? Что же это ты так, сегодня?.. Неужто из-за этого случая?..

Василий. Случая?! Ты и на заседании произнес это слово — «случай»... Случай! Не за понюх табака человек погиб! Достойный, заслуженный. Войну прошел. Сорок лет на одном заводе. И — погиб!

Иван. Не погиб, а умер. От инфаркта. Две большие разницы, как говорят в Одессе.

Василий. С этим еще надо разобраться. Прокурор что говорил? Есть подозрения на самоубийство.

Иван. Подозрения? Чего же он раньше молчал? Выслуживается! Раньше, бывало рта не раскроет, а тут хвост распушил, куда там!

Василий. Может, и распушил, тебе видней. Я с ним еще плохо знаком. А вот почему вы записку во внимание не приняли, непонятно.

Иван. А что в записке? Ничего особенного. «Опять обманули...» Кто обманул? Дочь, которая его, бобыля, забросила, ждала, когда помрет, чтобы дачу к рукам прибрать?

Василий. За то, что без справки цветами стал торговать, хорошего человека под суд отдали. Ну слыханное ли дело?!

Иван. Закон есть закон, он один для всех, для ветеранов тоже...

Василий. Ишь ты как повернул!.. Фернанделя вспомнил?.. Кстати, и там предпочтение отдается человеку, а не голой форме.

Иван. А я-то в чем виноват? Я, что ли, старика обманул?

Василий (раздумчиво). Да мы все его обманули. Наговорили, наобещали, а пошло не так. Не вообще не так. А вот в конкретном случае, с конкретным человеком.

Иван. Мы действовали по указу.

Василий. Указ — он для умных людей писан. Указ исходил из того, что все мы на местах уже развернули новые формы — и кооперативную торговлю, и семейный подряд, и индивидуальный труд садоводов и огородников. А указ только обрубает больные ветки на здоровом дереве. А у нас — что? Само дерево под корень...

Иван. Зря мы этот вопрос на бюро вытащили — вот в чем ошибка. Не обкомовского уровня этот вопрос. У нас в области три миллиона народу. Не можем мы каждым человеком заниматься, сил не хватит.

Василий. Уровень — обкомовский, райкомовский... Откуда у тебя чванство такое? Научились считать на миллионы, а про человека, обычного, нормального, простого человека, забывать стали. А расплата какая? Да и не одному старику — двум третям садоводов в справках отказали! Запретили вывозить овощи за пределы области. Ведь сгнила половина на грядках! Милицию бросили парники на участках рушить. Что это такое?! Вандализм или недомыслие?

Иван. Ну какой вандализм! Наша милиция и слова-то такого не знает. Действовали по указу. Ну перегнули, верно, поправить надо — чего шум поднимать?

Василий. Поправить? Поправляем... Вначале перегибаем, а потом — поправляем... Так и живем... и всегда при деле... Откуда это пошло? От формулы этой, что ли: чтобы выпрямить палку, надо перегнуть ее в другую сторону. А что ее можно попросту выпрямить — сразу принять взвешенное решение — это нам в голову не приходит...

Иван. Ну, это не нашего с тобой ума дело.

Василий. Не нашего... А мы кто с тобой, пешки в игре или руководители?.. Ты почему Москву не информи-

ровал о перегибах? Что рынки опустели, людей трудовых зря обижают, что — разъяснения нужны? Это долг твой первейший был. За этими перегибами проблема огромной важности — проблема доверия людей к новым преобразованиям.

Иван. Так-то оно так, Вася... да совсем иначе! Не ждут от нас такой правды, не ждут! Правда, она только сверху вниз ходить может, а снизу вверх — ох, тяжело ей подниматься! Я звонил — сообщил о том, что имеют место отдельные факты недопонимания...

Василий. «Имеют место», «отдельные факты»... Сообщил часть правды. Как принято сейчас говорить: «полуправду». А вторая половина, стало быть,— «полуложь»? А все вместе что? Дезинформация — вот что! Попросту говоря — обман или самообман. В детстве мама тебе не говорила — врать грешно? Не говорила, Ваня?

Иван. Ну тебя, Вася. Да и учили нас с тобой другому. Информация — вопрос политический.

Василий. И как это ты понимаешь?

Иван. Как? Ты не хуже меня знаешь, не маленький. Вот я бы на кого-то в Москве этот вопрос подвесил? А ему как быть с таким блином горячим? Только, только указ приняли, и на тебе... Куда он с этой информацией сунется?..

Василий. И что же, как раньше, правды бояться? По-гусиному голову под крыло прятать? Не выйдет! Правда, она через любые заслоны пробьется... Вот так и получается: ты не сообщил, сосед по области воздержался, а в итоге полное искажение картины. Потом удивляемся, откуда у нас лозунги рождаются, от жизни оторванные, совесть нашу убаюкивающие. Думаем, все наверху изобретают. Крутой подъем к коммунизму, сверхразвитой социализм... А начинается вот здесь, с нашей полуправды, с наших победных реляций: выполнили, перевыполнили!

Иван. Что это ты от частного факта сразу к таким обобщениям перепрыгиваешь?

Василий. Факт факту рознь. Ленин из частного факта — жалобы сибирского крестьянина — вон какой урок извлек: отменил разверстку и продналог ввел. (Пауза.) Прокурор на заседании сказал о твоем звонке — сделай, мол, упор на семейные обстоятельства, которые довели инвалида до такого конца. Это правда?

Иван. Врет он, врет, чернильная душа! Звонил я ему, верно. Но требовал провести всестороннее расследование. Всестороннее!

Василий. Врет? Или ты привык его на веревочке водить? Кстати, почему об этом случае запретили писать в газете?

Иван. Не в наших традициях расписывать разные там самоубийства. Сам, что ли, не знаешь?

Василий. Знаю, как не знать?.. Но кончать надо с этой традицией. Надо писать о конкретных судьбах людей, а тем более когда нужно расследование. Пусть те, кому положено разобраться, знают, что народ следит за их работой. И будет остро реагировать на любые перегибы. И сами мы тогда вовремя уроки извлекать научимся.

Иван (примирительно). И какой же урок мы с тобой должны извлечь из нынешних перегибов, Василий?

Василий. Какой? Пересмотреть в корне наше отношение к инициативе — коллективной и личной. В корне! Мы такую инициативу всеми средствами изгоняли из общества. Только по указанию! Только по приказу! Только сообща!

Иван. А что плохого? Коллективный труд, организованный — производительнее, это опять же факт.

Василий. Организован, а не указан — в этом вопрос. Чтобы сам человек заинтересован был, с душой работал, или — как надо? Кому — надо? Не ему самому, не коллективу, а кому? Нам с тобой, что ли?

Иван. Государству — вот кому! Слово «надо» поэтому звучало для нас как набат, как приказ.

Василий. Государству нужно, чтобы человеческий фактор, личность работника были выделены и отмечены по заслугам. И личная ответственность. Возьми ты писателей, ну тут бесспорно, никто не скажет, что стихи надо сочинять по указке или коллективно. Но изобретатель — с ним уже хуже. Если он вне организации работает, ему пробиться — горы своротить надо. Зубы сломает, жизнь положит. А ремесленный художник? Почему у нас все русские промыслы загублены? Один Палех остался... А врач? Почему он в равнодушного статиста превращается? А ученый? Почему часто халтуру в коллективные сборники поставляет? Обезличенность — вот где причина! Или тот же садовод. Одной рукой мы его поощряем: землю даем, а другой давить начали. Раньше он для разных нужд транспорт нанимал, а сей-

час как ему быть? Каким путем дровишки, кирпич, инвентарь доставить?

Иван. Каким? Да черт его знает каким. Ясно одно: указ все это запрещает.

Василий. Но мы-то что людям должны сказать? Что сделать? Раз нельзя так — другой способ нужно найти. Формы доставки жителям деревни — тем же садоводам — разных материалов... И до каких пор это будет? Машину выпускаем — запчастями не обеспечиваем. Телевизор загорается — починить некому. Это — не человеческий подход. Не человеческий! Есть проблема — обеспечить ее решение. Так не получается — иначе, но решить!

Иван. Верно это, верно в принципе, только решить не так просто, как тебе кажется... Но указ, он ведь против наживы ориентирует. Ты вот думаешь, все это безобидные старички. Они цветочки разводят, а потом продают. А за сколько? Ты интересовался? Они тебе гортензию за полтинничек не отдадут. Тремя рублями не отделаешься.

Василий. Ну и как быть?

Иван. Как? Да запретить, и все тут.

Василий. Я спрашиваю, с цветами как быть?

Иван. С цветами?

Василий. Ну да. Город без цветов оставить? С запретами у нас хорошо дело поставлено. Легко и привычно. А вот как с разрешениями? Сколько у тебя создано новых кооперативных магазинов? Мастерских обслуживания, столовых за последние полгода — тысяча? сто? десять?

Иван. Ну что ты насел, на самом деле? Не занимались мы этим. Конкретного указания не было. Чего же забегать-то?

Василий. Видишь, Иван, ты в эту сторону бегать не хочешь! А почему ты так лихо побежал в другую?

Иван. В какую это?

Василий. Да вот, прочел Указ, что надо бороться с нетрудовыми доходами, и поскакал. Чему обрадовался?

Иван. Ничему не обрадовался. Просто установка эта более ясная, да если говорить откровенно, и более привычная. А разрешить все — мигом выйдет из-под контроля, расшатается.

Василий. Из-под какого контроля? Административного — возможно. Но финансового — нет.

Иван. А как же социальная справедливость?

Василий. Справедливость? Как ты это понимаешь?

Иван. Как народ понимает, вот как. А народ, если хочешь знать, предпочитает равенство в бедности неравенству в богатстве. Он, народ, больше всего не хочет, чтобы кто-то лучше жил, чем он живет.

Василий. И это — справедливость? Не вернее ли назвать это социальной завистью?

Иван. А это еще что? Как понимать? Новое понятие изобрел?

Василий. Не новое — известное давно, но забытое. Один говорит: сосед, вон, лучше меня живет. Он работает лучше, надо и мне лучше работать, и я буду так же получать. Это справедливо: каждому — по труду. А другой рассуждает иначе: почему сосед получает больше меня? Лучше работает? А кто это доказал? Надо уравнять всех. Всех! Это — социальный завистник. Ну а мы с тобой — руководители, кого мы поощрять будем? Поощрим первого — получим общество активных людей. Пойдем навстречу второму — общество лентяев. Что, или неверно рассуждаю?

Иван. Но кооператора, индивидуала, торговца у нас все равно никто не полюбит, имей в виду, Вася.

Василий. А почему? Объясню. Потому что не избавились до сих пор от того, что Ленин называл азиатской формой торговли; на обмане и хамстве... А мы с тобой по заграницам — какие рынки видели, прилавки какие?.. Не успеешь войти — May I help you? Не могу ли помочь вам? Чем же мы хуже?.. Вот ты говоришь, цена высокая. Верно. А кто виноват?

Иван. Известно кто — спекулянт.

Василий. Нет, Иван, и мы с тобой тоже виноваты.

Иван. Да ты что, Вася? От чаю, что ли, захмелел?..

Василий. Ну да сложная задачка — из 5-го «А», где мы с тобой учились. Высокая цена на рынке отчего? Ясно: от нехватки. А нехватка отчего? От запретов и ограничений. Был бы в области не один, а сто цветоводов, цена на цветочек упала бы до десяти копеек. И на огурцы, и на помидоры с арбузами, на все продукты.

Иван. Ну ладно. Со стариком маху дали. И со справками поправлять надо. Но неужто ты из-за этого меня, друга своего давнего, под монастырь подвести хочешь?

Василий. Да разве только в этом вопрос? Вот ты скажи мне, что вы тут сделали за последнее время? Хоть что-нибудь существенное в работе обкома назови. Ведь

полтора года прошло с апрельского Пленума ЦК. Планы по-прежнему проваливаете. Промышленных товаров производим мало, все с дефицитом воюем... Да и с продовольствием нелады. В магазинах — только хлеб, крупа да сахар. Мясо — с перебоями, овощи — глаза бы не глядели...

Иван. Что-то не вижу я, чтобы в соседних областях было лучше, происходили большие перемены. Замах верстовый, а шаг метровый.

Василий. Ну это ты брось, Иван, хоть себе-то не лги. Я вот слушал ваши выступления на бюро, прямо скажу — впечатление такое, будто на пять лет назад вернулся. О чем вы говорили на бюро? И как говорили? Все шепотком да спокойненько, тихонечко, мол, ничего особенного не происходит. Все, в общем, своим чередом идет. Где ваше волнение за дело, ответственность за провалы, совесть ваша партийная где?!

Иван. Ну это ты, брат, оставь! Партийность нашу не трог-г-ай! Мы за партию жизнь положить готовы — ты сам это знаешь!

Василий. Не о том я тебе говорю, Иван. Не о том! Жизнь твоя сейчас партии не нужна, войны сейчас нет. Работа нужна! Квалифицированная, ответственная работа! По-старому работать партия никому не позволит. Индульгенция кончилась! Вот что ты осознать должен. Всей своей душой, всей партийностью своей!

Иван. Ну, старое! Оно пятидесятилетним опытом освящено. Старое тоже так за здорово живешь выбрасывать на свалку — спешить не надо. Пока новое-то не определилось.

Василий. Не понимаешь ты меня! Не хочешь понимать... или уже не можешь?.. Ну ты скажи мне, разве тебя самого не раздражает этот пустой ритуал собраний, когда мы сидим с важным видом, чинно в президиуме и выслушиваем нами же утвержденные банальности? А то и дирижируем аплодисментами в нужных местах? Неужели тебе не хочется услышать живое человеческое слово, мысль беспокойную — о деле, о твоем решении или о судьбе человеческой? О судьбах Родины нашей, наконец, закрепощенной ритуалом китайских церемоний? Не чувствуешь разве, к чему люди тянутся, что они ценят в руководителе? Честный, откровенный разговор о самом главном, о наболевшем, не по бумажке, а по-человечески, без запретных тем и закрытых для критики адресов.

Иван. Ну вскрыли бы мы эти болевые точки, кто же их не знает — и насчет жилья, и о дефиците товаров, и о нехватке продовольствия,— а что же дальше? Только обещания раздаем направо и налево. Что же получится? Дело не сдвинется, а лодку раскачаем.

Василий. И тут ты не прав в корне. Это старый спор, мы с тобой его еще в академии вели, да и не мы одни: вскрывать проблемы или скрывать проблемы? Две позиции, два подхода. Вскрыл проблему — значит, начал решать ее. Скрыл проблему — значит, отказался решать, даже думать о ней боишься, а то и просто равнодушен к нуждам человеческим. (Пауза.) Ну а ты-то, интересно, сейчас сам как снабжаешься?

Иван. Как? Как все.

Василий. Ну уж как все.

Иван. Ну не совсем, как все, не из того же магазина. Жена едет с шофером, делает заказ, потом он сам его обычно привозит.

Василий. Шофер сам привозит... Что же он у тебя — слуга, батрак он твой? Отцы же наши с тобой — крестьяне беднейшие — революцию против батрачества делали! А почему бы тебе самому не сходить в тот магазин? Или сесть за баранку, мы же вместе права получали? Машина в семье твоей есть — слышал, дочка гоняет...

Иван. Самому? Ты вот повертишься здесь, на моем месте, увидишь, останется ли у тебя минута, чтобы по магазинам бегать...

Василий. Ну бегать не бегать, а зайти не мешало бы. Тогда бы ты убедился, какая разница между тем продуктом, что дают тебе, упакованным в коробку, и тем, что на прилавке.

Иван. Я и так знаю. Мне докладывают чуть ли не каждый день. О продовольственных запасах, да и о рынке тоже.

Василий. А если докладывают, почему мы это терпим? И до каких пор будем терпеть?

Иван. Что же нам — частника-рвача, что ли, поощрять?

Василий. Да не частника, не частника, черт тебя подери! Какой у нас частник, когда мы все — служащие у государства? Частник — это тот, кто чужой труд присваивает. Вор на службе государства — вот где частник. А тот, кто индивидуальную инициативу имеет, своим горбом деньги зарабатывает да еще государству доход дает,— это нужный ему работник. Ему и потребителю.

Иван. А знаешь, сколько имеет в день мясник-рубщик на базаре? Сто пятьдесят — вот сколько!

Василий. А ты мясника того поймал?

Иван. Ну пока не поймал.

Василий. А старика поймал. И знаешь почему? Потому что старика легко поймать — он труженик, а мясника трудно — он вор. Что же получается? Получается полное извращение смысла Указа. Ты вот скажи мне, сколько в области миллионеров?

Иван. Да кто их считал?

Василий. Подсчитали. Мне вчера начальник ОБХСС справку дал. Девятнадцать. А сколько имеют сотни тысяч — этого никто подсчитать не может. От них ниточка в разные стороны потянется, и неизвестно, на кого выведет... Ты говоришь, нажива. А в кого метишь? В воробья, не в коршуна. В садовода, колхозника, продающего со своего приусадебного участка. Так?

Иван. Ну так.

Василий. А ведь все они трудятся. У нас в академии провели исследование с группой строителей. Образованные все, инженеры, между прочим. Они сто четырнадцать дней вне рабочего времени в год на это дело тратили. Вечера, субботы, воскресенья, отпуска. Какой же у них нетрудовой доход? Он самый что ни на есть трудовой, да еще сверхурочный — отдыхом жертвуют.

Иван. Так что же, все это разрешать?

Василий. Конечно! Надо только упорядочить индивидуальный приработок их, чтобы налоги платили, как за любой труд. Теперь возьми действительно нетрудовые доходы. Кто здесь замешан более всего? Об этом весь народ знает. Две группы. Одна — материально-ответственные лица, прежде всего в торговле. Это главная сфера криминального обогащения. Другая группа — те работники органов власти, которых они подкупают — прямо или косвенно.

Иван. Косвенно — это как?

Василий. Обмен властными возможностями.

Иван. Это что еще, с чем это едят?

Василий. Например, ты мне окорок свиной к каждому уик-энду, я тебе — дочку в институт устрою. Чем они меняются? Деньгами? Нет. Возможностями и влиянием. Вот эта вторая группа — самая трудноуловимая. Я так думаю, что перегибы с Указом именно отсюда шли — от себя удар отвести хотели.

Иван. Ну с этими жуликами и взяточниками вопроса нет. Пересажать всех — и дело с концом.

Василий. С концом — да не с тем концом! Всех не пересажаешь — тюрем не хватит. Люди приспособились жить в щелях системы. Надо выбить у них почву из-под ног. А почва эта — дефицит. И тут нам как раз и нужны те самые кооперативные, семейные и индивидуальные формы хозяйствования, от которых ты на бюро открещивался.

Иван. А почему все же опора не на государственные формы?

Василий. А надо ли на государство взваливать всю эту так называемую мелочовку — парикмахерские, лотковую торговлю, починочные мастерские? Государству по горло хватает других задач. И если оно не может полностью обеспечить нас продовольствием и услугами, то нужно шире использовать инициативу, самодеятельность людей.

Иван. Обогащаться будут. Не нравится мне это. И другим, я думаю, не понравится.

Василий. В политике нельзя руководствоваться чувствами. Если это выгодно потребителю и производителю, пусть зарабатывают больше, под финансовым контролем, разумеется.

Иван. Зачем же нам личное обогащение поощрять? Наш путь — общественные фонды развивать, прежде всего сюда деньги вкладывать.

Василий. Здесь тоже проблема есть — изучить надо. Ты посмотри: кто в лучших университетах обучается? Разве мало там «позвоночных» — так их называют, поскольку по звонкам приняты? Дети начальственные — чем они других детей лучше? Умнее, талантливее, трудолюбивее? А новому Ломоносову из Поморья прорваться туда ой как нелегко бывает! Да и другие блага, скажем по линии отдыха, лечения. Разве они всегда только от личного вклада зависят? Больше от принадлежности к ведомству. Богатое ведомство — там и клерк королем ходит, бедное — там и начальник по путевке профсоюза отдыхает... Разница в зарплате — это понятно всем. Но распределение общественного пирога — тут уж нужна скрупулезная справедливость.

Иван. Внимаю я тебе, Василий, и думаю: кто из нас от жизни оторвался? Не знаете вы там в Москве, что в стране происходит. Не знаете. Только внешние формы видите. Ты скажи вот, Василий, как это получилось —

Советская власть людям все дала. А они, чем они ответили? Сколько еще таких — пьют, воруют, работают кое-как...

Василий. Ну это ты, брось, Иван! Брось! Не клевещи на народ! Да и отвыкать надо от патернализма, эдакого... Тоже мы с тобой — отцы нации нашлись. Советская власть... им дала!.. Они и есть Советская власть.

Иван. А мы кто с тобой? Бюрократический слой? Извращение?

Василий. Мы? Мы представляем народ, руководим общим делом. Сами-то мы ничего не производим — производит народ и потребляет то, что произвел, значит, свое, наработанное. А мы организуем — лучше или хуже. Ну а что пить люди стали — у нас тоже рыльце в пушку. Бюджет на чем строили?..

Иван. Ты насчет борьбы с пьянством тоже не упрощай, Василий. Не упрощай! Ты думаешь — ухватимся за проблему и решим враз. А проблема эта ох какая нелегкая! Со всем народом рассориться можем. На бюро ты хорошо говорил, складно... Послушал бы, что народ твой об этом говорит.

Василий. Послушал.

Иван. Неужто в магазин ходил? В очереди стоял?

Василий. Стоять не стоял, а побеседовал. Подъехал как-то к очереди той, признали меня. И пошло. Один алкаш явный насел: вот вы, говорит, полвека спаивали нас, деньги лупили на индустриализацию, а теперь распаиваете, говорите — ради технической революции, что же это такое? Когда кончите на нас ставить эксперименты, как на кроликах? Вы у народа спросили, может, он, народ, не хочет пить бросать?

Иван. Ну а ты что?

Василий. Что? А ты сам, говорю, у своей жены спроси. Вот тебе и полнарода. У детей, у родителей спроси. Вот тебе еще треть. У товарищей своих по работе спроси. А таких, говорю, как ты, там не так уж много наберется. А очереди — что же, с этим варварским явлением можно только варварскими средствами бороться.

Иван. Убедил?

Василий. Разве алкаша убедишь? Да и не алкаша убедить в этом трудно. Вопрос не простой. Противоречие осталось. Сухой закон ввести невозможно, водку ту же государство продает, а народ в очередях мается.

Иван. То-то и оно, что не простой... Я прочел как-то в служебном бюллетене, на каком месте мы

по потреблению напитков стоим,— и ахнул! Ты-то знаешь, на каком?

Василий. Слышал.

Иван. На девятнадцатом — вот на каком! А шумим так, будто вперед всех вырвались.

Василий. А другую цифру ты принял в расчет? По потреблению крепких напитков мы на первом месте. У кого больше всего преступлений на почве пьянства? У нас! Прогулов — у нас! Развала семьи алкоголика — у нас! Вот же в чем дело!

Иван. Ну и как быть — теперь я тебя спрошу? На свадьбах, на поминках тех же — что, ни грамма не дозволить? И ты думаешь, народ с этим посчитается? Народ, он любую лазейку найдет, а уж по такому-то случаю выпьет. И ничего мы с этим не сделаем.

Василий. Да, тут есть проблема. Но решать ее надо будет на следующем этапе. Культура потребления. Хорошие клубы, кафе, бары, дансинги, кинотеатры. Ну и на этой основе — пиво такое классное, какое мы в Праге пивали, шампанского по бокалу... Почему же нет, если культурно, для общения человеческого... Но это — позднее. А сейчас — круто не возьмем с пьянством, все снова к прежнему возвратится.

Иван. Ох нелегкое это занятие — в России пьянство выводить... Нелегкое и неблагодарное. Популярности мы себе на этом не заработаем.

Василий. Это конечно. Веками привыкали... Как в песне поется — только шведы с финнами... Те, что в Ленинград приезжали, переплюнуть нас могли... Да и другие вопросы — тоже с маху не решишь. Додумывать, доделывать, а иной раз и переделывать придется. Не хватает нам порой цивилизованности элементарной. Вот поехал я сразу после назначения в отпуск в деревню, мать попросила домишко подправить, сарай починить. Ты знаешь — она на Вологодчине обретается. Не был я там, почитай, лет пять — мать все ко мне в Москву приезжала. Посмотрел я на домишко ее подслеповатый, на другие дома в деревне той, ну горе — как триста лет назад. Вспомнился мне разговор один. Лет двадцать назад дело было, в Болгарии. Я еще начинающий был, только на партработу пришел.

Возят нас по стране, деревни показывают, кругом дома новые кирпичные, служебные постройки тоже. Спрашиваем: кирпич откуда? Сами, говорят, делаем, здесь же в деревне, по русскому методу, между прочим, а инструк-

тируют нас цыгане. С нами был завотделом строительства из Совмина Брызгалов, помнится, спрашиваю его: почему же у нас этот кирпич не делают по русскому методу? Он надулся и говорит, важно так, мол, запретили в 1947 году еще, чтобы не отвлекать людей от общественного производства. Ну а сейчас, спрашиваю, почему не разрешить? А он мне — как брызнет — сейчас — мы на блочные многоэтажные дома переходить будем.

Иван. У нас тут тоже понастроили — народ из деревни разбегаться начал. Связь с землей окончательно утрачивать стали.

Василий. Вот-вот! Кончать надо, кончать с этим навсегда.

Иван. С чем кончать?

Василий. С недальновидными решениями, с глупостью нашей. Сколько же можно? Семьдесят лет уже страной руководим. Ленин ввел сухой закон. А дальше?.. Отменили его и ввели государственную монополию на производство алкоголя. И вон чем это обернулось! Не знаешь, что делать с проблемой,— изучи ее, а только потом решай.

Или тот же указ — как его применять стали? Еду я от матери обратно, машину не запрашивал в райкоме, думаю, так, на попутной доберусь. Стою голосую. А рядом со мной на дороге старушки, божьи одуванчики, женщины с детьми. Машут ручками, а мимо проскакивают грузовики, порожние между прочим. В том же направлении едут. Остановил я одного, спрашиваю: ты почему женщин и детей не берешь? Не положено, говорит,— нажива. Ну, говорю, а ты даром подвези. А он: да я бы подвез,— никто не поверит.

Тут я подумал: в чем дело, почему во всей Европе тысячи молодых людей путешествуют с помощью пальца? Опустят большой палец, и их довезут в другой город, а то и в другую страну. Что же мы хуже относимся друг к дружке? Ведь это же у нас, а не у них коллективистское общество. Да рубль тот же — ну пусть берет — на попутке ведь едет. А людям — польза. Да и почему не разрешить подвоз за умеренную плату тому же владельцу машины. Пускай патент выправит, налог платит. Миллионы машин в сферу обслуживания пустим.

Иван. Ну тут тоже, конечно, рассусоливаться нечего — старушки, дети... Лес рубят — щепки летят.

Василий. Щепки. Садовник тот — щепка, старушки — щепки... дети... Винтики, болтики. Смотрю я на тебя и

думаю: вышли мы все из народа, теперь как бы обратно войти в него... Госплан вон тоже на миллионы считает, где ему реальные проблемы реальных людей увидеть? То носков нет, то лезвий, то полотенец, то стройматериалов, то транспорта, чего ни хватится человек — всего не хватает. Что же это такое? И до каких пор?

И откуда это пошло равнодушие такое к человеку? Время, что ли, такое было? Выпотрошило, взрастило эгоизм и корыстолюбие. Юбилеи. Раздачи. Кто смел, тот и съел, а кто понахальнее — втройне нахватал — звания, премии, награды, дачи те же, квартиры для родни, детей — в заграницу гниющую. А проблемы — что же, зачем начальство беспокоить? Не информировали о них, не писали, и как будто нет тех проблем.

Иван. Тут я тебе прямо скажу: меньше говорить, а больше делать надо. Иначе что получается? И дело не сделаем, и народ подраскачаем. И сейчас уже болтают, что кому в голову взбредет. Мы тут письма получаем: почему, мол, по телевизору стали жен руководителей показывать? Чем они, мол, заслужили эту честь?

Василий. И что же, как вы отвечаете?

Иван. Да как — как следует. Требуем, чтобы на местах призвали к порядку этих борзописцев.

Василий. А почему не разъяснить? Я вот был во Франции, они там, наоборот, все допытывались — почему вы своих жен скрываете? Какая здесь тайна? Они видят в этом показатель закрытости нашего общества, нецивилизованности нашей.

Иван. Так то Франция... А ты-то сам как думаешь?

Василий. А чего нам жен своих скрывать? Чем они нас самих хуже? Или стесняемся мы их? Как в деревне бывало: мужик впереди вприпрыжку бежит с бутылкой в кармане, а баба за ним с огурчиками и капустой кислой позади плетется... Что тут хорошего? Помнишь — раньше нам путевки на отдых для жен не давали. Говорили: не положено! Глупость одна, патриархальщина. Жена Героя Соцтруда — тоже почет заслужила, она ему условия для работы создавала. Да и свою трудовую биографию имеет. А жена президента страны, или министра, или Генерального, да и ученого, писателя, любого труженика — должна рядом стоять, как принято во всех государствах, кроме, может быть, самых восточных...

Ну это все мы с тобой в эмпирéи высокие забрались. О главном поговорить надо. Как область-то поднимать будем? Что предлагаешь?

Ты давно здесь сидишь, с тебя и спрос больший вначале.

Иван. Думаю, прежде всего дисциплину надо наводить, требовать строже, вплоть до исключения. И пойдет дело.

Василий. Вот ты почему накинулся на председателя горисполкома: «Из партии выгоню, билет положишь!»

Иван. А ты как думал? Вот о перестройке говорим, говорим... Но никак я понять не могу толком — чего от меня-то хотят?.. Нутро я свое должен выворотить наизнанку, что ли? Я понимаю так: должны мы требовательность ужесточить. Невзирая на лица. Кто бы ты ни был — председатель исполкома, секретарь райкома, директор комбината,— отвечай по всей строгости. В перегибах кто виноват? Кто за снабжение отвечает? Он, председатель!

Василий. Ну а ты, а мы — в сторонке?

Иван. Почему — в сторонке? Я вон раньше в девять часов, бывало, домой приходил, а теперь не раньше десяти, а то и одиннадцати и все субботы безвылазно.

Василий. Пользы от такого сидения много ли?

Иван. Ну, это как посмотреть! Я ведь не в бирюльки в кабинете играю. А если к председателю вернуться — менять его самое время. Он только и делал, что вокруг первого плясал. Зам его — другое дело. Самостоятельный мужик!

Василий. Присмотреться надо: как говорится, семь раз отмерь... Кадры — дело наипервейшее! Чехарду устраивать не будем... А что касается того, кто и вокруг кого плясал... Первый и подбирал под себя...

Иван. Ну меня-то, положим, Москва рекомендовала. Ты ведь не захотел вернуться сюда после защиты, а мне здесь лямку, почитай, одному тянуть пришлось.

Василий. Верно, не захотел с ним работать.

Иван. Да уж признайся откровенно, Василий. Задвинули тебя, в обиженных ходил, считай, десять лет. Вот и раздражаешься на все, что мы делали.

Василий. Может, и задвинули... Вот я и накопил — не раздражение — жажду, к работе жажду. Жажду решать вопросы, а не сидеть воеводой на области.

Иван. Так уж и воеводой. Мы тоже что-то решали, за дело болели, государственное дело. Но я не о том... Ты представь — представь себе на минутку, каково мне-то под первым ходить было? Мужик малограмотный — техникум кооперативный кончил, однако хитрый, спасу нет.

Но как говорится: я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак. Вот я в дураках-то и ходил, с улыбочкой, выворачивался, чтобы амортизировать...

Василий. Амортизировать... Тоже буфер нашелся! Ну а каково тебе было при нем, все хорошо знают. В лауреаты он тебя за какие-такие шиши двинул? От доброты сердечной?

Иван. Что ни говори, человек он был добрый.

Василий. С кем добрый — вот вопрос? С вами добрый, с теми, кто его лично обслуживал... А с областью что происходило? Добрый! Такая доброта похуже воровства будет!

Иван. Ну мне-то ты зря пеняешь. Я в лауреатство не рвался, завод представил. Я же инженер, участвовал вместе с КБ металлургического во внедрении. Брошюру выпустил...

Василий. Слыхали и о твоей брошюре. Люди смеются: двадцать лет спустя! Четыре пятилетки, как ушел с производства. Ну кого мы обманываем, а? Иван Петрович! Много ли оно стоит, лауреатство, полученное таким путем. А вот для чести нашей партийной — стоит действительно много. Мы на виду у людей. И все они видят, обо всем судят. О нас, партийных работниках, особенно строго. Шагнул не туда, раз, два — и доверие подорвал. И свое, и обкома.

Иван. Вот ты почему все на гласность упирал... Нет самокритики, все зажали, келейные решения... А люди, как они это поняли? По выступлениям видел? Как сигнал против меня поняли, вот как. Ведь на меня же ты эту гласность поворачиваешь. На меня! Ну и что здесь нового? Каждый раз так было: приходит очередной руководитель в область и прежнего дегтем мажет. Народ к тому издавна приучен. Новой метлой прозывает. Против старого — это нетрудно. А ты против себя ту гласность готов пустить?

Василий. Не готов — жизнь научит. Я тоже — не семи пядей во лбу. И страшного в этом для себя лично ничего не вижу.

Иван. Нестрашно, конечно, брань на вороту не виснет. Оргвыводы сразу делаются — вот что страшно. Как ты со мной — «по собственному желанию»... А может, у меня нет «собственного желания». Ты у меня спросил? Ну идет новая волна. Не первая, не последняя. Эти волны приходят и уходят. Мы с тобой насмотрелись...

Василий. Работать-то надо вместе, Иван. А как ра-

ботать, если ты против идешь, за старое зубами цепляешься?

Иван. Цепляюсь?! Это я-то? Уж с каким первым сработался, неужели с тобою не сработаюсь? На меня можешь вполне положиться...

Василий. Положился бы, только... Ты вот мне зампреда исполкома подсовываешь. Тоже в рот тебе небось заглядывает. Слыхал, вы с ним — не разлей вода: и на охоту, и на рыбалку вместе...

Иван. Шептуны — слушай больше! При чем здесь охота? Кого же выдвигать, если не замов? Они школу прошли, опыта набрались. Некоторые давно уже пересидели, а продолжают весь воз на себе тащить. Кого, если не их?

Василий. Не уверен, что только их. Здесь надо крепко подумать, кто чего стоит? Не всякий первый рисковал под себя сильного человека сажать. Или будто не знаешь, как у вас тут кадры подбирались? Конечно, и среди старых работников немало толковых людей, надо только им дать зеленый свет. Все мы, почитай, на одну треть своих сил работали. Но ты вспомни, мы всегда побаивались людей талантливых. Тот неуживчив, тот неуправляем, один вспыльчив, другой высокомерен. Ну и выдвигали в основном середнячка: он с ноги не собьется, борозды не испортит.

Иван. Значит, перетряхивать кадры будешь? Так я тебя понимаю?

Василий. Перетряхивать! Тоже еще словечко выкопал из старого истпарта. Перетряхивать — это шило на мыло менять. Люди нужны, способные по-новому дело развернуть.

Иван. А что значит — по-новому? Как это?

Василий. Расскажу я тебе, Иван, притчу.

Иван. Умную?

Василий. Умную или глупую — сам увидишь. Собрались как-то звери мост через реку строить. Ну каждый свой проект предлагает: слон — чтобы пошире, лисица — покруче, заяц — чтобы петлять можно было. Судили, рядили, вдруг с заднего ряда осел копыто поднимает: прежде, говорит, чем думать, каким мост строить, надо решить коренной вопрос: как его строить — поперек реки или вдоль.

Иван. Ну и какая мораль? В ослы записываться?

Василий. Ты, я смотрю, совсем оказёнился, шуток понимать не хочешь. А ведь был веселый парень в академии, первый гуляка и хохмач был. Как жизнь-то нашего брата уминает.

Иван. Да и ты, Вася, другой какой-то был. Хотя всегда к резонерству вкус имел... Так что же нам — все вверх тормашками перевернуть прикажешь? Мост вдоль реки строить? И какая она река-то это будет? Не замутнеет река-то наша советская?

Василий. Не бойся — за Советы, за партию мы горой постоим. И мост, конечно, вдоль реки строить не будем, а вот на традицию по-новому взглянуть надо — такая тут мораль! С того и перестройка начинается, что человек весь свой багаж пересматривает. И душевный, и нравственный.

Иван. Туманно как-то... Ну меня возьми конкретно, для примера, как мне перестраивать свою психологию? Взятки не брать — я их сроду не брал. И борзыми сувенирами, то бишь японскими приемниками, тоже отвергал. В магазины самому ездить? Хорошо, поеду. Дочку в аспирантуру не устраивать? Ладно, не буду. Справки всем дачникам выдавать? Пожалуйста, в любое время. Тогда ты меня одобришь? Или что еще неперестроенное во мне найдешь?

Василий. Что ты все с подковыркой, с язвинкой? Дело у нас вроде общее. И человеческий фактор, то есть душа, ум, совесть наша,— это самое основное.

Иван. Извини, Вася. Это я так... приперчил... А серьезно, как ты это понимаешь — перестройка? Для самого себя?

Василий. Да уж столько объясняли — неужели непонятно?

Иван. Ты вот на меня все наседаешь. Будто я один старый стиль представляю. И на бюро рубанул — придется заменить всех, кто лежит бревном на пути перестройки. Значит так: уберешь меня, и восторжествует сразу новый стиль. Был стиль Ивана, а теперь будет стиль Василия. Вот и все обновление. Выходит, я на прокуроре, на предисполкома отыгрался, а ты — на мне. Разница-то какая?

Василий. Разница? Ты — секретарь обкома. Перестройка, ускорение. Партия такими словами не бросается. Они в первую голову обращены к нам — ко мне, к тебе, к партработникам. Возьмемся за дело — будет перестройка. Не возьмемся — все изойдет в словах. А то, что я увидел здесь,— это стена. И стену не обойти — ломать придется.

Иван. Ломать — не строить. Ломать легко. Но насчет стиля ты так и не ответил. Вот мы с тобой, к примеру,

вместе были на партийной работе, учились в одной академии. Что же ты такое понял, чего я не осознал?

Василий. Вопрос ты подкидываешь, конечно, непростой... Так сразу и не ответишь... Ну прежде всего понял, что надо бороться за новый стиль. Преодолевать сопротивление.

Иван. Мое, что ли, сопротивление? Это я-то сопротивляюсь? Уж слава богу, за 20 лет партработы привык неукоснительно выполнять любые указания. Но чтобы выполнить, нужно понять, что делать, конкретно, как дальше работать — вот в чем загвоздка! И не я один — ты же слышал выступления руководства: многие не понимают.

Василий. Не понимают или не хотят понять? Потому что себя ломать надо, а это самая трудная ломка. А что я понял? Да главное, пожалуй, вот что: каждому мы должны по результатам труда его воздавать — от рабочего и ученого до партийного секретаря. И выдвигать соответственно. Не за прошлые заслуги, не за чины и звания, а за сегодняшний вклад в общее дело.

Иван. Ну это декларации все, а ты попроще, на примере... чтоб и мне, дураку, ясно стало.

Василий. Ты, Вань, на грубость нарываешься, все, Вань, обидеть норовишь!.. Дурак-то ты дурак, да похитрее меня будешь...

Иван. Ну и как же, Вася, без грубости?

Василий. Как?.. Ну вот я возьму на примере академии нашей — я, видишь, оттуда только приехал, от земли грешной, как ты правильно говорил, оторвался.

Иван. И что же в альма-матер происходит?

Василий. Ты помнишь, у нас там два академика было — один еще Сталиным самим назначен.

Иван. Ну теперь я вспомнил... Это же...

Василий. Дело не в фамилиях. Значит, выступает у нас один профессор на партсобрании недавно и говорит: как это получается, я десять толстых книг написал, рисковал, вопросы новые ставил, а академики те в тиши кабинетов отсиживались — ни книг не писали, ни общество не будоражили. Они за звание только пятьсот рублей получают — зачем им работать? Я, говорит, не к тому, чтобы пенсию у них отнять, бог с ними, пусть пользуются. А к тому, чтобы они нами не командовали, раз сами ничего не умеют. И чтобы не принимали их всерьез как ученых, могущих сейчас добрый совет руководству подать.

Иван. Ловко! Ну и как реагировали? Раздолбали его?

Василий. Ну, тут, конечно, смута, смятение в умах — на кого руку поднимаете?.. Но, в общем, кому надо — понял правильно... Или нашего брата возьми — партработника? Как нас поощряют? Конечно, и за пятилетку и за план награды дают. Но больше — за выслугу лет. Достиг пятидесяти лет — пожалуйста! Всем поровну, чтоб никому не обидно было и думать не надо: что положено по должности — получай. А ведь работаем мы по-разному и результаты неодинаковые. Вот в чем суть-то проблемы. За что платить, за что вознаграждать в первую очередь? За звание, разряд, должность или продукцию?

Иван. Я думаю, так — и за то и за другое.

Василий. Верно, но все же процентов на девяносто — за результат отдай. Зерно ли произвел, ботинки ли, книгу написал, кинофильм выпустил — количество и главное — качество оцени. А там — доплачивай за прошлые заслуги — выслугу лет, высокое звание, авторитет, накопленный ранее. Это одно.

Иван. А другое?

Василий. Другое — кончать надо с чрезвычайными методами, приказами, указаниями, голым администрированием. Вызвали на бюро обкома, проработали — и дело сдвинулось. Так было много лет, даже десятилетий. И, возможно, нельзя было иначе. Время было чрезвычайное — война гражданская, потом индустриализация — чрезвычайными методами, та же коллективизация, наконец. Отечественная — тут уже все было на карту поставлено. Много времени прошло, а мы до сих пор от этой чрезвычайки не избавились. Кампания по посеву, кампания по уборке. Студенты, школьники, ученые на полях. Гонка в последнюю декаду на предприятиях, вечная нескладуха со снабжением, выполнением обязательств.

Иван. Это ты верно говоришь — кто же будет спорить? Я тебе больше скажу: на обмане, приписках, отписках многое построено. Я пришел сюда, тоже хотел порядок навести, а потом понял: тут и плугом не перепашешь. Возьми наш самый передовой совхоз, он на всю страну гремит, со всех концов приезжают опыт перенимать, гордость области. А на деле — липа. Скрывали сотни гектаров угодий и завышали урожайность. А за это — ордена, знамена, почет. Как быть? Ну я и начал воевать. А первый меня урезонил: всю область под удар поставить хочешь? А у соседей — успехи, перевыполнение. Тут я и осознал: махину эту не сдвинуть, ее только раскачать можно. Ну а раскачивать нам самим ни к чему, опасно крайне.

Василий. Что же нам — и сейчас продолжать в том же духе? Разве на обмане, а тем более на самообмане политику построишь? Область поднимешь?

Иван. Да нет, конечно нет! Разве я не понимаю — время другое! Но и кавалерийской атакой многого не добьешься. Так что и ты, Василий, пошумишь, разворочаешь здесь кое-что, судьбы человеческие поломаешь, а потом остынешь, и все войдет в прежнюю колею. Поэтому давай уж двигаться, как двигались: постепенно поспешая.

Василий. Не выйдет! Время нам этого шанса не дает. Слышал? Либо рванем вперед, либо нас оставят позади и сомнут. Видел в Москве, технику какую нам те же японцы показывают?

Иван. Как не видеть? Тут вопроса нет. А вот какие рычаги использовать? Какими методами руководить?

Василий. Не на приказе, не на команде, а на интересе, на хозяйском отношении людей к делу все строить. Новая технология — вот приговор старым методам. Ну кого можно принудить больше изобретать, лучше думать, эффективнее работать? Как Гамлет говорил, помнишь? Если вам неинтересно, значит, нет у вас интереса. Разный интерес — престижный, материальный, даже честолюбивый. Съезд нам дал огромные возможности. Надо пробовать. Экономическое самоуправление — вот, пожалуй, самое главное, бригадный, звеньевой, семейный подряд, а где нужно — индивидуальный труд — все формы хороши, кроме неэффективных.

Иван. Рискованно, Василий. Можем завернуть не туда...

Василий. Без риска сейчас работать нельзя. Волков бояться — в лес не ходить. А нам не то что лес — нам высший мировой уровень техники и жизни людей нужен. Чиновник, тем более равнодушный, нам этого не обеспечит. Дорогу не откроет. Я тут на отдыхе специально засел, взялся Ленина перечитывать. Не все, конечно, а самые последние работы, те, что он нам завещал. И сам удивился, когда все подряд читать стал: как круто Ленин взял после «военного коммунизма»! Все пересмотрел, всю концепцию социализма. Например, та же кооперация. Эта идея пришла как озарение, как путь к социализму. Заметь, и не только в деревне — это заблуждение,— но и в городе. Кооперация как предтеча самоуправления. Послушай, что сейчас общественность говорит: режиссер Климов — о самоокупаемости кино-

объединений, Вознесенский — поэт — о кооперативных издательствах, Лобановский — о хозрасчетных спортклубах. Словом, самоуправление стучится со всех сторон.

Иван. Кооперативный социализм?

Василий. А ты за бюрократический, что ли, воюешь?.. Почему — кооперативный? Хозрасчетный, самоуправляемый. Кооперативы — малая часть огромного хозяйства, переводимого на рельсы самоуправления. А бюрократам, конечно, в эту сторону глядеть не хочется, придется делиться властью и полномочиями...

Иван. Вот и я в бюрократы попал. Все ждал, когда ты мне этот ярлык привесишь...

Василий. А как ты думал? Вот ты хочешь людям все самолично предписать: как работать, сколько получать, что есть и пить, даже с кем спать... Ну как это назвать иначе? Бюрократ — он бюрократ и есть!

Иван. Бюрократ... Чудно мне все это слушать. И непривычно. Может, я действительно где-то замшел, погряз в текучке, в резолюциях, надрывании глотки, давай план по зерну, по мясу! план по холодильникам! по цементу! Кругом надо поспевать, за всем смотреть. Тут не до размышлений, особенно над такими сложными проблемами.

Василий. В это я могу поверить. Но обком должен мыслить широкими масштабами, думать о перспективах, о стратегии развития своего региона. И главное — о результатах.

Иван. Результаты тоже не любой ценой, не за счет отхода от наших принципов. Это же шаг назад от наших завоеваний. Нужно решать проблемы через государственные органы, а не возвращаться, скажем, к той же низшей форме, кооперативной, а тем более к индивидуальному труду.

Василий. А откуда ты взял эти принципы?

Иван. Как — откуда? Да это же азбучная истина марксизма.

Василий. Азбучная? Тогда найди мне ее. Укажи том и страницу у Маркса или у Ленина. Вот ведь вбили нам в голову, что все государственное — это хорошо. А все гражданское, групповое или личное — плохо. Государство везет тебя на машине, бензин тратит, шофера держит персонального — это хорошо. Лично сам ты за руль сядешь — плохо, подозрительно. В госбуфете вчерашними щами травят — это хорошо. В столовой на семейном подряде борщом отменным накормят — это плохо. В гос-

торговле лежалый картофель купишь — это хорошо. У огородника — свежий, молоденький — это плохо. И так далее. Отыскать эти мысли у Ленина, а тем более у Маркса мы не можем, как бы ни мусолили знакомые страницы. Скажу я тебе, Иван, не тому учил нас с тобой этот сухарь Бараптарло, ты помнишь? Маленький такой, лысый преподаватель политэкономии.

Иван. Как не помнить. Он мне пятерку поставил на экзамене, а тебя прорабатывал за ненаучную постановку вопроса.

Василий. Ну да, ненаучную... Я уже тогда заподозрил, что он нам не того Ленина подсовывает.

Иван. Ну это ты извини, какого еще «не того»? Бараптарло весь был соткан из цитат и от нас требовал, чтобы мы чуть ли не наизусть их заучивали.

Василий. То-то и оно. Да цитаты все не те.

Иван. Как — не те? Что он их — придумал, что ли?

Василий. Да не придумал. Скрыл от нас простую мысль: Ленин сам не стоял на месте, а накапливал новые представления на опыте жизни. А Бараптарло нам все совал цитаты времен «военного коммунизма» — пайки, прямые изъятия, запреты, голый энтузиазм... Мешочника — крестьянина, что на рынок хлеб привез,— к стенке. А материальный интерес, честный обмен товарами, деньги как эквивалент, измеритель труда — это, мол, все выкидыши капитализма какие-то.

Иван. Значит, ты открыл нового Ленина?

Василий. Ты эту ухмылку брось! Брось! Не я, а XXVII съезд, партия вернули нас к пониманию многих важнейших заветов Ильича. А время приказной экономики прошло, давно прошло.

Иван. Какой еще приказной?

Василий. А такой: на приказе, на понукании, а не на интересе. Как Петр Первый развивал экономику? Да указами. Издал указ лить чугун и делать пушки. И стали лить чугун и делать пушки. Для того времени, может, и вполне объяснимо. Триста лет прошло, а мы от этой психологии никак избавиться не можем, еще и за социализм некоторые, вроде тебя, это выдавать хотят. Стыдно. Такими патриархальными методами работать стыдно! И малоэффективно. Партия ясно сказала: нужны реформы. Но вот конкретно какие? Тут еще много придется поразмыслить и поэкспериментировать.

Иван. Это — дело Москвы. Нам скажут, и мы будем делать. Примут новые законы, и мы обеспечим их претворение.

Василий. Исполнители. Так ты понимаешь партийную работу?

Иван. А как ты?

Василий. Я — иначе. Секретарь обкома — это деятель, а не чиновник. А деятель — это тот, кто ради дела и против течения идти способен.

Иван. Одного я в толк не возьму, Василий. Самоуправление, говоришь, самостоятельность. А какова же будет роль обкома? Роль горкомов, райкомов? Что же мы — от главных вопросов жизни — экономических, социальных — самоустранимся? Передоверим все другим органам? Где же наша направляющая роль?

Василий. Как это — самоустранимся? Ничего ты, я вижу, не понял! Напротив, тогда-то мы и будем решать самые важные вопросы, через парторганизации, через коммунистов в каждом звене работать будем. Политическая линия, умелая координация деятельности всех звеньев управления, выдвижение умных людей, реальный контроль снизу, воспитание, образование, пропаганда — дел хватит с головой! И самое главное — социальная справедливость, демократия. Ради этого прежде всего народ наш революцию совершал, через все испытания прошел. Не просто повторять, что без демократии нет социализма, а проводить это практически, во всей нашей жизни. Мало будет толку, если перестроимся только мы — в руководящем звене, нужна перестройка каждого. Тогда обратного хода не будет.

Иван. Послушал я тебя, Вася, и вот что откровенно, как другу, скажу... Только ты не обижайся. Утопии все это. Мыльные пузыри. Не выйдет из них ничего, верно тебе говорю — не выйдет!

Василий. Откуда такая уверенность?

Иван. Из опыта. Ты долго просидел в стороне, оторвался от реальности. Строите прожекты. А мы здесь, на земле, на твердой почве сидим и видим — все это впустую. Пошутим и вернемся на круги своя.

Василий. Доводы?

Иван. Довод простой. На нашей памяти в третий раз мы выходим на эти вопросы. Первый — после смерти Сталина, помнишь? Мы тогда студентами были. Только об этом и говорили — о реформах, о демократии, об общественном самоуправлении. А что вышло? Второй? В 1965-м специальный Пленум ЦК принял хозяйственную реформу. И опять ничего. Ушло все, как не было. А почему? Тут надо задуматься, почему. Я так полагаю,

что это все противоречит нашей системе, воле аппарата, сознанию массы, как его ни назови: патриархальным или уравнительным. Ты вспомни хотя бы Николая Вознесенского, председателя Госплана в начале 50-х. Он тоже хотел новые методы вводить... А чем кончил? Не только пост свой потерял — голову снесли...

Василий. Видишь ты — до сих пор в страхе иудейском живешь. Или... нас пугаешь? Судьбой Вознесенского пугаешь?! Значит, был бы ты первым, ты бы меня при случае к стенке прислонил, ревизионистом ославил, или «пензию» в 40 рублей выправил?

Иван. Да что ты, Василий! Что ты! Это я так, для примера!

Василий. И какой же вывод ты делаешь из этих примеров?

Иван. Не наш это путь. Противоречит всей системе.

Василий. Значит, вот ты как — не наш путь? А я так думаю: то, что мы уже несколько раз подходили к реформам, как раз и доказывает их неотвратимость. Тогда не хватило смелости или политической воли. Теперь такая воля есть. Противоречия, говоришь... Но что чему противоречит? Вот вопрос. Твоим методам противоречит, а ты их выдаешь за методы всей системы. А нас ты не пугай, Иван, не пугай! Время страхов прошло. Пришло время работы — напряженной и честной. (Пауза.) Мне звонили из Москвы, говорили, ты просился в другую область. Верно это, Иван Петрович?

Иван. Был момент. Но не просился, а так, прощупывал...

Василий. Ну что же, это упрощает дело. Может, и не по «собственному желанию», а расстаться придется. Не сработаемся мы с тобой. Не сработаемся. Так и проинформируем ЦК.

Иван. Тогда я тебе тоже скажу напоследок, Василий: еще неизвестно, чья возьмет!

Василий. Что ж, и на том спасибо, Иван. Ты с души моей прямо тяжесть скинул, а то как-то все теплилось сомнение: верно ли я поступаю с другом моим прежним? Теперь вижу — верно! Не во мне дело, Иван Петрович. Не я — время предъявило тебе свой суровый счет. Сможешь посчитаться с ним, с этим новым временем, используешь еще свой шанс — поработаешь, пускай не здесь, в другом месте. Не сможешь — расстанешься с партийной работой, но, боюсь, тогда уже навсегда.

Глава IX

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Памфлет

Квартира министра одной из республик. Большая кухня, обставленная в стиле ретро, разбавленном модерном.

Пантелей. Вера! Вероника! Верка!.. Опять ужина нет... (Мечется по кухне. Заглядывает в холодильник, вытаскивает что-то.) Гриша! Гришка, сукин сын!..

В кухню заглядывает Гриша.

Гриша (в дверях). Что случилось, папаня? А-а, Верка опять ничего не оставила... Давайте я подсоблю...

Пантелей (включает плиту, ставит чайник и воду для сосисок). Я сам! Ты уже подсобил... Где Верка, спрашиваю? Я ей и на работу звонил — не застал. Ни поесть, ни поговорить...

Гриша. Вера сказала, придет в одиннадцать. Она раньше никогда не приходит. Да и вас не ждала — думала небось, что вы там у себя на даче в одиночестве разгуливаете: валенки на ногах, шапка волчья на голове, руки за спиной...

Пантелей. Ты, как всегда, в своем репертуаре, скоморох... Не зря она от тебя бегает.

Гриша. Не зря, не зря папаня-министр. Хотя, думаю, не во мне дело. Гвоздь у нее, остренький, остренький гвоздик где-то пониже спины. Вот она и носится. Три мушкетерши — так они себя называют. Валька — премьерша, Фенька — академическая дщерь и наша Верочка, Верунчик, Вероника. Натянут сапожищи, шубы взахлест накинут, на «Жигули» свои вскочат и гоняют по городу.

Пантелей. Чего гонят? Куда спешат?

Гриша (дурашливо). Что же их гонит — судьбы ли решение, зависть ли тайная, злоба ль открытая?.. Я так думаю — зависть. Как увидят друг у дружки или у другой бабы новую тряпку — так и понеслись. А уж если бриллиантик в кольце или сережках или шуба норковая — тут их ничто не остановит, все сметут.

Пантелей. Да не о том я. Ну их к черту всех! Не до них. Мне с тобой поговорить надо. Думал, при Верке лучше будет... Ты что же это, змея подколодная, что наделал? У... был бы ты моим сыном, я бы тебе всю рожу раскровянил... (замахивается на Гришу сковородой).

Гриша. Что это вы так? Ну не сын я, ну зять, чем это хуже? Или стряслось чего, папаня-министр?

Пантелей. Министр... был министр да весь вышел...

Гриша (напевает). Какой я к черту мельник, я ворон...

Пантелей. Прекрати, перестань поясничать, иначе и вправду врежу...

Гриша. Да вы толком скажите, что случилось-то?

Пантелей. Ты с Сочновым на прием к председателю ходил?

Гриша. А-а... вот оно что. (Неохотно.) Ну, ходил.

Пантелей. Записку ему оставляли?

Гриша. Ну, оставляли, оставили записку.

Пантелей. Как же ты мог?! Ну Сочнов — я понимаю. А ты! Я, почитай, пятнадцать лет тебе заместо отца. Не спросил у меня. Не посоветовался. Через мою голову. Через голову директора своего института.

Гриша. Через голову? Это не точно. Скорее, между ног ваших, как лилипуты у Гулливера... Что касается директора, то какая у него голова?

Пантелей. А ты кто сам-то? Завлаб! Докторскую без году неделя защитил и полез с записками на самый верх.

Гриша. Насчет меня это верно, папаня. Какой я завлаб? Меня знаете как кличут? Завлюбом — вот как. Говорят, весь из министерской любви скроен.

Пантелей (садится за стол, жадно ест сосиски, говорит с набитым ртом). Ну!..

Гриша. Ну а директор... что с ним советоваться? Ему все до лампочки, точнее, до Феньки, она-то его в люди и вывела.

Пантелей. Фенька не Фенька, а он твое прямое начальство... И между прочим, академик.

Гриша. Тоже — академик, все знают: зятек, как и я. Ну конечно, он — первый зять республики. А я так: зятишка-зайчишка. А после кончины тестюшки он сидит тихонько в углу и как собачонка косточку свою глодает да по сторонам оглядывается, чтобы не отняли... Да и фамилия у него Дондуков. О нем еще Пушкин писал:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что... есть.

Ну посудите, папаня,— разве мы с Сочновым могли к нему сунуться с нашим проектом?

Пантелей. Ну а я? Со мной вы почему не поговорили? Или меня тоже в дундуки зачислили?

Гриша. Ну, с вами — дело другое. Тут дело сложнее; что не дундук — это каждому дураку ясно, даже мне.

Пантелей. Так что же? Сочнов подбил — говори прямо.

Гриша. Если прямо — говорил я вам, не раз говорил. Еще когда докторскую писал — вы мне немало дельных советов дали. Но сами повторяли: не ко времени все это. Не поймут нас, не поддержат. Так что вылезать не будем. Потому, знал я — вы записочку нашу наверх не пошлете. Ни при каких обстоятельствах.

Пантелей. Ретроград — вот я кто, по-твоему. А ты? Ты — Гришка Отрепьев — вот ты кто! За все, что я для тебя сделал. (Горячась.) Что Верку за тебя отдал, что в аспирантуру рекомендовал, в институт устроил!

Гриша. Ну спасибо, за Верку особое спасибо. В ножки кланяюсь. Ну удружили, ну подарочек подсунули. Вероника, Верочка, Веруленька...

Пантелей. Раскудахтался. Что же ты женился, если она тебе плоха была?.. На что польстился?

Гриша. Думаете, на министерскую дочку? Женился по расчету: квартира сто метров, машина, дача? Как говорили в те времена — не имей сто рублей, а женись как прохиндей? Все не так, папаня. Не по расчету я женился.

Пантелей. Не по расчету и не по любви. А как же? Зачем?

Гриша. Зачем? Я сам себе этот вопрос каждый день задаю и ответить не могу. Ну подзалетела она, подзалетела, когда студентами были.

Пантелей. Подзалетела?.. Это как?..

Гриша. Забеременела, значит. Говорила, от меня, а там кто знает. Не я первый был. Да и второй — не я.

Пантелей. Значит, ты что же, из благородства, из снисхождения в семью нашу вошел? Хорош гусь... Сейчас вспомнил?

Гриша. Да какое там благородство? Может, из страха перед папой-министром?.. Да нет. Нет. Думаю, втянула она меня на брачное ложе. Сильная она у вас, Верка-то, бой-баба. Гены. Чего захочет — к себе притянет. Как магнитом.

Пантелей. Что ты все врешь? Врешь все! Увидел, что зашаталось кресло подо мной, и решил бежать, как крыса с корабля.

Гриша. Да ничего я не решил. Отвык решать. Всегда она за всех все решала. И за меня, и за мамочку, и за папочку иной раз.

Пантелей. Это верно, характером в меня пошла, хотя лицо материнское. Глаза голубые, как у Марьи Ивановны.

Гриша. Голубые-то голубые, но не как у Марьи Ивановны. Машенька наша — человек была святой. Такие сейчас на Руси вывелись. Из одной доброты скроена. После смерти моей матери я никого так не любил. А Вера другая. Совсем другая. Новая генерация. Вроде как даже нерусская. В глазах — блеск металлический, ледышки, зимние глаза.

Пантелей. Что же она — у меня эти ледышки позаимствовала? Так думаешь? По-моему, и я всегда был добрый к вам. Я тебе вот что скажу — давай, затребуй эту записку обратно, скажи, обсудим в министерстве, а потом выйдем с совместными предложениями. Либо прямо говори — ухожу, мол, я от вас, пожил — и хватит. Дело свое черное сделал и руки в боки, к другой министерской дочке...

Гриша. Какое дело, почему черное? Мелодрама! И любил я и люблю вас любовью брата, а может быть, еще сильней... Даже не знаю, за что, но люблю. Конечно, за доброе отношение ко мне. Но еще и за то, чего мне самому не хватает,— за энергию, цепкость, гибкость, способность притвориться простачком эдаким, когда надо. А когда надо — рычать, как сегодня. Очень любопытная вы тигра, папаня. Я все пытаюсь выучиться, да не тот Федот.

Пантелей. Перестань болтать-то. Любишь... Ваньку ломаешь. Дурнее, чем есть, казаться хочешь, паршивец.

Гриша. Что произошло? Ну объясните, наконец, толком. Обсуждение было, что ли?

Пантелей. Какое обсуждение! Вызвал председатель, сказал — готовьтесь к реорганизации. Происходит укрупнение — в рамках республики образуется единый комплекс, производящий компьютеры, магнитофоны — словом, средства информатики. А министерства преобразуются в управления... Тут он и про вашу записку вскользь так, но со значением вспомнил. Мол, интересные идеи, а вы им ходу не давали. А конкретно не сооб-

щил. Сочнова и тебя назвал. Я как твою фамилию услышал — чуть со стула не свалился. Вот так родственничек, думаю. Пригрел на грудях своих.

Гриша. Неужели?! Вот это да! Вот так времена теперь настали! Неужели приняли нашу идею? Никогда бы не поверил! И так быстро — всего две недели назад записку передали.

Пантелей. Да не вашу идею, не вашу! Тоже мыслители отыскались. Вопрос о создании комплекса машиностроительного и так был предрешен сверху. Общая тенденция.

Гриша. Так за что же вы, яко зверь лютый, кидаетесь?

Пантелей. За что? Погреть руки на этом хотите. Слияние-то слияние, но по чьей инициативе, на каких началах, кто во главе поставлен будет? Ты подумай об этом! Не вернешь записку, Сочнов твой тут как тут, готовый кадр, преемничек.

Гриша. Ну Сочнов, он к вам особых чувств тоже питать не может. Вы с ним как обошлись? Из первых замов министра в заместители директора института двинули.

Пантелей. Я сразу заприметил, что он к власти рвется.

Гриша. Я помню, хорошо помню ваше замечание — гениальное, право слово. Таких, как Сочнов, надо, мол, держать над водой. И не топить и не поднимать. Поднимешь — его наверху заприметят. Того и гляди, тебя им заменят. Утопишь — он, как пробка из бутылки шампанского, опять может наверх выскочить. Вот вы, папаня, тогда и направили его к нам. Зарплата неплохая, положение устойчивое, человек не обижен. А в случае чего, всегда можно на его совет опереться.

Пантелей. Не рассчитал я, Гриша, прямо сказать, маху дал с шефом твоим. Тогда у меня была полная возможность отправить его куда-нибудь в Иркутск, в Тмутаракань загнать карьериста этого. Помнишь, я тебе рассказывал — на него анонимки поступили. А я им ходу не дал.

Гриша. Ходу не дали, но во внимание приняли. А ведь анонимки — это же постыдство нашей жизни. Как можно на них реагировать?

Пантелей. А если в них правда? Сигнал?

Гриша. Какой сигнал, когда стреляют кривым ружьем из-за угла? Венгр один приезжал — рассказывал, анонимки принимают, только если они в нотариальной

конторе зарегистрированы. Там корешок с фамилией остается. Подтвердится анонимка — хорошо, не подтвердится — за клевету привлекают автора. Сейчас, при гласности, вообще надо отвергнуть рассмотрение анонимок.

Пантелей. Но он-то, Сочнов, оценил мое отношение?

Гриша. Да суть же спора была не в анонимках. Сочнов уже тогда вопрос поставил: начинается революция в информатике. Мини-компьютеры — им принадлежит будущее. За этот рычаг ухватиться предлагал. А мы продолжали свои гиганты ляпать. Вот они и стоят без дела в десятках министерств и ведомств.

Пантелей. А кто нам позволил бы снять прежние компьютеры с конвейера? Где средства взять на новые? Откуда модели позаимствовать? Наука отстала. А план за горло брал. За план три шкуры драли. И сейчас дерут.

Гриша. Но Сочнов — он же прав оказался. И я в своей диссертации западный опыт сравнил. Вы помните, я говорил вам, пример — ну потрясающий — США и Япония. Американцы первыми изобрели видеомагнитофон, еще в 57-м году. Это был гигант для телестудии. А что сделали японцы? Они пошли другим путем. Уже в 65-м фирма «Сони» создала небольшой видеомагнитофон для домашнего пользования, в 75-м — первый в мире кассетный.

Пантелей. Ну и что?

Гриша. А то. Сейчас Америка — великая Америка — покупает только японскую видеотехнику. И между прочим, торгует с Японией с убытком в сто миллиардов долларов.

Пантелей. Ну и что, повторяю я тебе мой вопрос? При чем здесь Сочнов?

Гриша. Да очень при чем. Он же все это десять лет назад приметил. И это и есть подлинный руководитель, стратег, человек, видящий далеко вперед, а не управляющий, который отбивается от текучки.

Пантелей. Значит, вот оно что — меня в архив сдавать пора? Вот в чем суть вашей идеи?

Гриша. Не тебя, папаня. Не тебя лично. Все поколение старых инженеров. Ты помнишь, министр Руднев сам рассказывал, на одном ответственном совещании прямо сказал: пора нам, товарищи, уходить всем. Не освоим мы эту новую технологию. Не освоим и не поймем. Новые мозги нужны. И новое образование.

Пантелей. Но ведь отвергли все это. Все отвергли, единодушно. И сам председатель — а он был не лыком шит, профессионал высшего класса.

Гриша. Отвергли — верно. И проморгали мини-компьютеризацию. На пятнадцать — двадцать лет отстали.

Пантелей. Ну а Сочнов — он-то откуда все это знает? Ту же школу прошел.

Гриша. Ту, да не ту. И учился позднее вас. И смотрел открытыми глазами на то, что в мире происходит. И рисковать не боялся.

Пантелей. Не боялся... Что же он тихо сидел восемь лет и выполз?..

Гриша. Не сидел. Помалкивал — это да. Но готовился. Лаборатория изучала, исследовала. Да вот и мою диссертацию в это русло направил.

Пантелей. А ты о другом подумай. О себе, о нас. Плюнь ты на этого Сочнова. Отцепись от него. Займи свою позицию. Думаешь, когда Сочнов на мое место усядется, он тебя пожалеет — моего зятя?.. А ты служишь ему, душу в его прожекты вкладываешь!

Гриша. Не ему служу, папаня. Не ему! Делу! Делу хочу послужить. Пятнадцать лет работаю в институте. Я хочу приносить пользу! Я хочу, чтобы меня вызывали, чтобы со мной советовались. Ко мне прислушивались. Я хочу, чтобы то, что я видел на лучших заводах — и у французов, и у японцев, и у чехов,— чтобы все это было и у нас. В Китае был — у них уже двухкассетники производят. Что же это такое? Куда мы откатываемся? Слыхал, во Франции государство даром предлагает каждой семье мини-компьютер? Даром! Чтобы вся система мышления, особенно у детей, на современный лад перестроилась.

Пантелей. Так съезд же принял решение. Чего ломиться в открытую дверь? Будут капиталы — будет новая техника.

Гриша. Будет? Будет, если за дело возьмутся новые люди. С новыми мозгами. С новой энергией.

Пантелей. И все это — Сочнов?

Гриша. Или не Сочнов, а кто-то другой, кто всей силой ухватится за дело. И вернет нам самоуважение.

Пантелей. Да Сочнов твой, если хочешь знать, когда власть захватит, еще жестче давить всех будет.

Гриша. А почему же жестче?

Пантелей. А потому, Гришатка, зятечек мой несмышленый, что он о себе высокое соображение имеет. Я себе

цену знаю и в душе никогда не заносился. Что же — крестьянский сын. Не зря фамилия Черногрязев. Из деревни того же названия.

Гриша. Почему же это Верка передо мной заносится — белая кость, а я плебей, сын сапожного мастера. Как я ни объяснял ей, что среди детей сапожников были весьма известные люди.

Пантелей. Дура она, Верка. Забыла, да нет — не знала той жизни моей прошлой — доминистерской. Выучился на гроши, войну прошел. Конечно, как всякий нормальный крестьянин, хотел от жизни побольше взять. Это во мне было. Жадность. Желание под себя подмять. Что говорить — было.

Гриша. Жадность фраера сгубила...

Пантелей. Не сепети. Я, может, впервые раскрываюсь перед собой... Но ведь было и другое. Не у меня одного. У всего нашего поколения руководителей. Трудолюбие, служение беззаветное, насмерть работали, от зари до зари, как крестьяне. Наше поколение руководителей умело главное — власть держать. Какие перемены происходили на нашем веку! Кого только не пережили! А мы — мы были незыблемы как скала. Мы были опорой государства, его стабильности и силы.

Гриша. А он? А Сочнов?

Пантелей. А он — не знаю. Это надо посмотреть. Самолюбивый — умнее всех себя считает, самый талантливый — словом, «самый-самый». Вундеркиндик какой-то. А зачем нам в управлении вундеркинды?

Гриша. Может, сейчас-то мы как раз и добрались до сути проблемы. Сейчас новое время. Время динамичного руководства, а не вялого, консервативного управления. А значит, время нового типа руководителя, человека с ярким творческим началом, способного предвидеть развитие отрасли, вдохновить людей на новые дела. Да, это главное. На место управляющих приходят подлинные руководители, люди, способные вырабатывать стратегию, а не просто личную власть крепко в руках держать. Ведь здесь-то и нужно творческое воображение. Без воображения — труба. Компьютеры, новые материалы, автоматические линии. А изучение потребительского спроса? А управление финансами? А конкуренция на национальном и мировом рынке? Нет, что ни говорите, все это требует таланта. И Сочнов — человек выдающийся — здесь очень необходим.

Пантелей. Необходим, может, и необходим, но в ка-

кой роли? Красная цена ему, если хочешь знать, советником при генерал-губернаторе. Еще во времена Ленина говорили об одном деятеле — в нем есть все для вождя. Не хватает малости — характера.

Гриша. А чем его характер нехорош? Он человек сильный и рисковый.

Пантелей. А губернатором должен быть совсем другой человек, способный принимать обдуманные решения, основательный и осмотрительный.

Гриша. Скажите уж лучше — осторожный и трусоватый, ни одного рискованного шага не сделает.

Пантелей. Осторожный — да. Трусоватый — нет. Это ты не в меня стреляешь? Труса я никогда не праздновал.

Гриша. Ну это я знаю. Фронт. Ушли солдатом. Вернулись майором. Грудь в орденах.

Пантелей. Я не о том. На фронте совсем другая храбрость нужна была. Я как-то сидел в приемной с другим министром. Ждали вызова на заседание, ну в самой высокой инстанции. Так он мне говорит: веришь ли, никогда так не волновался. Сосу третью таблетку нитроглицерина. А между прочим, на фронте он был боевым генералом. Герой — через минные поля хаживал. А после заседания его чуть не на носилках вынесли. Вскоре он и скончался.

Гриша. Вот вы и есть напуганное поколение.

Пантелей. В этом, может, ты и прав, Гришатка. Страх перед начальством — это нам предки из рода в род передавали. Да и современники постарались... Но ведь на этом многое держалось — и дисциплина, и ответственность на всех уровнях.

Гриша. Если откровенно — сами боитесь и смелых не подпускаете.

Пантелей. Ну и что бы ты, к примеру, на моем месте сделал смелого такого?

Гриша. Для начала? Для начала я бы Сладкоешкина — вашего зама, что на место Сочнова пришел,— выгнал, а Сочнова на это место вернул.

Пантелей. А Сладкоешкина за что? Он вреда никому не делает.

Гриша. А что он вообще делает? Он производством мало интересуется. Да он его и не знает, всю жизнь на кадрах просидел. Он и сейчас своих сажает, укрепляет позиции на случай. А главное — на распределении благ сидит. Тут он силен — кому что дать — премию, знамя, блага. И тем людей держит. С виду тихий-тихий, все боч-

ком ходит, голоса не повышает. А за спиной — завистливый, вредный и зело опасный для дела.

Пантелей. Хорошо. Направим мы его на производство — пусть поработает, покажет себя, что дальше?

Гриша. Дальше? Взять сито...

Пантелей. Какое еще сито?

Гриша. Сито для просеивания кадров. Встряхнуть раз, другой это сито — вот мелкота и посыплется вниз. А наверху останутся действительно крупные величины. Пусть каждый свое место займет. И главное — возлюбил бы я талантливых, способных людей, как самого себя. Я понимаю — это нелегко. Они — спорщики, ершистые, словом, неуправляемые, в рот не глядящие. Хлопотно с ними. Вот и шла эрозия кадров на всех ступенях отрасли. И вот еще — молодых уважить надо. Ведь если завцехом или директором человека в тридцать — тридцать пять лет сделать, он вдвое активнее будет, чем пятидесяти — шестидесятилетний. Разве не ясно?

Пантелей. Активней — не спорю, но эффективней — не уверен.

Гриша. Стареет наш аппарат, весь корпус управляющих тенденцию к геронтократии имеет.

Пантелей. Это еще что?

Гриша. Власть стариков, значит. В двадцатых годах средний возраст наркомов был лет тридцать. Потом началось старение. При Сталине проблема со старыми кадрами решалась по-своему. Все помнят, как... Опять пришли молодые. Косыгин, например, стал министром тоже в тридцать лет. Да и другие.

Пантелей. К репрессиям призываете? Хунвэйбины...

Гриша. Зачем же... Но делать что-то надо. Особенно сейчас, когда без знания новейшей техники управлять невозможно. Правда, все, что я говорю, работает против меня, против Сочнова.

Пантелей. В каком это смысле?

Гриша. Боюсь, что кадровая волна перекатится через наши головы. Вы пересидевшее поколение. А мы — поколение, которое передержали над водой.

Пантелей. Ты и Сочнов — разные поколения. Ты это понять должен и отщепиться от него. Мы эстафету прямо в ваши руки — руки молодых передадим. Потерпите только еще немного. И не ошибитесь с выбором. (Пауза.) Ну с кадрами мы разобрались. Еще что?

Гриша. Что? Над бумагами меньше корпел бы, а больше думал.

Пантелей. А как же мне не корпеть, когда завален бумагами и задушен совещаниями и вызовами?

Гриша. Вот я об этом и говорю. Сразу бы я треть бумаг полностью ликвидировал, запретил их запрашивать и готовить. Вторую треть — отдал на рассмотрение замам или еще дальше — вниз, пусть сами решают. А над третьей третью — действительно думал бы: что и как делать с отраслью в целом. С позиций нового мышления.

Пантелей. При чем здесь новое мышление в производстве?

Гриша. При том — при том, что сейчас новое мышление необходимо абсолютно во всех сферах. Поэтому я стал бы в первую очередь думать о радикальном изменении всей стратегии отрасли.

Пантелей. Стратегии... В том-то и дело, что ее не видно, что делать — неясно. Пробуксовывает все, перестройка пробуксовывает.

Гриша. А почему? Потому, что вы не подхватываете, сомневаетесь, а то и просто пережидаете, пока схлынет волна?

Пантелей. Ты опять к смене кадров тянешь. А дело глубже, куда глубже. Возьми даже элементарный вопрос. Решения наверху приняли, а правового обеспечения не дали. Инструкции Госплана, Минфина, Госснаба все старые остались. Где они, наши новые права — на бумаге. Кстати, то же и с кооперативами, и с индивидуальным трудом. Штаны-то новые, а подштанники старые остались.

Гриша. Вот вы бы и сигнализировали.

Пантелей. Сигнализировали. Очень там сигнализаторов привечают. Особенно из нашего брата, старых кадров. Вот и сидим, ждем четких указаний. Так и так. Это надо, это — не надо.

Гриша. Вот в этом, папенька, и приговор всем вам. Все же сейчас перевернулось. Теперь от вас ждут, что вы предложите, какой должна стать стратегия отрасли в условиях перестройки. В этом же корень всего дела — каждый — от рабочего до министра — на своем месте предлагает и делает все для ускорения производства.

Пантелей. Хорошо, побежал бы ты наверх, что еще?

Гриша. Заседания сократил бы минимум в пять раз. Дерготня и отвлечение от работы. Есть же телефон, селектор, те же мини-компьютеры заведите, наконец. Ведь это чистый архаизм, когда собираются тридцать — пять-

десят человек и слушают одного. Или не слушают, а так — сидят релаксируют. Ну раздайте вы им доклад, разошлите информацию. Соберите экспертные оценки, подготовьте деловые решения и бросьте эти наивные накачки.

Пантелей. Упрощаешь все. Упрощаешь до глупости. Сочнова наслушался. Слабый ты, Гришка, слабый, легко под влияние попадаешь. Не зря Вера тебя интеллектуальным хануриком кличет.

Гриша. Но ведь интеллектуальным...

Пантелей. Ну с этим кто спорит? Человек ты толковый, но бесхарактерный.

Гриша. Ну не совсем уж. Вот записка — я в ней активно участвовал.

Пантелей. А ты бы, дурачок, о себе подумал. Кому могилу роешь — себе роешь. Был ты зятем министра, а станешь...

Гриша. Ну какого министра! Мы же с вами взрослые люди, Пантелей Иванович. Министр в республике...

Пантелей. А что ж тут плохого?

Гриша. Министр — это тот, кто входит в кабинет министров. Так во всех странах. А как вас, всех министров, в одном кабинете собрать, если вас так много?.. Министры по льну, по шерсти, по молоку, по мясу, по удобрениям... Министры! Ну назвали бы вашу должность управляющий, председатель, президент — чем плохие звания? Или наркомом — хотя нельзя представить даже, чтобы в ленинские времена был наркомат по обуви или текстилю.

Пантелей. Не в этом суть. Я за звание не держусь. Суть в падении. Ты этого не испытал. Кто у власти был — знает. Нам не дано спускаться вниз. Можно только либо наверх, либо об земь, на самое дно. Да и кто хочет со своего поста падать? Укажи мне среди вашего брата ученых, кто сам добровольно с поста директора или хотя бы завлаба ушел. Ведь до восьмидесяти лет готовы эту лямку тянуть, а зачем?

Гриша. Это верно. Нашего директора бульдозером с его кресла не выкорчуешь. Да и куда ему деваться? Как только сделается простым научным работником, всем станет ясно, чего он стоит.

Пантелей. А с другими, даже талантливыми? Все цепляются за посты. Иные норовят даже передать свой институт по наследству сыну, а то и зятю. А в других

сферах? Сейчас театры вон стали передавать отцы детям. Или Сочнов. Он, думаешь, так, ради идеи? Он вырваться вперед хочет. А тебя как орудие использует, чтобы побольнее ударить меня — изнутри. Прямо в сердце метит, на инфаркт ставку делает.

Гриша. Что же? Вы из-за должности жизнью своей жертвовать готовы? Да пропади он пропадом, этот пост. Что вы вот от него имеете? С утра до десяти в министерстве, а потом на дачу и там за зеленым забором только с вахтером и общаетесь. За спецмашину держитесь?.. Носитесь по Москве, народ смеется: министр летит, а отрасль едва ковыляет. Или ради семьи стараетесь? В переносчика себя превратили.

Пантелей. Какого еще переносчика?

Гриша. Такого. Получали денежки и целиком Марье Ивановне. Себе даже на карманные расходы не оставляли. Благо на работе чай с сушками и бутербродами подают.

Пантелей. Ты Марью Ивановну не трожь! Она была не вам с Веркой чета.

Гриша. Это конечно. Всю душу в дщерь свою вложила и тем доконала ее.

Пантелей (вытирает набежавшую слезу). Что ты мне, подлюга, в такой момент сердце выворачиваешь? Или за Верку мстишь?

Гриша. Да не мщу я вам, Пантелей Иванович. Привык как к родному. Слаб Гришка. Я думаю, Отрепьев тоже был слаб душой. Иначе бы он Марине не открылся. Она им вертела, как Верка нами. Но ведь надо же когда-то правде в глаза поглядеть. Упустили мы Веру. Все вместе упустили. И я, и Марья Ивановна, и вы, отец родной.

Пантелей. А я — что я-то не так делал? Или недодал чего-то?

Гриша. Додали и делали, слишком много делали. С чего все началось? Светские знакомства. Подружки — Фенька, Валька — дочь Самого. У нее восемь шуб. А у Верки ни одной.

Пантелей. При чем здесь шубы?

Гриша. Как при чем? «Жигули» кто ей купил — одни, потом другие, потом третьи?

Пантелей. Но она же ломала, из аварий не вылезала, вот и приходилось менять.

Гриша. Так, да не все так, Пантелей Иванович. Что бьет каждый месяц — правда. Ездит нагло, как в танке.

Но не в этом дело. Она что с машинами делала? На рынок, втридорога. Вот и три шубы — беличья, лисья и норковая,— не выговоришь, язык сломаешь.

Пантелей. На рынок, говоришь? Не может быть!

Гриша. Может, может... А потом и этого мало стало. Магнитофоны, что вы из-за границы привозили,— где они?

Пантелей. Ну где — разве я следил за этим?

Гриша. На пальчиках ее колечками с бриллиантиками обернулись. Но и этого ей было недостаточно. У Вальки муж генерал, а я кто? У Вальки полюбовник — актер из ансамбля, в лисьей шубе, пальцы бриллиантами унизаны.

Пантелей. Ну сейчас Валька ногти кусает. Актер тот... да и генерал — оба в тюрьме, под следствием.

Гриша. Как? И генерала замели? Вот новость-то! Представляю встречу — в камере актеришка с генералом выясняют — кого Валька любила, а кого динамила...

Пантелей. Ну это не наша с тобой печаль.

Гриша. Нет, наша. Наша. Десять лет Валька примером была: у Вальки — то, у Вальки — это. Ну скажите на милость, как развивалась бы наша экономика, если бы не женщины? Ведь они и есть первопричина прогресса. Александр Сергеевич в простенькой сказочке о рыбаке и рыбке так точно схватил... не хочу быть дворянкой столбовою, а хочу быть царицей морской... Зависть гложет их, как блоха солдата. Вот и мечутся, и прыгают, и — что меня удивляло больше всего — как быстро пресыщаются. Трех месяцев не пройдет, бывало, как привезешь ты ей очередную кофту или штаны кожаные. Глядь-поглядь — уже нет, отдала подруге, говорит, за те же деньги — и обе счастливы. Подруга невысокая, метр шестьдесят три, вислозадая. Наша — тополь стройный — сто семьдесят два сантиметра. Как они одни и те же предметы на себя напяливают, просто уму непостижимо! Вот уж действительно, женщина — вечная загадка.

Пантелей. Моя Марья Ивановна была другая...

Гриша. Вот это верно, Пантелей Иванович! Марья Ивановна была из вымирающего племени. Я тоже свою бабушку помню — сама доброта, все сделает, все уберет, всем подаст, всем ласковое слово скажет... Куда они девались, простые русские бабы? Мы тут с англичанином одним разговорились о женской эмансипации,

я ему и выложил все, что в душе накопилось. Так он заахал: я, говорит, считал, что у вас последняя крепость, где еще сохранились нормальные, добрые, семейные женщины. Страшно был разочарован. Да, дети — отмщение политических деятелей.

Пантелей. Это ты сам придумал или тот англичанин?

Гриша. Ну почему англичанин? Это — результат «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». У нас в аспирантуре почти одни сынки, дочки и зятья были. А там повыше — у одного великого сын спился, а дочь за границу сгинула, да под чужой фамилией, у другого — зять алкаш, его же и заложил по пьяни, у третьего — дочка прости господи и помилуй. Так что наша Вера еще подарок.

Пантелей. Да Верка, бог с ней. Не об том разговор. Разговор о том, что со старыми кадрами делать? Ты бы у меня спросил, я бы сказал тебе. Вот, положим, возьми меня, я двадцать пять лет министр. Кого только и чего только не пережил. И мутузили, и били, и выговора вешали, и в печати критиковали. Мне шестьдесят семь. Давно бы бросил эту круговерть. Ну куда мне перестраиваться? Разве я не понимаю? Кадровая проблема на пленуме вон с какой остротой поставлена.

Но ведь вот в чем проблема. Выбора нет. У нас как? Сегодня ты министр, завтра — никто. Пенсионер, ну союзного значения. Конечно, с голода не умрешь. Поликлинику, отдых, все это обеспечат. А ведь жить еще — ну лет семь, а то и десять. Чем жить-то? Что делать? Ведь ты никто! Никому не нужен. Выброшен. Вычеркнут. Раз и навсегда. Из всех списков. Никуда не пригласят. Ни о чем не спросят. Словом, был и весь вышел.

Гриша. Это верно. Есть такая проблема.

Пантелей. Я думаю, что в нашей системе управления какая-то ущербинка имеется. Вот ты посмотри за рубежом. Чиновник оставляет свой пост по достижении шестидесяти лет. Автоматически уходит в отставку, и нет вопроса. Но у каждого чиновника есть альтернатива. Огромные возможности — и в бизнесе, и в науке, и в общественной деятельности, и в печати.

Я бы давно в отставку вышел, если бы мне дали альтернативу. Хоть общество по распространению передовых методов производства. Или в руководство крупной фирмой включили. Я же инженер, и не самый худший.

Да хоть бы директором теннисного кооперативного клуба разрешили. Так нет же — скажут, несолидно. Если уж погонят, так погонят насовсем, навечно. А если в шестьдесят лет в отставку? Что активному человеку делать? Саночки внучке чинить и на рынке в очередях выстаивать? Или в домино во дворе? Вот он где, корень, вот почему каждый за свое место зубами цепляется. Вы этот вопрос в записочке своей поставили?

Гриша. Честно говоря, нет, не поставили. Это действительно обдумать надо. Тут вы правы. Мы действительно меры не знаем. Либо грудь в крестах, либо голова в кустах. А мера вещей — основа всего. И красоты и эффективности — это еще Аристотель говорил.

Пантелей (примирительно). Аристотель... Давай, Гришанька. Подумай еще. Брось Сочнова! Глупо тебе меня-то свергать...

Гриша. Да не свергает вас никто, Пантелей Иванович, не в этом дело. И вы прекрасно это понимаете! Дошло до крайних пределов. Ведь такие решения партия принимает. Ну отвлекитесь на минуту от своих амбиций. Разве можно так дальше строить управление отраслью?

Пантелей. Нельзя. Это я не хуже тебя соображаю. Надо искать новые пути. Но какие? Ну сгребут всех нас, разные министерства, в одну кучу. Разве это что-то изменит? Плана нет. Плана изменений, которые действительно обеспечили бы перелом. Этого-то не видно. Все какое-то организационное реагирование. Как раньше было? Чуть проблема возникла, сразу новое министерство создавали. А сейчас, наоборот — ведомства в какие-то комплексы сливают. Вот и вся реорганизация. Ну получим мы вместо ста двадцати министерств, скажем, двадцать комплексов, что это даст? Людей разгоним. Ценных работников потеряем, управление разладим. А что приобретем?

Гриша. Ну уже само по себе, если бы удалось в два-три раза центральные аппараты сократить у нас в республике, а тем более по Союзу — это было бы настоящей революцией.

Пантелей. Да нереально. Это нереально. Аппарат как ванька-встанька — его уложишь, он снова встает из любого положения. Сколько раз за мою бытность пытались его сократить? Сколько труда положили? И что? Каждое сокращение в итоге приводило к увеличению.

Гриша. Сейчас это стало реальным. Хотя бы по техническим причинам. Вон в других странах автоматизировали счетную работу, а сейчас переходят на безбумажные учреждения. Все заменено мини-компьютерами и лазерными дисками. На одном диске целая библиотека. У нас в стране в аппаратах управления примерно восемнадцать миллионов человек. Если каждый по бумажке в месяц напишет — никаких комбинатов для производства бумаги не хватит. Ну не меньше половины просто счетные работники. Да и начальства разного миллионов восемь-девять. Не много ли? Не накладно ли? Да и эффективно ли? Как же можно над этим не задумываться, Пантелей Иванович? В рамках каждого ведомства и всей страны в целом?

Пантелей. Так, с этим ясно. Ну а фирма или объединение? Как здесь будет руководство осуществляться? Какие здесь у тебя наметки?

Гриша. Простые. Я ведь говорил как-то. Совет директоров, от пяти до десяти членов совета. Главный — директор-распорядитель. Остальные — каждый по своему ведомству — финансы, снабжение, рабочая сила, технология, наука и т. д.

Пантелей. Это где же вы подсмотрели? У японцев?

Гриша. Да, и у японцев тоже. Хотя не у них одних. Теперь по этому принципу все монополии управляются, в том числе и наднациональные.

Пантелей. Что же, копировать их опыт будем?

Гриша. Ну не копировать, а использовать все лучшее, что есть в мировом опыте, как Ленин это делал. Тейлоризм кто рекомендовал применить в нашей стране? Владимир Ильич.

Пантелей. Но у нас государственные предприятия. И организация должна быть по другому принципу.

Гриша. А откуда мы взяли наш принцип трестов? Из головы, что ли? Из прежнего опыта. И тресты и предприятия организовывали примерно по тем же моделям, которые были в старой России. А она была одной из отсталых стран. Что же нам теперь стесняться перенимать опыт высокоорганизованного менеджеризма?

Пантелей. А демократия? Или это для тебя тоже звук пустой. Какова же роль коллектива? Ты здесь снова знак равенства с западным опытом ставишь?

Гриша. Вот это нет. Тут есть ясные установки о выборности руководителей на предприятиях. Мы же предлагаем в дополнение организовать выборные советы

директоров и включить в этот совет несколько рабочих прямо от станка, избираемых прямым голосованием на их собраниях. Именно на собраниях рабочих, без участия руководителей любого ранга. Эти представители-рабочие будут участвовать во всех заседаниях совета директоров с правом решающего голоса. И главная их обязанность будет — представлять мнения и интересы рабочей части коллектива, служить приводными ремнями от масс к руководителям.

Пантелей. Ну что ж, это любопытная мысль. Как говорят современные девушки — в этом что-то есть. Вы бы со мной посоветовались, в министерстве обсудили, может, мы бы и записочку вашу и довели до конструктивных решений.

Гриша. Вот тут, как говорилось в одной пьеске — ты, Вася, не прав! Уж извините, пожалуйста, в министерстве обсуждать такие вещи невозможно. Кто же это сам своими руками могилу себе рыть будет? Харакири по-японски делать?

Пантелей. Нет, это ты не прав, Гриша! Разве я не понимаю, в какое время мы живем? Нужны перемены. Нужны новые, совершенно новые подходы. Нужна ломка традиций. Но не ломка дров. Дрова наломать — дело недолгое. Ну а дальше что?

Гриша. Дальше хозрасчет, конечно.

Пантелей. Да разве это новая идея? Она же на XXVII съезде вон как прозвучала. Закон принимаем. Да мы в министерстве сейчас только этим и занимаемся.

Гриша. Занимаетесь или делаете вид? Где у нас хозрасчет? Назовите хоть одно предприятие, объединение, я уже не говорю про министерство в целом?

Пантелей. Нет его, прямо тебе скажу, нет хозрасчета нигде. Покуда нет его ни у нас, ни в каком другом ведомстве. Одни поиски и декларации.

Гриша. А почему? Потому что сопротивляетесь, не можете или не хотите по-новому к делу подойти.

Пантелей. Вот уж сказал так сказал! Сопротивляетесь! Дурья башка, кому сопротивляемся? Линии партийной? Здравому смыслу? Или не понимаем, что без хозрасчета не будет никакого развития, никакой новой технологии? Вздор все это, злоба сочновская сочится из вас.

Гриша. Ишь как заело, стихами заговорили. Тогда в чем дело?

Пантелей. А в том, Гришатка, что этот хозрасчет не от министерства одного зависит. Если бы это от меня зависело, я сегодня бы его расписал для всех предприятий, для всех фирм. Проблема глубже, неужели вы не понимаете? Какой может быть хозрасчет, если цены на оборудование устанавливаем не мы. На готовую продукцию — не мы. Зарплату — не мы. Фонды на материалы — не мы. Прибыль — не мы. План — не мы. Не говорю уже о валютных ассигнованиях. Тут нам одной рукой дают по крохам, а другой — тут же все и отнимают. Вот и перевязаны все предприятия и министерства как твой Гулливер бесчисленными ниточками, концы которых находятся в других руках — в Госплане, в Министерстве финансов, Комитете по снабжению, Комитете по ценам, Комитете по труду, да и повыше. Один налог с оборота чего стоит. Ты подумай, какой может быть налог с оборота? Значит, перевез ты приемник из предприятия в магазин — плати, причем плати во много раз больше того, что получает предприятие в виде прибыли. Ведь это кто-то придумал — то ли гений финансовый, то ли злодей! Такой налог и в таких размерах. А ты говоришь — хозрасчет.

Гриша. Вот это верно, верно! Нужны радикальные, а не мелкие, а тем более мнимые преобразования. Мы предложили восстановить разорванную цепь между производителем и потребителем, мы...

Пантелей. Мы... Мы... Размыкался, телок несмышленый. Сочнова повторяешь. Но тут одними общими идеями не отделаешься.

Гриша. Так-то это так. Но все же на первом месте должна быть концепция. Не будет концепции, не будет и плана конкретных мероприятий. Все будет делаться методом проб и ошибок, как делалось многие десятилетия.

Пантелей. И какова же она, эта ваша идея?

Гриша. Структурная реформа — вот главная идея.

Пантелей. Структурная... И с чем же это едят?

Гриша. С чем? Проблема собственности.

Пантелей. Что, смешанную экономику предлагаете?

Гриша. Да она и так смешанная: государственная, кооперативная, общественных организаций, личная. Нет. Вопрос глубже.

Пантелей. Под государственную собственность подкапываетесь, колодец артезианский роете? Так, что ли? Ведь правильно я ухватил вашу идейку? Сознайся.

Гриша. Сознаюсь — неправильно.

Пантелей. Так в чем новизна?

Гриша. Государственная собственность может быть разных типов — вот в чем дело. По-разному использоваться и управляться. И дистанция тут огромного размера. В этом различие между вашим и нашим подходами.

Пантелей. Я все-таки не понял, где разница. Что это значит конкретно?

Гриша. Экономическое соревнование.

Пантелей. Тоже — новость, мы только и делаем, что о соревновании печемся.

Гриша. Нет, вы не поняли, Пантелей Иванович. Именно экономическое — с выгодами и убытками.

Пантелей. Это что же, к конкуренции зовете?

Гриша. Если хочешь — к социалистической конкуренции. Как Ленин предлагал, начиная нэп? Состязание между государственными предприятиями, с кооперативными и даже индивидуальным сектором. Например, программисты — многие из них в других странах индивидуально работают. Предсказывают, что к концу века процентов двадцать работников будут с компьютерами на дому трудиться.

Пантелей. Ну и как это конкретно?

Гриша. Министерство преобразуется в небольшое управление.

Пантелей. Так. Со мной ты решил. Что там еще предлагаете?

Гриша. Все заводы объединяются в фирмы по типу монополий с законченным циклом — от и до, от производства первичного материала до готовой продукции. Каждая фирма получает право торговать своей продукцией по свободным ценам, которые регулируются потребителем. Произвел ты магнитофон на уровне западных стандартов — продавай дороже. Произвел среднего качества — продавай по средней цене. Произвел такой, что никто не берет,— убыток весь целиком ложится на тебя, на фирму, на трудовой коллектив, на директоров, на инженеров, на каждого рабочего.

Пантелей. Понятно. Что же, свои магазины каждой фирме?

Гриша. И это тоже. Хотя здесь могут быть различные формы. Надо посмотреть, как будет лучше: может быть, договорные отношения между предприятиями — фирмой и магазином.

Пантелей. Хорошо. Ну положим, московский завод, где хорошее оборудование, или прибалтийская фирма,

где квалифицированная рабочая сила, вырвутся вперед и будут душить иркутские или рязанские заводы. Как быть?

Гриша. Оборудование... Я был на фабрике в Рязани. Лежит иноземная техника под навесом, гниет. Уже больше двух лет.

Пантелей. А почему? Ты спросил бы, почему?

Гриша. Ну почему?

Пантелей. Потому, что для освоения оборудования на один доллар пять рублей потратить надо. А этих пяти рублей-то нам и не дают. Да еще бьют за то, что не внедряем.

Гриша. А вы бы на эту валюту лучше лицензии покупали. Совместные предприятия создавали. Да и посылали бы людей за границу. Открыли-распахнули двери в Европу. Вырвались из изоляции. Вначале, скажем, в Чехословакию, где опыт создания хороших телевизоров. А затем, глядишь, и в Японию или во Францию. Словом, учиться, учиться и учиться без всякого стеснения.

Пантелей. Мы и так делегации посылаем десятками, и не только в страны Восточной Европы, но и на Запад. Да и ты, и Сочнов твой ездили несколько раз.

Гриша. Не в нас дело, папаня. Мы что — поехали, тостами обменялись. Толку чуть. Толк будет, если поедут конструктора, мастера, рабочие, дизайнеры — словом, производственные работники. Пусть они посмотрят на технологию высшего класса. Тогда толк будет. Тогда мы сможем конкурировать и с другими странами.

Пантелей. Не в этом главный вопрос. У нас появятся десятки предприятий, в том числе крупных, которые не выдержат конкурентной борьбы не то что с Западом — со своими соседями. Что же, зарплата рабочих здесь будет падать? Рабочие начнут разбегаться. Инженеры искать место получше. Об этом подумали?

Гриша. А то как же? Это элементарно. Переходный период будет самый трудный. Здесь много неясного. Тут вы абсолютно правы. Придется додумывать и додумывать. Проблема, конечно, огромная. Старт будет разный — оснащенность предприятий несопоставима. У одних зарубежное оборудование, у других — станки с двадцатилетним стажем. У одних КБ с квалифицированными кадрами. У других — все на глазок, по старинке. Надо думать, как дать фору тем, кто находится сейчас в неблагоприятных условиях. Наверное, на первых этапах не избежать перераспределения доходов ад-

министративными методами. Хотя в принципе это должно быть исключено. Предприятия, которые в течение многих лет нерентабельны, должны будут поглощаться другими. От этого никуда не денешься.

Пантелей. Что же, выходит, розничные цены будут колебаться в зависимости от спроса, так что ли?

Гриша. Конечно. Да и сейчас разве не так происходит? Только все деформировано, искажено посредником — чиновником, который стоит между производителем и потребителем.

Пантелей. Что-то я не пойму тебя. Цены определяются в централизованном порядке, сверху. И даже я, министр, ничего не могу с этим сделать. Я могу только входить с предложением. А решается все не нами. Ты это прекрасно знаешь.

Гриша. Это все оболочка, Пантелей Иванович, разве не ясно? Все равно в конечном счете закон стоимости пробивает себе дорогу, только движется как змея, пробирающаяся через джунгли. Сколько у нас осело телевизоров, другой техники на складах, Пантелей Иванович?

Пантелей. Ну на несколько сотен миллионов.

Гриша. Сколько рекламаций из-за того, что они вскипают, как чайники, загораются?

Пантелей. Много, Гриша, много.

Гриша. А цены снижали?

Пантелей. Конечно. Уже несколько раз снижали. Часть продали. Но немало пойдет в переработку или в утиль.

Гриша. Ну и вот он тебе, закон стоимости. Никуда от него не уйдешь. Хотя мы организуем искусственно дефицит, все равно в конечном счете приходится считаться с потребителями.

Пантелей. Ну хорошо. Допустим, это мы решили — поставили цену в зависимости от спроса. А как быть с оборудованием, с машинами, со средствами производства? На них же цена все равно будет определяться сверху. А если так, значит, и стоимость — от затрат на эти средства производства. Или не так я рассуждаю, товарищ экономист?

Гриша. Так, так, папаня. Тут есть большая проблема. Китайцы сейчас пошли и на это. Продают средства производства. Восемьдесят процентов цемента и двадцать процентов металла уже стали предметом купли и продажи на рынке. Они хотят довести продажу металла

на рынке по меньшей мере до восьмидесяти процентов. Нам тоже надо бы об этом подумать. Конечно, то, что идет на военные нужды или в ключевых отраслях промышленности, будет, как и прежде, так или иначе, распределяться сверху. Но остальные цены будут зависеть от затрат. Быть может, критерием в этом станут средние затраты на мировом рынке. Искусственным путем подсчитать эти затраты, вероятно, и невозможно. Но тут ты прав — это одна из самых больших и неясных проблем.

Пантелей. Хорошо. Министерство мы упразднили, отсталые предприятия похоронили. Комитет по ценам отстранили. Ну а как ты с Минфином разделаешься, хотел бы я знать? Налог с оборота. Штатное расписание. Лимиты по зарплате. Премиальные, норма прибыли — это что, тоже на месте решать? Или что-то государству останется?

Гриша. Государство должно определять общую экономическую политику, бюджет, структурные проблемы. А сама экономика должна строиться на общественных, хозяйственных началах.

Пантелей. Ну вы хороши, голубчики! Вы представляете, на чью власть покушаетесь? Вы не на мою власть покушаетесь. Вы во-он куда забираетесь, вон на какие высоты замахиваетесь! У кого права отнять хотите? Но не дадут вам. И правильно сделают. Чем вы умнее тех, кто там сидит, у кого вы хотите права отнять? Да ничем не умнее.

Гриша. Да, ничем не умнее, конечно нет. Но — заинтересованнее! Трудовой коллектив. Фирма в отличие от министерства состоит из людей, которые получают от своей работы либо престиж и материальную выгоду, либо убыток и позор.

Наше предложение состоит не в том, чтобы сломать государственную монополию, а в том, чтобы сделать ее множественной. Превратить каждое объединение и каждое предприятие в самостоятельную единицу, которая борется с другими предприятиями и объединениями, в том числе и иностранными...

Пантелей. А еще что?

Гриша. Еще — постепенный переход к конкуренции с зарубежными фирмами — социалистическими и капиталистическими. И на нашем рынке, и на мировом.

Пантелей. На нашем — это как? Разрешить им свободные цены?

Гриша. В конечном счете — да! Пока мы торгуем их товарами по искусственно установленным нами ценам, это отражает нашу неспособность к конкуренции; но ведь раньше или позже с этим надо кончать, чтобы стимулировать наше производство на мировом уровне. Придется же нам когда-то всерьез конкурировать на мировом рынке. Или не придется?

Пантелей. Не знаю. Я лично такой перспективы не вижу, нереальна она. По крайней мере, в ближайшие пятнадцать — двадцать лет. Поэтому давай пока беречь свое добро и охранять его жизнеспособность.

Гриша. Вот видите, папаня, вы даже задумываться над такими вопросами боитесь. Вот где пролегает граница между нашими подходами.

Пантелей. Так. Это все?

Гриша. Да, кажется, все.

Пантелей. Ну вот что я тебе скажу. Проектец ваш не лишен занимательности. И хотя со мной не посоветовались, я, пожалуй, поддержу его в основе.

Гриша (потрясен). Да ну, быть не может!

Пантелей. Может, может. Поддержу. Завтра же позвоню об этом председателю. Только решать дело будем с другого конца — не сверху вниз, а снизу вверх.

Гриша. Это как?

Пантелей. Да так. Обсудим на объединенном заседании министерства и научного совета вашего института. Ты выступишь с докладом.

Гриша. Почему же я, а не Сочнов?

Пантелей. Ты, именно ты. Как новатор. А Сочнова — побоку. Ты дашь понять, что он только присоединился к тебе, как начальство твое.

Гриша. Нет! Это не так. Он всю дорогу мои идеи поддерживал.

Пантелей. О себе он пекся. О себе! Да и тебе зачем свой проект в другие руки передавать? И еще вот что. Вначале перестроим низовое звено — предприятие. Потом объединение и фирмы. Ну а затем и министерство.

Гриша. Вот оно что! Надумал!

Пантелей. В переходный период кто может руководить и направлять все дело перестройки? Или ты думаешь оно самотеком пойдет? Нет, брат. Тут-то как раз и понадобятся огромные усилия сверху, наши с вами усилия.

Гриша. Ну вы даете! Папаня... ну гений! Ох не прост, за что и полюбил еще с юности. Значит, Сочнова

побоку, зятя наверх, а вы на весь переходный период министром останетесь? А переходный период лет на пять, а то и десять растянется. Там, глядишь, до пенсии и дотянем.

Пантелей. Насколько растянется, никто не знает. Но оставлять отрасль без руководства в такой момент нам тоже никто не позволит. И это мне решать, покуда я еще министр. Так что ты готовься!

Гриша. Какой поворот нашел! Как у Пристли — опасный поворот.

Глава X

ПЕРВЫЕ УРОКИ

Кабинет первого секретаря обкома партии Широкова Василия Романовича. За столом сидит хозяин кабинета. Входит секретарь обкома по идеологии Стрешнев Иван Петрович.

Стрешнев. Вызывал, Василий Романович?

Широков. Пригласил.

Стрешнев. Что же не сам позвонил? Неужто теперь через секретаря общаться будем? Хотя и передвинули меня со второго, но секретарем-то оставили. Все равно в одной упряжке нам с тобой бегать, Василий Романович.

Широков. Ты знаешь, Иван Петрович, чего там крутить — не я тебя оставил. Москва указала. Но работать вместе. Это ты верно говоришь.

Стрешнев. То-то и оно, что вместе.

Широков. Я тебя не по этому вопросу пригласил. Разобраться хочу.

Стрешнев. В ком разобраться — во мне, что ли?

Широков. Да не в тебе. Не в тебе! В ситуации. Кто-то, понимаешь, все пишет и пишет в Москву. Двенадцать анонимок. Двенадцать!

Стрешнев. Что же их тебе-то пересылают? Странно. Вроде время анонимок кончилось. Гласность. Каждый говорить может открыто, что в голову придет. Это раньше по каждой анонимке комиссию создавали. Не помню случая, чтобы не было полдюжины комиссий в какой-то момент. То завод проверяют, то институт, то торг. И все норовили вопрос на бюро обкома вытащить.

Широков. Так кто же это сейчас-то анонимками стреляет? А, Иван Петрович, кому это неможется?

Стрешнев. Ты что это на меня глядишь? Неужто меня подозреваешь, Василий Романович?!

Широков. Не ты — из окружения твоего люди могут горючее подкидывать.

Стрешнев. Да что ты, Василий, что ты? Совсем тебя дела наши замордовали! Как можешь думать? Окружение... Да они сейчас меня за версту обходят, только бы к тебе прилепиться. Видят, куда ветер дует. Окружение... С такими ни окружать, ни из окружения выходить... Конечно, пишут обиженные. Кого-то сместил или понизил. А многие загодя пишут.

Широков (улыбаясь едко). А ты что же, Ваня, не стал писать, когда я о тебе перед центром вопрос поставил?

Стрешнев (в тон). А чего мне писать, Вася? Ну, понизили меня — из вторых секретарей на идеологию поставили. Чего тут плохого? Это дело мне близкое. Если хочешь знать, мне другое обидным показалось. Куратор наш в Москве во время встречи сказал: «Даем, мол, тебе, Иван Петрович, шанс поработать во время перестройки. А уж не выйдет — не обессудь, придется с партийной работой расстаться навсегда». Вот я и сижу здесь на эксперименте, как кролик перед удавом.

Широков. Это я, что ли, удав?

Стрешнев. Выходит, что ты, Василий Романович. А кто же другой о результатах испытательного срока докладывать будет?

Широков. Вот ты как понял? Затаился? Или тоже дневничок завел и — день за днем все мои промахи фиксируешь?

Стрешнев. Или в самом деле на меня грешишь, Василий?

Широков. Честно говоря, на тебя — нет. Если бы ты анонимку сотворил, для меня бы это вроде как небо упало, птицы перестали летать и рыбы перестали плавать. Нет, на тебя не грешу, Иван.

Стрешнев. И на том спасибо, Василий Романович.

Широков. Москву я тоже не понимаю. Говорят — осуществляй крутую перестройку. Значит, неизбежно жалобы пойдут. Как преодолевать сопротивление и не задеть никого? Значит, там и относиться должны соответственно, по-новому.

Стрешнев. Ты бы им сказал, как Пушкин, когда его травили анонимками: если кто-нибудь плюнет на мое платье, так это дело камердинера вычистить платье, а не мое.

Широков. Я тоже однажды сослался, правда на Бомарше, а не на Пушкина. Пошутил даже, сейчас неловко вспоминать. Мол, недавно его биографию читал, его тоже все время анонимками донимали. Так вот, министр тогдашний ему письмо прислал: господин Бомарше, мы достаточно цивилизованные люди, чтобы не обращать внимания на анонимные письма. Это в XVIII веке было.

Стрешнев. Остроумно. Но почему неловко вспоминать? Или случилось что?

Широков. Случилось. Такое случилось, что не знаю, как и начать разговор.

Стрешнев. Начни с любого конца. Чего со мной-то дипломатию разводить? Я и так чувствую, ты из колеи выбит?

Широков (встает, взволнованно ходит). «Выбит» — это ты верно заметил: не тем даже, что пишут на меня. Что в организациях критикуют, не понимают — вот что страшно. Неужели не видят, что я только о деле, о людях думаю? Что я ломаю ту стену, которая им до сих пор жить не дает?

Стрешнев. Ты всерьез моим мнением интересуешься? Или так, мыслями вслух делишься?

Широков. Не интересовался — не позвал бы. Что ни говори — двадцать лет друг друга знаем.

Стрешнев. Значит, не иссяк родничок чувств человеческих, а, Вася? Да не о том речь. Вопрос ты поднимаешь важный. Может быть, главный вопрос. Ты думаешь, для меня все так просто прошло? Или не вижу, что в стране происходит? Или меня совесть партийная не мучает? Какие вопросы партия поднимает! Как откровенно, как остро! Когда это было? Нет, Вася! Я тоже ночей не сплю. Все думаю — в чем прав, в чем не прав. Как дальше работать, как жить. Тут дело не в шансе, мне отпущенном. Чувствую — либо сломаюсь, либо выйду на другую стезю.

Широков (останавливается). Почему так приняли меня? Или это сопротивление не мне, а всему новому курсу? Говори откровенно!

Стрешнев. Да не курсу, конечно. Недовольны многие. В какую организацию ни приедешь — критика, критика, раздражение.

Широков. Недовольны прошлым?

Стрешнев. Прошлым, но не только — настоящим тоже.

Широков. Чем же?

Стрешнев. Ну вот, говорят, новый у нас скоро год сидит. А чего добился? Какие перемены?

Широков. Какие? Треть кадров сменили. С коррупцией, бюрократизмом ведем борьбу беспощадно. Общественность подняли. Что же, люди это не видят? Не ценят?

Стрешнев. Видят и ценят. Но ведь и с кадрами не все благополучно. Ко мне сейчас писатели приходят, жалуются. Обком поддержал избрание нового председателя Союза области.

Широков. Ну, так они же сами революцию устроили. Мы только навстречу пошли.

Стрешнев. Верно. Но собак на нас все равно вешают.

Широков. А что там еще?

Стрешнев. Шило на мыло, говорят, поменяли. Только и делает, что свои книги во все издательства страны пропихивает да за рубеж мотается. И в организации стал своих людей рассаживать. Что же получилось? Тех же щей, да пожиже влей! Анекдот рассказывают: встретились двое, один говорит: «Слышал? Иванова сняли». Другой радостно: «О-о! А кого назначили?» — «Да этого — Петрова». Тот разочарованно: «А-а!!» Сетуют, что новые бюрократы ничем не лучше старых. А то и хуже: прежние наелись, а эти голодные, долго еще ждать, пока насытятся.

Широков. Неужели во многих организациях такие ошибки допущены?

Стрешнев. Случаев немало — прямо надо признать. Появились ловкие имитаторы перестройки. Я-то с тобой, помнишь, вон как откровенно говорил о своих сомнениях. А другие — дудки, не такие простаки.

Широков. Ну уж ты простак, Ваня!

Стрешнев. Не простак, а с тобой маху дал. А другие — те сразу стали «аллилуйя» кричать. Их и заметили, и выдвинули. А они сразу и прихватились. Да так торопливо, будто калифы на час. Знают, что скоро заметят и заменят. А пока создается общественное мнение вокруг обкома. Тебя лично мало кто знает, человек ты новый, пришлый. И судят о тебе по тем людям, которых ты поддерживаешь. Каждое лыко в строку.

Широков. Сейчас ты в самую больную точку попал. Как из ружья метил. Чепе у нас, Иван Петрович. Вернее, у меня чепе. Из Москвы материал прислали...

Стрешнев. Еще одна анонимка?

Широков. Нет. Официальный материал. Проверенный. Помнишь Косичкина — он заместителем директора автозавода работал — за взятку посадили?

Стрешнев. Как не помнить? Мы же это дело на бюро обкома рассматривали по моей инициативе. Так что же он?

Широков. Он уже в лагере показал на Корчнова. Тот в этих манипуляциях участвовал, когда директором работал.

Стрешнев. Корчнов?!

Широков. Он... Что? Думаешь сейчас: вот они ягодки-то? А?.. Ведь это Широков его на должность председателя облисполкома выдвинул. Ты-то был против, ты за другого хлопотал... Вот пусть Широков и отдувается...

Стрешнев. Да брось ты, Вася, брось! В одной лодке сидим. Оба голосовали. Корчнов! Кто бы подумал! А может, неточно? Перепроверить надо. Тот из лагеря что угодно наклепает.

Широков. Проверяли. Замешан. В какой мере — надо узнать... И не один он. Целая мафия вокруг него развелась. В записке полтора десятка имен значится. На заводе он своих людей посадил. Один к одному — либо с прежних мест его работы, либо из института — вместе учились. Он и в исполком за собой этот кадровый шлейф потащил.

Стрешнев. Ну, в этом-то ничего необычного нет. Мы все каких людей предлагаем? Тех, кого лично знаем. А откуда мы можем знать? По совместной работе, учебе, землячеству. Иной раз и так — на глаза попал. Посетил организацию, послушал, понравился выступающий, и двигаешь его — по хозяйственной, комсомольской, а то и по партийной линии. Что говорить — обзор у нас узкий. Никуда от этого не денешься.

Широков. Но как же мы так с Корчновым просчитались? Поторопился я, а, Иван?

Стрешнев. Больно понравился он тебе. Как лозу рубил на бюро о делах города: снабжение — дерьмо, дороги — дерьмо, транспорт, отопление — дерьмо. Других слов не знает. Привык там у себя на заводе прямым текстом выражаться. Вот и внушил надежды... Деловой человек. В городских делах быстро все отладит.

Широков. Верно, произвел он на меня впечатление. Сильная личность. Образование. Опыт. Не только остро вопросы ставил — конструктивно. Что делать, как быть с городским хозяйством — он один по-настоящему разумно сказал. Ну и данные у него отличные. Десять лет крупнейшим предприятием руководил. В самых крепких организаторах значится. Член бюро обкома.

Стрешнев. На характер, правда, его всегда жаловались. Орун. Костолом. Так за глаза его прозвали. Но уважали. Уж кто другой, а Корчнов не подведет. Из-под земли выроет, а дело сделает. Общее мнение. Потому-то я и не возражал, хотя кошки скребли на сердце. Уж очень нетипичный руководитель Советской власти. Мы привыкли к вдумчивым, неторопливым.

Широков. Скажи — послушным, угодливым.

Стрешнев. И это тоже. Что хорошего, если исполком с обкомом не в ладу жить будут?

Широков. Вот мы и нашли нового человека. Нестандартный. Сильный. Инициативный. Кто мог думать, что еще и вороватый? Прокол. На такой пост проходимца выдвинули! Мой выбор, моя ответственность. Не прощу себе этого. Никогда не прощу.

Стрешнев. Да не грызи ты себя, Вася. Не грызи. Как тут разобраться? В душу не залезешь.

Широков. Выбираем из того же материала, что прежней эпохой отшлифован. Вот в чем трудность.

Стрешнев. Святых не было. Чистенькими остались только те, кто где-то в сторонке отсиделся.

Широков. На меня намекаешь?

Стрешнев. Что же, и ты не без греха. Пример Корчнова тоже о чем-то говорит.

Широков. Реванш берешь?.. Ну-ну. Давай круши Емеля — твоя неделя.

Стрешнев. Какой реванш? На что мне реванш? Куда я его дену — на шею повешу да в воду? Не то. Не то. Просто, может, я один тебя, Василий, по-человечески понимаю. Всю душу вон свою наизнанку выворачиваешь. Ночей не спишь. Заседания. Бюро обкома до поздней ночи, какой-то клуб дискуссионный. Где только не перебывал — в колхозах, в заводских коллективах, управлении культуры, газете! С кем только не встречался! Ну и что? Какой результат? Спроси любого читателя области, и он скажет — а почти ничего. Реального продвижения — ни с продовольствием, ни с жильем, ни с качеством производства товаров — как не было, так и нет. Вот и наступает момент разочарования. Да ты и сам об этом на последней встрече с активом слышал.

Широков. Наслушался. За всю жизнь подобного не слыхал. Сматывайся отсюда. Все равно выгоним. Болтун. Торопыга. Ноздрев. Правда, записками пока... Кто же это накручивает так людей, Иван Петрович!

Стрешнев. Я так полагаю — время их накручивает. Время. Гласность. Ожидания. Люди пришли в состояние беспокойства. А виноват кто? Ну, конечно, руководители. На нас отыгрываются. На тебе в первую очередь.

Широков. Да как же это можно за один год область из такой ямы вытащить? Что же я, волшебник какой или фокусник? Ясное дело — первые шаги только. Да и я тоже — не семи пядей во лбу. Не все получается, как думалось. Люди понимать это должны, вместе работать. А они раскачиваются и выжидают.

Стрешнев. Народ недоволен.

Широков (взрывается). Народ?! Какой народ?! Вот она позиция твоя, Иван! Народом прикрыться хочешь? Что же мы, по-твоему, реформы против народа затеваем?!

Стрешнев. Ты, Василий, не кричи на меня, не кричи. Или не приглашай к себе, сиди один, как медведь в берлоге. Спрашиваешь мое мнение — я тебе отвечаю. Недовольства много. Сам это чувствуешь. Оттого и заводишься, а не от анонимок вовсе. Больших перемен не видно.

Широков. Это как поглядеть.

Стрешнев. Вернее, откуда поглядеть, Василий Романович. Если сверху, то нового много. Что там говорить. Но если снизу, с позиций простого рабочего, крестьянина, домохозяйки, с позиций области нашей — немного этих перемен. Кооперативов обещанных — раз, два и обчелся. Да и те почему-то гребут за услуги в два-три раза больше, чем прежде частник нелегально брал. Все ждали, что кооперативы как лавина прокатятся триумфально по всей области, да и по всей стране. Обслуживание автомашин, парикмахерские, салоны красоты, мастерские разного рода — почему все это застопорилось? В городе, как на смех, одно кооперативное кафе организовали. Милиция охраняет. Мы с женой посетили. Ничего не скажешь, чистенько, музыка играет. Бармен стоит. А порция пять рублей стоит — обыкновенное лежалое мясо из магазина. Вот и спрашивают, как же так? Первый выступал, критиковал, обещал. А что сделал?

Широков. Что сделал?.. Я сам тут бьюсь, как рыба об лед, с этими кооперативами. Как получилось? Приняли партийное решение, но не учли, что какое-то время продолжают действовать прежние инструкции. Вот и получилось: штаны сменили, а о подштаниках забыли. Этим и пользуются финансисты. По старой схеме работают. Облагают кооперативы, людей, работающих индивиду-

ально или на семейном подряде, огромным налогом. Мне тут подсчитали — почитай, исполу берут: половина дохода — кооператору, половина — государству. Это что же такое? На удушение работают? Ну а кооператор, он тоже не будь дурак — с потребителя три шкуры дерет. Сколько ни говорил — выгоднее брать малый налог с десяти тысяч кооперативов, чем большой с двух десятков,— не слушают. На инструкции ссылаются. Я информировал ЦК об этой проблеме. Да и не я один, со всех сторон местные руководители бьют в набат. Но пока ведомства в прежнем духе работают. Разрезают живот курице, чтобы яйцо оттуда вынуть.

Стрешнев. Это ты все хорошо мне объяснил. По науке. А людям все равно: кто там — центр или места, министерства или обком не сработали. Как говорят, им это без разницы. Видят — пока лучше не стало.

Широков (говорит по селектору). Где Корчнов? Я его с утра вызвал.

Голос по селектору. Поехали за ним, на стройке находится.

Широков (по селектору). Поторопите там. (К Стрешневу.) Да, страсти разгулялись. Нужно думать, как реагировать. Ты не был на моей последней встрече с партийно-хозяйственным активом. Какие только вопросы не задавали. Один такой парень молодой, между прочим инженер, встает и говорит: мы ничего не добьемся, пока не вернемся к методам 30-х годов. За срыв плана — партбилет на стол. За прогул — под суд. За брак — в тюрьму. Только так можно навести дисциплину и порядок.

Стрешнев. Ну а ты как?

Широков. Я ему разъяснил, что такие методы могли дать эффект только в чрезвычайной обстановке — предвоенной или военной. Ну пересажали бы рабочих или директоров, кто новую технологию вводить будет?

Стрешнев. И как они — поняли, поддержали?

Широков. Как же — поняли! Другой поднимается и говорит: я не согласен с товарищем, который всех нас в тюрьму упрятать хочет. По-моему, говорит, надо сделать так, чтобы в любой момент народ мог заменить любого руководителя. Собрались на собрание. Видят, что человек не тянет, и гоните его в шею. Ответственность и поднимется.

Стрешнев. Ну а ты что?

Широков. Что? Сказал, что выборность — это наш путь. Это верно. Но и руководитель должен иметь

возможность показать себя, а не бегать в страхе, как заяц в огороде. Избрали человека — дайте ему полномочия. Пусть покажет, на что способен.

Вообще брожение в умах большое. Одни спрашивают, когда обратно Волгоград переименуют в Сталинград. Другие — когда о Сталине всю правду скажут.

Стрешнев. Что они все с этим вопросом лезут? Мало у нас насущных проблем? О будущем думать надо, а не на прошлое все оглядываться.

Широков. Тут есть вопрос. Так просто не отмахнешься. Не только о роли Сталина — о системе управления, о формах власти. Ну вот ты скажи мне, Иван Петрович, как ты сам к Сталину относишься?

Стрешнев. Я-то? Да как партия, так и я.

Широков. А поконкретнее, что это значит.

Стрешнев. А нет ли у тебя, Василий Романович, вопросов полегче? Вся историческая наука вот уже тридцать пять лет вокруг этого вопроса вертится. И ответить не может — был ли Сталин великим человеком или не был.

Широков. Так был или не был?

Стрешнев. Вот об этом самом сержант у солдата спрашивает.

Широков. А тот?

Стрешнев. А тот говорит — иди ты с этим вопросом... куда подальше.

Широков. Читаю я сейчас «Дети Арбата», «Письмо Раскольникова» и другие выступления. Все думаю: была ли тогда альтернатива? Или неизбежна плата эта за социализм?

Стрешнев. Я так думаю — альтернативы не было. И тогда партия выбрала правильный путь, и сейчас.

Широков. Видишь, как просто. Партия всегда... Что же мы сейчас не о «дальнейшем развитии», а о революции толкуем? Что же мы ломать собираемся, какую форму организации?

Стрешнев. Не знаю. Одно твердо знаю — культ Сталина и сейчас во многих людях. Да и тогда этот культ не только сверху насаждался. Народ, сам народ жаждал мудрого вождя, который говорил — «надо», и все шли, куда укажет, говорил — «вот враг народа», и все готовы были растерзать любого не раздумывая.

Широков. Это верно. И сейчас мы видим размежевание между сторонниками и противниками — не Сталина, нет — революционных реформ или организационных

преобразований. Ты никогда не задавался вопросом, почему Сталин о себе в третьем лице думал? Он, рассказывают, даже произносил нередко: Сталину это не понравится, Сталин на это не пойдет. Или — попробуем убедить Сталина.

Стрешнев. Я не слыхал об этом.

Широков. Он рассматривал себя уже не как личность, а как институт власти. Как бы со стороны. И ведь не только он — секретари обкомов тоже себя вождями непререкаемыми в области полагали. Так вот, нужен ли нам сейчас институт власти в такой форме? Скажем, стал я первым секретарем обкома, вроде как генерал-губернатор в старое время.

Стрешнев. Ну, положим, губернатор такой власти не имел. Там — дворянское собрание. Земства.

Широков. Вот видишь! А меня здесь как последнюю инстанцию рассматривают. В рот глядят, улыбаются сладко-сладко при встрече. А выговаривают как — Василий Романович, Василий Романович...

Стрешнев. А что — приятная музыка...

Широков. Вот и поддаешься атмосфере подчинения и обожания. И сам себя все больше как институт власти, а не как человека рассматриваешь. Ты знаешь, что у меня в голове сразу мелькнуло, когда о Корчнове узнал? На чем я поймал себя? Подвели, ох как подвели! Никто не проинформировал. Специально скрыли...

Стрешнев. А сейчас как думаешь — иначе разве?

Широков. Пытаюсь самокритично оценить. Трудная это школа.

Стрешнев. Трудная, особенно для нас, которые привыкли за двадцать лет к таким методам руководства. И я сейчас все чаще думаю над тем, о чем раньше старался и не думать. Просто не пускал в свое сознание. Какие факты обнаружились! Мы, конечно, могли что-то подозревать. Но совсем другое — читать каждый день. Что треть урожая пропадает из-за отсутствия складов, элеваторов, коммуникаций. Что 85 процентов промышленных товаров намного ниже мирового уровня. Преступность, бытовое воровство, алкоголизм, наркомания, жалобы со стороны простых людей на несправедливость, непорядок. А тут еще травят рассказами о временах далеких — о 20-х, о 30-х годах, о репрессиях. Душу выворачивают, перетряхивается она как-то вся. А что остается? Опору теряю, веру в то, что шли правильным путем, и в то, что найдем сейчас выход.

Широков. Непросто все. Я тоже пришел — думал сразу гору сдвинуть. Не то чтобы все решить, таких, конечно, иллюзий не было. Но быстро привести в движение. А сейчас такое чувство, что только разворошил. А люди как были пассивными, отрешенными, так и остались. Вот это и мучает больше всего.

Стрешнев. А я думал, ты уверен в своей правоте, прешь по прямой стезе — то ли подсказанной, то ли найденной самим, как бык на корриде. Так и в обкоме многие думают, считают, что все знаешь наперед, все решения в голове имеешь.

Широков. Да что ты, неужели я такое впечатление оставляю? Никогда бы не подумал. Я, если хочешь, всю жизнь в сомнениях живу, в каком-то поиске той самой точки опоры, о которой ты говорил. В одно верю твердо — партия сейчас нащупала эту точку и поворачивает всех нас на единственно правильный путь. Наверное, это дает мне силы требовать от самого себя и предъявлять счет другим. А может быть, не столько это, сколько абсолютная уверенность в том, что старое не годится, по-старому жить нельзя, невозможно, старое раздражает. Тут у меня сомнений нет ни на одну секунду.

Стрешнев. Я вот что еще думаю. Пока мы сами ответов не нашли, не надо раскачивать людей. Зря раскачивать. Ты вспомни — на митинге «Памяти» как кричали: долой масонов и иудеев из аппарата. Когда это было, чтобы такие речи вслух произносились? Это мы, что ли, с тобой масоны?

Широков. Это издержки. Издержки гласности. (Говорит по селектору.) Где этот Корчнов чертов? В чем дело? Скрывается от нас, что ли?

Голос в селекторе. Недавно нашли, Василий Романович. Едет. Скоро будет.

Широков. Да, митинг поразил и меня. Ночь не спал. Успокоиться не мог. И понять до конца, где здесь правда. Какие страсти живут в массах! Вначале, когда доложили, что двести человек митингуют на площади, требуют первого секретаря обкома, у меня было сомнение — что делать?

Стрешнев. Ну, я так сразу сказал — гнать их надо, вызвать милицию, пожарников и навести порядок. Что это за митинги? Кто их организует? Так каждый выйдет на улицу и будет предъявлять нам ультиматум.

Широков. Я не послушал тебя, и напрасно. Митинг оставил поганый осадок. Сейчас думаю, может, не надо

было вести этот разговор. Получилось, что мы как бы легализовали эту форму.

Стрешнев. Справились вроде тогда с ситуацией, дали ответы на вопросы. Люди разошлись, успокоились.

Широков. Успокоились? Как бы не так! Наоборот. Эта встреча окрылила их, прибавила жару. Показала, что они могут настоять на своем, вытащить нас на ковер, требовать ответа. А после что произошло? Развернули они свою агитацию. Стали собирать людей. Метить подозрительных, шельмовать. Все равно пришлось зачинщиков призвать к ответу.

Стрешнев. Что же, и это правильно, хотя общество это — «Память» — имеет глубокие корни. Глубокие. Памятники русской культуры на протяжении десятилетий находились в запустении. Склады кислой капусты в церквах создавали. Куда же это годится? А улицы, площади, города целые переименовывали. Ни один русский человек не может с этим смириться.

Широков. Тут надо разделить два вопроса. Один — памятники культуры. Это важная проблема. Настолько важная, что по инициативе руководства партии организован фонд специально для охраны культурного наследия прошлого. Разумеется, не только русского, но и белорусского, и украинского, и узбекского, всех наций страны. Но в «Памяти» — в «Памяти» растет что-то опасное и грозное. Гнилостным запашком — национализмом потянуло.

Стрешнев. Ну, здесь тоже перегибать не следует.

Широков. Право на демонстрации требуют. Кто? Кому они нужны в момент, когда руководство настоящую революцию по своей инициативе начинает? «Памяти»? Местным националистам? Отказникам? За ними потянутся «металлисты», рокеры, всякие там несмышленыши с фашистской свастикой на рукавах. Дай им всем волю, они, того и гляди, вступят врукопашную между собой, да и другим гражданам достанется. Нет, с этим шутить нельзя. Все они пьют из одного ковша. Нецивилизованность. Убогая политическая культура. Или ты со мной не согласен, Иван Петрович?

Стрешнев. Ну, как сказать... Как бы вместе с водой ребенка не выплеснуть.

Широков. Какого ребенка?

Стрешнев. Русское национальное самосознание. Кто больше всех жизней положил на фронте? Русские. А кто

живет хуже всех? Русские, особенно в нечерноземных областях. Где же справедливость? Бывшие окраины вон как поднялись. На авторынке в Москве и других городах кого больше всех встречаем? Русских там немного. Все с Кавказа да из Средней Азии, из Прибалтики больше. Или не так?

Широков. Не так, Иван, не так! Не с того конца к вопросу подходишь. Я не меньше русский, чем ты. Но знаю, твердо усвоил раз и навсегда — ничего нет страшнее нашего национализма. Больше ста национальностей страна наша. Шуточное дело! Нигде в мире этого нет. И нигде нет нашего опыта решения национального вопроса. Как Ленин говорил: чтобы выпрямить палку, надо перегнуть ее в другую сторону.

Стрешнев. Так перегнули, что самих себя в три погибели сгибать стали.

Широков. Нет. Посмотри, что происходит в мире, какой всплеск национализма! Религиозные войны, как в средние века. Так что и нам ухо надо держать востро. В том числе в нашей области, где почти половина нерусских.

Стрешнев. Не знаю, Василий Романович, может, ты и прав, но душа у меня не лежит к языку силы в отношении «Памяти».

Широков. А ты разумом решай эту проблему. Разумом. Думаю, все это издержки — издержки первого этапа гласности. Гласность открыла шлюзы, человек получил возможность заявить о том, что наболело, что долго скрывалось от самого себя. Но постепенно все потоки сольются в единое русло. Хотя, конечно, ты прав, безучастно сидеть не будем и через областную печать, через партийные организации будем твердо отстаивать линию июньского Пленума. Потачка шовинизму смерти подобна.

(По селектору.) Пришел Корчнов?

Голос. Пока нет.

Стрешнев. Он всегда был такой. На вызов не сразу откликается. Как же — руководил крупнейшим заводом, десять тысяч рабочих. Депутат Верховного Совета РСФСР. Сколько тебе пришлось поработать, пока уговорил его предисполкома перейти.

Широков. Да, уговорил на свою голову.

Стрешнев. А митинг — вот он где плюрализм-то выплеснулся! Тут я прямо тебе скажу, не учитываем мы опыта других стран. В Польше тоже реформы с демократи-

зации, с гласности начали. И докатились до «Солидарности», до политического кризиса. А в Венгрии нажимали больше на экономическую реформу, на реальные изменения в условиях труда и жизни людей. И добились большего.

Широков. Это нужно учитывать, конечно. Но у нас свой опыт. Нам нужно одновременно и экономические реформы, и демократизацию развивать. Уж очень много накопилось застойных явлений. На наших глазах начала формироваться в значительной степени новая политическая культура. А вместе с этим и политический человек. Со своим мнением, со своей позицией. И тут обнаружилось, что мы — разные, что у нас неодинаковые взгляды, хотя каждый, или почти каждый, стоит на почве социализма, Советской власти, партийного руководства страной.

(По селектору.) Ну что там Корчнов?

Стрешнев. Корчнов... Корчнов... Я с ним бок о бок десять лет сижу на заседаниях бюро, вопросы обсуждаем. Ну, правда, не нравился он мне чем-то. Но чтобы вор, взяточник рядом с нами ошивался — в голове не укладывается. Он, как говорится, все имел — и власть, и обеспечение. Как люди до этого докатываются? Что ими движет? Откуда жадность такая?

Голос по селектору. Пришел Игорь Николаевич.

Широков. Пусть заходит.

Входит Корчнов, костюм в пыли.

Корчнов. Привет руководству.

Широков. Здравствуй.

Стрешнев. Привет. Привет.

Корчнов. Фу... Боржомчика не найдется или чайку там?.. Набегался по этажам...

Широков (по селектору). Чаю. Три стакана.

Корчнов. Ну бандиты! Ну выжиги! Дом сдают с опозданием на два месяца. И все — халтура. Ручки дверные и те не привинчены. Обои — мерзость одна — и те отклеиваются. Унитазы...

Широков. Да погоди ты с унитазами. Не о том разговор.

Корчнов. А о чем? Какая срочность? Новости есть? Может, фонды на строительство нам подписали?

Широков. Фонды... Почитай вот записку. Это поважнее фондов будет.

Приносят чай. Корчнов пьет чай, читает. Широков нервно ходит по кабинету. Стрешнев прихлебывает чай.

Корчнов. Вот оно что. (Бросает записку на стол.) Лень дочитывать. Потом. Когда время будет.

Широков. И это все, что ты можешь сказать?!

Корчнов. А что бы ты хотел, Василий Романович? Что хотел услышать от меня?

Широков. Правду. Одну правду. Верно написано?

Корчнов (подумав). Пожалуй, что верно. Да, верно, пожалуй.

Стрешнев. Как это — «пожалуй»?

Корчнов. Так, как Ленин говаривал: по форме правильно, по существу издевательство.

Стрешнев. Значит, верно. Собирали денежки подчиненные по твоему указанию?

Корчнов. Собирали. Собирали. И не-одно-крат-но.

Стрешнев. Ты как будто похваляешься этим. А верно, что премии фиктивно замам и другим людям на заводе выписывал?

Корчнов. И это бывало. Да вы никак допрос мне учиняете? В обком ли я попал или в отделение? Не ошибся ли я дверью?

Широков. Ты поясни нам, как ты мог на такое пойти? И почему мне не сообщил, когда я тебя на руководящую работу выдвигал?

Корчнов. Ну, я на эту работу не рвался. Отбивался изо всех сил. У меня было хозяйство — десять тысяч рабочих, специалистов, изобретателей. НИИ свое. Дело было. А сейчас что? Сотня чиновников замшелых. Ни средств, ни ресурсов. С протянутой рукой бегаю к кому — к Кольке Семенову — преемнику своему: дай цементу, подкинь транспорт, выдели кирпича... Докатился Корчнов, до ручки дошел!

Широков. Докатился. Вот именно! До злоупотреблений таких докатился.

Стрешнев. Злоупотреблений? Нет, это похуже будет. Взятки прямые.

Корчнов. Ты что?! Белены объелся? Сходи проспись! Взятки! Это ты кому говоришь — Корчнову о взятках говоришь, чернильная душа?! Ну, Широков, он меня не знает, а ты — десять лет рядом сидим!

Стрешнев. Ты горло не дери. Привык там у себя на заводе все на глотку брать. Я сам вон Василию Романовичу говорил — не могу поверить. Но вот же — официальный материал из Москвы прислали. Официальный! Не обо мне, о тебе пишут.

Корчнов. Официальный. Из Москвы? Ай-ай-ай! Я не

посмотрел. (Снова смотрит бумагу.) Ну, тогда еще как-то можно понять твое беспокойство, Василий Романович. Но этот краснобай...

Широков. Ну, ладно, эмоции свои оставь. Что по существу скажешь?

Корчнов. Ты на производстве давно не работал, Василий Романович?

Широков. Давно, лет двадцать.

Корчнов. А в министерствах часто бывал?

Широков. Не часто. Да ты не тяни. Не тяни. Дело говори. И конкретно.

Корчнов. Дело... Для понимания дела надо порядки и нравы знать. И законы нашего бытия на производстве.

Широков. Какие же это законы?

Корчнов. Закон первый: обмен властными возможностями. Как говорили римляне, do ut des — даю, чтобы ты дал. Это я для Ивана перевожу, необразованность его зная.

Стрешнев. Ты бы кончил Хазанова изображать. Не очень это к лицу главе Советской власти.

Корчнов. Советская власть! Какая, к черту, власть, если вы ко мне с такими вопросами подъезжать можете? Не мельник я — я ворон. Доедаю остатки с барских столов.

Широков. Ну и что же закон?

Корчнов. Вот, к примеру, в прошлом году нашему заводу план дали: ввести сто тысяч метров жилья. Наше предложение приняли. Прекрасно. А Госснаб вместо трех миллионов кирпича положенных фондировал только триста тысяч. Как быть? А? Крылышки опустить? Пойти к очередникам, к молодоженам, к специалистам, которых я жильем приманил, и сказать — нет, ребята, а на нет и суда нет.

Широков. Ну и как ты поступил?

Корчнов. Как? По старой схеме. Приказал заму по снабжению из-под земли кирпич достать. Он порыскал по соседним областям, нашел заводишко кирпичный, захудалый, богом позабытый. Там согласны дать кирпич. Но как? Даром, что ли? Дудки! Просят кран высотный взамен.

Широков. Ну?

Корчнов. Ну, у меня натурально крана нет. Опять погнал людей кран искать. Нашли. На одном предприятии. Им не нужен. Можно бы взять, но только не даром. Дать надо.

Широков. За кран заплатить? Это нормально.

Корчнов. Нормально... Дать за кран по безналичному — не проблема. Проблема в другом. Дать-то и хозяевам крана надо, а те безналичными, как известно, не берут. Два закона схлестнулись: формальный и реальный. Формально — вымогают взятку. Реально — спасают стройку.

Широков. Ну?..

Корчнов. Ну. Занукал ты меня, Василий Романович. Обратились в местком, а те у заинтересованных жильцов будущих денежки попросили, понемногу с каждой семьи. Да я еще премиями помог. Так и вышли из положения. Люди довольны. И обком, помнится, наш завод в пример поставил: единственное предприятие в области выполнило план социального развития.

Широков (с облегчением). Н-да... Вот оно что... Задал ты нам задачку...

Корчнов. Задачка... Любой хозяйственник ее каждый день решает. Хочешь чистеньким быть — беги с производства куда подальше. Провалишь. Все провалишь. И план, и снабжение, и зарплату для людей.

Широков. Кто же порядки такие установил? И зачем? Все равно в конце концов все как-то добывается — и материалы, и ресурсы.

Стрешнев. Добывают-то, да не все. Самые ловкие. Или бойкие, как наш Игорь Николаевич. Пробы негде ставить.

Корчнов. Пробы? Жалко, тебя директором завода на мое место не передвинули. Посмотрел бы я на твою сытую рожу через полгода. Ну, дай бог, это еще от тебя не уйдет.

Стрешнев. Формально мы обязаны судить тебя по таким фактам, хотя бы партийным судом.

Корчнов. А тебя не должны? Ты чем карьеру в период застоя сделал? Языком сделал. Да не просто там выступал с речами. Нет, лизал языком место известное как раз тем людям, которые застой этот удерживали. Так что не формально, а по существу ты и подобные тебе и есть главные ответчики за этот период.

Стрешнев. Ну ты бандит, Игорь, чистый хулиган какой-то. Всегда таким был. А сейчас совсем распоясался.

Корчнов. То-то же, не судите и не судимы будете. Но вопрос твой, Василий Романович, давно меня мучает. Кто же такой порядок установил? И для чего? Ну, говорят, нехватка, дефицит. Верно. Но ведь действительно

все добываем в итоге. Здесь что-то другое. И тут я второй закон нашего хозяйства нащупал.

Стрешнев. Сам допер?

Корчнов. Люди помогли. Вот я вам байку одну расскажу. У нас при заводе стадион имеется. Ну, там директором Костя, по прозванию Стаканыч,— бывший чемпион республики по теннису. Колоритнейшая личность. Отец его, между прочим, большим человеком был, министром в нашей отрасли, загремел в тридцать седьмом. А Костю в детдом отдали. Потом фронт. Потом вспомнили, чей сын — а он еще язык распускать любит,— и самого, голубчика, в края отдаленные. Потом отца реабилитировали и Костю вернули. Героем спорта стал.

Стрешнев. Да при чем здесь Стаканыч твой?

Корчнов. Ты погоди. Погоди, суетун. При чем — при том. Как поиграем мы в теннис, бывало, в прежнее время конечно, он сразу бутылку на стол требует. И тут начинается ор во весь голос. Игорь, кричит, человек ты мой дорогой, они же специально всех нас на крючке держат. Вот я, к примеру, маленький начальничек, но без нарушений шагу ступить не могу. Корты трамбовать и поливать надо? Надо. А зарплата за это положена пятьдесят рублей. Кто пойдет? Никто. Значит, я тренеров прошу за кортами ухаживать, а деньги те выдаю им по липовой ведомости. И тут же всем телом своим на крючок сажусь. Не угожу кому-нибудь из вас, больших начальников, вы меня голыми руками в любой момент слопаете. Но ведь что приятно, Игорь Николаевич, ты тоже на крючке сидишь. И тебя тоже можно в любой момент на далекий берег выбросить. Вот он еще один закон, Василий Романович: сидишь на крючке — не трепыхайся и начальству угождай.

Стрешнев. А ведь верно приметил Стаканыч твой. Все мы на крючках болтаемся. Вопрос времени и настроения вышестоящих. Караулят нас.

Корчнов. Ну, тебе бояться нечего. Тебя за что снимать? Ошибок не допускал. В крайности не впадал. Не был, не участвовал, не слышал... Все тихой сапой. Да еще других останавливал. Предостерегатель вечный. Ты и насчет меня, наверное, предостерегал Широкова — ну, сознайся? Ну не выкручивайся хоть однажды?

Стрешнев. Предостерегал. И сейчас вижу — прав был. Какой ты председатель Совета? Шумишь, шумишь...

Корчнов. В одном ты прав, Иван Петрович. Не гожусь я для этой роли. Тут надо человека, который

ни одной ошибки не допустит. А я все время работаю, любой ценой результата добиваюсь. Как тут без ошибки обойтись?

Широков. За ошибку сейчас никто не накажет. Было бы дело.

Корчнов. Но меня наказать-то не так просто, как Иван думает. Мы, хозяйственники, люди реальной власти. Не лыком шиты. Меры принимали для самозащиты.

Стрешнев. Какие же это меры? Поделись. Может, и мне пригодится.

Корчнов. А такие — тоже стараемся званиями и наградами как частоколом себя заслонить: депутат, лауреат, а уж если герой — нас на цугундер так легко не посадишь. Так-то. Вот он третий закон бюрократии. Не стой на месте. Лезь вверх. Защищайся. Набирай побольше всего — пригодится в трудную минуту.

Стрешнев. Целую науку придумал.

Широков. Слушаю я тебя, Игорь Николаевич, и думаю — как же мы докатились до жизни такой? Вот ты — доктор наук, лауреат, изобретатель, крупный организатор,— чем ты вынужден заниматься? Грязные операции. И не для себя, а ради дела. Куда же честь наша девалась, наше достоинство? Куда, если Стаканыч стоит выше тех, кто им руководит? Была ведь, была честь русской аристократии. Верно, не щадили они мужика, давили из него последние соки. Но честь была — в отношениях друг с другом, в отношениях с государством.

Стрешнев. Ну, с государством особо не церемонились. Помните, как Карамзин ответил об особенностях русского государства? Воруют.

Широков. Игорь Николаевич, сколько раз на дню ты врешь, или подвираешь, или утаиваешь правду?

Корчнов. Ну, когда был директором, в среднем пять — десять раз на дню. Сейчас поменьше — с людьми общаюсь реже.

Стрешнев. Людям врешь или начальству?

Корчнов. Да тем и другим. Ну вот очередники на жилье. Это самое трудное. Хочу же помочь, жажду. Вижу, приходит одинокая женщина, двое детей, живет в бараке в одной комнате. Но не могу. Вот и подвираю во спасение, где-то теплится надежда — вдруг дадут фонды, вдруг не подведут строители. Вдруг, вдруг...

Стрешнев. Не ее утешаешь, свою совесть успокаиваешь.

Корчнов. Свою, свою... А ты не врешь?

Стрешнев. А мне что врать — я блага не распределяю. Фонды не выбиваю.

Корчнов. Врешь, врешь каждодневно.

Стрешнев. К примеру?

Корчнов. Приехал ты в первичную организацию — секретаря рекомендовать. Какую первую фразу произносишь? Нам предстоит избрать секретаря. Какие будут предложения? И тут же шустро рука тянется из зала — у меня есть предложение. А предложение твое, наше, расписанное заранее. Разве это не ложь?

Стрешнев. А как ты хотел бы? Без предварительного согласования? На стихию полагаться? Она, стихия, такое вынесет...

Корчнов. Ну, положим, ты прав. Но почему откровенно не скажешь: имеется мнение обкома? Зачем частокол лжи?

Широков. Действительно. Куда подевалась честь наша? Ленин никогда правды не боялся. Самой жестокой. А раньше? Мужика любого в деревне за неправду балаболкой прозывали. Щукари какие-то развелись, а не руководители. Вот оно зло — всех зол страшнее.

Кто же растоптал нашу честь? Честь руководителя-коммуниста? Кто по капле выдавил из наших душ независимость суждений, твердость в отстаивании правоты, незапятнанность репутации?

Корчнов. Красиво говоришь, Василий Романович. Твоими бы устами да мед пить. Надо всю систему хозяйства на человеческих отношениях перестроить. Иначе не избавить ее от закулисных сделок, неформальных связей, взяток и ужасающей необязательности. Что там говорить — сейчас днем с огнем не найдешь человека слова. Подведут, обманут, утрутся рукавом и — как с гуся вода.

Широков. Я вот читаю наших журналистов, они над «ирангейтом» потешаются. А главный вопрос обходят. Есть моральная норма — президент не должен лгать. Тот, кто лжет, не может оставаться президентом. Эта норма живет не только в сознании сенаторов, она присуща всему народу. Не обмани! И хотя там, наверное, обманывают, и не раз, однако норма живет. И с ней должны считаться даже президенты.

Корчнов. Досадно мне, что слово «честь» забыто и что в чести наветы за глаза.

Широков. Наветы!.. Как не стыдно — шлют мне из центра анонимки, на меня же и написанные; наглые, где меня обзывают чинодралом, лицемером, взяточником.

Что же они шлют-то, зачем? Неужто действительно унизить хотят, на место поставить, растоптать достоинство? Если там верят анонимкам — надо снимать нас незамедлительно. Если не верят — зачем шлют?

Стрешнев. А ведь куратор наш тоже на крючке сидит. Анонимка подколота, подшита. Она лежит как бомба замедленного действия. И неизвестно, когда взорвет и кого. Вот он ее с себя снимает и на нас вешает.

Широков. Да, много накопилось в нравах наших накипи — чистить ее и чистить.

Корчнов. В душах наших накипь эта — вот в чем проблема. А себя чистить труднее всего. Инструмента для чистки души не придумано.

Стрешнев. Что-то ударились мы в самоедство, мужики. Сейчас порядки меняются.

Корчнов. Меняются, да не так шибко. Вот вы мне, к примеру, три дня назад указание спустили — тысячу человек на уборку урожая. Было дело?

Широков. Было. А какой у нас выход? Хлеба горят. Колхозы не справляются.

Корчнов. Так. Я звоню другу своему сердечному — директору моего завода: выручи, дай человек пятьсот. А он — не дам. Мне инструкцию из министерства прислали — помогать можно, но без ущерба для производства. Как это я без ущерба тебе пятьсот человек отдам? Посуди сам. Да и во что стоимость хлеба твоего обойдется — как-никак зарплату тем людям платить будем. А платить, говорит, как? Опять липовые ведомости подписывать?

Широков. Да. Сколько капканов осталось от прежнего времени. Враз не уберешь.

Корчнов. Увязаем мы в переходном периоде. Вот главная беда. Уже сейчас видно — план этого года мы не выполним.

Стрешнев. Как это — «не выполним»? Кто это нам позволит? Сейчас всякая корректировка запрещена.

Корчнов. Не можем выполнить. Переход переживаем — от немого кино к звуковому. Кто это говорил — не помню, великий кто-то,— страх и выгода правят миром. Страха сейчас стало меньше, а выгоды — выгоды тоже не прибавилось. Старые методы — на приказе, на дранье глотки, на приписках, на обмане властными возможностями — уже не срабатывают. А новых пока нет.

Широков. Решения вон какие радикальные о предприятиях приняты.

Корчнов. Решения — да. Но на практике противоречие явное. Нужна реконструкция заводов. Это как дважды два ясно. Обком нажимает — давай новую технологию, новые поточные линии. Так?

Широков. Так.

Корчнов. Но ведь, с другой стороны, план требуют. Министерство каждый месяц отчет выколачивает, стружку за любое отклонение от плана снимает. Так?

Широков. Наверное, так.

Корчнов. Да как же это возможно — одно совместить с другим? Реконструкция — это остановка цехов, агрегатов. Значит, надо план на время снизить, чтобы потом быстрее вперед двинуть.

Широков. На это никто не пойдет.

Корчнов. Вот и мечется директор и весь коллектив между Сциллой и Харибдой. К концу года бабки подсчитаем — ни то, ни другое толком не сделаем.

Широков. Переходный период труден. Это каждому понятно.

Корчнов. Возмущает безответственная болтовня краснобаев от науки. На производстве не работали. Да и бывают в основном на зарубежных заводах, и то наскоком, во время кратких вояжей.

Широков. Ты что имеешь в виду?

Корчнов. Одни предлагают повысить цены на продовольствие. Ссылаются на западный опыт. Это стимулирует сельское хозяйство. Бесспорно. А то, что на Западе цены на промышленные товары много ниже, чем у нас,— о том они не думают? А как будут жить сорок миллионов пенсионеров, если хлеб и масло подскочат в цене? Где взять дотацию для всех? Или рекомендуют безработицу как пресс для работающих. А что это значит? Куда девать десять — пятнадцать миллионов свободных рук? Выбросить на улицу? Взять на иждивение государства? Болтают, болтают, поучают с важным видом.

Стрешнев. Не просто болтают — запутывают, назад от социализма тянут.

Широков. Не потянут. Кишка тонка. В руководстве страны достаточно силы и ума, чтобы противостоять любым отклонениям. А что дискуссия идет — это полезно. Пусть столкнутся мнения, даже самые крайние. Раньше или позже высекут истину. А стоячее болото, оно всем надоело. Социализм — более эффективный, чем капитализм, без неожиданных, новаторских решений нам не создать. Это тоже ясно.

Корчнов. Мне наша экономика напоминает больше всего систему ГАИ.

Широков. ГАИ?

Корчнов. Да, ты обращал внимание, сколько сотрудников этой организации нас провожает по пути из обкома на дачу?

Широков. И сколько же?

Корчнов. Шестнадцать человек. Мне кто-то рассказывал, что если сложить всех регулировщиков в Париже, Лондоне, Нью-Йорке и Токио, то и не наберется такого количества.

Широков. Это верно. Там давно перешли на автоматическую систему светофоров. Но полицейские разъезжают в автомашинах или летают на вертолетах. А при чем здесь экономика?

Корчнов. Это же очень просто. Во-первых, первое сходство мы уже отметили: избыток рабочей силы и ручного труда вместо перехода на современную технологию.

Широков (смеется). А ведь верно.

Корчнов. Теперь второе. Правило — левый ряд не занимать. Значит, остается один или два правых, проходимость дороги уменьшается наполовину или на треть, в зависимости от ширины колеи. Кто это придумал, неизвестно.

Широков. Да уж, конечно, не мы с тобой.

Корчнов. Но прикрываются нами. Говорят, для проезда обкомовских машин.

Широков. Это надо срочно поправить.

Корчнов. Само собой. Но я о другом. В нашей экономике освободили место для тяжелой промышленности, денег не считали. Сколько просили, столько давали. А остальные отрасли — легкая промышленность, сервис — сгрудились на одной колее — ни тебе финансов необходимых, ни материалов.

Широков. Ну и какой резон?

Корчнов. Резон простой — освободить всю дорогу, пусть машины ездят свободно, состязаются, так сказать, в скорости, а избыточную рабочую силу бросить на производство новой технологии. И там и здесь. Это раз. Два — смещение цели.

Стрешнев. Это еще что? Цели у нас ясные — социалистические.

Корчнов. Над чем хлопочут работники ГАИ? Ловят мелких нарушителей. На улицах сами уже давно не стоят — движению не помогают. Да и ловят в тех местах,

где сами неясные знаки поставили. На Западе полицейский подошел, нарушение зафиксировал, штраф наложил, и все. Наш гаишник беседует с нами, воспитывает. Властью наслаждается. Кураж власти. Будешь лебезить перед ним — снизойдет, закон сам нарушит и не накажет тебя. Начнешь права качать — нарвешься. Откуда у нас хамство такое в обществе? От психологии власти. Официантка, продавщица, дворник — все власть кажут. Не они у нас — мы у них в подчинении ходим.

Широков. Проблемы экономики чуть-чуть сложнее. И простыми средствами, как в ГАИ, это дело не решить.

Корчнов. Сам понимаю, что сложнее, но аналогия занятная, ведь верно?

Широков. Да, есть в этом что-то. Наверное, каждая клеточка в нашем обществе отражает всю его структуру. И изменить эту структуру можно, только дойдя до каждой клеточки. В этом смысл перестройки.

Но твоя аналогия глубже, чем ты думаешь. Боюсь, что все мы грешим патриархальным представлением о власти. О власти как о господстве над людьми, а не служении людям. Это генетически пришло к нам от давних времен. И не только прямые носители власти — милиции или судов. Нет, официант в ресторане, продавец в магазине, секретарша начальника, даже дворник — для многих из них власть — это возможность покуражиться, это хамство и чванство, это ущемление, унижение другого человека. Да и для нашего брата, для многих партийных работников власть — это право вмешиваться во все дела, всех поучать, чуть ли не как малых детей, это наивная претензия на вечную правоту, на истину в последней инстанции.

Корчнов. Вот-вот! Главная проблема — мы к ней только сейчас подступаемся — это психология власти. У них, на Западе, частная собственность все деформирует, у нас — архаичная форма властвования.

Стрешнев. Ты что это имеешь в виду? Какая тебе власть не нравится?

Корчнов. Твоя — не нравится. Твоя, голубочек.

Широков. Да не уходи ты в сторону. Бросьте вы пикироваться. Дело говорите.

Корчнов. Так это мы в шутку, любя. А если серьезно — опутали мы все общество и друг друга, как лилипуты того же Гулливера, нитями власти и контроля. Вы посмотрите, сколько у нас организаций одни и те же вопросы решает? Партийные, советские, профсоюзные,

комсомольские, а сейчас еще женские, трудовые коллективы, печать, телевидение.

Стрешнев. Ну и что? Это и есть демократия.

Корчнов. Демократия? Тогда я против такой демократии. Ни одного вопроса до конца решить невозможно. Заседания — взаимные обучения, как работать. Согласования — самый слабый и трусливый согласователь любое решение проваливает. Неразбериха ответственности. Власти и контроля взаимного хоть отбавляй, а решения тормозятся либо, когда пробиваются наконец, не выполняются. Спросить не с кого. Адресовано всем — значит никому конкретно.

Широков. Это верно. Мы демократию вначале поняли как — чем больше людей участвует, тем демократичнее. И сейчас демократию многие так понимают. А на самом деле демократия не в этом. Она в том, чтобы каждый твердо знал свои полномочия, свое место и решал бы вопросы в своих пределах. Решал окончательно. А затем и спрашивать с него хоть на бюро обкома, хоть на партийном собрании, хоть на месткоме. Всем участвовать во всем — это анархия, а не демократия.

Корчнов. Первое, что надо сделать,— освободить всех от опеки бюрократов и взаимного контроля. И страна расправит плечи и рванется вперед, как та гоголевская тройка. А то ведь до сих пор демократию понимают все в том же духе — больше контроля, больше коллективного вмешательства, больше стеснения для индивидуальной инициативы. Смотрите, как выросло число заседаний. Это опасный симптом. Очень опасный. Сколько можно учить друг друга работать. Надо просто работать! Второе — дайте свободу, именно свободу трудовой деятельности. Всем, кто хочет и кто может ею воспользоваться. Рабочий, изобретатель, кооператор, ученый, руководитель предприятия.

Широков. Ну и что это значит практически?

Корчнов. Передать заводы рабочим, землю — крестьянам.

Стрешнев. Да ты в своем ли уме? Вернуться к частной собственности?

Корчнов. Ну нет, конечно. Переход к частной собственности не нужен. Нужна аренда. Это тот же подряд. Аренда в деревне — семейная, звеньевая, индивидуальная. Аренда в городе — коллектив берет по договору предприятие или объединение у государства на определенных условиях. Главное условие — доход в казну,

в том числе и твердый доход нам — местной власти. Скажем, десять, пятнадцать процентов нам и тридцать в центральный бюджет.

Стрешнев. А как же равенство? Как социальная справедливость? Если каждый в свою сторону одеяло будет тянуть?

Корчнов. Нет ничего прекраснее и ничего менее производительного, чем равенство. И нет ничего опаснее и ничего более производительного, чем свобода.

Стрешнев. Слушаю я тебя, Игорь, и ловлю себя на мысли: все, что ты говоришь, мне совершенно чуждо. Может, я действительно не так воспитан, погряз в догматизме, но у меня другие какие-то представления и даже ощущения социализма. Наверное, довольно туманные, как об обществе, где всем хорошо, где все по справедливости, где есть равенство, где нет ни безработицы, ни преступности, по крайней мере большой, ни тем более наркомании, ни пьянства. Если хочешь, чистое общество. А ты рисуешь какое-то мелкобуржуазное, что ли, общество, где преуспевать будут хозяйственные предприниматели, торгаши, бойкие кооператоры. Не знаю... Ты-то как об этом думаешь, Василий Романович? Неужели тебе самому это близко?

Широков. Признаться, я об этом тоже часто задумываюсь. Ну, конечно, рыночные отношения сделают производство более эффективным. Конечно, модернизация и технологический процесс без этого невозможны. Это мы должны представлять себе отчетливо. Модель приказной экономики полностью скомпрометирована. Она бесперспективна. Это для меня ясно. Но вот те вопросы, о которых говорит Иван Петрович, меня тоже мучают. Такое чувство, как будто бы опять будут преуспевать не самые умные и талантливые, а самые ловкие и сильные. Вроде как возвращаемся к тому, с чего начали. И тут у меня тоже, скажу откровенно, какая-то раздвоенность: умом понимаю — это неизбежно. А сердце протестует. И уж во всяком случае, знаю хорошо, что таким людям, как я сам, места в этом обществе не будет. Но, возможно, мы оба ошибаемся, а прав Корчнов, и нам удастся совместить эффективность с социальной справедливостью.

Стрешнев. Так, может, обсудить все же Корчнова, его методы и философию его на бюро? А?

Корчнов. Нет, ты бы директором быть не мог. Осторожный ты и трусоватый, ни одной раскованной мысли, ни одного смелого шага.

Стрешнев. Осторожный — да. Трусоватый — нет. Это ты не в меня стреляешь. Труса я никогда не праздновал. Если откровенно говорить, тут что-то другое. Я как-то сидел в приемной с одним министром. Ждали вызова на заседание, ну в самой высокой инстанции. Так он мне говорит: веришь ли, никогда так не волновался. Сосу третью таблетку нитроглицерина. А между прочим, на фронте он был боевым генералом. Герой — через минные поля хаживал. А после заседания его чуть не на носилках вынесли. Вскоре он и скончался.

Корчнов. Вот вы и есть напуганное поколение.

Стрешнев. В этом, может, ты и прав, Игоречек. Страх перед начальством — это нам предки из рода в род передавали. Да и современники постарались...

Корчнов. Боюсь, что все наше поколение современным управлением уже овладеть не сможет.

Стрешнев. Это почему такой приговор?

Корчнов. Стареет аппарат, весь корпус наших управляющих геронтократией страдает.

Стрешнев. Это с чем едят?

Корчнов. Власть стариков, значит. В 20-х годах средний возраст наркомов был лет тридцать. Потом началось старение. И Сталин по-своему эту проблему решил — произвел отстрел целого поколения руководителей. Вместо них пришли молодые. Косыгин, например, стал министром тоже в тридцать лет. Да и другие.

Стрешнев. К репрессиям призываешь?

Корчнов. Ну уж... Но делать что-то надо. Особенно сейчас, когда без знания новейшей техники управлять невозможно.

Широков. Делиться властью надо. Это главное сейчас, когда кардинальные решения приняты. Всем делиться. На всех уровнях. Министрам и директорам заводов, председателям колхозов, обкомам и райкомам.

Стрешнев. С кем делиться?

Широков. С непосредственными производителями. В этом Корчнов прав. Им надо дать права и трудовые свободы — рабочим, крестьянам, интеллигентам. Только это инициативу миллионов и миллионов развяжет и в корне все изменит. И в экономике, и в обществе.

Корчнов. Обсудить бы надо, как дальше управление в области отлаживать. Как свободу трудовой деятельности обеспечить. Как с бюрократизмом бороться.

Стрешнев. С бюрократизмом тоже разобраться надо. Сплеча не рубить. Сколько лет писали: бюрократизм —

наследие прошлого. Пережиток капитализма. Так семьдесят лет пережитками и пробавлялись. А бюрократ, он ведь не из-за границы приехал. Он — тот же Иван да Василий, вчерашний крестьянин, рабочий или трудовой интеллигент. Кто его бюрократом сделал? Советская власть? Привилегии? Централизм? Отсталая психология?

Широков. Не Советская власть, а ее извращение. Сверхцентрализм. Кто такой бюрократ? Это человек, который никем не выбран, а кем-то назначен. Он и чувствует свою зависимость только от того, кто его назначил, а не от народа. Тот же депутат Совета. Как раньше было? Райкомы, обкомы рекомендовали, разнарядку спустили, списки кандидатов обсудили — и готово. А потом — оставьте в списке одного кандидата, как будто в насмешку. Там один и значится. Избрали депутатом, он разок-другой приехал, отчитался. Ну, конечно, наиболее честные и активные и тогда старались и людям, и региону своему помочь, и за общегосударственное дело радели.

Корчнов. Посетил я недавно район, где эксперимент идет с выборами по многомандатной системе в Советы. Там всех прежних руководителей забаллотировали. Под гребенку. А из новых на руководящую работу и выбирать некого. Да и не хотят люди — каждый при деле сидит.

Широков. Тут реальная проблема. Процедура выдвижения кандидатов, избирательная кампания, сознание масс. Механизм пока не срабатывает. Нужно додумывать.

Стрешнев. Тоже нельзя петь лазаря: выборы, выборы, народ все решает, народ безгрешен. А народ, он разве свободен от влияния социальных условий? Сколько алкашей в народе том? Сколько таких, кто до сих пор предпочитает получать побольше, а работать поменьше, кто обогащается за счет дефицита? А как пользуются гласностью, чтобы скомпрометировать требовательных и принципиальных руководителей? Свести личные счеты? Захватить те места, которых они не заслуживают? Что же мы, на все это должны глаза закрывать?

Корчнов. Тут я с тобой в первый раз, кажется, согласен, Иван Петрович. «Каждая кухарка может управлять государством». Сколько заплачено за эту пустую фразу Троцкого, за эти псевдонародные иллюзии! Почему — каждая и почему сразу государством? Управление еще долго будет профессией. Это и ежу ясно.

И еще я сказал бы. Надо стимулировать результаты труда руководителей. Зачем их в оппозицию загонять? Прежде всего директоров предприятий и объединений. От них многое зависит в перестройке. Посмотрите, как оплачивают президентов крупных фирм в странах Запада — в несколько раз лучше, чем министров и даже премьер-министров. Нам нужна рациональная, а не иррациональная «бюрократия», иными словами, высококвалифицированное управление.

Стрешнев. И все же, моя бы воля, я бы тебя на бюро обкома прочесал — и за твои прежние художества, и за новые завиральные идеи.

Корчнов. Василий Романович, и чего ты этого Аракчеева при себе держишь? Может быть, как царь Александр, чтобы оттенял твой либерализм?

Широков. А ты думаешь, он либералом был?

Корчнов. Почти все цари русские начинали как либералы.

Широков. Значит, и мне такую эволюцию предрекаешь?

Корчнов. Не знаю. Как пойдет перестройка в области. Если неудачи, да сверху, да снизу давить будут, что же, тогда и озлобиться недолго. Преодолевать сопротивление — нелегкое дело.

Широков. Сопротивление перестройке из многих щелей лезет. Оно и в каждом из нас живет.

Стрешнев. В Корчнове больше, чем в нас. Как же с Корчновым — простить и забыть?..

Широков (секретарю по селектору). Вы звонили на завод?

Секретарь (по селектору). Секретарь парткома товарищ Плетнев ждет у телефона.

Широков. Свяжите меня. (Говорит по телефону.) Альберт Семенович? Как там у вас?

Плетнев (по телефону). Слышите? Народ гудит? Сейчас заседание парткома идет. Требуют: верните нам Корчнова.

Широков. Корчнова не вернем. А поведение его обсудим. А главное — уроки перестройки в условиях гласности. Выездное заседание обкома на заводе проведем. А вы с докладом выступите. Только давайте так — по гамбургскому счету — и о себе, и о Корчнове, и о нас грешных. И главное — что делать? Как дальше дело перестройки разворачивать?

Часть четвертая

Часть четвертая

ОБНОВЛЕНИЕ

Глава XI

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Былое и думы о нем... Много раз повторено: история не знает сослагательного наклонения. И все же... И все же я часто задумываюсь над вопросом: что было бы, проживи Ленин еще хотя бы десять — пятнадцать лет? Как пошло бы развитие нашей страны? Ведь Ленину не было 54 лет, когда он ушел из жизни...

Но Ленин успел перед самым своим уходом оставить в наследие партии ясные, четкие идеи — каким путем идти к социализму. Потому такую ценность представляют его последние работы: мы возвращаемся к ним снова и снова, черпаем в них понимание наших современных проблем.

В письмах читателей ставится немало вопросов по поводу истолкования ленинских идей в наше время — о хозрасчете, товарно-денежных отношениях, кооперации, самоуправлении. Авторы таких писем исходят, как правило, из двух неверных, на мой взгляд, предпосылок: они или переносят высказывания о полном коммунистическом обществе на период социализма, или не учитывают того, что мысль самого Ленина постоянно находилась в движении, развивалась на основе опыта, в полемике с соратниками, в борьбе с противниками. Забывается, в частности, что после «военного коммунизма» партия, по словам Ильича, произвела «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». Дискуссионные вопросы читателей возвращают нас к спору о ленинском завещании, который начался давно.

Предлагаемый диалог не имеет целью пересматривать историю. Что было, то было — из песни слова не выкинешь. Мы гордимся великими завоеваниями социализма, что составляют главное в нашей 70-летней истории. Но это не означает забвения или прощения тяжелых испытаний, ошибок и трагедий прошлого. Современным поколениям, и прежде всего молодежи, важно знать, в каких муках, борениях и спорах шел поиск неизведанных путей к социализму. Нам очень нужна сегодня объективная, правдивая информация о своем опыте, без всяких

изъятий и умолчаний. Только такой подход позволяет извлекать уроки из истории. Диалог показывает, как отражались в сознании рядовых коммунистов те острые дискуссии, которые происходили между руководителями партии в конце 20-х годов.

Комнатка в общежитии Института красной профессуры. Тусклая лампочка. Чайник греется на примусе, за столом Петр и Алексей Поленовы, разгоряченные спором, пьют чай, у Петра внакидку на плечах пиджак с накладными карманами (суньятсеновка). Алексей — в расшитой белой рубахе с косым воротом. Входит отец — в шинели, сапогах и с двумя торбами на палке.

Алексей. Батя! (Бросается к отцу, помогает снять груз.)

Петр. Отец? Ну, тебя только не хватало!

Отец раздевается, подсаживается к столу.

Отец. Аль не рады? Я вон гостинцев привез. Мать положила и пироги, и сало, и хлебушек наш деревенский, и маслице.

Петр. Да ну тебя! Что мы здесь, голодные, что ли? Не те времена.

Алексей. Да уж ты, конечно, не голодный. Паечек свой аккуратно получаешь...

Петр. Да и вас здесь, думаю, прохвессоров будущих, питают неплохо. Вчера в столовую заглядывал — все в порядке. Если бы у вас еще в головах такой порядок был, то и комиссия наша не нужна была бы.

Отец. Вы чего это? В запале, что ли? Не ко времени я, чай, с нашими деревенскими-то бедами?

Петр. Какие у вас беды, батя? Живете как у Христа за пазухой. Богатеете! Алешкин вон идол на всю страну прокричал: обогащайтесь! Вот вы и прихватились...

Отец. Эко ты... прямо с порога огорошиваешь... Или с братом чего не поделили?

Алексей. Он, батя, меня из партии вышибать прибыл. Его сверху прислали. Комиссию возглавляет. Наш Институт красной профессуры чистит.

Петр. Ты это, Демьяшку Бедного из себя не изображай. Верно, батя: завтра решать будем, кто с нами, а кто против нас. И Алеха — не покается, не побережется — со всеми другими загремит.

Отец. Вот оно как... Вроде вместях воевали, в партию вступали... Да и меня тогда, грешного, втянули

сабелькой помахать... А сейчас что же, нашла коса на камень?

Алексей. Петруха, бать, в вожди лезет. Вот он и крушит сослепу все вокруг. И брата своего, как Каин Авеля, на заклание принести готов. Может, оценят! Повысят, приблизят. Только вот что, Петр, не забудь вовремя отмежеваться. Не забудь! Раз брательник твой в оппортунисты попал, и тебе, раньше или позже, в этой яме лежать!

Петр. Ты кого пугаешь? Ты куда это поворачиваешь? Ты чего это батю накручиваешь? Да кто ты такой для партии? Никто! Она перешагнет через тебя и не заметит.

Алексей. А через тебя?

Петр. И через меня, если дело того потребует. Так что давай о деле говорить, а не плакаться в тряпочку. Обидели. Оскорбили. Партия слезам не верит. Теоретики! Спорщики! Что правильно, что неправильно в партийной линии — все вы знаете. Все оцениваете. А кто вам это поручил?

Отец. Да погодите вы спорить-то. Наспоритесь еще. Не затем я пятьсот верст отмахал, чтобы слушать про это!

Петр. А чего тебе не можется? У тебя все в ажуре. Как сыр в масле купаетесь там. Две лошади. Две коровы.

Отец. Это верно. Сейчас и жеребеночек малый имеется, и телок выплодился...

Петр. Вот! А тоже приехал небось права свои качать. Обиды выказывать.

Отец. Что же у нас, обид нет? Ишь ты, допустили тебя к власти, а какой кипяток был, такой и остался. Только ты меня нахрапом не бери. Я сам поорать при случае умею.

Алексей. Или что стряслось, батя?

Отец. Прова помните? Он еще в овин спрятался, когда беляки в деревню завернули. Меня тот раз чуть не укокошили.

Петр. Ну?

Отец. Ну вот, он и командует, Пров этот. Сейчас он у нас Советская власть.

Петр. И чего он?

Отец. А того. Меня в кулаки записал, вот чего. И сведению в район направил. Мол, так и так: три лошади, три коровы, зерна, мол, 200 мешков прячет. Я к нему — ты что, какой я кулак? Я же за эту власть кровь

проливал. Ранения имею. А он: раньше был, да весь вышел, а счас, мол, кулак, богатей, лучше всех в деревне живешь.

Петр. Указание получил. Статистика. Чтобы знать результаты нэпа. Сколько бедняков. Сколько середняков, кулаков. Идет расслоение. Кулак богатеет. В его руках хлеб, скот, другое продовольствие. Вот в чем опасность. Вот почему считают.

Отец. Да кабы только считали... Он ко мне, как ты к Алешке, тоже с комиссией пришел. Описывать, грит, будем у тебя подворье. «А дальше что?» — спрашиваю. А он: «Не знаю, как велят, так и сделаем. Думаю, отберем скот обчеству, хлеб — государству».

Петр. Врет он, перегибает. Нет такого указания, чтобы раскулачивать вашего брата. Может, и будет. А пока нет.

Алексей. Врет? Ты-то хоть себе не ври. Вот-вот указание выйдет. Так ваши игры со статистикой оборачиваются. Раньше насчитали кулаков четыре процента, мало показалось — года не прошло, стало пятнадцать.

Отец. Как же это?

Алексей. Да очень просто. Тогда считали кулаком того, кто батраков эксплуатирует. А теперь по имуществу — тягло, скот, зерно, постройки... Так можно не пятнадцать, а все тридцать насчитать.

Отец. Какой же я эксплуататор? Ведь у меня кто работает? Машка, да Дашка, да мужья их, да вон внуки-семилетки, тоже с утра в поле спину гнут. Мы же себя эксплуатируем, а никого другого... От зари.... До того, как луна на небе высветится...

Петр (жует). А пироги хорошие мать напекла. Отменные пироги... Только не будет тебе от меня защиты. Нет моего согласия на твое богатство. Ты у Алехи защиты ищи. Он те поможет. Особенно когда сам из партии загремит за крестьянский уклон.

Отец. Какой-такой уклон? Вы же ране сами о смычке вон как шумели. Мы привыкнуть не могли никак — что за смычка такая? Теперь привыкли, вы в обрат новое слово выдумываете.

Алексей. Они слово это против нас придумали. Вначале нас, а потом вас врагами объявят.

Петр. Что ты тут заливаешь? Чего запугиваешь деревню-то?

Отец. Деревню... давно ли ты городом стал? Однако вы мне вот что скажите — вы эту нэпу всерьез задумали

али так, со страху завели? Значит, пройдет перепуг, и вы снова к прямому изымательству возвернетесь?

Алексей. Вот здесь ты, батя, в самую точку угодил. Об этом и спор идет. Как с нэпом быть? Продолжать или свертывать? А если свертывать — куда идти: назад, к «военному коммунизму», или что-то еще в этом роде придумывать?

Петр. Не об этом спор, не об этом! Передергиваешь! Об индустриализме спор. Откуда средства взять? Какими темпами двигаться?

Алексей. Ну уж если быть совсем точным, то спор идет о политическом завещании Ленина.

Петр. Да не было никакого завещания. Все это выдумал Бухарчик твой.

Алексей. «Бухарчиком», кстати, его твой хозяин назвал. Как он тогда выразился? Крови требуете? Не дадим вам крови нашего Бухарчика!

Петр. Что ж, это только говорит о его объективности. А сейчас вы как с цепи сорвались! Политическое завещание! Политическое завещание! Из всего ленинизма хотите вытащить один кусочек и обратить его против партийной линии.

Отец. А что же, было завещаньице-то, Леха? Чего Ленин-то завещал?.. Интересно. Он наследником-то кого оставил? Али не успел?

Алексей. Ну какого наследника? Не в традициях партии это, батя!

Отец. Я не насчет там родни какой... А других товарищев — указал бы на кого, кто посильней.

Алексей. Указать-то он указал, да не кого назначить, а кого снять.

Отец. А кого же убрать-то велел?

Алексей. Сейчас я тебе зачитаю (достает из стола бумагу). «Сталин слишком груб... Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.».

Петр. Ну и что ты в этом усматриваешь? Партия на это прямо ответила: Сталин груб с врагами, с уклонистами! А ты насчет своего прочти — там поострее сказано.

Алексей. Что ж, прочту: «Бухарин не только ценней-

ший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)».

Петр. Ну что? Неясно? Сталина Ленин критиковал только за личные недостатки, а Бухарина — за отход от идеологии марксизма.

Алексей. А Сталин? Какая у него идеология? С Каменевым и Зиновьевым — против Троцкого. С Бухариным — против Каменева и Зиновьева, а с такими, как ты, против последнего члена ленинского Политбюро. Чего тут непонятного? Ленин предложил коллективное руководство. Какие споры были при нем и по каким вопросам! Один Брест чего стоит. А «военный коммунизм»? А тот же нэп? Только Ленин умел своим авторитетом удерживать дискуссии в партийных рамках и двигаться вперед и вперед.

Отец. А отчего же не сняли того-то? Раз Ильич советовал?

Петр. А кого поставить? Когда Ильич ушел от нас, все вожди стали примерять на себя ленинский кафтан. И никому он впору не пришелся. Тогда они и решили информировать только актив съезда, а письмо отложить до времени. Все решили, единодушно.

Отец. Чего же они так-то! У других не спросили.

Алексей. А после того всю историю человечества разделили на три периода: матриархат, патриархат и секретариат. Секретариат и подмял под себя Политбюро.

Петр. Ты эти троцкистские шуточки брось! Повторяешь, безмозглая голова! Это тебе тоже зачтется!

Алексей. Было, батя, семь членов Политбюро после смерти Ленина. Пятерых уже побили. Сейчас шестого добивают.

Петр. Вот они за этого-то и дерутся, зубами вцепились в его фалды, как псы, не оторвешь.

Алексей. А откуда драка пошла, Петруха, как ты это понимаешь?

Петр. Как? Да тут вопроса нет. Обострение классовой борьбы. И ее отражение в партии.

Алексей. Что же это она обострилась на другой день после смерти Ленина?

Петр. Вот смертью-то вождя враги и решили воспользоваться.

Алексей. Когда же они так быстро из соратников во враги попасть успели? Или Ленин их не разглядел?.. Хотя чего уж там, не в одних личностях сейчас дело... Главное — куда идти дальше. В двадцать втором году Ленин написал и продиктовал пять статей. Об этом мы и спорим с комиссией.

Петр. Ну и какие статьи вы к завещанию относите?

Алексей. Ты знаешь: «Странички из дневника», «О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше» и, наконец, «Письмо к съезду».

Петр. Письмо! Вокруг него вы и ходите, как коты вокруг горячей каши. К власти рветесь! Но письмо это сверхсекретное. И ты прекрасно об этом знаешь. За одно это тебя из партии исключать надо. Небось у всей банды такие документы имеются? А может, и за пределы института распространять стали?

Отец. Да ладно вам! Леш, ты объясни лучше, какую социализьму завещал Ленин? Как ты-то понимаешь?

Алексей. Кооперацию — раз. Культуру для всех, особливо для крестьянства,— два, развитие индустрии — три, демократию против бюрократизма — четыре. Коллективное руководство партией — это самое главное в его «Письме к съезду».

Отец. Ну а он, Петруха, а они, другие-то, чего хотят? За что бьются?

Алексей. Они? Сверхиндустриализация в городе. Принудительная коллективизация деревни. Культ единоличного руководителя в партии. Ничего этого у Ленина и в помине не было. «Революция сверху» — это они не у Ильича, это они у Салтыкова-Щедрина позаимствовали.

Петр. Какого Щедрина? Будет врать-то! Он главного не сказал, батя! Он нэп растянуть до скончания века хочет. А мы считаем, что отступление кончилось. Пора выкорчевывать капитализм.

Алексей. Батя, один такой — ты о нем не слышал, он в Госплане сидит, Преображенский его фамилия. Так вот, он свою теорию социалистического накопления создать пытался. Индустриализация, мол, при капитализме проходила за счет ограбления. Грабили либо колонии, либо крестьянство. У нас колоний нет. Что остается? Крестьянство.

Отец. Что же, так прямо и написал — христьян грабить?

Петр. Да врет твой Леха, батя! Не писал он так.

Алексей. Писал, писал. Потом, правда, поправился. Назвал это «ножницами цен». Значит, так: промышленные товары продавать как можно дороже, а у крестьян продукцию покупать как можно дешевле.

Отец. Ну, это мы понять можем. Раньше я за порты полпуда зерна отдавал, теперь — полтора. А за литру керосину — пуд. А ты попробуй пуд этот произведи.

Алексей. Такие, как Преображенский, все по «военному коммунизму» скучают.

Петр. Ну уж брось. Я-то совсем не по «военному коммунизму» тоскую. Леша, милый! Ты вспомни, вспомни Октябрь! Какой энтузиазм! Какая вера в будущее! А потом гражданская... Сколько испытаний! Сколько крови пролито! И все для чего? Чтобы нэпманы прогуливали сейчас в ресторанах свои золотые десятки? Чтобы торгаш стал выше коммуниста? Жил лучше, имел красивых баб и нас, партийцев, разными соблазнами заманивал? Мы же, Алеша, о мировой революции мечтали!

Алексей. Петруха, брательник ты мой старший! Разве я тебя не понимаю? Конечно, была вера, что мы только запал к пушке подносим. А она потом, эта пушка, как громыхнет! И не только Европу, а весь мир встряхнем. Но ведь не вышло это, Петя! Один на один мы остались со страной — отсталой, бедной, неграмотной. Все изменилось — круто изменилось. А психология? Психология сохранилась прежняя. Ты помнишь, как Ленин впервые сказал коммунистам — учитесь торговать? Ведь это как обухом по голове было! Это нам-то, которые каждого торгаша, каждого мешочника, не раздумывая, к стенке ставили! А Ильич настойчиво свою линию гнул. Учитесь не только торговать, но и управлять предприятием, работать по-новому.

А помнишь, на комсомольском съезде? Ждали, вождь нам сейчас скажет: ну, ребята, мобилизуйте свои силы, кровушки своей не жалейте и... А он сказал: «Учиться коммунизму». Да не из книг, не по учебникам, даже не по Марксу только. Учиться реальному делу коммунизма. Вышли тогда после съезда — на лицах недоумение: как же так? А уж когда грянул нэп, тут не только мы, безусые юнцы, а вон какие вожди дрогнули. Оппозиция за оппозицией. Платформа за платформой. Фракция за фракцией. И какие слова: предательство революции! Отступление от коммунизма! Перерождение!

Чего только не бросали в лицо вождю партии. А кто оказался прав? Ты оглядись сам-то, Петя, взвесь

спокойно. Забудь на минуту, что тебя прислали сюда как опричника на расправу.

Петр. Какого опричника? Я, если хочешь знать, сам в эту комиссию напросился. Потому что не согласен с вашей позицией. В принципе не согласен. Да и тебя жалко. Спасти хочу.

Алексей. Но ты посмотри вокруг. Какою страна была после гражданской? И какой она стала всего за несколько лет? Никто не ждал. Производство, что до революции было, мы превзошли. Так? Так. Крестьянин живет лучше, чем при старом режиме, при помещике. Так? Так. Да и в городе — рабочий день сократился до семи часов. Зарплата стала больше. Грамотность народа в два раза выше, чем до революции.

Петр. Ты все розовые картинки рисуешь. Нэп тебе все в светлых тонах представляется. А что безработных у нас более миллиона — это ты как считаешь? Большим завоеванием? Верно, попробовали взять коммунизм кавалерийской атакой. Не вышло, ушли на запасные позиции. Ну перестроились, переобучились — и снова в атаку. А то, неровен час, незаметно обратно в буржуйское общество скатимся.

Отец. Значит, отымать все будете? У христьянства-то?

Петр. Отнимать не отнимать, а объединять будем. Все общество переменим. Это неизбежно. Ты должен себе это ясно представлять со своими коровами, да лошадьми, да телками, сколько бы ты их ни накапливал — не для себя копишь. Раньше или позже придется отдать.

Отец. Кому отдать?

Петр. Колхозу.

Отец. Это еще чего, с чем это едят?

Алексей. Вот тут-то весь вопрос, батя. Они ленинский кооператив на колхозы променять хотят.

Петр. Колхоз — это и есть кооператив, чего врать-то?

Алексей. Нет, Петя. Ты перечитай «О кооперации» Ленина. Там и не упоминается о колхозе. Сбытовая, торговая, другие виды добровольной кооперации — в деревне и в городе. Колхоз же, как вы его задумали,— это, скорее, промышленное предприятие в деревне. Земля — государственная. Средства производства, скот навечно отдаются. Труд — только общий, коллективный, хотя работники разные.

Петр. Верно. А что ж тут плохого?

Алексей. Плохого? Ну не буду говорить о методах — вы в колхозы силой всех загнать собираетесь: войти мож-

но, выйти нельзя. Разве это кооператив, когда уйти из него невозможно? Но главное даже не в том. Главное — непроизводительно. Когда мануфактуры появились? Когда машины создали и ремесленный труд стал менее эффективный. А колхоз? С тем же тяглом, да без личного интереса, да с уравниловкой? Тут любому ясно — резкое падение производства произойдет.

Петр. А мы вначале объединим, а потом технику подкинем.

Отец. А объединять как будете? Леха верно говорит — меня силком туда потащите?

Алексей. Тебя, батя, не в колхоз — тебя в Сибирь, на освоение новых земель.

Отец. Врешь! Быть того не может! Я же за эту власть жизни не жалел!

Петр. Ты отца-то не пугай. Не пугай, Алеха! Никто его в Сибирь не погонит. Ну а ты что предлагаешь?

Алексей. Наш вывод простой. Нэп — это всерьез и надолго. Это путь к социализму. Это прививка от его бюрократизации.

Петр. А что с коммунизмом происходит, это тебя не волнует? Двадцать пять миллионов крестьянских дворов. А в городе ремесленники изготовляют почти треть всех промышленных товаров. И половину основных предметов обихода. А в торговле? Здесь же фактически командует частник. И это ты считаешь нормальным? Кто на кого наступает — капитализм на коммунизм или коммунизм на капитализм?

Алексей. Это как понимать!

Петр. Что — как понимать?

Алексей. Коммунизм, а вернее, социализм как понимать. Ты вот, Петруха, под социализмом что понимаешь? Государственный контроль? Ведь верно?

Петр. Точнее — государственную собственность. Какой тут разговор. Мы коммунисты, значит — враги частной собственности. Это еще в Комманифесте было сказано.

Алексей. Нет, тут не все так просто, как тебе кажется. Уже сейчас мы с тобой видим два типа организации государственного хозяйства: «военный коммунизм» и нэп. Кто и как этой собственностью распоряжается — вот в чем вопрос. Руководители командуют? Или вместе с рядовыми тружениками на общем интересе строят?

Петр. Что же мы, для себя, что ли, стараемся? Ведь для народа же.

Алексей. А ты у того народа спросил — чего он сам-то хочет? Ну к примеру, у крестьян?

Петр. Крестьянин, он и есть мелкий собственник. Землю, скот, плуг, другие орудия, хлеб, который собрал,— все туда же, в свою собственность обращает.

Алексей. И как быть?

Петр. Как? Ясно как. Раньше или позже придется крестьянину от этой собственности освобождаться. Иначе коммунизма никакого не будет.

Отец. Да какой же я те собственник?! Я рубля ни у кого не взял! Ну! Единственно, мне в награду за храбрость красный командир лошадь подарил. От нее и пошла вся собственность. И за что подарил-то? Веришь, Леха, по сию пору мучаюсь. Шальной же был, как тот же Петруха наш. Головы рубил! Мне и сейчас одна голова по ночам снится... Прапор, молоденький такой, безусый... русский мальчик...

Петр. Вот-вот! Контру жалеть стал. Потому тебя к кулакам прислонять стали. А они — кулачье — вон что делают: хлеб придерживают. Опять в городах с продуктами перебои. Как быть? Все время на милость богатеев деревенских надеяться?

Отец. Так ты разберись, мил дружок, отчего хлеб придерживать стали. Оттого, что цену сбавили. Вот же в чем корень-то! Мы тоже не двужильные. Надо семью кормить. На посев оставить. Кой-чего прикупить: одежонки, сбруи или, гляди, я бы себе лисапет купил — по хозяйству пригодится.

Алексей. Отец прав. Нужны нормальные экономические отношения. Начинаем прижимать деревню ценами — она отвечает бойкотом. А то и волнениями.

Петр. Вот — волнениями! Не можем мы у себя в тылу эту мелкую буржуазию держать! Сейчас снова встал вопрос, как в Октябре: кто кого? Нужна вторая революция. Иначе нас эта стихия в гроб загонит.

Алексей. Эту революцию, батя, они против вас затевают — против миллионов крестьянства!

Петр. Не мы затеваем, а они — кулачье это! В нынешнем году сколько волнений было в деревнях! Это что тебе такое? Это и есть вылазка классового врага.

Алексей. Ну начнете вы революцию, а что будет с экономикой, с живыми людьми? Поверили вы в силу власти, в государство. А разве эта вера от социализма идет? Государство землю не пашет, зерно не собирает. Скот не выращивает. Трактора не производит, штаны, рубахи

не шьет. Это же все люди делают... Ты мне скажи, можешь ты заставить кого-то силой работать качественно?

Петр. Не одной силой, энтузиазмом. Нужно мобилизовать всех, нужен скачок. Нужны жертвы. Пускай еще десять — пятнадцать лет, но мы приведем страну к светлому будущему. Не выжмем средств у крестьянства — не будет индустриализации. Тут все просто: либо — либо. Никакой альтернативы нет.

Отец. Да чего ты из нас выжмешь, дурья твоя башка? Народ как прослышит про твои планы — он первым делом свой скот резать учнет. Так что много ты на этом не наиграешь, Петруха! Не наиграешь.

Петр. Не учнет! А если учнет, мы такую баню устроим, что долго помнить будут! Пролетарская власть шутить с собой никому не позволит.

Алексей. Альтернатива есть. Ленин иначе на это смотрел. Чем он свои статьи «О кооперации», «Лучше меньше, да лучше» закончил? Он прямо сказал, что строй кооператоров в городе и в деревне это и есть строй социализма. И предлагал постепенное кооперирование. Постепенное собирание средств для того, чтобы пересесть с лошади крестьянской на промышленную лошадь.

Петр. После Ленина мы тоже кой-какой опыт накопили. Пятилетний план — вот наш метод. Две-три пятилетки — и станет у нас индустрия не хуже, чем у Германии или Франции.

Алексей. План? Что ж, это хорошо. План ГОЭЛРО — он еще при Ленине родился. Но какой план? Реальный или химера? Вы ведь какую идею вынашиваете? Нормальные показатели отброшены. Намечаете в течение пяти лет в три-четыре раза увеличить объем капиталовложений в промышленности, расширить производство средств производства более чем в три раза... Сверхиндустриализация. Что означает «сверх»? Сверх реальных возможностей? Сверх здравого смысла? Или сверх правды? Обмануть хотим. Вот в чем суть дела. Разве ты не помнишь? Дзержинский, придя к руководству ВСНХ, заявил, что отчетные цифры развития нашей экономики есть фантастика и квалифицированное вранье.

Петр. Сами врете вы все. Накручиваете!

Алексей. Накручиваем? Да вы прямо говорите о ликвидации частного сектора в деревне.

Петр. Что ж, мы этого не скрываем: будем брать дань с крестьянства. Ради индустриализации. Ради окончательной победы революции.

Отец. Какую еще дань? Чингисхан ты, что ли? К монгольским временам нас возвернуть хочешь?

Алексей. Это, батя, уже нашло свое определение: экспроприация крестьянства.

Петр. Вот за это вы тоже заплатите, словечки выискиваете, чтобы линию партии посильнее лягнуть.

Алексей. А как еще это назовешь? Вы сами эту терминологию в ход пустили. Все у вас фронты какие-то. «Заготовительный фронт», «зерноуборочный фронт», «плановый фронт», «литературный фронт». Кто-то додумался даже до такого выражения — «фронт яровизации».

Петр. Да как же иначе? Вторая революция — это и есть новый фронт борьбы, а колхозы, если хочешь,— передовая ее линия. Вы же все против колхозов. Признавайся — против?

Алексей. В принципе не против. Может, и созреет технология, которая потребует совместной работы крестьян. Но не враз и не каждую деревню — в колхоз. Скажем, животноводство, оно скорее фермерского труда просит, как, кстати, и овощеводство. Разведение кур — фабричного. А на полях, когда техника будет, может, коллективная работа даст больший эффект.

Петр. Крутишь! Все крутишь!

Алексей. Вы на страхе одном все построить хотите.

Петр. Как так — на страхе?

Алексей. Подумай сам: почему будут работать крестьяне на общих полях? Почему завод будет выполнять обязательства? Только по одной причине: не выполнил план — голову с плеч долой. Военно-бюрократический социализм строите.

Петр. А ты за какой?

Алексей. Я? За социализм для человека, народный.

Петр (пауза). В общем, так я тебе скажу, Алеха. Загремишь ты с такими идейками, себя закопаешь и нас угробишь. И за кем ты тянешься? Ты присмотрись, присмотрись, кто тебя в яму тащит? В институте полную анархию развели. Мы почитали протоколы, кто у вас только не выступает. Одни попутчики. Бабель, Пильняк, Мандельштам. Это что, по-твоему, дело? Это пролетарская культура?

Алексей. А ты как бы хотел?

Петр. Я бы на порог не пускал всех этих попутчиков и контру. Как они о революции пишут? «Накопытили»! Я бы этого сукина сына без разговоров к стенке поставил.

Алексей. Ну а культуру — тоже к стенке?

Петр. Что же, им на уступки идти? Смириться? Они и есть развратители народного сознания. Они до такого состояния умы доведут, что нам с тобой потом придется саблями эту кашу расхлебывать. Узлы разрубать. Раз есть пролетарская власть, то и литература у нас должна быть пролетарская. Кто не хочет служить пролетариату — вон!

Алексей. Работать с ними надо, работать! На нашу сторону всех перетянуть! Без них нам цивилизованным обществом, о котором Ленин писал, не стать.

Петр. А как Ленин либеральных интеллигентиков громил — этого ты не помнишь? О партии интеллигентов мечтаешь?

Алексей. Интеллигентов не интеллигентов, а таких, которые могут отличить Бабеля от Бебеля и Гегеля от Гоголя. А то развели болото и манипулируете им, как хотите.

Петр. Договорился! Вон куда тебя занесло! Но завтра, завтра не о том пойдет разговор. Кто за партийную линию — кто против. Вот какой вопрос стоять будет. И поставим мы его ребром. И ты, Алексей, должен сделать выбор. Если ты из этой банды не выйдешь, попадешь под гильотину. (Пауза.) Ну хочешь, Леха, я на колени встану перед тобой — брось ты их, не губи себя, хоть отца-то пожалей!..

Отец. Может... действительно... того... Ты бы, Леха, посчитался. Петр, он хоча горячка, а похитрее тебя будет. Видишь, куда дело-то идет. В начальство выбился. А ежели тебя заметут, и меня подведешь. Пров узнает, до него докатится. Да и Петра, всю семью загубишь.

Петр. Они тебя как заслонку держали, крестьянского сына. Сами-то что — плевали они на тебя.

Алексей (пауза). Нет, не могу. Не сделаю я этого. Не ждите от меня завтра покаяния. Не верю я во все это. (Кричит.) Не верую!

Петр. Пойми, Алеша, пойми напоследок, если мы не пойдем этим путем — путем трудных испытаний, империалисты сомнут нас. Война может разразиться в любой момент. Не будет у нас тяжелой промышленности — не будет и обороны. И тогда конец. Конец делу Ленина.

Алексей. И когда та война, по-твоему, будет?

Петр. Думаю, в ближайшие пять лет, не позже.

Алексей. А если не будет войны, что же, ты согласен — все жертвы, на которые вы хотите обречь партию,

народ, не нужны?.. Так вот что я тебе скажу. Вернемся-ка мы к этому разговору лет через десять. Если живы будем. Я так думаю, будет война — но не внешняя, а внутренняя.

Петр. Ну а если будет война с империалистами — через пять, десять, пятнадцать лет, если нападут на нас — что ты тогда скажешь?

Алексей. Тогда, что говорить, все там будем. И ты. И я. И батя наш там будет.

Петр. А пока — пока горько, братуха, но придется всех вас и тебя, дурака, из партии гнать. Другого выхода нет. Не сметем вас — не будет колхозов, не будет индустрии, власти нашей не будет.

* * *

В небольшом фрагменте я постарался дать слово людям, искренне боровшимся за социализм, но по-разному видевшим пути его развития. Известно, что индустриализация страны позволила одержать победу в Великой Отечественной войне и открыла дорогу для дальнейшего прогресса. В то же время все больше выявлялась неэффективность командно-административных методов социалистического строительства. Ныне, когда партия и народ осуществляют коренную перестройку и обновление нашего общества, когда развернулись острые дискуссии, важно вспомнить уроки истории, те доводы и аргументы, которые уже высказывались в момент, когда только начинали складываться представления о реальном социализме. И еще раз оценить подлинную политическую волю Ильича.

Глава XII

ЛЕНИН И РЕФОРМЫ

Сейчас, когда партия выдвинула новые задачи ускорения социально-экономического развития страны, чрезвычайно важно еще и еще раз соизмерить свои планы с заветами Ленина, снова вдуматься в его идеи, мысли, рекомендации о путях развития социализма, о наших идеалах. Особую ценность представляют последние ленинские работы, написанные в пору начала социалистического строительства. Речь идет прежде всего о таких работах, как «Доклад о замене разверстки натуральным

налогом», «О продовольственном налоге», «О значении золота теперь и после полной победы социализма», «О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше». В этих работах мы находим ответы на многие принципиальные вопросы, которые волнуют нас сегодня.

Конечно, никто не думает механически сопоставлять день нынешний и день минувший — 80-е и 20-е годы. Ныне страна достигла такой ступени экономического, социального и культурного развития, о которой раньше могли только мечтать. Но в одном сравнение возможно и необходимо. И тогда, и сейчас страна находилась и находится на крутом переломе. Тогда — от «военного коммунизма» к нэпу. Сейчас — от экстенсивного развития к интенсивному, основанному на новейших достижениях науки, техники, технологии.

Вопрос первый: об искусстве политического поворота

Политика — это наука и искусство, любил повторять Ленин. Интеллектуальное превосходство Ленина-теоретика помножилось на твердую, действительно железную волю, на политическую смелость. Именно этот сплав дал то изумительное свойство, которым восхищались современники,— великое искусство поворота в политике.

Политическая деятельность Ленина полна примерами такого рода. После Февральской революции, когда многие в руководстве партии рассчитывали на длительное сотрудничество левых сил в Советах и даже призывали к поддержке Временного правительства, Владимир Ильич в Апрельских тезисах решительно повернул в сторону подготовки пролетарской революции: в июле — сентябре 1917 года, когда немало людей в партии думало лишь о том, как спасти ее от разгрома, Ленин выдвинул лозунг захвата власти. А Брестский мир, новая экономическая политика в 20-е годы...

Представим себе обстановку тех лет. Только что закончилась гражданская война; экономика в состоянии упадка; нищета приобрела размеры поистине неслыханные; деморализация захватила самые широкие мелкобуржуазные слои и даже затронула в какой-то степени пролетариат. Жесткое регламентирование хозяйственной практики, характерное для «военного коммунизма», приходило во все большее противоречие с насущными зада-

чами восстановления и развития народного хозяйства, с жизненными интересами трудящейся массы. Остро встал вопрос: каким путем идти дальше?

Лучшие умы в партии во главе с Лениным почувствовали бесперспективность и гибельность продвижения по прежнему пути. Новый подход к экономической политике Владимир Ильич начал с вопроса простого, очевидного для самой широкой массы — о продовольственном налоге. Замена им продразверстки, переход к экономическому обороту между городом и деревней, бесспорно, помогли социалистическому строительству. Ленин показал, что навести порядок в хозяйственной жизни можно не помимо, а на основе экономической реформы, не вводя принудительность труда, а опираясь на материальную заинтересованность, высокую ответственность и сознательную дисциплину людей, не игнорируя массу, а развязывая ее самодеятельность.

Ленинское искусство политического поворота предполагает прежде всего умение смело взглянуть в лицо реальным фактам жизни, реалистически оценить ситуацию. Затем решительный отказ от не оправдавших себя методов и выработка ясной концепции конструктивных преобразований. И наконец, умение опереться на подлинных энтузиастов проводимого курса.

Вопрос второй: о характере реформ при социализме

Ленину потребовалось преодолеть имевшиеся тогда сильные предубеждения против продналога и других реформ. Само сочетание слов «социализм и реформа» звучало в то время как нонсенс, как нечто противоречащее самим основам научного коммунизма.

Ленин писал: «У нас уживались рядом теоретическая смелость в общих построениях и поразительная робость по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформе». В ленинское время вопрос о самой допустимости реформы при социализме считался остродискуссионным. Революционер — это понятно. Но сторонник реформ?! Разве не является священным долгом каждого коммуниста бороться с реформизмом?

Ленин специально разобрал вопрос о роли реформ при социализме в статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма». Все дело в том, что оппоненты Ленина путали два разных понятия — рефор-

мист и реформатор. Реформист — противник социалистической революции, будь то социал-демократ или ревизионист, выступающий против революционного захвата власти рабочим классом. А реформатор — преобразователь общества, действующий в то время, когда революция уже победила и когда именно экономические и социальные реформы продвигают революцию все глубже и дальше.

До победы пролетариата реформа — побочный продукт революционной классовой борьбы, поясняет Ленин. «После победы пролетариата хотя бы в одной стране является нечто новое в отношении реформ к революции. Принципиально дело остается тем же, но по форме является изменение, которого Маркс лично предвидеть не мог, но которое осознать можно только на почве философии и политики марксизма».

Можно назвать не менее двух десятков крупных социальных реформ, осуществленных с той поры,— начиная с национализации промышленности, продналога, кооперирования деревни и кончая последней, школьной. В странах социализма в последние годы также проводятся социальные преобразования. Но до сих пор многие ученые и практики испытывают большие опасения по поводу самой возможности реформ, хотя они имеют целью повышение производительности труда.

Этот критерий применим в любой сфере. Идет ли речь о мини-компьютерах или о хлебе насущном, о произведениях кинематографии или телевидения — всюду универсальной точкой отсчета являются производительность труда и качество продукции, ускорение развития.

Следует отметить по крайней мере два типа проводимых сейчас в странах социализма преобразований. Первый — преобразование механизма управления, второй — преобразование структуры производственных отношений. Очевидно, этот второй вариант — самый важный, но и самый трудный. Речь идет о том, чтобы поставить в новые условия труда и его стимулирования самих производителей материальных и духовных ценностей — рабочих, крестьян, интеллигенцию. Именно это решает дело, помогает ускорению нашего развития.

Принципиальные особенности проводимых сейчас у нас и в других странах социализма структурных преобразований определяются тем, что они происходят в условиях, когда общественная собственность победила в

городе и деревне, то есть на коллективистской основе. А вызываются они к жизни бурным развитием научно-технической революции, они прямой ее продукт, они ставят своей целью предусмотреть, запланировать и своевременно осуществить социальные сдвиги, являющиеся неизбежным следствием НТР.

И руководитель, способный осуществить такие преобразования — в масштабах отрасли, области, района, колхоза, предприятия,— именно такой руководитель на деле, а не на словах помогает идущей сейчас перестройке.

Вопрос третий: о творческом использовании политики продналога

Самое удивительное — это как быстро продналог и другие меры дали результат. Мне запомнился на всю жизнь рассказ моего отца. Участник гражданской войны, он был направлен с отрядом изымать хлеб у крестьян по продразверстке. И чудом спасся от банды. А всего через год после введения продналога отца, заболевшего к тому времени туберкулезом, направили на поправку в ту же деревню. Он был потрясен переменами — обилием молока, яиц, хлеба и даже мяса.

Собственно, тогда все были потрясены быстрым экономическим эффектом. С помощью смелой реформы за несколько лет удалось наладить нормальное снабжение продовольствием в голодной и разоренной стране. Кстати говоря, уже в то время сами крестьяне, не принуждаемые никем, стали налаживать выгодные для них товарищеские кооперативные связи. Ленин оценил это новое явление и предсказал ему великое будущее.

Читатель помнит, конечно, что свою знаменитую статью «О кооперации» Владимир Ильич начинает с указания на то, какое она, кооперация, получает у нас совершенно исключительное значение. Почему? Потому что раз государственная власть находится в руках рабочего человека и ей принадлежат все средства производства, то задачей остается только кооперирование населения.

Это касалось в первую очередь крестьянства, для которого кооперация представляет собой, возможно, более простой, легкий и доступный путь перехода к новым порядкам. Политика продналога означала, во-первых, отказ от администрирования и неэквивалентного обмена, во-вторых, осуществление перехода к экономическим,

коммерческим, торговым отношениям между городом и деревней, чего так настоятельно добивался Ленин; в-третьих, предоставление хозяйственной самостоятельности крестьянам, развитие социалистического самоуправления.

Пора отказаться от бытующих предубеждений по поводу семейного подряда, широко используемого в некоторых странах социализма. Семейный подряд в условиях обобществления земли и основных средств производства не менее законная форма социализма, чем привычный кооператив (кстати говоря, семейный подряд обычно применяется в рамках кооператива).

Вопрос четвертый: о городских кооперативах

Думается, мы недооценивали мысль Ленина о том, что кооперативная форма может и должна быть использована не только в деревне, но и в городе. «Собственно говоря,— пишет Ленин,— нам осталось *«только»* одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. *«Только»* это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму». Он подчеркивал, что «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма».

Вдумаемся еще раз в эти строки. Что значит — «поголовно»? А то и значит — по-настоящему развернуть кооперативное движение в городах. Это форма самодеятельного, самоуправляемого объединения больших и малых групп трудящихся (разумеется, под контролем государства) для достижения общих целей: производственных, потребительских, культурных, спортивных, профессиональных, местных, демографических, семейных.

Не слишком ли рано мы пришли к выводу о том, что дело кооперирования завершено? Быть может, именно на этом пути нам удалось бы решить и проблемы нашего сервиса — в торговле, сфере бытовых услуг, обслуживании автомашин и другой техники, находящейся в распоряжении семьи?.. В ряде стран социализма уже сегодня это делается, кстати, более широко и успешно, чем у нас.

У нас уже начато внедрение кооперативных форм в сфере бытового обслуживания, в строительстве. Все более широкое применение получают коллективные формы организации и стимулирования труда, хозяйственный подряд.

Опыт многих стран социализма показывает, что достаточно буквально нескольких лет, чтобы наладить хорошую систему обслуживания населения, используя все разнообразие не только государственных, но и кооперативных форм, а также семейного и индивидуального подряда. Разумеется, следует учесть при этом не только позитивный опыт других стран социализма, но и те трудности и проблемы, которые там возникают.

Против широкого развития кооперативного движения высказывалось несколько возражений. Главное из них, так сказать, доктринерского свойства. Кооператив — это, мол, шаг назад в сравнении с государственными магазинами, столовыми, мастерскими. А кто это доказал? В каких книгах это вычитано? Во всяком случае, не у Маркса, не у Ленина. Да и как можно говорить о «шаге назад», если при этом лучше решается задача обеспечения хорошим питанием, одеждой и услугами трудящихся? Ленин пошел на это в условиях, когда Советская власть еще по-настоящему не окрепла. Чем же такой поворот может грозить сейчас?

Но имеются и некоторые деловые возражения, и они заслуживают большего внимания. Первое: возможность нетрудовой наживы и — как следствие — рост социальной дифференциации. Однако опыт, к сожалению, уже достаточно убедительно показал, что от этого не спасает и государственная форма. Общеизвестно, какое распространение получили нетрудовые доходы, преступное присвоение в государственной сфере обслуживания. Кооператив имеет определенные достоинства: каждый его участник заинтересован в сохранении и приумножении общего достояния.

Второе возражение: опасность перелива рабочей силы из производственной сферы в область сервиса, где доход может быть выше. Это проблема реальная, но разрешимая. Мы могли бы, например, шире использовать здесь тех пенсионеров, которые жаждут какого-то применения своего труда. Конечно, существует проблема финансового контроля за кооперативами. Но естественным регулятором мог бы стать прогрессивный налог (он существует в других странах социализма).

Конечно, все эти вопросы требуют серьезной проработки, с тем чтобы найти правильные пути их решения.

В наше время идея кооперирования тесно переплетается с новыми формами организации труда в условиях современного технологического переворота. Например, с работой на дому по сборке часов, магнитофонов, а в перспективе — работа с мини-компьютерами. Футурологи предсказывают, что через 20—30 лет в индустриально развитых странах такой домашний труд, регулируемый из общего центра, может занять около 20 процентов в общем балансе трудовых затрат.

Вопрос пятый: о последовательном хозрасчете

Куда более сложна — и в теории, и на практике — проблема структурных преобразований в промышленности. Как отмечалось на XXVII съезде партии, это предполагает одновременное развитие двух взаимосвязанных начал: повышение действенности централизованного руководства в реализации основных целей экономической стратегии партии и решительное расширение самостоятельности объединений и предприятий, усиление их ответственности за наивысшие конечные результаты.

Очевидно, что реформу управления промышленностью еще предстоит разрабатывать и совершенствовать, опираясь на проводимые у нас эксперименты, учитывая опыт стран социализма, а также изучая прогрессивные методы управления в странах Запада. Но одно ясно уже сейчас: нужно полностью использовать принцип, четко сформулированный Лениным,— хозрасчет. Государство, будучи собственником заводов и фабрик, предоставляет коллективам предприятий право хозяйственного управления и использования этой собственности под своим экономическим (а в нужных пределах — и административным) контролем.

Перечитывая высказывания Ленина о преобразовании промышленной системы на принципах хозрасчета, легко увидеть, что хозяйственная практика далеко не всегда была адекватна тем моделям, которые он рекомендовал (не будем разбирать, в силу каких обстоятельств это происходило — объективных или субъективных).

Разумеется, хозяйственный расчет в условиях социализма имеет свои лимиты, потому что все предприятия были и остаются государственной собственностью. Но

если они целиком или в основном «сидят» на бюджете, если всей их продукцией распоряжаются не они сами, а какие-то другие организации, если все материальные затраты определяются сверху, то что остается от хозрасчета в ленинском понимании? В чем тогда заключается заинтересованность коллектива и каждого работника в повышении производительности труда и его результатах? Здесь большое поле для размышлений и экспериментов. И не случайно так многообразен опыт, накопленный у нас и в других странах социализма.

Ленин определил то, что должно быть отнесено к сфере самих хозрасчетных предприятий. Говоря о необходимости «сосредоточения всей полноты власти в руках заводоуправлений», Ленин отмечал: «Эти управления, составленные по общему правилу на началах единоличия, должны самостоятельно ведать и установлением размеров зарплаты и распределением дензнаков, пайков, прозодежды и всяческого иного снабжения, при максимальной свободе маневрирования, при строжайшей проверке фактических успехов в повышении производства и безубыточности, прибыльности его, при серьезнейшем отборе наиболее выдающихся и умелых администраторов и т. д.».

Именно предприятие стоит в центре всей перестройки хозяйственного механизма нашей страны. Вся эта перестройка имеет своей конечной целью создание условий для эффективной работы трудового коллектива. Это требует обеспечения рентабельности и самоокупаемости всех предприятий, широкого применения экономических стимулов, правильного использования инструментария товарно-денежных отношений, поощрения социалистической предприимчивости, установления прямых связей между производителями и потребителями.

Самая острая проблема в работе наших промышленных предприятий заключается даже не в том, что они не производят многих товаров хорошего качества. Это следствие, а причина состоит в другом — в том, что наши предприятия не только не хватаются за технические новинки, за новую технологию, а, напротив, нередко всеми средствами отталкивают их от себя. А раз так — они не могут поспевать за ростом и изменением потребностей населения. Но почему им невыгодно применять новинки, проводить реконструкцию? Почему их надо силой, административным нажимом принуждать к этому? Многие предлагают заложить модернизацию в план,

и, конечно, это частично решит проблему. Но ни один план не может предусмотреть наперед весь технический прогресс, все возможные открытия.

Что же нужно? Ответ на этот вопрос был опять-таки дан, как мы знаем, еще Лениным. Не мнимый хозрасчет, опутанный административной паутиной, а подлинный, полный, со всеми вытекающими отсюда выгодами и убытками для каждого предприятия и работника. И задача состоит не просто в том, чтобы вернуться к хозрасчету, сложившемуся в начале 20-х годов, а расширить и развить его с учетом гигантских масштабов народного хозяйства, разумеется, при укреплении общего планового руководства и контроля со стороны государства. Конечно, уровень хозрасчета не может быть одним и тем же на крупных и малых предприятиях, в отраслях тяжелой, легкой, местной, кооперативной промышленности.

Опытом хозяйствования по-новому располагают уже многие наши предприятия и объединения. Но последнее слово тут еще не сказано. Наиболее эффективные формы хозрасчета, отвечающие требованиям НТР, еще предстоит найти и опробовать.

Вопрос шестой: о плане и товарно-денежных отношениях

Пожалуй, самое удивительное творение 20-х годов — это финансовая реформа. Люди пожилые наверняка помнят песенку первых послереволюционных лет: «Забегаю я в буфет, ни копейки денег нет, разменяйте десять миллионов!» В условиях чудовищной девальвации, которую едва ли знала другая страна мира, было проведено преобразование, в кратчайший срок стабилизировавшее рубль и даже обеспечившее его обмен на другие валюты.

Как же удалось создать обменный золотой рубль в условиях доведенного до полного разорения хозяйства? Тайна? Но ее пора разгадать, чтобы научиться преодолевать кажущиеся непреодолимыми препятствия, а быть может, и не столько реальные препоны, сколько сложившиеся предрассудки.

Совершенно неоправданны предубеждения относительно товарно-денежных отношений, их недооценка в практике планового руководства экономикой. Что греха таить, многие ученые — философы и экономисты — до сих пор полагают, будто такие понятия, как деньги, то-

вар, рынок, прибыль, кредит, являются пережитком капитализма. Будто качественная характеристика социализма — только план.

Да, план — главный рычаг социалистической экономики. Это аксиома. Но в каком взаимодействии он находится с товарно-денежными отношениями? Они просто дополняют друг друга? Нет, они немыслимы друг без друга в условиях социализма. Ибо план является действительно экономическим, а не административным актом только тогда, когда базируется на товарно-денежных отношениях, позволяющих считать доходы и расходы, эффективность и убыточность, производить эквивалентный обмен и устанавливать цены на основе издержек производства, а не по произволу.

Деньги — измеритель стоимости и затрат производства. Никто не придумал иного заменителя. Во времена «военного коммунизма» мы были вынуждены перейти к прямому распределению продуктов и товаров. Расплатой за это «забегание назад» — к дотоварному хозяйству — был хаос в экономических отношениях. Это прекрасно понимал и постоянно подчеркивал Ленин. И тем не менее предрассудки по поводу социалистического рынка и товарно-денежных отношений не преодолены до сих пор. Иначе откуда пошло в свое время странное разделение на «товарников» и «антитоварников» среди наших ученых? Странное потому, что ни один «товарник» и не думает отрицать значения плана в условиях социализма, как, впрочем, ни один «антитоварник» не отрицает роли товарно-денежных отношений. Спор идет о мере сочетания плана и рынка — двух начал, реально присущих нашей экономике.

Есть здесь и острые проблемы, идущие от практики. Главная из них касается нарушений органической связи между деньгами и товаром. Сложилось положение, когда деньги у многих предприятий и колхозов, а также у населения есть, а товара не хватает. В чем же дело? Ведь по здравому смыслу, раз имеются деньги, вы можете вложить их в производство интересующего вас товара или услуг. Однако так происходит далеко не всегда.

Как восстановить нормальное взаимодействие денег и товара — вот важнейшая задача развития нашей финансовой системы. Для ее решения нужны продуманные меры по оздоровлению всего механизма товарно-денежных отношений. Изучение ленинской финансовой реформы может крепко помочь делу.

Вопрос седьмой: об использовании противоречий при социализме

Как будто предвидя споры и дискуссии нашего времени о противоречиях при социализме, Ленин дал четкую и неоспоримую формулу: «Антагонизм и противоречия совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме». Тем не менее у многих практиков сложилось, скажем прямо, весьма наивное убеждение, будто при социализме все противоречия вредны и их надо «ликвидировать». Но это все равно что (прошу прощения за примитивное сравнение) попытаться «ликвидировать» биологические различия между мужчиной и женщиной; и там, и здесь это означало бы прекращение воспроизводства... Как могут вообще исчезнуть противоречия, если они выступают в качестве локомотива общественного прогресса?

Главная проблема — это нахождение меры сочетания и взаимодействия противоречивых начал в соответствии с новыми потребностями развития. И политическое искусство состоит в определении этой меры.

Возьмем пример из области управления. Любой коллектив, даже самый малый, неизбежно включает в себя людей с различными взглядами по тем или иным проблемам. Как быть? Один метод — административный, авторитарный — состоит в том, чтобы «отсечь» те взгляды (а быть может, и их носителей), которые не совпадают с мнением руководителя коллектива или коллегии. Другой метод — разумный, демократический — состоит в интеграции разных мнений и выработке на их основе наиболее эффективного решения. Это «сложнее», но только такой подход оправдывает себя на практике. Мы все должны привыкнуть жить и работать в динамичном, противоречивом, соревновательном обществе, где выигрывают активность, преданность общему делу, честная предприимчивость, новаторство, талант. Вся система выдвижения и поощрения людей (зарплатой, премиями, должностями, наградами) должна стимулировать именно такие качества работников. Быть может, именно это составляет самую трудную проблему перестройки нашего сознания, именно на этих путях мы сумеем преодолеть появившиеся в нем элементы усталости, равнодушия, застоя.

Думается, дискуссия о противоречиях, которая не столь давно сотрясала стены нашего философского до-

ма, двигалась не совсем в нужном направлении. Спорили о том: есть ли антагонизмы при социализме, хотя еще Ленин внес ясность в этот вопрос. Спорили о «главном» и «неглавном» противоречии, хотя еще Маркс и Энгельс открыли закон, характеризующий динамику производительных сил и производственных отношений.

Действительную — теоретическую и сугубо деловую — проблему составляет совсем другое: как использовать реально существующие противоречия социализма в качестве источника ускорения его развития. Именно эту проблему решают экономические и иные реформы. С диалектической точки зрения обоснованные реформы являются закономерным ответом на реальные запросы нынешнего этапа научно-технической революции. Это естественный процесс постоянного обновления каналов, по которым циркулирует кровь в народном хозяйстве, а не результат какого-то «кризиса социализма» или его «стагнации», как утверждают наши противники. Можно говорить только о своевременности или запаздывании этих реформ, но сами они — необходимый элемент всего процесса развития общества.

Речь идет о более успешном сочетании таких во многом противоречивых начал социализма, как план и товарно-денежные отношения, мера труда и мера потребления, социальная справедливость и эффективность, принципы социального равенства и дифференциация в оплате труда, профессионализм и самоуправление в руководстве предприятиями, колхозами, совхозами.

Особо хотелось бы подчеркнуть значение механизма подлинного экономического соревнования. Ленин писал о соревновании с экономикой капиталистических стран, между предприятиями внутри нашей страны, между государственными и кооперативными хозяйствами.

Как показал опыт, государственное управление той или иной сферой деятельности — равно в производстве материальных или духовных ценностей — должно дополняться механизмом подлинного экономического и морального соревнования отдельных предприятий, кооперативов, научных центров, кинообъединений, телестудий, издательств, газет, журналов. Без свежего ветра честной борьбы и состязательности, которые не мешают, а помогают сотрудничеству и взаимопомощи, любая сфера деятельности может превратиться в нечто подобное неподвижному лесному (а то и болотному) озеру.

Следует, по-видимому, так поставить дело, чтобы каждое предприятие соизмеряло свою продукцию и с лучшими мировыми стандартами. Чем активнее мы будем конкурировать с зарубежными товарами на международном и внутреннем рынке, тем успешнее будут продвигаться вперед модернизация производства и технологический прогресс.

Основная цель социализма — благосостояние и культура трудящегося человека. Достижение этой цели зависит в конечном счете от его собственных усилий, его способности к производительному труду, использованию достижений научно-технического прогресса. И развитию именно этих качеств человека, именно человеческому фактору служит нынешняя стратегия крутого перелома, выверенная на оселке ленинских идей и гигантского практического опыта.

Вопрос восьмой: социализм и демократия

Особое значение имеет ленинское понимание соотношения социализма и демократии, обоснованное и изложенное в его классическом труде «Государство и революция» и в некоторых других.

Конечно, ленинские мысли о государстве надо рассматривать в развитии. В работе «Государство и революция» получили дальнейшее развитие взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса, основанные на анализе опыта Парижской коммуны. Написанная непосредственно перед Великой Октябрьской социалистической революцией, эта работа содержала анализ опыта русских революций 1905—1907 годов и Февральской 1917 года, а также уроков идейной борьбы с оппортунистами и анархистами. В то же время нельзя не видеть, что идеи о взаимозависимости социализма и демократии, высказанные в «Государстве и революции», были в дальнейшем им развиты и во многих отношениях видоизменены на основе опыта Советской власти. Главный смысл ленинского учения о государстве заключается в том, что после завоевания власти пролетариатом государство выполняет не столько карательные, сколько созидательные функции.

Коммунистам пришлось, в сущности, впервые конкретно разрабатывать принципы управления новым обществом. Как шутил Ленин при обсуждении вопроса о госкапитализме, «Маркс не догадался написать

ни одного слова по этому поводу и умер, не оставив ни одной точной цитаты и неопровержимых указаний».

Укоренилось представление, будто Ленин в отличие от Маркса, выступавшего за отмирание государства, был теоретиком «государственного социализма». Это представление неправомерно. Именно Маркс в «Критике Готской программы» обосновал необходимость сохранения государства на первом этапе коммунизма. Критикуя Лассаля, который пытался вывести представление о пролетарском государстве из абстрактных пожеланий, Ленин следовал Марксу. В то же время при анализе этой проблемы он ставил во главу угла изменение экономических основ, классовой структуры и социальных отношений в обществе. После перехода орудий и средств производства в общественную собственность, подчеркивал он, еще сохраняется необходимость государства, которое, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло бы и равенство труда, и равенство дележа продукта. Между тем, указывал Ленин, развитие капитализма «создает предпосылки» для того, чтобы действительно «все» могли участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежат поголовная грамотность, «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банковского дела и т. д. и т. п. А при социализме все научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством.

В то же время Ленин ясно видел, что на пути осуществления этих принципов имеется масса препятствий. Одно из наиболее серьезных среди них — отсутствие должной политической культуры, низкий культурный и образовательный уровень общества. Из-за этого Советы, призванные быть органами управления через трудящихся, на самом деле стали органами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы.

Эти недостатки после кончины Ленина создали почву для роста тенденции бюрократизации, коррупции, чиновного чванства.

Отход от ленинской концепции социализма связан с именем Сталина. В работе «Об основах ленинизма», в других своих работах и выступлениях Сталин, воспроизводя некоторые правильные положения Ленина, в то же время глубоко исказил его важнейшие идеи и заветы.

В сущности, он отверг ленинское завещание, игнорировал новаторские мысли Ленина о путях развития страны. В работе «Об основах ленинизма» упор был сделан на принуждении как важнейшем средстве социалистических преобразований. Это нашло выражение в характеристике задач революции и диктатуры пролетариата. Советское государство рассматривалось не как выразитель воли народа, а в первую очередь как орган насилия.

Пытаясь обосновать принудительные методы обобществления в деревне, Сталин предал забвению ленинские идеи о добровольном кооперировании, о сохранении союза рабочего класса с крестьянством как фундаменте нового общества. В 30-х годах им был выдвинут крайне вредный тезис, согласно которому по мере успехов социалистического строительства сопротивление классовых врагов будет возрастать, а классовая борьба — обостряться. Этот тезис был пущен в ход как раз тогда, когда в стране практически уже не существовало эксплуататорских классов, и был использован для обоснования массовых репрессий и произвола.

На XVIII съезде партии Сталин выдвинул неверную установку на непосредственный переход к коммунизму сразу после построения основ социализма. Эта установка привела на практике к бюрократическим деформациям социализма, к разрушению нормального функционирования планово-товарного механизма хозяйствования, к попыткам огосударствления колхозов. На том же съезде было дано одностороннее толкование функций государства. Они сводились к хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной деятельности — без обратной связи, основанной на самоуправлении народа, его активном участии в решении общественных дел.

В работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин вновь вернулся к своей схеме «скачка» в коммунизм. В качестве непосредственных задач он выдвигал переход к прямому продуктообмену, постепенную отмену оплаты за товары и услуги, ограничение, а затем и ликвидацию товарно-денежных отношений. Его идея о том, что в условиях социализма закон стоимости действует в преобразованном виде, послужила теоретическим обоснованием искажения системы ценообразования, хозяйственного произвола, нарушения пропорций в развитии экономики.

Сталину было присуще подозрительное отношение к культуре и интеллигенции. От него исходили многие

решения, направленные на организацию очередных кампаний по «проработке» деятелей литературы, искусства, кино. Принципы гуманизма, стремление к преодолению отчуждения, к состязательности в культуре рассматривались им как «отрыжка» буржуазной идеологии.

Созданная Сталиным идеология культа личности, его казарменно-утопические идеи «скачка» в коммунизм стали тормозом для развития СССР, отрицательно сказались на строительстве социализма в странах Восточной Европы и в Китае, подрывали веру в социализм в странах капитала.

Культ личности чужд природе социализма, представляет собой отступление от его основополагающих принципов и не имеет ни исторических, ни моральных оправданий, ибо отрицание демократии есть отрицание самого социализма. Методы тотального контроля за обществом и каждым человеком, формирование «государственного социализма» противоречат коренным интересам рабочего класса и всего народа. Они нанесли огромный ущерб социализму, но не остановили его поступательного движения. В докладе, посвященном 70-летию Великого Октября, М. С. Горбачев подчеркнул: «Ни грубейшие ошибки, ни допущенные отступления от принципов социализма не могли свернуть наш народ, нашу страну с того пути, на который она встала, сделав свой выбор в 1917 году. Слишком велик был импульс Октября! Слишком сильны были идеи социализма, овладевшие массами!»

Мощный удар по идеологии и практике культа личности нанес XX съезд КПСС (1956 г.). Было положено начало новому курсу, основанному на восстановлении ленинских норм и принципов, была заново пробита брешь в современный мир.

Глава XIII

ХРУЩЕВ

Штрихи к политическому портрету

Хрущев и его время. Один из бесспорно важных и, быть может, самых непростых периодов нашей истории. Важных — потому что непосредственно перекликается с идущей сейчас в стране перестройкой, с нынешним процессом демократизации. Непростых — потому что каса-

ется десятилетия, которое поначалу называлось «славным», а потом было осуждено как период волюнтаризма и субъективизма. В то время состоялись XX и XXII съезды партии, отразившие острые политические борения и определившие новый курс страны. При Н. С. Хрущеве сделаны первые шаги к возрождению ленинских принципов и очищению идеалов социализма. Тогда же начался переход от «холодной войны» к мирному сосуществованию и заново пробито окно в современный мир. На том крутом изломе истории общество вдохнуло полной грудью воздух обновления и захлебнулось... то ли от избытка, то ли от нехватки кислорода.

Долго, очень долго об этих бурных годах не принято было говорить. Как будто чья-то рука начисто вырвала целую главу из нашей летописи. Почти двадцать лет лежало табу на имени Хрущева. Но жизнь берет свое. В докладе о 70-летии Октября, с которым выступил М. С. Горбачев, мы услышали давно ожидаемое слово о том времени — что было тогда сделано, недоделано или сделано не так. О том, что дожило до 80-х годов и что было размыто, утрачено в период застоя.

Так в чем же сложность и противоречивость личности, с которой мы связываем один из переломных моментов новейшей истории?.. Не ставя задачу ответить на все накопившиеся вопросы, хочу лишь поделиться личными воспоминаниями и некоторыми суждениями, навеянными сравнением дня нынешнего и дня минувшего [1].

Кто кого находит — история личность или личность историю? Я много размышлял и писал о таких несхожих и противоположных политических фигурах XX века, как Ленин и Сталин, Мао Цзэдун и Дэн Сяопин... Писал и о Гитлере, и о Муссолини. Писал и о Джоне Кеннеди. Но до сих пор не могу с полной ясностью ответить самому себе на этот вопрос.

Помните у Булгакова: можно ли говорить о свободе человеческой воли, если мы не в состоянии иметь план хотя бы на какую-нибудь тысячу лет? И другое: кирпич на голову человека случайно не падает — все предопределено. Нам тоже в юности внушали веру в предопределение, правда оно называлось научно — закономерность. Быть может, это шло от Гегеля: все действительное разумно. Это значит, что было, то и должно было быть.

---

[1] Автор книги в 60-х годах работал в центральном аппарате партии, неоднократно сопровождал Н. С. Хрущева в его поездках за рубеж.

И только с возрастом и опытом мы стали понимать многовариантность истории. В ней заложены разные возможности, в игре участвуют разные фигуры. Пешка добегает до последней линии и превращается в ферзя. Или ферзь попадает в ловушку и становится жертвой пешки... Я не вхожу здесь в обсуждение проблемы «народ и личность». В конечном счете именно идущие от народа социальные и нравственные импульсы определяют лицо эпохи. Но в конкретный период огромный отпечаток на нее накладывает и крупная историческая личность. Как бы там ни было, очевидно одно: политический деятель, особенно руководитель страны, не только выступает как орудие истории, но и самым непосредственным образом влияет на события и судьбы.

Как могло случиться, что после Сталина к руководству страной пришел именно Хрущев? Вроде бы Сталин сделал все, чтобы «очистить» партию от любых своих противников — подлинных и мнимых, «правых» и «левых». В 50-х годах передавалась из уст в уста одна из его афористичных фраз: «Есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы». В результате в живых остались, казалось бы, самые верные, самые надежные. Как же Сталин не разглядел в Хрущеве могильщика своего культа?

В последние годы, незадолго до кончины, Сталин подверг опале Молотова и Микояна, готовя им, вероятно, такую же участь, какая постигла других руководителей, уничтоженных при их помощи и поддержке. Создание на XIX съезде Президиума ЦК КПСС, заменившего более узкое по своему составу Политбюро, было шагом к «отстрелу» следующей генерации засидевшихся соратников. Но Сталин — парадокс! — «не грешил» на Хрущева.

Старческое ослепление? Пожалуй, нет. Никколо Макиавелли, этот блистательный разоблачитель тирании, бросил некогда фразу: «Брут стал бы Цезарем, если бы притворился дураком». Думается, Хрущеву каким-то образом удалось притвориться человеком вполне ручным, без особых амбиций. Рассказывали, что во время длительных ночных посиделок на ближней даче в Кунцеве, где вождь жил последние тридцать лет, Хрущев отплясывал гопака. Ходил он в ту пору в украинской косоворотке, изображая «щирого казака», далекого от каких-либо претензий на власть, надежного исполнителя чужой воли. Но, видимо, уже тогда Хрущев глубоко

затаил в себе протест. И это выплеснулось на другой день после кончины Сталина.

Хрущев пришел к власти не случайно и одновременно случайно. Не случайно потому, что он был выразителем того направления в партии, которое в других условиях и, вероятно, по-другому оказалось представлено такими во многом несхожими деятелями, как Дзержинский, Бухарин, Рыков, Рудзутак, Киров. Это были сторонники развития нэпа, демократизации, противники насильственных мер в промышленности или в сельском хозяйстве, а тем более в культуре. Несмотря на жестокие сталинские репрессии, это направление никогда не умирало. В этом смысле приход Хрущева был закономерным.

Но, конечно, здесь был и большой элемент случайности. Если бы Маленков столковался с Берией, если бы «сталинская гвардия» сплотилась в 1953 году, а не в июне 1957 года, не быть бы Хрущеву лидером. Сама наша история могла пойти по несколько иному руслу. Нам трудно сделать это допущение, но на самом деле все висело на волоске.

И все же история сделала правильный выбор. То был ответ на реальные проблемы нашей жизни. Все более нищавшая и, по сути, полуразрушенная деревня, технически отставшая промышленность, острейший дефицит жилья, низкий жизненный уровень населения, миллионы заключенных в тюрьмах и лагерях, изолированность страны от внешнего мира — все это требовало новой политики, радикальных перемен. И Хрущев пришел — именно так! — как надежда народа, предтеча Нового Времени.

Нас тогда глубоко волновало все, что было связано с XX съездом КПСС. Как решился Хрущев выступить с докладом о Сталине, зная, что подавляющее большинство делегатов будет против разоблачений? Откуда он почерпнул такое мужество и такую уверенность в конечном успехе? То был один из редчайших случаев в истории, когда политический руководитель поставил на карту свою личную власть и даже жизнь во имя высших общественных целей. В составе послесталинского руководства не было ни одного деятеля, который решился бы выступить с подобным докладом о культе личности. Хрущев, и только Хрущев, мог сделать это — так смело, так эмоционально и во многих отношениях так необдуманно. Надо было обладать натурой Хрущева — отчаянностью

до авантюризма, надо было пройти через испытания страданием, страхом, приспособленчеством, чтобы решиться на такой шаг. Вот как он сам объяснял мотивы своего выступления на XX съезде во время встречи с зарубежными гостями:

— Меня часто спрашивают, как это я решился сделать тот доклад на XX съезде. Сколько лет мы верили этому человеку! Поднимали его. Создавали культ. И вдруг такой поворот...

Так вот, я хочу рассказать вам историю, которая мне запомнилась с детства, еще когда обучался грамоте. Была такая книга — «Чтец-декламатор». Там печаталось много очень интересных вещей. И прочел я в этой книге рассказ, автора не помню. Сидели как-то в тюрьме в царское время политзаключенные. Там были и эсеры, и меньшевики, и большевики. А среди них оказался старый сапожник Янкель, который попал в тюрьму случайно. Ну стали выбирать старосту по камере. Каждая партия предлагает своего кандидата. Вышел большой спор. Как быть? И вот кто-то предложил сапожника Янкеля, человека безобидного, не входящего ни в одну из партий. Посмеялись все, а потом согласились. И стал Янкель старостой. Потом получилось так, что все они решили из тюрьмы бежать, стали рыть подкоп. Долго ли рыли, неизвестно, только вырыли. Ну и тут возник вопрос, кому идти первым в этом подкопе. Ведь неизвестно, может, тюремное начальство уже дозналось о подкопе и ждут там с ружьями? Кто первым будет выходить, того первым и смерть может настигнуть. На эсеров-боевиков указывают, а те на большевиков. Но в этот момент из угла поднимается старый сапожник Янкель и говорит: «Если вы меня избрали старостой, то мне таки и надо идти первым».

Вот так и я на XX съезде. Уж поскольку меня избрали Первым, я должен, я обязан был сказать правду, как тот сапожник Янкель, сказать правду о прошлом, чего бы это мне ни стоило и как бы я ни рисковал. Еще Ленин нас учил, что партия, которая не боится говорить правду, никогда не погибнет. Мы извлекли все уроки из прошлого, и мы хотели бы, чтобы такие уроки извлекали и другие наши братские партии, тогда наша общая победа обеспечена...

Не все помнят, что хрущевская «оттепель» состояла не из одного, а из двух периодов. Первый — с марта 1953 по июнь 1957 года; второй — с июня 1957 года до

октября 1964 года. Уже где-то в середине 1953 года мы, по указанию руководства, готовили и публиковали в журнале «Коммунист», где я работал в ту пору, редакционную статью «О роли народных масс в истории», в то время как до этого особый упор делался на роли личности — с резкой критикой бюрократизма, коррупции, постановкой вопросов развития демократии. Эта линия достигла своей кульминации на XX съезде КПСС.

Мне не довелось присутствовать на этом съезде в тот момент, когда Хрущев произнес свой доклад о Сталине. Вообще доклад был, как известно, сделан уже после того, как состоялись выборы в ЦК КПСС и сам Хрущев был избран Первым секретарем ЦК партии. Вероятно, он считал неосмотрительным выступать с докладом до выборов. И не случайно. Во время моих разговоров со многими партийными работниками в ту пору я имел возможность убедиться, насколько рискованной была акция, предпринятая Хрущевым.

Сам я впервые ощутил весь драматизм происходящего, когда встретился с членом редколлегии нашего журнала — Павлом Африканычем Усольцевым (назовем его так), который был в редакционной группе на съезде. Он пришел вечером в редакцию прямо после заседания и уселся, не говоря ни слова, в свое кресло — весь белый как снег, да что там, не белый, а серый, как земля под солончаком.

— Ну что там произошло, Павел Африканыч! — спрашиваю я. А он молчит. Даже губы не шевелятся. Как будто язык застрял между зубами, не ворочается. Посидел я еще какое-то время. Дал ему выпить воды. Он сделал глоток, другой. Прошло какое-то время. И опять ни звука.

— Не томите, Павел Африканыч! Что, сняли там кого-то или избрали не того? Или журнал наш решили прикрыть? — неуместно сострил я.

— Журнал... Не до журнала тут... Тут такое порассказали... Неведомо, что и думать... Куда идти... Что делать?

— Домой, вероятно, пора идти, восьмой час вечера. Я и так задержался, чтобы услышать ваш рассказ.

— Не положено рассказывать. Специально оговаривалось, не должно просачиваться. Используют враги, чтобы сокрушить нас под корень!

— Как это — «сокрушить», Павел Африканыч? У нас самое могучее государство и армия такая, которой

боится даже Америка. Не так давно взрывали, на этот раз не атомную, а водородную.

— Да не в этом дело,— поморщился Африканыч,— бомбы разные бывают. Это тоже бомба, только замедленная. Когда взорвется, неизвестно, и что оставит после себя в нашей идеологии — тоже непонятно.

— Павел Африканыч, вы все загадками говорите. Рассказали бы все, что к чему и о чем речь.

— Не могу, пойми ты, не могу. Нет права. Погоди, может, пройдет время и всех проинформируют. Официально. Потому что знать-то всем надо, кто в печати. Да и партийным работникам. Вопросов будет тысячи...

Так я и не дознался в тот вечер. Правда, уже через несколько дней всем нам, по крайней мере всем сотрудникам нашего журнала, стало известно о том, что говорилось в секретном докладе. А еще через небольшой срок об этом стало известно всему миру. Доклад этот через какие-то каналы попал в руки зарубежных средств массовой информации и стал сенсацией.

Одно было ясно: партия и вся страна пойдут новым путем. Неясно только было, каким будет этот путь, как быстро дадут эффект новые решения. Всем хотелось плыть дальше и скорее к величественным целям, но многие опасались, что поиск новых путей и ломка традиций могут дестабилизировать обстановку и раскачать лодку. В их числе был, конечно, Усольцев. Впрочем, его сознание было маленькой частицей того умонастроения, которым были охвачены многие партработники в 50-х годах. Они были против секретного доклада, и было ясно, что предстояла острая борьба вокруг наследия прошлого и в особенности вокруг новых решений, обращенных в будущее.

Мне не раз приходилось слушать воспоминания Хрущева о Сталине. Это были пространные, нередко многочасовые размышления-монологи, как будто разговор с самим собой, со своей совестью. Он был глубоко ранен сталинизмом. Здесь перемешалось все: и мистический страх перед Сталиным, способным за один неверный шаг, жест, взгляд уничтожить любого человека, и ужас из-за невинно проливаемой крови. Здесь было и чувство личной вины, и накопленный десятилетиями протест, который рвался наружу, как пар из котла... Характерна в этом смысле его речь, произнесенная на банкете в Кремле, где присутствовали участники Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в 1960 году.

Старшее поколение, конечно, помнит эту характерную фигуру, а младшее, наверное, никогда не видело даже его портретов. В ту пору ему было уже за шестьдесят лет, но выглядел он очень крепким, подвижным и до озорства веселым. Его широкое лицо с двумя бородавками и огромный лысый череп, крупный курносый нос и сильно оттопыренные уши вполне могли принадлежать крестьянину из среднерусской деревни. Это впечатление, так сказать, простонародности усиливалось плотной полноватой фигурой и подвижными руками, которые почти непрерывно жестикулировали. И только глаза, маленькие, с острым взглядом, глаза, излучавшие то доброту, то властность и гнев, только, повторяю, глаза выдавали в нем человека сугубо политического, прошедшего огонь, воду и медные трубы и способного к самым крутым поворотам.

Именно таким я увидел его тогда и таким запомнил, хотя больше все-таки привлекла меня сама речь. То, что я услышал, при мне повторялось по меньшей мере еще дважды в другой обстановке, более камерной, в присутствии всего нескольких человек. Но что удивительно — он повторял этот рассказ почти слово в слово.

— Когда Сталин умирал, мы, члены руководства ЦК, приехали на ближнюю дачу в Кунцево. Он лежал на диване. В последние месяцы своей жизни Сталин редко прибегал к помощи врачей, он их боялся. Берия его, что ли, напугал или сам он поверил, что врачи плетут какие-то заговоры против него и других руководителей. Пользовал его нередко майор из охраны, который был когда-то ветеринарным фельдшером. Он же и позвонил о кончине Сталина...

Стоим мы возле мертвого тела, почти не разговариваем, каждый о своем думает. Потом стали разъезжаться. В машину садились по двое. Первыми уехали Маленков с Берией, потом Молотов с Кагановичем. Тут Микоян и говорит мне: «Берия в Москву поехал власть брать». А я ему: «Пока эта сволочь сидит, никто из нас не может чувствовать себя спокойно». И крепко мне тогда запало в сознание, что надо первым делом Берию убрать. А как начать разговор с другими руководителями?..

И вот прошло время, и я стал объезжать по одному членов Президиума. Опаснее всего было с Маленковым, друзья ведь были с Лаврентием. Ну, я приехал к нему, так и так, говорю, пока он гуляет на свободе и держит в своих руках органы безопасности, у нас у всех руки

связаны. Да и неизвестно, что он в любой момент выкинет, какой номер. Вот, говорю, специальные дивизии почему-то к Москве подтягиваются.

И надо воздать должное Георгию — в этом вопросе он поддержал меня, переступил через личные отношения. Видимо, сам боялся своего дружка. А Маленков тогда был Председателем Совмина и вел заседания Президиума ЦК. Словом, ему было что терять, но в конце разговора он сказал: «Да, верно, этого не избежать. Только надо сделать так, чтобы не получилось хуже».

Потом я поехал к Ворошилову. Вот здесь сидит Клим Ефремович, он помнит. С ним пришлось говорить долго. Очень он беспокоился, чтобы не сорвалось все. Верно я говорю, Клим?

— Верно, верно,— громко подтвердил Климент Ефремович.— Красный то ли от смущения, то ли от выпитого.— Только бы войны не было,— прибавил он почему-то не совсем кстати.

— Ну, насчет войны — это отдельный разговор,— заметил Первый.— Значит, поехал я тогда к Кагановичу, выложил ему все, а он мне так: «А на чьей стороне большинство? Кто за кого? Не будет ли его кто поддерживать?» Но когда я ему рассказал обо всех остальных, он тоже согласился.

И вот пришел я на заседание в Кремле. Сели все, а Берии нет. Ну, думаю, дознался. Ведь не сносить нам тогда головы. Где окажемся завтра, никто не знает. Но тут он пришел, и портфель у него в руках. Я сразу сообразил, что у него там в портфеле! И у меня на этот случай тоже было кое-что припасено...

Тут рассказчик похлопал себя по правому карману широкого пиджака и продолжал:

— Сел Берия, развалился и спрашивает: «Ну, какой вопрос сегодня на повестке дня? Почему собрались так неожиданно?» А я толкаю Маленкова ногой и шепчу: «Открывай заседание, давай мне слово». Тот побелел, смотрю, рта раскрыть не может. Тут я вскочил сам и говорю: «На повестке дня один вопрос. Об антипартийной, раскольнической деятельности агента империализма Берии. Есть предложение вывести его из состава Президиума, из состава ЦК, исключить из партии и предать военному суду. Кто «за»? И первый руку поднимаю. За мной все остальные. Берия весь позеленел — и к портфелю. А я портфель рукой цап! И к себе! Шутишь, говорю. Ты это брось! А сам нажимаю на кнопку. Тут вбегают два

офицера из военного гарнизона Москаленко (я с ними договорился заранее). Я им приказываю: «Взять этого гада, изменника Родины, и отвести куда надо». И тут Берия стал что-то бормотать, бормотать... А ведь такой герой был других за холку брать и к стенке ставить. Ну, остальное вы знаете... (Уже впоследствии я узнал, что в одном вопросе Хрущев лукавил: он умалчивал о роли Г. К. Жукова в аресте Берии. И как мы увидим дальше — не случайно.)

— Так вот, я хочу выпить,— тут он взял рюмку,— за то, чтобы такое никогда и нигде больше не повторилось. Мы сами смыли это грязное пятно и сделаем все, чтобы создать гарантии против подобных явлений в будущем. Я хочу вас заверить, товарищи, что мы такие гарантии создадим и все вместе пойдем вперед к вершинам коммунизма!

Непосредственное знакомство мое с Первым состоялось во время поездки в Болгарию. Сейчас мне нелегко представить себе волнение, которое я испытал — молодой человек академического склада, неожиданно для себя попавший на политический Олимп. Но я хорошо помню, что я не спал практически всю ночь накануне вылета спецсамолетом, на котором находилась делегация и сопровождавшие ее лица. Я старался уснуть в самолете, но безуспешно — его изрядно болтало над горами, особенно перед посадкой в Софии.

Во время ужина, организованного болгарскими руководителями в честь делегации, меня, как и других консультантов и помощников, посадили за тот же стол, что и наших руководителей, но по другую сторону. Случайно я оказался прямо напротив Первого. И вот он, как обычно, поднялся произносить тост — на этот раз за советско-болгарскую дружбу — и, тоже как обычно, отвлекшись от тоста, начал вспоминать прошлое. Здесь я снова услышал историю о том, как умер Сталин, как брали Берию, о нравах, которые царили среди высших руководителей при Сталине, о 1937 годе и о многих других политических событиях. Говорил он не меньше двух часов, а я сидел застывший и завороженный, слушая эту исповедь, произносимую не тоном обвинения, а тоном печали и страдания. Я не в силах был оторвать своих глаз от рассказчика, а он, видя мое такое необычное внимание, все чаще обращался в разговоре лично ко мне, жестикулировал, объяснял, доказывал и еще более углублялся в волновавшие его воспоминания, черпая их из самого

нутра своего. Все остальные сидели тихо, молча, терпеливо ожидая окончания его речи. И наверное, каждый про себя думал о своем. Меня потрясли эти откровения, эти грозные страсти на политическом Олимпе, эти мучительные переживания, через которые проходят деятели в окружении высшего руководителя. «Ближе к царю — ближе к смерти»,— думалось мне в этот момент. Как эта близость выворачивает наизнанку всего человека... Вот она, плата за власть и влияние.

Не помню, чем закончился этот вечер, но хорошо помню, что я долго не мог уснуть, перелистывая в своем возбужденном мозгу страницу за страницей мрачную исповедь участника и жертвы минувших времен... Наутро меня неожиданно пригласил помощник Первого. Оказывается, тот пожелал познакомиться с «интересным молодым болгарином», который так внимательно его слушал. Каково же было удивление Первого, когда он узнал, кто я и где работаю. Он задал мне два-три формальных вопроса и долго жал мне руку и смеялся по поводу своей ошибки. Потом во время встреч в Болгарии, в частности в евстеноградском дворце царя Бориса в Варне, он кивал мне и, весело улыбаясь, покачивал головой: вот, мол, какого дурака свалял. Вообще он был прост и предупредителен в общении с интеллектуальной «обслугой». Особенно он выделял и ценил «речеписцев», поскольку сам чувствовал недостаток образования и культуры, чтобы довести до конца и обработать для печати свое выступление. Многие пользовались этой его слабостью в личных целях. Особенно это развилось при его преемниках, когда составители речей унижались до того, чтобы выпрашивать плату за свои услуги, и плату немалую — академические звания, лауреатские значки, премии или высокие должности.

Впрочем, сам Первый нередко произносил свои речи без всякой подготовки. Иногда они бывали сумбурные, особенно если он был чем-то сильно возбужден и заведен. Но вот в Болгарии мне довелось слышать речь, которую он произносил явно экспромтом в клубе шахтерского поселка, вернувшись после спуска в шахту. Он еще находился в каске, в специальном шахтерском сюртуке. Выйдя на сцену, он произнес речь, которая длилась минут сорок. Ничто ему не мешало, и никто его не торопил. И это была на редкость складная речь с простыми, но четкими мыслями и суждениями, в ясной и грамотной форме. Она вызвала прекрасный отзвук у аудитории и

не составила никакого труда для редакторов при подготовке ее к печати.

Вообще Хрущев был человеком глубоко уверенным в себе, раскованным и даже озорным. Когда он начинал говорить, никто, даже он сам, часто не знал, чем кончит. Он попадал в поток сознания, заквашенный на страстях и эмоциях. И ему самому было трудно вогнать этот поток в берега. Отчасти это было свойство его натуры, но отчасти он пользовался этим для политической игры. Он демонстрировал возмущение и произносил слова, которые, будучи изображенными в виде печатного текста, наверняка вызвали бы взрыв негодования у собеседника, партнера или оппонента. Но ему это сходило с рук, поскольку списывалось за счет эмоций. Мне иногда казалось, что он заговаривается, настолько бурно и необузданно он говорил. Медленно успокаивался и, нащупав дно, возвращался к предмету своего разговора, остро следя своими маленькими, озорными, веселыми глазами за выражением лиц своих слушателей. «Ну и актер! — думал я, глядя на эти превращения.— Вот кого не хватает Олежке Ефремову в «Современнике» для полного комплекта».

Во время митинга на площади имени Димитрова в Софии докладчик не раз «отвлекался» от текста. Я сидел на стуле за трибуной, с которой он выступал, и помечал места, пытаясь записать новый текст. В этот момент его жена, женщина с добрым, славным крестьянским лицом, сказала мне: «Оратор не учитывает, что люди стоят под солнцем на жаре, и напрасно расширяет свою речь. Ее и так можно было сократить».

Я слышал от нее и другие критические замечания в адрес мужа и подумал про себя, что он, вероятно, нередко советуется с ней, а может быть, и проверяет свои речи на ней как на слушательнице. Впоследствии я имел случай убедиться, что это так и было. Жена Первого долгое время работала заведующим парткабинетом и неплохо ориентировалась в лекционной работе.

Забавный эпизод произошел во время приема в советском посольстве по случаю пребывания делегации. Когда Первый вошел в большой зал приема, он, не пройдя и нескольких шагов, остановился как вкопанный. В зале были расставлены столы, которые буквально ломились от изобилия напитков и яств. В центре каждого стола расположилась гигантская осетрина размером метра в три-четыре, обложенная креветками, овощами и

еще невесть чем. И тут Первый разыграл сцену, к которой, я думаю, давно готовился. «Это что за купеческий стиль! — вскричал он сердито.— Или вы думаете, что мы уже достигли коммунизма? Кто распорядился? Кто вас финансирует?» — накинулся он на посла, который стоял ни жив ни мертв. Посол стал было что-то бормотать насчет дополнительных средств, спущенных Совмином для этого приема, о доставленных в натуральном виде самолетом продуктах, но Первый и слушать не стал.

Замечу попутно, что я так и не понял, почему он с таким упорством произносил «коммунизьм», с мягким знаком перед последней буквой. Свое горловое «ге», вероятно, он действительно не мог исправить, хотя я не исключаю, что и здесь была игра. Что же касается «коммунизьма», то я на сто процентов убежден, что он так произносил умышленно, создавая некий эталон, которому должны были следовать все посвященные, как авгуры. Я сам наблюдал, как один за другим окружавшие его лица, в том числе получившие образование в университете или МГИМО, склонялись к подобному произношению. Этот сленг как бы открывал дорогу наверх, в узкий круг людей, тесно связанных между собой не только деятельностью, но и общим уровнем культуры... Помнится, какой-то лингвист зашел даже так далеко, что предлагал изменить произношение и других русских слов. Например, электрификация, огурци. Эта реформа, правда, опоздала, и куда девался потом тот реформатор — неведомо...

Мне доводилось слышать, как Хрущев понимал свою роль в истории нашей страны. Он говорил, что Ленин вошел в нее организатором революции, основателем партии и государства, а Сталин, несмотря на свои ошибки и преступления, человеком, который обеспечил победу в кровавой войне с фашизмом. Свое предназначение Хрущев видел в том, чтобы дать мир и благосостояние советскому народу. Он не раз говорил об этом как о главной цели своей деятельности.

Проблема, однако, заключалась в том, что он неясно представлял себе средства для осуществления этих целей. Несмотря на весь свой радикализм, он отверг критическое замечание Пальмиро Тольятти, который советовал искать корни культа личности в сложившейся системе, хотя Тольятти конечно же не ставил вопроса о замене социализма капитализмом, а имел в виду само изменение режима личной власти.

Жажда новизны, деятельный характер были органическими чертами Хрущева. Широкая программа восстановления сельского хозяйства, создание совнархозов, интенсивное жилищное строительство, техническое перевооружение промышленности. Паспортная система в деревне, пенсионное обеспечение крестьян, повышение зарплаты низкооплачиваемым категориям трудящихся. Подготовка новой Программы партии, обновление основных законов, изменение принципов и стиля отношений с Западом. И даже знаменитая эпопея с кукурузой... Во всем отражался поиск своих путей и решений, его неуемный общественный темперамент. Хрущевское время было пропитано духовным возрождением, хотя процесс этот и носил явную печать прошлой эпохи, был противоречивым и нередко малоэффективным.

Именно Хрущев по собственной инициативе выдвинул задачу создать прочные гарантии против рецидивов культа личности. Он вел бескомпромиссную борьбу за это внутри страны и на международной арене, не считаясь с теми издержками, которые такая борьба могла привнести в отношения с теми или иными странами, входившими в социалистический лагерь.

Главное значение Хрущев придавал идеологической стороне дела, необходимости до конца разоблачить культ личности, высказать правду о преступлениях 30-х годов и других периодов. Но сама эта правда, увы, была половинчатой, неполной. С самого начала Хрущев споткнулся на проблеме личной ответственности, поскольку многие в партии знали о той роли, которую сыграл он сам в преследовании кадров и на Украине, и в Московской партийной организации. Не сказав правды о себе, он не смог сказать всей правды о других. Поэтому информация об ответственности различных деятелей, не говоря уж об ответственности самого Сталина, за допущенные преступления носила однобокий, а нередко двусмысленный характер. Она находилась в зависимости от политической конъюнктуры. Например, разоблачая на XXII съезде КПСС В. Молотова и Л. Кагановича за избиение кадров в 30-х годах, Хрущев умалчивал об участии А. Микояна, который впоследствии стал его надежным союзником. Говоря о 30-х годах, Хрущев тщательно обходил период коллективизации, поскольку был лично замешан в перегибах того времени.

Хрущев стремился сформировать у всех членов Президиума ЦК общее отношение к культу Сталина. По его

указанию каждый из выступивших на XXII съезде представителей руководства должен был определить свое отношение к этому принципиальному вопросу. После съезда, однако, оказалось, что многие из тех, кто метал громы и молнии против культа личности, легко пересмотрели свои позиции и вернулись, по сути, к прежним взглядам.

Вопрос о гарантиях против повторения где бы то ни было культа личности и его последствий занял большое место при подготовке Программы партии. Мне довелось участвовать в этой работе. Помню, в частности, как готовилась записка в Президиум ЦК КПСС о переходе от диктатуры пролетариата к общенародному государству, что имело важное значение, поскольку стереотип диктатуры пролетариата использовался в 30-х годах для обоснования репрессий. Записка была направлена О. В. Куусиненом и вызвала буквально скандал среди многих руководителей. Я сидел в кабинете у Куусинена, когда один из членов руководства кричал ему по телефону: «Как вы могли покуситься на святая святых ленинизма — на диктатуру пролетариата?» И только благодаря энергичной поддержке Хрущева эта идея попала в Программу партии.

Один из практических выводов, если говорить о прошлом, был связан также с более последовательным осуществлением принципа сменяемости кадров. Этот вопрос вызвал больше всего споров. Идея ротации кадров, которая исходила непосредственно от Первого, претерпела ряд изменений. Было проработано не менее десяти вариантов формулировок, которые бы дали ей адекватное воплощение. Хрущев хотел создать хоть какие-то гарантии против чрезмерного сосредоточения власти в одних руках, «засиживания» руководителей, старения кадров на всех уровнях, начиная с первичных организаций и кончая верхним эшелоном. Что касается первичной организации, то это не вызвало особых споров. Но относительно ротации наверху мнения разошлись кардинальным образом. В этом пункте даже ему, с его авторитетом, упорством и настойчивостью, пришлось отступить.

В первоначальном проекте фиксировались принципы, согласно которым можно находиться в составе высшего руководства не больше двух сроков. Это вызвало бурные протесты со стороны более молодой части руководителей. Им казалось крайне несправедливым, что представители старшего поколения, которые уже «насиде-

лись», пытаются ограничить их возможности. В следующем проекте два срока были заменены на три, но и эта формулировка была отвергнута. В окончательном тексте весь замысел — создать новую процедуру сменяемости кадров — оказался препарированным до неузнаваемости. С другой стороны, немало было сделано и для создания юридических гарантий против нарушения законности. Начался пересмотр всего законодательства, подготовка к новой Конституции, которая завершилась в 70-х годах.

К сожалению, принятые тогда кодексы законов также носили на себе печать половинчатости. Поэтому прочные институционные гарантии против режима личной власти и его рецидивов так и не были созданы.

Более того, в обстановке холуйства и своекорыстного пресмыкательства сам Хрущев стал все больше отделять себя от других руководителей, парить над ними, над всей партией и государством. На наших глазах за несколько лет — с 60-го по 64-й год произошла стремительная эволюция в самооценке Хрущевым своей собственной роли.

На протяжении полутора лет мне довелось работать над проектом Программы партии. Мы работали в филиале санатория «Сосны» на Николиной горе. Тем временем другая группа, расположившись в бывшей даче М. Горького по другую сторону Москвы-реки, трудилась над Отчетным докладом ЦК КПСС. Однако незадолго до XXII съезда партии мы получили указание готовить самостоятельный доклад по поводу проекта Программы КПСС.

На самом съезде все его участники, как и вся партия и народ, стали свидетелями почти скоморошного зрелища. Хрущев вначале зачитал четырехчасовой Отчетный доклад, а затем, после перерыва, снова взобрался на трибуну и еще три часа зачитывал доклад о проекте Программы партии.

Мне кажется, именно в хрущевскую пору сложилась эта странная традиция: считать, что авторитет лидера определяется количеством произносимых им слов. При Ленине такой традиции быть не могло, поскольку наряду с ним, постоянно с докладами, замечаниями, статьями, а нередко и с книгами, выступали и другие члены руководства. Что касается Сталина, то он предпочитал выступать редко и весомо, в соответствии с известным афоризмом из «Бориса Годунова»: «...царский голос... должен лишь вещать велику скорбь или великий праздник».

Хрущев вообще был большой любитель поговорить и даже поболтать. Неоднократно мне приходилось присутствовать при его встречах с зарубежными лидерами, во время которых он буквально не давал никому вымолвить слова. Воспоминания, шутки, политические замечания, зарисовки относительно тех или иных деятелей — нередко проницательные и острые, анекдоты, подчас довольно вульгарные,— все это создавало, как говорят сейчас, «имидж» человека непосредственного, живого, раскованного, не очень серьезно и ответственно относящегося к своему слову. Прошло почти тридцать лет, и до сих пор мне приходится слышать в США о его неловкой шутке: «У нас с вами только один спор — по земельному вопросу, кто кого закопает». Точно так же и в Китае до сих пор вспоминают, как он, разбушевавшись в одной из бесед с представителем Китая, кричал о том, что он направит «гроб с телом Сталина прямо в Пекин...».

Проблема гарантий против режима личной власти натолкнулась на непреодолимое препятствие — ограниченность политической культуры самого Хрущева и тогдашней генерации руководителей. То была во многом авторитарно-патриархальная культура, почерпнутая из традиционных представлений о формах руководства в рамках крестьянского двора. Патернализм, произвол, вмешательство в любые дела и отношения, непогрешимость патриарха, нетерпимость к другим мнениям — все это составляло типичный набор вековых представлений о власти в России.

В этом отношении показательны события, последовавшие за июньским Пленумом 1957 года. На нем, как известно, представители старой «сталинской гвардии» посредством так называемого «арифметического большинства» стали добиваться изгнания Хрущева. В результате голосования в Президиуме ЦК КПСС было принято решение об освобождении его с поста Первого секретаря. Это решение, однако, удалось поломать благодаря усилиям горячих сторонников Хрущева. Выдающуюся роль в разгроме сталинистов сыграл маршал Г. К. Жуков. Как рассказывали тогда, во время заседания Президиума ЦК КПСС Жуков бросил историческую фразу в лицо этим людям: «Армия против этого решения, и ни один танк не сдвинется с места без моего приказа». Эта фраза в конечном счете стоила ему политической карьеры.

Вскоре после июньского Пленума Хрущев добился освобождения Г. К. Жукова с поста члена Президиума ЦК КПСС и министра обороны СССР. Сделано это было в традиционном для того времени духе — в момент, когда маршал находился в зарубежной командировке. Ему не было предоставлено возможности по-настоящему объясниться, точно так же, как не было дано необходимого разъяснения партии и народу о причинах изгнания с политической арены самого выдающегося полководца Великой Отечественной войны. И причина изгнания была опять-таки традиционная — страх перед сильным человеком.

Сыграли свою роль в отношениях Хрущева с интеллигенцией и торопливость, стремление вмешаться в любой вопрос и быстро его решить. Тут он нередко оказывался игрушкой небескорыстных советчиков, а то и скрытых противников, готовивших его падение. Хорошо помню, что посещение им художественной выставки в Манеже было спровоцировано специально подготовленной справкой. В ней мало говорилось о проблемах искусства, зато цитировались подлинные или придуманные высказывания литераторов, художников о Хрущеве, где его называли «Иваном-дураком на троне», «кукурузником», «болтуном». Заведенный до предела, Хрущев и отправился в Манеж, чтобы устроить разнос художникам. Таким же приемом тайные противники Хрущева втравили его в историю с Б. Пастернаком, добились через него отстранения с поста президента АН СССР А. Несмеянова в угоду Лысенко, рассорили со многими представителями литературы, искусства, науки.

К несчастью, Первый был окружен советниками, которые сводили на нет многие разумные назревшие преобразования или заменяли их чисто организационными решениями, нередко невзвешенными, непроверенными, непродуманными. Так было, например, с решением вопроса о преодолении ведомственности, бумажно-бюрократических форм управления экономикой. Вместо ведомств были созданы поспешно и небрежно сформированные совнархозы.

Так что система новых экономических взаимоотношений так и не была определена. Все было сделано наспех при большом сопротивлении многих работников хозяйственного аппарата, не понимавших целей этих преобразований, ломки традиций, а также их личных судеб, поскольку им нередко приходилось оставлять насижен-

ные кабинеты в Москве и отправляться в отдаленные места. Еще хуже обстояло дело с преобразованиями в области государственного управления и структуры партийного руководства.

Человек идет дальше всего, когда он не знает, куда идет, говорили древние. Но шаг его при этом извилист и неровен — он то резко вырывается вперед, то сильно откатывается обратно. Так выглядели многие экономические и социальные реформы Хрущева.

Экономическая политика оставалась одним из наиболее уязвимых мест в его деятельности. Он видел задачу в основном в изменении методов руководства экономикой на аппаратном уровне — в Госплане, совнархозах, министерствах, но не понимал значения глубоких структурных реформ, которые меняют условия труда и жизни непосредственных производителей — рабочих, крестьян, научно-технической интеллигенции.

Особенно неблагоприятно такой подход сказался при подготовке Программы партии 1961 года. Самые большие споры вызвало предложение включить в Программу цифровые материалы об экономическом соревновании на мировой арене. С этим предложением приехал на одно из заседаний председатель Государственного научно-экономического совета Совмина СССР А. Засядько. Доклад, который он сделал в рамках рабочей группы, показался всем участникам легкомысленным и ненаучным. Выкладки о темпах развития советской экономики и экономики США фактически были взяты с потолка — они выражали желаемое, а не действительное.

Однако сам Засядько легко положил конец разгоревшейся дискуссии. Он открыл первую страницу книжки в синем переплете с машинописным текстом примерно на 80 страницах и показал резолюцию: «Включить в Программу» — и знакомую подпись Первого. Так в Программу партии оказались включены цифровые выкладки о том, как мы в 80-х годах догоним и перегоним Соединенные Штаты. Порывы были высокие, но, как говорится, кроме амбиций нужна еще и амуниция.

Надо, впрочем, попытаться представить себе общий дух того времени. Хотя мало кто верил в цифры Засядько, энтузиазма и оптимизма у нас хватало. И базировались эти чувства вовсе не на пустом месте, все были убеждены, что принимаемая Программа открывает этап крупных структурных преобразований и сдвигов — иначе зачем было бы принимать и утверждать новую Програм-

му. И даже уход Хрущева сразу не остановил дела. В сентябре 1965 года состоялся-таки Пленум ЦК КПСС о хозяйственной реформе. Отрицательное отношение к ней Брежнева свело, однако, на нет усилия предыдущей эпохи.

Еще хуже обстояло дело с преобразованиями в области государственного управления и структуры партийного руководства. Кто «подсунул» Хрущеву идею разделения обкомов и райкомов партии на промышленные и сельскохозяйственные? Интуитивно я убежден, что это было сделано не без злого умысла — чтобы окончательно подорвать его авторитет среди партийных руководителей.

Названные ошибки были поставлены Хрущеву в вину на октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС. На нем сложился странный симбиоз политических сил — от сторонников последовательного продвижения по пути XX съезда до консерваторов и затаившихся сталинистов; все они сплотились против лидера, который вывел «наверх» большинство из них. Последующие события не оставили сомнения в том, что Хрущев был отстранен не столько за волюнтаризм, сколько за неуемную жажду перемен. Лозунг «стабильности», выдвинутый преемниками, надолго затормозил назревшие реформы. Само слово «реформа», как и упоминание XX съезда, стало опасным и стоило многим сторонникам этого курса политической карьеры.

Время не рассеяло бесчисленные мифы вокруг имени Хрущева у нас и за рубежом. Разделив судьбу других реформаторов, Хрущев не снискал объективного признания в массовом сознании. Народ, который когда-то возвышал Ивана Грозного и осуждал Бориса Годунова, не мог принять после Сталина общественного деятеля, лишенного мистической магии, земного и грешного, подверженного ошибкам и заблуждениям. Шолохову еще в период «оттепели» приписывали фразу о Сталине: «Конечно, был культ, но была и личность». То был скрытый упрек Хрущеву как куда менее значительной фигуре. Упрек человеку, который будто бы, подобно шекспировскому Клавдию, стащил корону, валявшуюся под ногами.

А тем временем в странах Запада Никиту Хрущева ставили на одну ступеньку с Джоном Кеннеди и папой Иоанном XXIII и видели истоки ухудшения международного климата в конце 60-х годов в том, что эти лидеры по разным причинам сошли с политической арены.

Появилось множество книг, посвященных анализу «хрущевизма» как нового течения в социализме.

Можно было бы сказать — нет пророков в своем отечестве, но это было бы неточно. Вопрос глубже и сложнее. Пожалуй, ближе других к оценке Хрущева подошел Эрнст Неизвестный, с которым Хрущев вел свою «кавалерийскую» полемику в Манеже. Созданный скульптором памятник на могиле Хрущева — бронзовая голова на фоне белого и черного мрамора досок — удачно символизировал противоречивость «оттепели» и ее главного героя.

Сейчас, почти четверть века спустя, сравнивая период до и после октября 1964 года, мы лучше видим силу и слабость Хрущева. Главная его заслуга состояла в том, что он сокрушил культ личности Сталина. Это оказалось необратимым, несмотря на все трусливые попытки водворить пьедестал на прежнее место. Не вышло. Значит, вспашка была достаточно глубокой. Значит, пахарь трудился не зря. Мужественное решение о реабилитации многих коммунистов и беспартийных, подвергшихся репрессиям и казням в период культа личности, восстанавливало справедливость, истину и честь в жизни партии и государства. Мощный, хотя и не во всех отношениях эффективный и умелый, удар был нанесен по сверхцентрализму, бюрократизму и чиновному чванству.

Во времена Хрущева положено начало перелому в развитии сельского хозяйства — повышены закупочные цены, резко уменьшено бремя налогов, стали применяться новые технологии. Спорное решение об освоении целины при всех недостатках сыграло определенную роль в обеспечении населения продовольствием. Хрущев пытался повернуть деревню к зарубежному опыту, первой сельскохозяйственной революции. И даже его увлечение кукурузой было продиктовано благими намерениями, хотя и сопровождалось наивными крайностями. Худую роль сыграла, однако, гигантомания в деревне. И в особенности грубейшая ошибка — сокращение приусадебных хозяйств.

С именем Хрущева в то же время связаны крупнейшие достижения в области науки и техники, позволившие создать фундамент для стратегического паритета. До сих пор у всех перед глазами стоит встреча Юрия Гагарина с Хрущевым, ознаменовавшая прорыв нашей страны в космос. Мирное сосуществование, провозглашенное на XX съезде КПСС, после потрясения в период

карибского кризиса становилось все более прочной платформой для соглашений, деловых компромиссов с Западом. К эпохе «оттепели» восходят истоки Заключительного акта в Хельсинки, который закрепил итоги второй мировой войны и декларировал новые международные отношения, экономическое сотрудничество, обмен информацией, идеями, людьми.

В ту пору партия приступила к решению многих социальных проблем. Жизненный уровень населения в городе и деревне стал постепенно расти. Однако намеченные экономические и социальные реформы захлебнулись. Серьезный удар по надеждам реформаторов нанесли трагические события в Венгрии в 1956 году. Но не последнюю роль сыграла и самоуверенность Никиты Сергеевича, его беспечность в вопросах теории и политической стратегии. «Хрущевизм» как концепция обновления социализма не состоялся. Если воспользоваться образом, который так любил главный оппонент Первого секретаря Мао Цзэдун, Хрущев ходил на двух ногах: одна смело шагала в новую эпоху, а другая безвылазно застряла в тине прошлого.

Отвечая на вопрос, почему в 60-х годах реформы потерпели поражение, можно было бы сказать и так: консервативные силы смогли взять верх над реформаторами потому, что аппарат управления, да и все общество были еще не готовы к радикальным переменам. Но это слишком общий ответ. Нужно попытаться выяснить, чем воспользовались консерваторы.

Одна из ошибок состояла, на мой взгляд, в том, что поиск концепции реформ и путей их осуществления был основан на традиционных административных и даже бюрократических методах. Хрущев обычно давал поручения о «проработке» тех или иных проблем — экономических, культурных, политических — министерствам, ведомствам, то есть тому самому аппарату управления, который должен был сам ограничить свою власть. Аппарат же всегда находил способ прямыми, косвенными, двусмысленными решениями уберечь себя от контроля.

Более или менее удачные реформы как в социалистических странах, так и в капиталистических обычно намечались группой специалистов, главным образом ученых и общественных деятелей, которые работали под руководством лидера страны. Так было, скажем, в Венгрии, Югославии. В Китае особую роль в подготовке реформ сыграла группа советников под руководством

Чжао Цзыяна. В Японии я встречался с профессором Охита, который считается автором японского «чуда». В ФРГ план реформ был составлен в свое время профессором Эрхардом, который впоследствии стал канцлером страны.

Второе — «народ безмолвствовал». Теперь, опираясь на опыт гласности, мы особенно ясно видим, как мало было сделано, чтобы проинформировать людей о прошлом, о реальных проблемах, о намечаемых решениях, не говоря уже о том, чтобы включать самые широкие общественные слои в борьбу за реформы. Сколько раз слышал в ту пору: «А чем Хрущев лучше Сталина? При Сталине хоть порядок был, бюрократов сажали и цены снижались». Не случайно в момент октябрьского Пленума ЦК КПСС в 1964 году едва ли не большинство во всем обществе вздохнуло с облегчением и с надеждой, ожидая благоприятных перемен.

И последний урок. Он касается самого Хрущева. Этот человек острого природного политического ума, смелый и деятельный, не устоял перед соблазном воспевания собственной личности. «Наш Никита Сергеевич!» Не с этого ли началось грехопадение признанного борца с культом? Прилипалы топили его в море лести и восхвалений, получая за это высокие посты, высшие награды, премии, звания. И не случайно, чем хуже шли дела в стране, тем громче и восторженнее звучал хор прилипал и льстецов об успехах «великого десятилетия».

Древние говорили: «Судьба человека — это нрав его». Никита Хрущев стал жертвой собственного нрава, а не только жертвой среды. Торопливость, скоропалительность в решениях, эмоциональность были непреодолимыми его чертами.

Мне рассказывал один из помощников Хрущева об удивительном разговоре, который состоялся у его шефа с Уинстоном Черчиллем. Это было во время визита Хрущева и Булганина в Англию в 1956 году. Они встретились с Черчиллем, помнится, на приеме в советском посольстве. Вот что сказал старый британский лев: «Господин Хрущев, вы затеваете большие реформы. И это хорошо! Хотел бы только посоветовать вам не слишком торопиться. Нелегко преодолеть пропасть в два прыжка. Можно упасть в нее». Я рискнул бы добавить от себя: пропасть нельзя преодолеть и тогда, когда не ведаешь, на какой берег собираешься прыгнуть.

Глава XIV

БРЕЖНЕВ: КРУШЕНИЕ «ОТТЕПЕЛИ»

Размышления о природе политического лидерства

Мы особенно нуждаемся сейчас в ясной и точной оценке эпохи застоя. Мы должны, мы обязаны понять, что же произошло почти за два десятилетия руководства страной Л. И. Брежневым, его окружением, всем аппаратом управления. Понять, конечно, не для того, чтобы простить, но и не для того, чтобы проклинать. Понять, чтобы оценить опыт прошлого ради лучшего будущего. Ибо, как говорилось не раз, народы хотя бы частично вознаграждаются за великие испытания теми великими уроками, которые из них извлекают.

Само понятие застоя тоже ждет своего дальнейшего исследования. Вряд ли могут быть сомнения, что если в одних сферах, прежде всего в экономике, действительно все более обнаруживалась тенденция к стагнации, то в других — в сфере политики и морали — происходило явное откатывание назад в сравнении с десятилетним периодом хрущевской «оттепели». Отказ от реформ, а во многом и возвращение к командно-административной системе сталинской эпохи, замораживание жизненного уровня, всяческое торможение абсолютно очевидных решений, а взамен — пошлое политическое словоблудие, коррупция и разложение власти, в которые все более вовлекались целые слои народа, утрата нравственных ценностей и повсеместное падение нравов,— если это застой, то что такое кризис? Внешняя политика особенно отразила всю противоречивость брежневского времени, когда каждый шаг вперед по пути разрядки сопровождался двумя шагами назад. Всего несколько лет разделяют два таких противоположных события — Заключительный акт в Хельсинки и война в Афганистане.

Из всех многоплановых аспектов застоя хотелось бы коснуться только одного: как могло случиться, что в такой трудный период в истории нашей Родины, да и всемирной истории, у руля управления страной оказался самый слабый из всех руководителей, которые пребывали в таком качестве в советское, а может быть, и дореволюционное время? При этом очень не хочется поддаваться соблазну осмеяния этого человека, насаждавшего с почти детской простотой аксессуары своего культа:

четырежды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, Маршал Советского Союза, международная Ленинская премия, бронзовый бюст на его родине, Ленинская премия по литературе, Золотая медаль имени Карла Маркса — не хватало только звания генералиссимуса: жизнь оборвалась раньше. Осмеяние — это слишком легкий путь, который к тому же, увы, отвечает едва ли не самой устойчивой российской традиции. Еще Ключевский, помнится, заметил: каждый новый русский царь начинал свою деятельность с того, что отвергал предшественника. Вспомним известное изречение: о мертвых ничего, кроме хорошего. У нас наоборот: живым — неумеренные хвалебные песнопения, а мертвым — поношения без конца. Видимо, так сублимируется отсутствие возможности критиковать действующих руководителей.

Из всех лидеров советского периода исключением стал только Ленин. Да и как стал, если Сталин всей своей деятельностью отверг ленинское завещание, сохраняя в то же время лицемерный ритуал поклонения лично Ленину. Что касается критики самого Сталина, только сейчас она возвышается до серьезного анализа установленного им политического и идеологического режима.

Не пора ли сделать такой же разумный шаг и в отношении Брежнева? Конечно, детальные описания интимных тайн его коррумпированного семейства щекочут нервы иных читателей. Хотя что там говорить — дети нередко становились отмщением политических лидеров... Поэтому более полезно, вероятно, поразмышлять не столько о Брежневе, сколько о его режиме, о брежневщине, о стиле политического лидерства, который, увы, еще не умер до конца, и тут требуются не менее прочные защитные гарантии, чем от сталинизма. Не случайно понадобилась такая радикальная реформа политической системы, какая была намечена XIX партконференцией.

На Брежнева власть свалилась как подарок судьбы. Сталину, чтобы превратить скромный по тем временам пост генерального секретаря ЦК партии в должность «хозяина» нашей страны, «пришлось» уничтожить едва ли не всех членов ленинского Политбюро, за исключением, разумеется, самого себя, а также огромную часть партийного актива. Хрущев после смерти Сталина пришел вторым, а не первым, как многие думают, поскольку первым в ту пору считался Маленков. Хрущев выдержал

борьбу против могучих и влиятельных соперников, в том числе таких, как Молотов, которые стояли у фундамента государства чуть ли не с ленинских времен. Может быть, поэтому сталинская и хрущевская эпохи, каждая по-своему, были наполнены драматическими переменами, крупными реформациями, беспокойством и нестабильностью.

Ничего подобного не происходило с Брежневым. Он получил власть так плавно, как будто кто-то загодя примерял шапку Мономаха на разные головы и остановился именно на этой. И пришлась она, эта шапка, ему так впору, что носил он ее восемнадцать лет без всяких страхов, катаклизмов и конфликтов. И непосредственно окружавшие его люди жаждали только одного: чтоб жил этот человек вечно — так хорошо им было. Сам Брежнев во время встречи с однополчанами, гордясь сшитым недавно мундиром маршала, сказал: «Вот... дослужился». Это слово вполне годится и для характеристики процесса его прихода на «должность» руководителя партии и государства — дослужился...

Брежнев являл собой прямую противоположность Хрущеву с его смелостью, склонностью к риску, даже авантюре, с его жаждой новизны и перемен. Можно было бы считать загадкой, почему Хрущев так покровительствовал человеку противоположного склада души и темперамента, если бы мы меньше знали Никиту Сергеевича. Как личность авторитарная, не склонная делить власть и влияние с другими людьми, он больше всего окружал себя такими руководителями, которые в рот ему глядели, поддакивали и с готовностью выполняли любое его поручение. Ему не нужны были соратники, а тем более вожди. Он довольно нахлебался с ними после смерти Сталина, когда Маленков, Молотов, Каганович пытались изгнать его с политического Олимпа, а быть может, и сгноить где-то в Тмутаракани. Такие, как Брежнев, Подгорный, Кириченко, Шелест, были послушными исполнителями его воли, «подручными», как называл, кстати говоря, Хрущев не без едкого юмора представителей печати. Правда, когда дело дошло до сакраментального вопроса «кто кого?», именно эти «подручные» быстро перебежали на другую сторону... Ибо в политике не бывает любви — здесь превалируют интересы власти.

Впрочем, в одном отношении приход Брежнева к руководству напоминает сталинскую и хрущевскую модель. Никто не принимал его всерьез как претендента на роль

лидера, да и сам он всячески подчеркивал полное отсутствие подобных амбиций. Запомнилось, как во время подготовки его речей (в бытность Председателем Президиума Верховного Совета СССР) по случаю зарубежной поездки их составителям передали главное пожелание заказчика: «Поскромнее, поскромнее, я не лидер, я не вождь...»

Не все знают, что свержение Хрущева вначале готовил не Брежнев. Многие полагают, что это сделал М. А. Суслов. На самом деле инициаторами была группа во главе с А. Н. Шелепиным. Собирались они в самых неожиданных местах, чаще всего на стадионе во время футбольных состязаний. И там сговаривались. Особая роль отводилась В. Семичастному, руководителю КГБ, рекомендованному на этот пост Шелепиным. Его задача заключалась в том, чтобы сменить охрану Хрущева. И действительно, когда Хрущева вызвали на заседание Президиума ЦК КПСС из Пицунды, где он отдыхал в это время с Микояном, он, видимо, понял, что к чему, но было уже поздно что-либо предпринимать.

До сих пор неясно, когда Шелепин вступил в столь рискованный сговор с Сусловым и Брежневым. До сих пор не вполне известно, как дело происходило, именно в какой последовательности: с кем сначала — с первым или со вторым. Известно также, что непосредственным поводом для заседания Президиума ЦК было выступление зятя Хрущева А. Аджубея в Западном Берлине, где он будто бы сказал о том, что нам ничего не стоит пойти на объединение двух Германий. Руководители ГДР немедленно выразили свое возмущение советским коллегам, и это послужило той искрой, которая воспламенила пожар.

Сама по себе смена руководства таким именно образом представляет собой один из редких случаев в политической истории. Обычно подобный метод оказывался эффективным только тогда, когда убивали прежнего властителя. Успех «мирного заговора» против Хрущева оказался удачным по двум причинам. Первая — он сам в последние годы правления одну за другой подрубал все ветви того дерева, на котором зиждилась его власть. Другая причина — Шелепин.

Хрущев, кажется, ни к кому не относился с таким доверием и никого не поднимал так быстро по партийной и государственной лестнице, как этого деятеля. За короткий срок Шелепин из рядовых членов ЦК стал членом

Президиума, председателем Комитета партийно-государственного контроля, секретарем ЦК... Поистине верно говорится: избавь нас, боже, от наших друзей, а с врагами мы как-нибудь сами справимся...[1]

Шелепин, однако, жестоко просчитался. Он плохо знал нашу историю, хотя окончил ИФЛИ. Он был убежден, что Брежнев — фигура временная и ему ничего не будет стоить, сокрушив такого гиганта, как Хрущев, справиться с человеком, который был его слабой тенью.

Надо заметить, что действительно всей своей карьерой Брежнев был обязан именно Хрущеву. Он закончил землеустроительный техникум в Курске и только в двадцатипятилетнем возрасте вступил в партию. Затем, окончив институт, он начинает политическую карьеру. В мае 1937 года (!) Брежнев становится заместителем председателя исполкома горсовета Днепродзержинска, а через год оказывается в обкоме партии в Днепропетровске. Трудно сказать, споспешествовал ли Хрущев этим первым шагам Брежнева, но вся его последующая карьера происходит при самой активной поддержке тогдашнего первого секретаря ЦК Компартии Украины, а потом и секретаря ЦК ВКП(б). Когда Брежнев был направлен на должность первого секретаря ЦК Компартии Молдавии, он привел туда многих своих друзей из Днепропетровска, здесь же обрел в качестве ближайшего сотрудника тогдашнего заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии республики К. У. Черненко.

После XIX съезда партии Брежнев становится кандидатом в члены Президиума ЦК, после смерти Сталина оказывается в Главном политуправлении Советской Армии и ВМФ. Чем больше укреплялся Хрущев, тем выше поднимались акции Брежнева. К октябрьскому Пленуму 1964 года он — второй секретарь ЦК. Хрущев собственными руками соорудил пьедестал для преемника.

Впрочем, Брежнев не стал расправляться со своим прежним покровителем. Хрущев создал прецедент на июньском Пленуме ЦК КПСС 1957 года. Рассказывают, что после позорного поражения сталинской гвардии ему позвонил Каганович, который на протяжении многих лет покровительствовал Хрущеву, и спросил: «Никита, что с нами будет?» Хрущев ответил ему вопросом на вопрос: «А что бы вы сделали, если бы ваша взяла? Сгноили бы

---

[1] Не могу согласиться с теми авторами, которые умаляют роль А. Шелепина в организации заговора.

меня в тюрьме, расстреляли?» На это Каганович как-то неопределенно хмыкнул. Тогда Хрущев сказал: «А я вам скажу просто: идите вы все... знаете куда...»

Так был осуществлен великий переход от периода отстрела поверженных политических соперников до их отстранения и изгнания. Брежнев использовал этот прецедент. Он не стал расправляться с Хрущевым, а попросту отправил его в опалу, как отправляли двести лет назад,— доживать век на подмосковной даче под хорошим присмотром.

В октябре 1964 года в составе группы сотрудников двух международных отделов ЦК я находился на загородной даче. По прямому поручению Хрущева мы готовили один из важных документов, касающихся внешней политики. Нас очень торопили. Секретари ЦК по нескольку раз в день справлялись, в каком состоянии находилось дело. Накачивая себя кофе и другими «лекарствами», мы мучительно вынашивали очередную «бумагу». Вдруг телефон затих. Никто не звонит. Проходит день. Начинается другой — ни звука. Тогда один мой старый друг говорит мне: «Съездил бы ты в Москву, узнал, что там происходит, подозрительная какая-то тишина».

Приехал я на Старую площадь. Зашел на работу и первое, что почувствовал,— именно подозрительную тишину. В коридорах — никого, как метлой вымело. Заглядываю в кабинеты — сидят по двое, по трое, шушукаются. Но вот встретил одного человека, помнится, заведующего сектором Чехословакии. Суетливый такой мальчик, из бывших комсомольских работников. Он говорит мне: «Сидите пишете! Писаки! А люди вон уже власть берут!» Наконец узнаю, в чем дело. Второй день идет заседание Президиума ЦК... Выступают все члены руководства. Критикуют Хрущева. Предлагают уйти «по собственному желанию». Правда, пронесся слух, будто кто-то хотел оставить его Председателем Совета Министров СССР. Однако то ли не прошел вариант, то ли слух был неверен, но на октябрьском Пленуме 1964 года было решено принять заявление об уходе «по собственному желанию»...

После Пленума Ю. В. Андропов — руководитель отдела, в котором я работал,— выступал перед сотрудниками и рассказывал подробности. Помню отчетливо главную его мысль: «Теперь мы пойдем более последователь-

но и твердо по пути XX съезда». Правда, тут же меня поразил упрек, первый за много лет совместной работы, адресованный лично мне: «Сейчас ты понимаешь, почему в «Правде» не пошла твоя статья?»

А статья, собственно, не моя, а редакционная, подготовленная мной, полосная, называлась так: «Культ личности Сталина и его наследники». Была она одобрена лично Хрущевым. Но на протяжении нескольких месяцев ее не печатали. Почему? Уже после октябрьского Пленума стало ясно, что ее задерживали специально.

Вскоре после октябрьского Пленума состоялся мой первый и, в сущности, единственный подробный разговор с Брежневым. Весной 1965 года большой группе консультантов из нашего и других отделов поручили подготовку доклада Первого секретаря ЦК к 20-летию Победы в Великой Отечественной войне. Мы сидели на пятом этаже в комнате неподалеку от кабинета Брежнева. Мне поручили руководить группой, и именно поэтому помощник Брежнева передал мне его просьбу проанализировать и оценить параллельный текст, присланный ему Шелепиным. Позже Брежнев вышел сам, поздоровался со всеми за руку и обратился ко мне с вопросом:

— Ну, что там за диссертацию он прислал?

А «диссертация», надо сказать, была серьезная — не более и не менее как заявка на полный пересмотр всей партийной политики хрущевского периода в духе откровенного неосталинизма. Мы насчитали 17 пунктов крутого поворота политического руля к прежним временам: восстановление «доброго имени» Сталина, отказ от решений XX и XXII съездов; отказ от утвержденной Программы партии и зафиксированных в ней некоторых гарантий против рецидивов культа личности, в частности ротации кадров; ликвидация совнархозов и возвращение к ведомственному принципу руководства, отказ от деления обкомов и райкомов на промышленные и сельскохозяйственные; установка на жесткую дисциплину труда в ущерб демократии; возврат к линии на мировую революцию и отказ от принципа мирного сосуществования, как и от формулы мирного перехода к социализму в капиталистических странах; восстановление дружбы с Мао Цзэдуном за счет полных уступок ему в отношении критики культа личности и общей стратегии коммунистического движения; возобновление прежних характеристик Союза коммунистов Югославии как «рассадника ревизионизма и реформизма»... И многое другое в том же направлении.

Начал излагать наши соображения пункт за пунктом Брежневу. И чем больше объяснял, тем больше менялось его лицо. Оно становилось напряженным, постепенно вытягивалось, и тут мы, к ужасу своему, почувствовали, что Леонид Ильич не воспринимает почти ни одного слова. Я остановил свой фонтан красноречия, он же с подкупающей искренностью сказал:

— Мне трудно все это уловить. В общем-то, говоря откровенно, я не по этой части. Моя сильная сторона — это организация и психология,— и он рукой с растопыренными пальцами сделал некое неопределенное, округлое движение.

Самая драматическая проблема — и это выяснилось очень скоро — состояла в том, что Брежнев был совершенно не подготовлен к той роли, которая неожиданно выпала на его долю. Он стал Первым секретарем ЦК партии в результате сложного, многопланового и даже странного симбиоза сил. Здесь перемешалось все: и недовольство пренебрежительным отношением Хрущева к своим коллегам; и опасения по поводу необузданных крайностей его политики, авантюрных действий, которые сыграли роль в эскалации карибского кризиса; иллюзии по поводу «личностного характера» конфликта с Китаем; и в особенности — раздражение консервативной части аппарата управления постоянной нестабильностью, тряской, переменами, реформами, которые невозможно было предвидеть. Не последнюю роль сыграла и борьба различных поколений руководителей: поколения 1937 года, к которому принадлежали Брежнев, Суслов, Косыгин, и послевоенного поколения, в числе которого были Шелепин, Воронов, Полянский, Андропов. Брежнев оказался в центре, на пересечении всех этих дорог. Поэтому именно он на первом этапе устраивал почти всех. И уж во всяком случае не вызывал протеста. Сама его некомпетентность была благом: она открывала широкие возможности для работников аппарата. В дураках оказался лишь Шелепин, полагавший себя самым умным. Он не продвинулся ни на шаг в своей карьере, так как не только Брежнев, но и Суслов, и другие руководители разгадали его авторитарные амбиции.

Произошло то, что нередко мы наблюдаем в первичных партийных организациях, когда на пост секретаря парткома избирают не самого активного, смелого и компетентного, а самого надежного, который никого лично не подведет, никакого вреда без особой надобности

не сделает. Но если бы кто-то тогда сказал, что Брежнев продержится у руководства восемнадцать лет, ему рассмеялись бы в лицо. Это казалось совершенно невероятным.

Тогдашний первый секретарь МК КПСС Н. Г. Егорычев выразил, вероятно, общее настроение, когда заметил в разговоре с одним из руководителей: Леонид Ильич, конечно, хороший человек, но разве он годится в качестве лидера для такой великой страны? Фраза дорого обошлась ему, как, впрочем, и его открытая критика на одном из пленумов ЦК КПСС военной политики, за которую отвечал Брежнев. Вместо того чтобы стать секретарем ЦК, как это предполагалось, Егорычев почти двадцать лет пробыл послом в Дании...

Тем временем разгорелась ожесточенная борьба вокруг выбора путей развития страны. Один, о чем уже упоминалось, недвусмысленно предполагал возвращение к сталинским методам. Другой путь предлагал руководству Андропов, представивший емкую программу, которая более последовательно, чем при Хрущеве, опиралась на решения антисталинского XX съезда. Сейчас нетрудно восстановить эти идеи, поскольку они в более общей форме были изложены в редакционной статье, подготовленной тогда же для «Правды» («Государство всего народа», 6 декабря 1964 г.). Это: 1) экономическая реформа; 2) переход к современному научному управлению; 3) развитие демократии и самоуправления; 4) сосредоточение партии на политическом руководстве; 5) прекращение ставшей бессмысленной гонки ракетно-ядерного оружия и выход СССР на мировой рынок с целью приобщения к новой технологии.

Такую программу Андропов изложил Брежневу и Косыгину во время совместной их поездки в Польшу в 1965 году. Отдельные ее элементы были поддержаны, однако в целом она не встретила сочувствия ни у Брежнева, ни у Косыгина, хотя и по разным мотивам. Косыгин поддерживал экономические преобразования, но настаивал на восстановлении отношений с Китаем за счет уступок ему и отказа «от крайностей» XX съезда КПСС.

Что касается Брежнева, то он не торопился определять свою позицию, присматриваясь к соотношению сил внутри Президиума ЦК КПСС, в Центральном Комитете партии.

Смелый шаг Андропова, наверное, сыграл не последнюю роль в его перемещении с поста секретаря ЦК на

должность председателя КГБ СССР. Тут сошлись разные силы. С одной стороны, Суслов, который давно не любил Андропова, подозревая, что тот метит на его место. С другой стороны, Косыгин, который питал иллюзии о возможности быстрого восстановления союзнических отношений с Китаем и потому хотел отстранить от руководства отделом участника советско-китайского конфликта. И наконец стремление Брежнева направить верного человека в КГБ и обезопасить себя тем самым от той «шутки», которую сыграл Семичастный с Хрущевым. Брежнев проявил себя большим мастером компромисса: пошел навстречу Суслову и Косыгину, но одновременно рекомендовал избрать Андропова кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, а затем и членом Политбюро [1].

Итак, сразу обнаружилась главная черта Брежнева как политического лидера. Будучи человеком крайне осторожным, не сделавшим ни одного опрометчивого шага на пути своего возвышения, будучи тем, что называется «флюгерный лидер», Брежнев с самого начала занял центристскую позицию. Он не принял ни той и ни другой крайности — ни программы реформы в духе XX съезда, ни неосталинизма. Кстати, он здесь следовал сложившейся после Ленина традиции. Не все, наверное, знают, что Сталин тоже пришел к власти как центрист. Он вошел в блок с Каменевым и Зиновьевым против «левака» Троцкого, а затем с Молотовым, Микояном и другими — против «правого» Бухарина. И только в конце 20-х годов — главным образом с целью укрепления личной власти — он стал осуществлять левацкую программу «революции сверху» и террора. Хрущев, который вначале разорвал рубаху у себя на груди в секретном докладе на XX съезде партии, тоже после венгерских событий 1956 года стал смещаться к центру. Выступая в китайском посольстве в Москве, он назвал Сталина «великим марксистом-ленинцем», затем рассорился с горячо поддерживавшими критику культа личности представителями интеллигенции и т. д. Правда, его все время снова несло в направлении крайних решений.

Иное дело Брежнев. По самой своей натуре, характеру образования и карьере это был типичный аппарат-

---

[1] Что касается меня, то я еще в феврале 1965 г. попросил о переходе на работу в «Правду», хотя и подозревал, что это может иметь отрицательные последствия. Так и произошло два года спустя. Я был уволен за публикацию статьи с критикой политики в области культуры.

ный деятель областного масштаба. Неплохой исполнитель. Но не вождь, не вождь... И взял он потому изрядно от Сталина, но немного и от Хрущева.

Вернемся, однако, к подготовке доклада к 20-летию Победы, потому что именно тогда определился исторический выбор, предопределивший характер брежневской эпохи. «Диссертация» Шелепина была отвергнута, и общими силами был подготовлен вариант доклада, который хотя и не очень последовательно, но развивал принципы, идеи и установки хрущевского периода. Брежнев пригласил нас в кабинет, посадил по обе стороны длинного стола представителей разных отделов и попросил зачитать текст вслух.

Тут мы впервые узнали еще одну важную деталь брежневского стиля: он очень не любил читать и уж совершенно терпеть не мог писать. Всю информацию, а также свои речи и доклады он обычно воспринимал на слух, в отличие от Хрущева, который часто предварительно диктовал какие-то принципиальные соображения перед подготовкой тех или иных выступлений. Брежнев этого не делал никогда.

Чтение проекта доклада прошло относительно благополучно. Но, как выяснилось, главная битва была впереди, когда он, как обычно, был разослан членам Президиума и секретарям ЦК КПСС. Мне поручили обобщить поступившие предложения и составить небольшую итоговую справку. Подавляющее большинство членов руководства высказалось за то, чтобы усилить позитивную характеристику Сталина. Некоторые даже представили большие вставки со своим текстом, в которых говорилось, что Сталин обеспечил разгром оппозиции, победу социализма, осуществление ленинского плана индустриализации и коллективизации, культурной революции, что создало предпосылки для победы в Великой Отечественной войне и создания социалистического лагеря.

Сторонники такой позиции настаивали на том, чтобы исключить из текста доклада само понятие «культ личности», а тем более «период культа личности». Больше других на этом настаивали Суслов, Мжаванадзе и некоторые молодые руководители, включая Шелепина. Другие, например Микоян и Пономарев, предлагали включить формулировки, прямо позаимствованные из известного постановления «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 года.

Особое мнение высказал Андропов. Он предложил полностью обойти вопрос о Сталине в докладе, попросту не упоминать его имени, учитывая разноголосицу мнений и сложившееся соотношение сил среди руководства. Юрий Владимирович считал, что нет проблемы, которая в большей степени может расколоть руководство, аппарат управления, да и всю партию и народ, в тот момент, чем проблема Сталина.

Брежнев в конечном счете остановился на варианте, близком к тому, что предлагал Андропов. В докладе к 20-летию Победы фамилия Сталина была упомянута только однажды.

Вскоре сторонники Шелепина растрезвонили об амбициях и планах своего вождя. Во время поездки Шелепина в Монголию его ближайший друг бывший секретарь ЦК комсомола Н. Н. Месяцев в присутствии руководителей Монголии стал хвастливо говорить о том, что настоящий первый — это именно он, Шелепин. И в хорошем «поддатии» распевал песню «Готовься к великой цели».

Монгольское руководство не замедлило сообщить об этом в Москву. Шелепин, который был поумнее своих клевретов, специально остановился на обратном пути в Иркутске и произнес в обкоме речь, в которой демонстративно подчеркивал роль Брежнева. Однако было уже поздно. Он «подставился», и все поняли его замыслы. Началась долгая, хитрая, многотрудная, подспудная борьба между двумя руководителями, в которой преимущество оказалось на стороне Брежнева. Тогда только я оценил его фразу: «Моя сильная сторона — это организация и психология». Еще раз подтвердилось, что в политике неторопливое упорство всегда берет верх над необузданной силой.

Свой рабочий день в первый период после прихода к руководству Брежнев начинал необычно — минимум два часа посвящал телефонным звонкам другим членам высшего руководства, многим авторитетным секретарям ЦК союзных республик и обкомов. Говорил он обычно в одной и той же манере — вот, мол, Иван Иванович, вопрос мы тут готовим. Хотел посоветоваться, узнать твое мнение... Можно представить, каким чувством гордости наполнялось в этот момент сердце Ивана Ивановича. Так укреплялся авторитет Брежнева. Складывалось впечатление о нем как о ровном, спокойном, деликатном руководителе, который шагу не ступит, не посоветовавшись

с другими товарищами и не получив полного одобрения со стороны своих коллег.

При обсуждении вопросов на заседаниях Секретариата ЦК или Президиума он почти никогда не выступал первым. Давал высказаться всем желающим, внимательно прислушивался и, если не было консенсуса, предпочитал отложить вопрос, подработать, согласовать его со всеми и внести на новое рассмотрение. Как раз при нем расцвела пышным цветом практика многотрудных согласований, требовавшая десятков подписей на документах, что стопорило или искажало в итоге весь смысл принимаемых решений.

Прямо противоположно Брежнев поступал при решении кадровых вопросов. Когда он был заинтересован в каком-то человеке, он ставил свою подпись первым и добивался своего. Он хорошо усвоил сталинскую формулу: кадры решают все. Постепенно, тихо и почти незаметно ему удалось сменить больше половины секретарей обкомов, значительную часть министров, многих руководителей центральных научных учреждений. Ему принадлежало последнее слово в присуждении Ленинских и Государственных премий. Брежнев вообще предпочитал заниматься не столько производством, сколько распределением, раздачами. Эту работу он хорошо понимал, не ленился позвонить человеку, которого награждали орденом, а тем более званием Героя Социалистического Труда, поздравить, показать тем самым, что решение исходило лично от него.

Если говорить о брежневском стиле, то, пожалуй, он состоит именно в этом. Люди такого стиля не очень компетентны при решении содержательных вопросов экономики, культуры или политики. Но зато они прекрасно знают, кого и куда назначить, кого, чем и когда вознаградить. Леонид Ильич хорошо поработал, чтобы посадить на руководящие посты — в парторганизациях, в экономике, науке, культуре — проводников такого стиля, «маленьких брежневых», неторопливых, нерезких, невыдающихся, не особенно озабоченных делом, но умело распоряжающихся ценностями.

«Флюгерный лидер», который всегда ориентировался на большинство в руководстве, находил органическое дополнение в лидере, так сказать, распределительном. Это возвращало нас к традиции русской государственности допетровского периода, когда воевод посылали не на руководство, а на кормление...

Людей XX съезда или просто смелых новаторов не расстреливали, как в 30-х годах. Их тихо отодвигали, задвигали, ограничивали, подавляли. Повсюду все больше торжествовали «середнячки» — не то чтобы глупые или совсем некомпетентные люди, но и явно неодаренные, лишенные бойцовских качеств и принципиальности. Они постепенно заполняли посты в партийном и государственном аппарате, в руководстве хозяйством и даже наукой и культурой. Все серело и приходило в упадок. Каков был поп, таким становился и приход...

Что Брежнев понимал прекрасно, и в чем он был действительно великим мастером — так в умении терпеливо тащить пестрое одеяло власти на себя. Тут у него не было конкурентов. Причем делал он это незаметно, без видимого нажима. И даже так, чтобы соломку подстелить тому, кого он легким движением торса сталкивал с края скамейки. Нужны были места для размещения днепропетровской, молдавской и казахстанской команды. На всех важных постах он расставлял надежных людей, которые лично его не подведут. И вот один за другим из Президиума, из Политбюро ЦК КПСС исчезли Воронов, Полянский, Микоян, Подгорный. Вы помните, как без всякого шелеста и объявлений исчез Шелест — руководитель крупнейшей Украинской партийной организации. На заседании Политбюро он, говорят, произнес только одну фразу по какому-то вопросу: Украинская партийная организация не поддержит это решение.

А насчет «соломки» вот любопытный факт. После освобождения Н. Г. Егорычева с поста секретаря Московской парторганизации ему позвонил Леонид Ильич и сказал примерно такое: «Ты уж извини, так получилось... Нет ли у тебя каких там проблем — семейных или других?» Егорычев, у которого дочь незадолго до этого вышла замуж и маялась с мужем и ребенком без квартиры, имел слабость сказать об этом Брежневу. И что же вы думаете? Через несколько дней молодая семья получила квартиру. Брежнев не хотел ни в ком вызывать чувство озлобления. Если бы он был сведущ в искусстве, наверное, ему больше всего импонировали бы пастельные полутона, без ярких красок, будь то белые или красные, зеленые или оранжевые... Он часто сам одаривал квартирами свое окружение. Ну что вы скажете? Представляете себе президента США, который распределяет квартиры?..

Итак, Брежнев пришел без своей программы развития страны. Это один из редких случаев в современной политической истории, когда человек принимает власть, как таковую, без каких-либо определенных планов. Но нельзя сказать, пользуясь выражением Мао Цзэдуна, что это был чистый лист бумаги, на котором можно было писать любые иероглифы. Человек глубоко традиционный и консервативный по своему складу, он больше всего опасался резких движений, крутых поворотов, крупных перемен. Осудив Хрущева за волюнтаризм и субъективизм, он прежде всего позаботился о том, чтобы перечеркнуть его радикальные начинания, восстановить то, что было апробировано при Сталине. В первую очередь были ликвидированы совнархозы и деление партийных органов на промышленные и сельскохозяйственные (форма своеобразного хрущевского плюрализма?), что так раздражало аппарат управления. Крупные руководители, которые против своей воли отправились в ближнюю и далекую периферию, вернулись на прежние места в Москву. Тихо и незаметно была сведена на нет идея ротации кадров. В противовес ей был выдвинут лозунг стабильности — голубая мечта каждого аппаратчика. Брежнев не вернулся к сталинским репрессиям, но успешно расправлялся с инакомыслящими.

Вместо хрущевской одиннадцатилетки, претендовавшей на политехнизацию школы, снова вернулись к прежней десятилетке. Крестьяне получили обратно отрезанные у них приусадебные участки. Ушла в прошлое кукурузная эпопея, а вместе с ней и Лысенко. Постепенно произошла переориентация с освоения целины на форсирование земледелия центральных районов страны. Колхозники получили пенсионное обеспечение, была гарантирована минимальная зарплата для работающих в колхозах. Снизилась норма обязательных поставок, и увеличились закупки сельскохозяйственных продуктов по более высоким ценам.

Все эти мероприятия в сельском хозяйстве были намечены еще при Хрущеве. Последним таким всплеском реформаторства явился сентябрьский Пленум 1965 года. На нем была предложена хозяйственная реформа, инициатором которой выступал Косыгин. В основу реформы были положены дискуссии, начатые еще в сентябре 1962 года вокруг статьи харьковского профессора Е. Либермана «План, прибыль, премия». Эти идеи развивались затем в выступлениях крупных советских ученых

В. Немчинова, В. Новожилова, Л. Канторовича. Накануне октябрьского переворота, в августе 1964 года, по предложению Хрущева началось осуществление предложенной учеными новой хозяйственной системы на фабриках «Большевичка» в Москве и «Маяк» в Горьком. И через несколько дней после пресловуто «добровольного» ухода Хрущева на пенсию этот эксперимент распространился на многие другие предприятия. Вдохновленный его результатами, Косыгин и сделал свой доклад на сентябрьском Пленуме 1965 года.

Брежнев, однако, относился скептически к этой «затее». Не вникая в ее суть, он интуитивно больше доверял тем методам, которые дали такие блестящие, по его мнению, результаты в период сталинской индустриализации. Не последнюю роль сыграла и ревность к Косыгину, который имел перед ним все преимущества как один из старейших руководителей, авторитет его восходил еще к периоду Отечественной войны.

Ревность — чисто аппаратное понятие, которое является бюрократическим синонимом слова «зависть». Но здесь оно имеет особую нагрузку. Люди, находящиеся на одном и том же этаже административной лестницы, зорко следят за тем, чтобы их коллега не выдвинулся раньше чуть-чуть вперед. Поэтому их ужасно раздражает каждое выступление сотоварища по работе, особенно в печати, на телевидении, перед широкими партийными и народными аудиториями.

В самый начальный период руководства Брежнева на заседании представителей стран Варшавского Договора произошел забавный эпизод, когда он произнес единственную, кажется, не написанную загодя речь. Румынскую делегацию возглавлял не руководитель партии, а Председатель Совета Министров, и он предложил, чтобы общий документ был подписан именно руководителями государств, а не партий. И тут, как подброшенный пружиной, подскочил Леонид Ильич и произнес две с половиной фразы. Они звучали примерно так: «Как же можно? Документ должен подписывать первый человек в стране... А первый человек — это руководитель партии».

В ту пору в аппарате пересказывали слова Брежнева по поводу доклада Косыгина на сентябрьском Пленуме: «Ну что он придумал? Реформа, реформа... Кому это надо, да и кто это поймет? Работать нужно лучше, вот и вся проблема».

Впрочем, мои личные впечатления о Брежневе могут быть субъективны, тем более что говорил я с ним только однажды. Обратимся к оценкам людей, которые знали его больше. А. Бовин, который писал для него речи многие годы, утверждает, что Брежнева трудно назвать крупным политическим деятелем, правда, он тут же добавляет, что, по его наблюдениям, «Брежнев был в общем-то неплохим человеком, общительным, устойчивым в своих привязанностях, радушным, хлебосольным хозяином». «Любил охоту... Радовался доступным ему радостям жизни». Есть доброта, которая хуже воровства — это доброта за государственный счет.

Но это к слову. А вот с чем решительно нельзя согласиться, так это с концепцией «двух Брежневых» — до середины 70-х годов и после, с утверждением, будто он был в самом начале своей деятельности сторонником экономической и других реформ. Приводят длинную цитату из выступления Брежнева на сентябрьском Пленуме 1965 года. Однако уже в то время было доподлинно известно, что Брежнев — активный противник реформы, предложенной Косыгиным, и прежде всего по его вине она провалилась.

Как раз при Брежневе сложилась традиция ужасающего словоблудия, которое с трудом разместилось в девяти томах «его» собрания сочинений. Произносились речи — и нередко хорошие и правильные,— за которыми, однако, ничего не стояло. Авторы его речей обладали исключительной способностью с помощью малозаметного поворота исказить любую плодотворную идею. Так, например, в 1966 году в «Правде» была опубликована статья «О строительстве развитого социалистического общества». В ней, в сущности, содержались отказ от лозунга «развернутого строительства коммунизма», признание того, что у нас пока еще созданы лишь отсталые формы социализма, и ориентация на научно-техническую модернизацию, реконструкцию управления, демократическое развитие. Что же сделали люди из «идеологической парикмахерской»? Они вложили в уста Брежнева указание на то, что у нас уже *построено* развитое социалистическое общество. То же самое было заявлено в преамбуле к Конституции СССР. Все было, таким образом, превращено в пустую пропаганду. Так было при «раннем», а тем более при «позднем» Брежневе.

Политика переставала быть политикой. Ибо политика — это деловые решения, а не многословные речи

по поводу решений. Это не декларации о Продовольственной программе, а продовольствие в магазинах, не обещание коммунизма, а реальное движение к благосостоянию для каждого человека.

Верно, что словечко «проблема» стало излюбленным в первых выступлениях Брежнева. Он говорил о проблемах научно-технической революции, производительности труда, продовольственной проблеме, жилищной и т. д. И все время призывал принимать какие-то решения. Однако решения почему-то не принимались. А если принимались, то не исполнялись. В Институте социологических исследований АН СССР было проведено изучение эффективности решений, принимаемых Совмином СССР. Результаты потрясали: фактически исполнялось не более одного из десяти решений.

Верно, что Брежнев любил застолье, охоту, быструю езду. Это он ввел такой стиль — проноситься на ста сорока километрах по «коммунистическому городу». И чем быстрее ездило начальство в новеньких ЗИЛах, тем медленнее ползла страна. Зато были слова, слова, слова. А как расплачивался народ? Сколько миллиардов народных денег и народного энтузиазма ушло на необеспеченное и экономически не проработанное строительство БАМа? А чего стоили «величественные» проекты поворота сибирских рек? А бесконтрольные военные затраты? Тем временем уровень жизни народа откатывался на одно из последних мест среди индустриально развитых государств.

Один из инфантов Брежнева рассказывал о таком разговоре, который произошел на даче в Завидове, где готовилась очередная речь. Кто-то сказал Брежневу о том, как трудно живется низкооплачиваемым людям. А тот ответил: «Вы не знаете жизни. Никто не живет на зарплату. Помню, в молодости, в период учебы в техникуме, мы подрабатывали разгрузкой вагонов. И как делали? А три мешка или ящика туда — один себе. Так все и живут в стране». Да, верно говорится: рыба гниет с головы. Брежнев считал нормальным и теневую экономику, и грабительство в сфере услуг, и взятки чиновников. Это стало едва ли не всеобщей нормой жизни. Вспомним слова Сен-Симона, заметившего, что нации, как и индивиды, могут жить двояко: либо воруя, либо производя.

Кто виноват? Брежнев? Сейчас легко так сказать. Виновата дворня, небескорыстно раздувавшая этот пустой резиновый сосуд? Больше, чем он. Да потому, что

ведала, что творила. Но главный виновник, которого надо привлечь к суду истории,— брежневский режим, который законсервировал бедность и развратил сознание огромной массы людей.

Значит ли это, что страна не развивалась, что все действительно остановилось? Конечно нет! Народ продолжал трудиться. Промышленное производство медленно, но росло, хотя и все более обращали на себя внимание два крайне опасных явления. Стремительно увеличивалась добыча топлива. За полтора десятка лет было добыто столько же, сколько за всю предыдущую историю страны. Это означало проедание запасов, принадлежащих будущим поколениям, по принципу: после нас хоть потоп! И второе: почти неуклонно уменьшалась доля предметов потребления в общем выпуске продукции. Страна продолжала развиваться экстенсивно.

То было двадцатилетие упущенных возможностей. Технологическая революция, развернувшаяся в мире, обошла нас стороной. Ее даже не заметили, продолжая твердить о традиционном научно-техническом прогрессе. За это время Япония стала второй промышленной державой мира. Южная Корея стала наступать на пятки Японии, Бразилия выдвинулась в число новых центров индустриальной мощи. Правда, мы добились военного паритета с крупнейшей промышленной державой современного мира. Но какой ценой? Ценой все большего технологического отставания во всех других областях экономики, дальнейшего разрушения сельского хозяйства, так и не созданной современной сферы услуг, замораживания низкого уровня жизни народа.

Ситуация осложнялась тем, что были отвергнуты какие-либо поиски модернизации самой модели социализма. Напротив, вера в организационные и бюрократические решения усилилась. Чуть возникала проблема — и руководство страны реагировало однозначно: а кто этим занимается? Надо создать новое министерство или другой аналогичный орган.

Сельское хозяйство и продовольственная проблема оставались ахиллесовой пятой нашей экономики. Но решения искались на традиционных путях, которые уже показали свою неэффективность в предыдущую эпоху. Продолжалась политика совхозизации колхозов, то есть дальнейшего огосударствления.

Не дала ожидаемых результатов химизация. Несмотря на то что в 70-х годах СССР опередил США по

производству удобрений, производительность труда в сельском хозяйстве была в несколько раз ниже. Четверть самодеятельного населения СССР не могла прокормить страну, тогда как 2,5 процента — фермеры США, производили столько, что значительную часть продавали за границу.

Причина экономической и технологической отсталости была одна: непонимание и страх перед назревшими структурными реформами — переходом на хозрасчет промышленности, кооперированием сервиса, звеньевым семейным подрядам в деревне. И страшнее всего было режиму тех лет решиться на демократизацию, ограничение власти главной опорной базы Брежнева — бюрократии.

Всякие попытки продвижения по пути реформ, проявления хозяйственной самостоятельности или самостоятельности мысли пресекались без всякой пощады.

Главный урок эпохи Брежнева — крах командно-административной системы, сложившейся при Сталине. Государство не только не обеспечивало прогресс, но все более тормозило развитие общества — экономическое, культурное, нравственное. Брежнев и его окружение в одном отношении накопили не совсем бесполезный опыт, к несчастью затянувшийся почти на двадцать лет. Возврата нет! Даже если бы Брежнев решился подкрепить подгнившее здание рецидивом сталинских репрессий, ему не удалось бы сделать эту систему эффективной. Ибо технологическая революция требует свободного труда, личной инициативы и заинтересованности, творчества, непрерывного поиска, состязательности. Структурные реформы и перестройка явились непреложным логическим выходом из застоя.

Будучи живым воплощением иллюзий государственного социализма, Брежнев привел его на самую последнюю тупиковую остановку. Отсюда начинается единственно возможный, хотя и крайне трудный переход к формированию гражданского социалистического общества, в центре которого стоят самоуправляемые трудовые коллективы и активные индивиды: трудясь на самих себя, они трудятся на все общество. Государство, разумеется, не превращается в ночного сторожа, но оно, подобно шагреневой коже, резко сужает свои функции, сохраняя за собой только те, которые отвечают безопасности и прогрессу общества. Условно говоря, если из 100 министерств и ведомств сохранятся 15—20, а из 18 миллио-

нов работников аппарата управления две трети перейдут в сферу общественного самоуправления, наша держава от этого только выиграет, как, бесспорно, выиграют и ее граждане.

Урок второй — пора навсегда покончить с такими порядками, когда к руководству страной приходят не в результате нормальной демократической процедуры и публичной деятельности в партии, государстве, а путем закулисных комбинаций, а тем более заговоров и кровавых чисток. Опыт уже в достаточной степени показал, что в подобной обстановке к власти приходят отнюдь не самые способные руководители, не самые убежденные ленинцы, не самые преданные народу, а самые хитроумные улиссы — мастера групповой борьбы, интриг и даже обыкновенной коррупции. Политические мафии Рашидова и Кунаева, Щелокова и Медунова, «днепропетровский хвост» в лице Тихонова, а затем «феномен» Черненко — все это должно стать суровым предостережением политическим работникам любого ранга и уровня.

Во все времена среди всех народов считается, что руководство государством требует определенной подготовки, поскольку от этого в большой степени зависит судьба народа. Не будем вспоминать о древнем мире, где в качестве наставников правителей выступали такие люди, как Аристотель и Сенека. И в нашей России наследника престола наставлял близкий друг Пушкина Жуковский. Но и в современных государствах считается общепринятым, что для этой работы нужны и природные данные, и образование, и воспитание чувства гражданской ответственности, и многолетняя школа политической деятельности, участия в общественных и государственных делах, и ораторское искусство, и навыки публициста. Не будем ссылаться на западный опыт — он нам не указ, мы сами с усами. Но усы мы выращивали, а потом брили в больших хлопотах и трудах, набивая шишки, пока не поняли: нет, не каждый секретарь обкома может руководить великой державой нашей.

С момента революции стали закладываться традиции новой школы политического руководства. Ее главным принципом явилась социальная принадлежность: человек должен быть не знатным, не богатым, не высокообразованным, а своим, народным. Конечно, мало кто принимал как реальную для нынешнего времени крылатую

фразу о том, что каждая кухарка может управлять государством. В составе высшего руководства сразу после революции не было ни одной кухарки, да и ни одного рабочего или крестьянина. Политбюро в ленинские времена и почти все члены Центрального Комитета партии были выходцами из интеллигентной или полуинтеллигентной разночинной среды. Яркие или не очень яркие публицисты, страстные агитаторы, вожаки, вожди. Масса тогда внимала и верила им отнюдь не с тем притворно глуповатым выражением лица, которое мы видели в образе крестьянина в знаменитом фильме «Человек с ружьем».

После смерти Ленина это поколение руководителей было сметено последовательно проводившимися друг за другом сталинскими чистками. Ему на смену пришла более молодая генерация, отличавшаяся сильными характерами, но меньшим уровнем образования и культуры. Но эта генерация была низвергнута в 1936—1938 годах. И тогда пришло поколение людей, подавляющее большинство которых не участвовало в революции, но зато имело определенный уровень специфически партийного образования. Многие из них сделали сказочную, скачкообразную карьеру, поднявшись за несколько лет от рядовых работников до министров.

Брежнев принадлежал как раз к этой третьей генерации. Его путь был отмечен чисто аппаратным продвижением. При самом тщательном изучении того периода мы не можем обнаружить никакого следа публичных выступлений будущего Генсека. Он умело молчал, умело «выходил» на нужного покровителя и постепенно, но неуклонно продвигался вверх.

Проблема еще заключалась в том, что ни один из наших руководителей не позаботился о том, чтобы воспитывать себе преемника или преемников. Не будем говорить о Сталине — малейшего подозрения, что появился такой человек, было для него достаточно, чтобы стереть потенциального претендента на свое место в порошок. Он и говорил открыто своим так называемым соратникам: «Вот умру я, пропадете вы без меня, погибнете!» Отсюда, наверное, и пошло это восторженное восприятие непосредственно после кончины Сталина: «Обеспечено бесперебойное руководство государством». Сталинские дети и пасынки были сами поражены, что после его смерти небо не обвалилось и государственный руль не выпал из их слабых рук...

Справедливости ради надо сказать, что даже Ленин не позаботился о преемнике. В своем политическом завещании он дал характеристики каждому из оставленных высших руководителей, которые содержали по преимуществу критические замечания. Но и он не видел человека (а стало быть, не взращивал такого), который мог бы после него стать руководителем партии и страны. Эту традицию целиком воспроизвел Хрущев. Он приближал к себе только послушных исполнителей, хотя, наверное, и в мыслях не держал, что Брежнев может стать его преемником на высшем посту. Правда, Хрущев выдвигал молодых, таких, как Андропов, да и тот же Шелепин, которых держал, однако, на достаточной дистанции.

Вообще во всех странах современного мира изнанка политического лидерства подвержена злокачественной эрозии. Наиболее вероятные причины этого явления — развитие «массовой» демократии, с одной стороны, и чудовищного бюрократизма — с другой. Именно это порождает «флюгерного лидера», который старается угодить обеим сторонам. Нам долгое время казалось, что мы избавлены от этих бед самим фактом существования централизованного планового общества, которое может разумно направлять свое развитие. Но здесь нас подстерегали большие разочарования. И прежде всего как раз в отношении политического лидерства, которое оказалось вовсе не таким мудрым, чтобы взять на себя функции, принадлежащие, в сущности, всей партии и народу.

Значит, нужна реформа самой традиции политического лидерства. XIX партконференция начала великое дело реформы всей нашей политической системы. Это первый, но не последний шаг. Нужно долго думать и многое сделать, чтобы новый Брежнев, а тем более новый Черненко не появились не только на вершине, но даже в составе высшего руководства. Ибо теперь уже очевидно, что тот, кто не умеет руководить, неизбежно скатывается к искусственному насаждению своего культа, разбазариванию народного достояния и коррупции.

Ротация кадров — это крупное, удачно найденное решение. Однако нужны гарантии, чтобы и на пять, а тем более десять лет не приходили слабые, а тем более коррумпированные руководители. Необходимы перемещение центра тяжести в сторону публичной деятельности кандидатов на высшие посты и, конечно, подлинная выборность.

Искусство управлять — самый сложный из всех видов искусства, включая военное и художественное. Мы стали выигрывать войну с фашизмом, когда на смену Ворошилову, Буденному, Тимошенко, Кулику пришли Жуков, Рокоссовский, Конев, Мерецков, Толбухин. То же самое в политике. Перестройка означает переход руководства от кадров брежневского типа к талантливым современным руководителям, способным осуществлять крутые повороты и заглядывать в дальние перспективы. Не говоря уж о требованиях общественной пользы и элементарной морали. Словом, нужны мастера руководства, а не подмастерья или тем более ленивые потребители престижа, власти и привилегий.

Важнейшая гарантия от рецидива брежневщины — это найденный и осуществляемый сейчас партией социалистический плюрализм. Модель его восходит к ленинскому периоду. В то же время мы имеем возможность пойти значительно дальше. Преувеличенные страхи по поводу крайностей гласности — а таковые, несомненно, сопутствуют общему здоровому потоку — отражают отнюдь не заботу о социализме, а порождены авторитарной политической культурой.

Здесь нам больше всего противостоит консервативная традиция. Российская политическая культура не терпела плюрализма мнений и свободы критики правительственной деятельности. Только после революции 1905 года была пробита маленькая брешь. Но и тогда ни царя, ни царизм, ни существующий строй критиковать, по сути дела, было нельзя.

После революции одним из первых декретов были приняты меры против контрреволюционной печати разных оттенков. Но говорилось об этих мерах как о временных, связанных с обострением классовой борьбы. Не менее характерно и то, что сразу после окончания гражданской войны Ленин вернулся к прежнему подходу нашей партии, которая фиксировала неизменно в своих программах право на свободу выражения мнений. Плюрализм внутри партии, профсоюзов, Советов, крестьянских объединений и в особенности в сфере культуры стал обыденной нормой и важной стороной новой экономической политики. И он был свернут вместе с нэпом в конце 20-х годов. Хрущев кое-что сделал для восстановления такой гласности, а Брежнев снова похоронил ее.

С нашим плюрализмом связаны и гарантии прав меньшинства — разве мы не убедились на собственном

опыте, как это важно? Революционная перестройка, по крайней мере на своем начальном этапе, опиралась на идеи, взгляды и волю не большинства, а меньшинства. Так было, по сути, всегда, если говорить о борьбе нового со старым. Самая девственная и изящная из всех демократий — афинская — устами большинства решила: Сократу надо выпить яд. Пей, Сократ, пей, раз этого требует большинство! А у нас в 30-х годах разве Сталин не опирался на волю большинства? Не станем говорить о его соратниках, с ними не было вопросов. Даже Хрущев, могучий сокрушитель культа личности, искренне и самозабвенно участвовал в избиениях по воле большинства. Большинство считало: Бухарин не прав. Что ж, иди, Николай Иванович, не оглядывайся, пуля дырочку найдет...

А в новейшее время Брежнев — разве он был один? Абсолютное большинство в аппарате управления молилось на него, получая при нем все — звания, лауреатские значки, академические деньги, дачные постройки, взятки. Поддерживали его и те социальные слои, которые безбоязненно жили и сейчас живут за счет нетрудовых доходов.

Чем гарантировать меньшинство, его волю, его интересы, его взгляды? Меньшинство, которое сегодня как будто ошибается, а завтра может стать главным носителем прогресса? Только личными правами — в партии, государстве, других институтах политической системы: свободой думать, говорить, писать, искать истину и добиваться ее признания — другого пути нет.

Конечно, и меньшинство далеко не всегда может быть правым. Поэтому оно и должно знать свое место и считаться с волей большинства. Без этого нет дисциплины и нет порядка — ни в одной организации, ни в одном государстве. Стало быть, оно вправе претендовать только на автономию в рамках общепринятого. Но сама эта автономия, четко очерченная уставом, законом и политической практикой, может стать огромным завоеванием нашей демократии.

В сфере науки и культуры гарантия прав меньшинства — вещь обыденная, хотя и здесь у нас было немало бюрократического насилия. Еще не стерлось из памяти, как большинство преследовало генетику, клеймило теорию относительности и кибернетику, отвергало джаз, а тем более рок-н-ролл, изничтожало абстрактное искусство, отвергало социологию и политологию. Сейчас как

будто понятно, что трижды убийца тот, кто убивает мысль. Но ведь есть и другие сферы, которые ближе соприкасаются с властью и политикой и где трудно гарантировать автономию меньшинства ради альтернативных решений. Здесь нужна особенно тонкая и точная работа резцом законодателя, которая определяет меру сочетания взглядов и интересов большинства и меньшинства, подлинный социалистический плюрализм.

И последнее — долой льстецов из политической жизни! Наверное, все политические руководители у всех народов любят лесть. Но наши во времена Сталина и Брежнева любили лесть самой преувеличенной, культовской пробы. И не потому, что они верили в такие восхваления, а потому, что им нравились унижение льстеца, его распластанность и растоптанность. Некоторые наши доморощенные фуше и талейраны прошли, как нож сквозь масло, через все политические режимы и ныне лихорадочно суетятся в борьбе за самосохранение.

К счастью, к руководству нашей страной пришли и приходят люди, которые имеют ясную программу развития страны и во главу угла поставили радикальную политическую реформу. Началось, будем надеяться, формирование новой школы политического лидерства и новой демократической культуры всего народа. В этом — надежная гарантия против рецидива сталинских и брежневских традиций.

Глава XV

КАКОЙ СОЦИАЛИЗМ НАРОДУ НУЖЕН

Какой социализм народу нужен? Подобный вопрос, наверное, покажется кому-то крамольным. А ведь, если вдуматься, именно здесь сегодня главный нерв идущих дискуссий. Очень точно об этом сказано в правдинской редакционной статье «Принципы перестройки: революционность мышления и действий» (5 апреля 1988 г.): «Как нам быстрее возродить ленинскую сущность социализма, очистить его от наслоений и деформаций, освободиться от того, что сковывало общество и не давало в полной мере реализовать потенциал социализма?»

Ленин сделал после «военного коммунизма» знаменательное заявление: мы пересматриваем всю точку зре-

ния нашу на социализм. Если говорить прямо, без обиняков, нам сейчас предстоит решать аналогичную задачу. Во-первых, для того чтобы вернуться к Ленину и преодолеть сталинское наследие, во-вторых, чтобы выразить интересы и чаяния нашего народа, вот уже более семидесяти лет строящего социализм. Нужно также принять во внимание и опыт народов еще четырнадцати социалистических стран, а также реалистически оценить соревнование с капиталистическим миром в эпоху технологической революции. В этом, полагаю, суть нового мышления о современном социализме.

О том, какой мы видим свою задачу, и было уместно сказать в связи с обсуждением статьи «Не могу поступаться принципами», опубликованной в газете «Советская Россия» (13 марта 1988 г.). Она, эта статья, представляла собой не просто манифест догматизма. Это акция в преддверии XIX партийной конференции, рассчитанная на консолидацию консервативных сил. Принципы — вещь необходимая, и человеку, как говорил Ленин, нужен идеал, но человеческий...

Противники перестройки пытаются использовать трудности ее начального периода. Гласность и свобода выражения разнообразных мнений, осуществляемые людьми, которые отнюдь не сошли с другой планеты, а формировались в тех же трудных условиях культа личности, подъема и разочарований 60-х годов и особенно в период застоя, в условиях, когда еще не преодолены последствия авторитарно-патриархальной политической культуры,— такая гласность неизбежно сопровождается эмоциональными крайностями, деструктивными всплесками, нецивилизованной полемикой. Ну и что? В политике — о чем было известно еще с самых древних времен — не бывает только положительных или абсолютно отрицательных явлений. Всегда приходится делать выбор в пользу решений, которые дают предпочтительные результаты. И могут ли быть сомнения, когда мы сопоставляем два метода — вскрывать проблемы или скрывать проблемы? Гласность есть меч, который сам исцеляет наносимые им раны. Кто это говорил? Ленин.

Серьезные политики, да и любые другие ответственно относящиеся к делу люди, понимают, что скрыть проблему — значит загнать ее внутрь, дать ей разрастись до таких размеров, когда уже невозможно будет с ней справиться. А вскрыть проблему — значит начать решать ее.

Разве раньше, во времена культа личности, не падали самолеты, не сталкивались поезда, не вспыхивали национальные конфликты? Все это было. Но все сопровождалось молчанием, как на кладбище. И сейчас страна расплачивается за годы и десятилетия молчания. Гласность — это зеркало народа, и он его не боится, поскольку издревле придумал поговорку: нечего на зеркало пенять... Да, нужно менять облик самого общества, чтобы не было оснований жаловаться на свое отражение.

Консервативные силы хотят использовать и определенную асимметрию, имеющуюся между гласностью и реальными экономическими результатами, которых пока еще мало. Но ответственность за то, что новаторские реформы идут медленнее, чем нужно, несут прежде всего они — эти силы. Они сопротивляются всеми доступными им средствами, прямыми и косвенными, развитию кооперативов, семейного, звеньевого, бригадного подрядов, индивидуального труда, которые без значительных затрат могли бы дать быстрые результаты. Несколько десятков тысяч малых кооперативов, созданных в стране за три года,— это капля в море. А они — эти наши доморощенные тори — одной рукой тормозят прогрессивные преобразования, другой же поощряют паникерские выступления по поводу перестройки.

Но в одном отношении статья в «Советской России» все же была полезна. Вызывающе прямолинейно она защищает Сталина и его наследие. Казалось бы, скрытым противникам перестройки целесообразнее было бы занять более сбалансированную позицию, так сказать, воевать на два фронта — и против крайних антисталинистов, и против откровенных сталинистов. Но этого не произошло. Тем самым снова продемонстрировано, что альтернативы перестройке нет. Вялая, неакцентированная брежневская политика не устраивает никого. И это знаменательно.

Нетрудно понять, почему противники перестройки выступают нередко с открытым забралом. Они явно почувствовали, что перестройка вступает в такой этап, когда может стать необратимой, когда она войдет в плоть и кровь народа и наших общественных отношений. Почувствовали — и решили дать бой, пытаясь расколоть общественное сознание, найти опору в самых отсталых общественных силах.

Главной темой дискуссий является, согласно статье Н. Андреевой, вопрос о месте Сталина в истории на-

шей страны. Но это неверно! Подобный вопрос был основным объектом борьбы тридцать лет назад, в период XX съезда партии. В сущности, уже тогда на него был дан прямой ответ, в чем легко убедиться, обнародовав секретный доклад Н. Хрущева. Да и новых фактов становится все больше по мере работы комиссии Политбюро ЦК КПСС, а также в ходе расследований, которые ведутся в печати, науке, литературе. И только очень отсталые люди, находящиеся на периферии политических борений, ныне как будто только-только открывают для себя эту главу нашей истории.

На самом деле сейчас главным является другой вопрос, на который не было дано ответа в 60-х годах. Это вопрос о системе управления, сложившейся в сталинскую эпоху. «Мы поняли,— отмечал М. С. Горбачев,— что партии надо проявить мужество и волю, освободиться от сложившихся представлений о социализме, на которых лежит печать определенных условий и особенно — периода культа личности. Освободиться от старых представлений о методах строительства, а главное — избавиться от всего, что, вообще говоря, деформировало социализм, сковывало творческие способности народа».

Сенека говорил: тяжелая ошибка часто приобретает значение преступления. Очевидные преступления Сталина вскрыты и разоблачены почти треть века назад. А ошибки — ошибки, так глубоко вошедшие в нашу систему управления,— все еще продолжают жить и мешать стране двигаться вперед. Сейчас очень немногие открыто защищают репрессии 1937 года. Но все еще немало таких, кто более или менее разделяет ошибочные идеи Сталина. Поэтому эмоциональная критика должна быть дополнена критикой научной, извлекающей уроки из прошлого для сегодняшнего дня. И поэтому же очень важно исследовать концепции Сталина, которые оправдывали деформацию социализма.

Что там говорить: мы получали представление о марксизме и ленинизме, о самом социализме из сталинских рук. В основу системы преподавания, воспитания с начала 30-х годов легли работа Сталина «Вопросы ленинизма», отредактированный им «Краткий курс истории ВКП(б)», высказанные им идеи на XIV—XIX съездах партии, работа «Экономические проблемы социализма в СССР». Все действовавшие учебники по истории партии, политической экономии, научному коммунизму, философии, а также большинство теоретических исследований

в общественных науках так или иначе восходили к этим источникам.

Под влиянием сталинских взглядов абсолютизировался опыт 30—50-х годов, его сделали эталоном для суждений о социализме. Только этим можно объяснить тот поразительный факт, что автор упомянутой статьи в «Советской России» принимает за образец социализма сталинский период, не делая исключения для репрессий 30-х годов, и видит отступления от социализма именно в гласности, демократизации, экономических реформах, в идеях сегодняшней перестройки. Больше того, каждый раз, когда в жизни возникает новая форма эффективного развития социализма, находятся люди, которые становятся в этакую соблазнительную позу «защитников чистоты» и заявляют: «Это не социализм. Это противоречит его коренным принципам». Скатывание на позицию «капитализма» — самое малое обвинение. «Враги народа» — уже по максимальному счету.

Посмотрите, с какой подозрительностью у нас относились к поискам и экспериментам в других социалистических странах. В 1955 году Н. Хрущев, приехав в Югославию, мужественно признал наши ошибки, допущенные в прошлом. Он подписал декларацию, в которой закреплялось право каждой страны на собственный путь к социализму. Но уже через несколько лет ревнители «чистоты» обрушили идеологический огонь из всех пушек на югославский опыт самоуправления и рабочих советов.

Во время пребывания Хрущева в Югославии в 1963 году произошел знаменательный эпизод. Он посетил одно из предприятий в Белграде, где встретился с представителями рабочего совета. Неожиданно Хрущев заявил: «А что плохого в рабочем самоуправлении Югославии? Я не вижу здесь никакой крамолы. У вас одни формы, у нас другие». Реплика попала в югославскую и западную прессу. Мы попробовали включить ее в отчет для нашей печати, но, когда доложили Хрущеву, тот сказал: «Не стоит дразнить гусей у нас дома». Ох уж эти гуси, как дорого обходятся их предрассудки, их невежество в том самом марксизме, именем которого они клеймят и отлучают все новое, способное двинуть вперед социализм!

А с каким подозрением относились на протяжении двадцати лет к венгерским реформам! Сколько было перегибов и крайностей в суждениях по поводу дискуссий

о социализме в Чехословакии! А какое тайное и явное недоброжелательство вызывали попытки экономических преобразований в Польше, ГДР!

Не так давно мне довелось после возвращения из Китая рассказывать о тамошних реформах. В частности, о том, как с помощью семейного подряда там удалось в значительной степени решить продовольственную проблему, увеличить за пять-шесть лет больше чем на треть производство зерна и в три раза поднять жизненный уровень крестьян. И тут слово взял почтенный профессор. Он сказал буквально следующее: «Все это, конечно, неплохо. Но какой ценой это достигнуто? А достигнуто это ценой отступления от социализма и заимствования капиталистических методов. Не слишком ли дорогая цена за хозяйственный рост?»

Позвольте, 800 миллионов крестьян — голодных, несчастных, полузадушенных в пору «культурной революции» — сейчас стали обретать достаток. Это плохо? С какой точки зрения? Какие принципы говорят, что трудящиеся должны жить в бедности и нищете? Когда я слышу подобные сентенции, у меня такое чувство, будто кто-то из нас ходит на голове...

Тысячу раз прав М. С. Горбачев, когда говорит, что ни одна система не имеет права на существование, если она не служит человеку. Это наш, социалистический критерий оценки любой системы, и прежде всего собственной. Одновременно это сугубо классовый критерий. Нас заботит жизнь трудящегося человека, а вовсе не доходы буржуев или привилегии какой-либо элитарной группы.

Социализмом может быть названо только то, что обеспечивает на деле благосостояние и культуру трудящихся — рабочего, крестьянина, интеллигента. А то, что не обеспечивает,— это не социализм.

Если мы согласимся с таким критерием, тогда все становится на место. Семейный подряд в Китае, по крайней мере на нынешнем этапе развития страны, дал колоссальный эффект и для развития производительных сил, и для повышения жизненного уровня. Значит, это не просто социалистическая, а эффективная социалистическая форма. Добровольная кооперация в Чехословакии и Венгрии, где собирают 40 центнеров пшеницы с гектара, оказалась весьма продуктивной, она обеспечивает урожайность полей и производительность труда в два раза более высокие, чем у нас, и соответственно жизненный уровень крестьянского и городского населения.

Значит, добровольная кооперация оказалась эффективнее колхозов.

Ну а югославские госхозы, где урожай достигает 60 центнеров с гектара пшеницы, они организованы совсем не по типу наших совхозов, а, скорее, по моделям крупных индустриальных хозяйств в странах Запада,— это более социалистично или менее социалистично, чем совхозы? Ну а индивидуальные и семейные магазины, столовые, мастерские в Польше, ГДР, Венгрии, где хорошо и недорого кормят и обслуживают? Это отступление от социализма? Ну а то, что любой трудящийся Венгрии, Чехословакии, Польши, Югославии, если у него есть валюта, может выехать без всяких ограничений в любую страну,— это возвращение к буржуазной либерализации?

Нам предстоит оценить сходные, но в то же время различающиеся модели экономики, которые складываются в странах социализма: планово-товарного хозяйства (КНР), планирования с учетом потребностей рынка (ВНР), рыночной экономики (СФРЮ)... Оценить не только положительный опыт других стран социализма, проделавших путь экономических реформ, но и возникшие там трудности, тупики, новые проблемы.

Разработка концепции современного социализма предполагает сравнительный анализ реального опыта социалистических стран, его сопоставление с социалистическим идеалом, очерченным основателями научного коммунизма, с интересами, чаяниями и надеждами рабочего класса и всех трудящихся. Достижения, проблемы и перспективы современного социализма могут быть поняты в полной мере в сопоставлении с опытом современного капитализма, ибо, согласно марксистской теории, социализм представляет собой не докапиталистическое, а послекапиталистическое общество, а это предполагает более высокий уровень индустриального и научно-технического развития, производительности труда, уровень благосостояния и культуры народных масс, чем при капитализме. Этим объясняется маштабность широкой программы перестройки, революционных реформ, демократизации, намеченной XXVII съездом КПСС, которая находит все более активную поддержку в других странах социализма.

Реальный опыт показал множественность моделей социализма, которые принадлежат, однако, к новой общественно-экономической формации, поскольку построе-

ны на некоторых общих принципах. Раньше мы констатировали разнообразие опыта социалистических революций — Великой Октябрьской революции, народно-демократических революций в Восточной Европе, народной революции в Китае, кубинской революции и др. Затем обращалось внимание на разнообразие форм власти рабочего класса. Сейчас становится все более очевидным наличие существенных различий в характере и механизме использования собственности, формах обобществления, структуре и управлении экономикой, социальной структуре, уровне и образе жизни, формах и методах демократии, в культуре, господствующем мировоззрении и др.

Различие моделей социализма определяется не только характером революций, но и соотношением классовых сил, и различием историко-культурных цивилизаций, в рамках которых осуществляется процесс социалистического строительства. С этим связаны, например, бросающиеся в глаза особенности социалистического развития в Венгрии и Чехословакии в сравнении с КНР или Вьетнамом.

Важным фактором разнообразия моделей социализма стала политика коммунистических и рабочих партий, которая раньше или позже, глубже или менее основательно отразила потребности реконструкции социализма в соответствии с уровнем современного научно-технического и индустриального прогресса. Примером могут служить экономические и социально-политические реформы в Югославии, Венгрии, ГДР и других странах Восточной Европы, которые идут уже более двадцати лет, а также в Китае, где этот процесс развертывается на протяжении последних десяти лет. Длительный период застоя в Советском Союзе помешал осуществлению назревших и частично намеченных в 60-х годах реформ. Тем большее значение имеют масштабы и темп революционных реформ, проводимых в СССР на протяжении последних лет.

Почему же и как произошла в нашей стране деформация социализма? Начать с того, что уже в 20-х годах сложились не только два взгляда на социализм, но две модели, конкурировавшие между собой на практике.

Первая — «военный коммунизм» (1918—1921 гг.). Эта модель утвердилась в результате жестокой гражданской войны, но в немалой степени отражала и полу-

анархические взгляды о возможности «скачка» в коммунизм. А на практике это означало торжество приказа, насилия, прямые изъятия продукции у крестьян, ликвидацию нормального обмена продуктами труда.

Вторая модель — новая экономическая политика, нэп (1921—1928 гг.) — была основана на товарном хозяйстве, где конкурируют между собой различные виды предприятий — государственные, кооперативные, частные, где крестьянин свободно продает свою продукцию на рынке и покупает взамен промышленные товары. Важной стороной нэпа была демократия, особенно в партии, профсоюзах, Советах, на местном уровне, борьба различных течений в сфере искусства и культуры.

Не входя в обсуждение того, почему и как был свергнут нэп, замечу, что борьба двух тенденций, двух подходов, двух представлений о социализме шла на протяжении всей нашей истории и всего освободительного движения.

Все дело в том, что в освободительном движении с момента его зарождения боролись две тенденции: социал-демократическая (у нас — большевистская) и военно- или казарменно-коммунистическая. Это началось еще с наших предшественников. Сен-Симон — на одной стороне. Бабёф — на другой. Маркс — на одной стороне, Бакунин — на другой. Сам Маркс называл бакунинское течение «больной тенью коммунизма», «казарменным коммунизмом», отрицающим повсюду личность и цивилизованность, порожденным бедностью, невежеством, социальной завистью самых низших «низов».

В нашей партии это течение было чрезвычайно сильным, оно имело прочную опору в отсталом сознании и авторитарно-патриархальной политической культуре масс. Из состава членов Политбюро ЦК партии во времена Ленина по меньшей мере половина была в те или иные периоды подвержена идеям «левого коммунизма». Достаточно назвать Троцкого, который и после ссылки за границу до последних дней жизни продолжал проповедовать самые завиральные левацкие идеи.

В связи с этим пристального внимания заслуживает деятельность Н. Бухарина и других руководителей, которые поняли все значение политического завещания Ленина, нового подхода к социалистическому строительству и нового взгляда на социализм. Позиция Бухарина вообще имеет для нас особое, не до конца еще оцененное нами значение. Вокруг этой неординарной личности

не утихают споры и острые дискуссии. За этим стоит не только человеческая проблема, естественное сочувствие и сострадание судьбе невинно загубленных и замученных деятелей, их родных и близких. За этим стоит вопрос и о том, была ли альтернатива сталинским методам индустриализации, коллективизации, укрепления индустриального и оборонного могущества страны.

Принято говорить, что история не знает сослагательного наклонения. Что было, то было и не могло быть иначе. Но это не так. Зададимся простейшим вопросом: проживи Ленин десять, двадцать лет — разве страна прошла бы через те жестокие испытания, которые выпали на ее долю, через 1937—1938 годы? Да никогда в жизни! Подойдем к этому вопросу с другой стороны: что было бы, если бы XIII съезд партии выполнил прямое указание Ленина и освободил Сталина от должности генерального секретаря ЦК партии? Несомненно, наш путь был бы легче, человечнее, намного эффективнее. И вот еще одно доказательство, взятое из практического опыта: приход после смерти Мао Цзэдуна в Китае к руководству Дэн Сяопина, которому удалось заменить прямого преемника Мао Хуа Гофэна, ознаменовал начало крупных экономических и политических реформ. Не случайно в Китае издают и переиздают работы Н. Бухарина — там, видимо, понимают значение альтернативы сталинизму и маоизму.

Участник группы «экспроприаторов», Сталин с самого начала своей политической деятельности шел в русле левацкого течения, был склонен к террористическим методам. Поэтому он не понял или сознательно отверг идеи ленинского завещания, которые легли в основу новой (а не старой, периода «военного коммунизма») экономической политики.

Уже в начале 20-х годов Сталин счел необходимым дать свою трактовку теории. Современному читателю стоит заглянуть в его «Вопросы ленинизма». Эта работа во многом состоит из закавыченных и раскавыченных цитат Ленина с кратким комментарием, выполненным лапидарным и схематичным «сталинским стилем».

Легко проследить, как Сталин исподволь, сначала незаметно, а потом все более явно смещал акценты, передвигал центры тяжести в ленинских высказываниях. И направленность этих смещений была однозначна. Постепенно, но не неуклонно высвечивалось главное — апофеоз насилия. Революция, обобществление экономики,

руководство культурой, все другие преобразования были для него синонимом грубого насилия. Это наложило мрачный и суровый отпечаток и на методы осуществления коллективизации и индустриализации, и на формы партийной борьбы, и в целом на весь процесс социальных преобразований. Совсем не случайно еще в начале 30-х годов, в поисках параллели развития своей эпохи, Сталин обратился к таким несхожим фигурам отечественной истории, как Иван Грозный и Петр Великий. Он черпал в их опыте обоснование неизбежности самых жестоких методов во имя державного величия страны.

Но аналогия с Петром как раз ударяет по Сталину. Петр, увы, не был социалистом. Ему надо было вытащить страну из отсталости любой ценой. Задача благосостояния и культуры народа относилась им на десятый план. Между тем Сталин свои представления о государственном величии страны и роли вождя почерпнул на две трети из прежнего опыта России, а отнюдь не из марксистских источников.

Сталин отправил несколько миллионов крестьян в Сибирь, а часть заключил в лагеря за то, что у них было по три-четыре коровы и лошади. Получалось, что чем лучше будут жить люди труда, тем больше их должно ограничивать и наказывать государство. И это Сталин считал социализмом?

На XVIII съезде партии в 1939 году, сразу после ужасающего кровопускания в партии и народе, Сталин заявил, что настало время непосредственного перехода к коммунизму. Что такое коммунизм, он нам так толком и не объяснил: то ли когда все досыта наедятся, то ли всеобщее равенство — чего? — потребностей, способностей, возможностей, осталось неясным. Но что было утверждено четко — целое поколение людей должно быть принесено в жертву «скачку» в коммунистическое будущее. Такая политика вела к разрушению нормального функционирования народного хозяйства, к попыткам огосударствления колхозов, к использованию в массовом масштабе труда заключенных.

И уже под занавес своей жизни в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин опять вернулся к своей схеме «скачка» в коммунизм. В качестве непосредственных задач он выдвигал переход к прямому продуктообмену, постепенной отмене оплаты за товары и услуги, ограничению, а затем и ликвидации товарно-денежных отношений. Его идея о том, что в условиях

социализма закон стоимости действует в преобразованном виде, послужила теоретическим обоснованием полного искажения системы ценообразования, хозяйственного произвола, нарушения пропорций в развитии экономики.

Как же уживалась вера в государственное насилие с мечтой о «скачке» в коммунизм? На это ответил еще Л. Троцкий. Ему принадлежит образное сравнение диктатуры пролетариата с лампой: ее фитиль вспыхивает особенно ярко именно перед тем, как погаснуть. Это толковалось таким образом, что государственное насилие должно достигнуть максимума накануне отмирания государства. Как видим, каждая утопия имеет свою изнанку.

Сталин тайно позаимствовал этот взгляд, а явно попросту следовал ему на практике. Все помнят его идею о том, что по мере успехов социалистического строительства сопротивление классовых врагов будет возрастать и классовая борьба будет обостряться. Разве это не та же «лампа», которая отбросила ужасающий отсвет на репрессии в 30-х годах, когда террор был направлен против самих коммунистов, беспартийных рабочих и крестьян?

Особенно нетерпим был Сталин к интеллигенции, которая видела лучше других ошибочность его идей. Лично от Сталина исходили многие решения, направленные на организацию очередных кампаний по «проработке» деятелей литературы, искусства, кино. Проблемы гуманизма, преодоления отчуждения, состязательности в культуре рассматривались как «отрыжка» буржуазной идеологии.

Созданная Сталиным идеология культа личности, его казарменно-утопические идеи «скачка» в коммунизм стали тормозом в развитии нашей страны, отрицательно отразились на строительстве социализма в странах Восточной Европы и Китае, подрывали веру в социализм в странах капитала.

Сталин упростил, «выпрямил» задачу социалистического строительства, поставив знак равенства между процессом широкого обобществления и огосударствлением. Вначале промышленные предприятия были подчинены государственному управлению, а затем произошло, по сути, огосударствление колхозов.

Огосударствление захватило не только экономическую сферу, но и распространилось постепенно на всю духовную жизнь, на управление учреждениями культуры,

издательствами, театрами, школами, университетами, больницами, спортом. Если принять еще во внимание, что сами государственные служащие никем не избирались, а подбирались, то легко определить источники бюрократизации управления.

Наши классики предвидели возможность подобных ошибок. Соблазн простого огосударствления слишком велик. И вот их предостережения. «Государственная собственность на производительные силы,— писал Энгельс,— не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения». «Если государственная табачная монополия есть социализм,— писал не без юмора Энгельс,— то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма».

Опыт социалистических стран подтвердил, что главной особенностью социализма является победа общественной собственности. Это то, что сейчас отрицают некоторые западные теоретики освободительного движения, которые говорят о «смешанной экономике», включающей в себя общественную собственность и частную собственность — и не только на этапе антимонополистической борьбы, но и в самом социалистическом идеале. Другой крайней позиции придерживаются «леваки», которые отождествляют общественную социалистическую собственность и государственную собственность. Они не понимают необходимости многообразия форм собственности — государственной, кооперативной, семейной, личной. Да и не всякая государственная собственность является общественной, социалистической.

Само по себе огосударствление орудий и средств производства отнюдь не всегда носит социалистический характер.

Все дело в том, что огосударствление собственности — как предсказывали К. Маркс и Ф. Энгельс и подтвердила наша эпоха — вовсе не однозначно утверждению социалистической собственности и социалистических производственных отношений. Несомненно, что господство частной собственности порождает эксплуататорское общество. Но всегда ли государственная собственность неизбежно приводит к социальному равенству и социализму? Опыт нашего века дает отрицательный ответ на этот вопрос. Государственная собственность — гибкая форма собственности, она может служить и социалистическим и несоциалистическим целям.

В нашу эпоху можно разграничивать следующие виды государственной собственности в несоциалистических странах:

1. Государственно-монополистическая собственность в условиях развитого капитализма, где государственный сектор составляет в промышленности 20—30 процентов. В таких условиях государство в общем и целом выражает интересы монополии, а также в той или иной степени всей буржуазии и средних слоев.

2. Государственно-капиталистическая собственность, характерная для стран слаборазвитого капитализма, которые не достигли еще своей монополистической стадии. Это можно наблюдать прежде всего в развивающихся странах капиталистической ориентации, а также во многих среднеразвитых капиталистических странах, например в Латинской Америке. Государственная собственность в развивающихся странах капиталистической ориентации достигла 50, а иной раз 70—80 процентов в промышленности, но она отнюдь не служит базой для социалистических отношений и преобразований.

3. Феодальная государственная собственность. Этот вид собственности можно наблюдать в ряде развивающихся стран, и прежде всего в Африке. Во многих случаях феодальная государственная собственность переплетается с государственным капитализмом, примером чему служит Саудовская Аравия.

Что же является критерием для отнесения государственной собственности к социалистической?

Прежде всего характер производственных отношений (отсутствие эксплуатации), природа власти (рабочий класс и трудящиеся руководят государством), образ жизни (высокий жизненный уровень, удовлетворение экономических и социальных прав) и участие трудящихся в управлении. Государственная собственность даже в условиях социализма не решает сама по себе проблему отчуждения, не гарантирует, что именно производитель станет хозяином продуктов своего труда.

Важным внешним показателем характера системы является политика — экономическая, социальная, культурная, а также и внешняя политика.

За послесталинский период наша теория и практика в общем и целом преодолели две ошибочные сталинские идеи — веру в абсолютную силу насилия и соблазны «скачка» к коммунизму. Хрущев был последним руководителем страны, который еще надеялся, что «нынешнее

поколение будет жить при коммунизме». Но до сих пор осталась непоколебленной главная сталинская идея — «государственного социализма». Я заключил это понятие в кавычки, поскольку понимаю его приблизительность, условность, неполную адекватность. Но именно Сталин, а не Ленин выдвинул теорию о том, что государство играет решающую роль в строительстве социализма. Не рабочий класс и его партия, а государство, хотя само оно ничего не производит — ни хлеба, ни обуви, ни машин, ни книг. Это делает народ, а государство только регулирует — лучше или хуже — процесс созидания.

Хотя Брежнев был первым нашим лидером, уже не обещавшим построить коммунизм при жизни одного поколения, ему в полной мере была присуща вера во всесилие государства, его организационных возможностей. Когда он пришел к руководству страной, ему казалось, что достаточно преодолеть хрущевские «затеи», вернуться к прежним формам — и дело пойдет. Ему больше, чем любому другому нашему руководителю, были присущи иллюзии «организованного реагирования». Не случайно при нем число министерств и ведомств достигло более ста. Тогда как даже при Сталине их было едва ли не втрое меньше.

И до сих пор вера в организационные решения реальных проблем, которые касаются почти исключительно верхнего этажа управления, себя не исчерпала. Между тем задача состоит в том, чтобы поставить в новые условия каждого производителя — рабочего, крестьянина, интеллигента. Стимулировать их заинтересованность в результатах труда, их личную инициативу.

Стратегия крутого перелома, крупных экономических и социальных преобразований, намеченная XXVII съездом КПСС, имеет своей важнейшей задачей переход к качественно новой ступени развития социализма. Известно, сколь многого достигла наша страна в своем индустриальном развитии. Экономическая и военная мощь нашей державы, социальное и национальное равенство, духовное развитие человека — все эти завоевания говорят сами за себя. Но это только первые шаги на пути социалистической цивилизации.

Важнейший фактор перемен — преодоление наследия командно-административных методов. Деформированная в результате режима личной власти Сталина административно-командная экономика обнаружила ряд органических пороков.

Первый, самый очевидный порок — произвол в экономической политике на протяжении многих десятилетий. Речь идет прежде всего об административной по преимуществу коллективизации в 20-х годах, о сверхиндустриализации в 30-х годах, о ликвидации приусадебных участков в 50-х годах, о застое в 70-х годах.

Выходит, дело в самой структуре хозяйствования, которая по своей природе податлива произволу или, во всяком случае, не имеет гарантии в себе самой от экономического произвола.

Расплатой за это становится технологическая и техническая стагнация. Внутри самой системы не было стимулов для постоянного обновления технологии, для внедрения новой техники, для непрерывного внедрения достижений технического прогресса. Построенная по принципу «приказание — исполнение», эта экономика с трудом справлялась с намечаемыми сверху планами экономического развития. У нее не было ни резервов, ни материальных средств, ни, наконец, побуждений для того, чтобы постоянно совершенствовать технику, добиваться более высокой производительности труда.

Какие новинки науки и техники следует внедрять в практику? И как это делать? План, спускаемый сверху, как правило, не предусматривает обновления технологии: такое обновление неизбежно нарушает выполнение текущих задач, так как связано с перестройкой технологии и управления. Единственным средством в этом случае является заглядывание через забор — в другие, более развитые в научно-техническом отношении страны. На протяжении десятилетий главные стимулы технического прогресса шли из-за рубежа.

Но и это был чрезвычайно ненадежный стимул. Долгое время все иностранное, даже иностранная техника (кроме ядерной), было предметом осуждения. Закупки новой технологии за рубежом занимали самое малое место. Впоследствии стали ориентироваться на постоянное расширение закупок новой техники, технологических процессов в зарубежных странах. Однако это не меняет сути проблемы: внутри самой экономики стимулы для научно-технического прогресса были ничтожны. Здесь заложен какой-то ее органический порок, и советская печать чем дальше, тем острее ставила этот вопрос.

Другой порок такой системы управления — хронический недостаток продовольствия, товаров и услуг. В отличие от экономики капитализма с ее кризисами

перепроизводства, командно-административная экономика так и не смогла избавиться от постоянного дефицита. Заклинания и обещания руководителей не меняли дела. Значит, порок лежит где-то в основании функционирования такой системы.

Наконец, еще одна черта экономической системы прежнего периода — тенденция к самоизоляции. Любая экономика в наше время, если она хочет быть на современном уровне, не может развиваться без теснейших экономических связей с экономикой других стран, без участия в международном экономическом разделении труда. Наша экономическая система на протяжении многих десятилетий была практически изолирована не только в силу ошибочных политических решений. Она была изолирована и в силу собственной научной, технической и технологической отсталости, из-за неспособности выдерживать конкуренцию с более развитыми экономиками. Эти последние причины будут действовать еще длительное время. Хотя СССР начал развивать свои международные связи, от этого еще далеко до реального участия в международном разделении труда. Мы продаем в основном сырье, а покупаем машины. Что касается другой продукции перерабатывающей промышленности, то она так отставала от мировых стандартов, что могла продаваться за рубежом на основе демпинговых цен, то есть в убыток государству, исключительно для получения валюты.

Поэтому подобная командно-административная система предпочитала быть закрытой. Она боялась непосредственных экономических связей, плохо выдерживала впрыскивание в нее зарубежной передовой технологии и ничего не могла предложить взамен другим странам. Поэтому и внешняя торговля для нас, по сути, и была необходима с точки зрения военного производства и использования новой техники, но чрезвычайно затруднена. Такова плата за изоляцию экономической системы в условиях современного мира, законом которого стала экономическая интеграция, будь то на капиталистической или социалистической основе.

Перестройка началась под давлением насущных, жизненно важных проблем. Как известно, темпы экономического развития у нас снижались и достигли критической точки. Но и эти темпы, как теперь стало ясно, достигались в значительной мере на нездоровой основе, на конъюнктурных факторах. Речь идет, например, о торговле

нефтью на мировом рынке по сложившимся тогда высоким ценам, ничем не оправданном форсировании продажи алкогольных напитков. Если очистить экономические показатели роста от влияния этих факторов, то получится, что на протяжении практически четырех пятилеток мы не имели увеличения абсолютного прироста национального дохода, а в начале 80-х годов он стал даже сокращаться.

Теперь, когда конъюнктура мирового рынка изменилась и цены на топливно-энергетические ресурсы упали, когда во имя сохранения социального здоровья населения мы вынуждены сократить производство и продажу винно-водочных изделий, экономика страны столкнулась с серьезнейшей финансовой проблемой. Уменьшились поступления от продажи импортных товаров, закупки которых мы вынуждены были ограничить из-за нехватки валюты.

Статья в «Советской России» пытается создать впечатление о глубоком кризисе социализма. Но если уж говорить об элементах кризиса, то не современного социализма в целом, а одной из его форм — «государственного социализма». Эта форма сейчас изживает себя, обнаруживает свою неэффективность в условиях технологической революции. В экстремальных ситуациях, особенно во время гражданской и Отечественной войн, сверхцентрализм и государственное принуждение играли свою роль в мобилизации ресурсов и концентрации усилий. Но теперь такая форма стала помехой продвижению вперед на всех направлениях экономической, социальной и культурной жизни. И она должна преобразоваться — постепенно, планомерно, обдуманно — в новую форму, которую условно можно было бы назвать гражданским социалистическим обществом.

Пора понять, почему так случилось, что в нашей стране, с ее колоссальными богатствами земли, леса, нефти, газа, металла, с ее энергичным и ныне вполне образованным народом, до сих пор не хватает в нужном количестве и качестве еды, одежды, жилищ, книг, кинофильмов... Видно, социализм был не вполне хорош, а народу нужен хороший, очень хороший социализм. Народу нужны не сталинские «зори», не монументальные постаменты в честь вождей, а нормальная цивилизованная жизнь.

Это, конечно, не значит, что централизованное государственное руководство исчезнет. Полный «демонтаж»

государства — идея нелепая, особенно в условиях все более усложняющихся внутренних и международных экономических, информационных, гуманитарных связей. Но это значит, что значительную часть своей власти, функций, полномочий, прерогатив государство должно уступить гражданскому обществу и его институтам. Прежде всего трудовым коллективам — на заводах, фабриках, в кооперативах, учреждениях, творческих союзах, а также общественным организациям и другим, уже новым социальным институтам, которые наверняка будут возникать в ходе перестройки. Общество должно взять на себя многое из того, что раньше несло государство, задыхаясь под бременем сверхсложных задач и бюрократизма.

Кстати говоря, капитализм прошел через различные этапы своей реконструкции: классический в XIX веке, государственный, затем государственно-монополистический в первой половине XX века, а сейчас в условиях технологической революции он приобретает какую-то новую форму, пока еще не нашедшую своего определения. Он все еще довольно резво меняет свою кожу и потому, наверное, так долго «загнивает»... И нужно признать, что в странах капитала не так уж много доктринеров или откровенных дураков, которые мечтают вернуться в прошлое — к временам Луи Наполеона, Бисмарка или Гитлера и Муссолини. Вот оно, одно из немногих преимуществ прагматической идеологии, которая ищет повсюду одну пользу.

М. С. Горбачев как-то заметил, что социализм — это общество инициативных людей. И самый суровый приговор государственный социализм заслужил как раз за то, что он закрепостил инициативу трудящихся. Вначале личная инициатива была принесена в жертву инициативе коллектива, затем коллективная инициатива — в жертву инициативе аппарата управления, и, наконец, была задавлена инициатива самих работников этого аппарата. Построенный пирамидальным образом, этот аппарат все более сосредоточивал инициативу в самых высоких эшелонах власти, а в конечном счете — в руках единоличного вождя и лидера. Сложилось так: с каким бы вопросом ни обратился работник, с любой инициативой, он обязательно натыкается на лес препятствий, выстроенных приказами, инструкциями, традициями. Отсюда и родилась горькая шутка: всякая инициатива наказуема. Кто не испытал ее на собственном опыте!

Структурные преобразования предполагают сейчас создание такой формы социализма, когда бы не наказывали, а поощряли инициативу. Поговорите с людьми: что вы услышите? Освободите нас от опеки, дайте самим свободно работать! Как говорил М. С. Горбачев в Узбекистане, его поразило, с какой силой это прозвучало на съезде колхозников. Но ведь то же самое требование слышится и со стороны заводских, научных, школьных, творческих коллективов, опутанных инструкциями, указанными запретами. Оно рвется из души каждого изобретателя, кооператора, художника, любого гражданина, ищущего способ приложения своего таланта.

Подчеркну еще раз: важнейшая теоретическая и политическая задача — вернуться к Ленину, вернуться к Марксу, к истокам социализма. В то же время, как любил повторять Ильич, хранить наследство — не значит наследством ограничиваться. Маркс ездил в дилижансе, а Ленин в такой машине, которую сейчас показывают только в музее. Надо ли говорить, как изменился мир? Это ведь только Моисей хотел на все века определить закон, по которому должен жить его народ. Но ведь Моисей это не от себя делал, а именем бога, от которого он три дня на горе ждал совета... Ни Маркс, ни Ленин не могли и думать о том, чтобы предписать на все времена миллионам, миллиардам людей законы, правила или принципы их жизни.

Думать надо собственной головой — этот ленинский призыв следовало бы написать по крайней мере на стенах всех научных заведений и партийных центров. Технологическая революция, демографический взрыв, экологическая напряженность, ядерная угроза задали современным коммунистам совершенно новые и весьма головоломные задачи. И когда смелая, умная, талантливая политическая мысль начинает их решать, бросать камни могут только самые замшелые догматики, напуганные масштабом происходящих перемен и неспособные вместить их в своем сознании.

Как можно было бы с учетом этих соображений охарактеризовать основное содержание непосредственных задач на нынешнем этапе перестройки?

Во-первых,— и это самая главная, самая трудная задача — нашей стране предстоит достигнуть нового уровня в технико-экономическом развитии, с учетом нового технологического переворота, связанного с автоматизацией и механизацией производства, использованием

компьютеров, роботов, робототехники, новых источников энергии, в том числе ядерной, новых материалов и технологий. Иными словами, речь идет о переходе к высокоразвитому уровню индустриализации и гармоничному развитию всех отраслей народного хозяйства страны, разумеется при самой скрупулезной гарантии сохранности экологической среды.

Во-вторых, нашей стране предстоит осуществить переход от преимущественно административно-командного управления народным хозяйством к планово-товарной самоуправляемой экономической системе; подтянуть отстающие отрасли, прежде всего сельское хозяйство, сферу услуг, всю инфраструктуру и постепенно достичь высокого уровня производительности труда и соответствующего этому уровню качества жизни советского народа.

В-третьих, стоит задача постепенно осуществить качественные сдвиги в структуре экономики, производства и потребления, поднять и изменить характер и культуру труда, стимулирования трудовой деятельности в соответствии с требованиями постоянного научно-технического прогресса.

В-четвертых, перед страной стоит задача достижения нового уровня культурного развития общества, образования, профессионализма и марксистско-ленинского воспитания социалистической личности, последовательного осуществления на практике принципа социальной справедливости.

В-пятых, речь идет о демократизации всей политической системы на основе социалистического плюрализма, о расширении гласности, о передаче реальной власти Советам, о самоуправлении трудовых коллективов, о прочных гарантиях прав человека.

В международном плане перестройка и обновление социализма тесно связаны с укреплением нашего всестороннего сотрудничества со странами социалистического содружества, со всеми социалистическими государствами. На этом этапе в полной мере осуществляется ленинское предвидение того, что цельный социализм создается на опыте многих стран. Этому служат и взаимный обмен опытом экономической и социальной жизни, и новый уровень научно-технической интеграции, и развитие политических отношений между странами социализма, их совместных действий в пользу мира, мирного сосуществования, предотвращения ядерной войны.

Какова же качественно новая модель более эффективного демократического, гуманного социализма? Пока видны только ее некоторые контуры.

Это планово-товарная экономика, основанная на хозрасчете и множественности видов общественной собственности — возвышение государственной до уровня общенародной, развитие кооперативной, семейной, индивидуальной форм. Это экономическая состязательность (социалистическая конкуренция). Это развитие гражданского общества и подчинение государства обществу. Формирование того, что Энгельс называл всеобщей ассоциацией производителей. Это разделение власти, полномочий и функций между партийными, государственными и общественными организациями. Это преодоление хотя бы самых нецивилизованных форм бюрократизма и построение государственного управления по принципу «лучше меньше, да лучше». Это развитие самоуправления, формирование общественного мнения как фактора политического процесса, развитие выборности, ротации кадров, профессионализма. Это состязательность культурных направлений, воспитание социалистической личности, преодоление наследия авторитарно-патриархальной культуры и формирование социалистической. Все эти преобразования направлены на укрепление социализма, авторитета Коммунистической партии, общенародной власти.

Очевидно, что развитие современного социализма займет длительный период — не одно десятилетие. Но если не помешают, это будут десятилетия вдохновенного труда всего народа на благо нашей Родины, каждого советского человека.

Вот какому могучему народному движению противостоит манифест противников перестройки. XIX партийная конференция вселила надежду на переход в решительное наступление всех сил перестройки. Опираясь на Ленина, можно сказать, что оборона есть смерть революции. Только упорное наступление, постоянное укрепление позиций революционных реформаторов, неуклонное продвижение по пути экономических преобразований и демократизации общества позволят оттеснить противников нового, перетянуть на сторону реформ колеблющихся. И тогда нынешний этап перестройки станет исходным пунктом для ее перехода на иную, более высокую ступень.

Глава XVI
О ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

Нет нужды доказывать, сколь многого достигла наша страна в своем индустриальном развитии. Экономическая и военная мощь нашей державы, решение проблем социального и национального равенства, духовного развития человека — все эти завоевания первопроходцев новой, социалистической цивилизации говорят сами за себя.

Но нам надо думать о будущем. И технологическая революция подхлестывает такие размышления. Либо мы ее оседлаем, ею овладеем, либо нас начнут обходить и теснить другие народы и государства. Это обидно даже в спорте. Но это совершенно невозможно, когда речь идет о могуществе страны, о ее величии и международном влиянии. Новая технология должна оплодотворить все сферы нашей экономики и органично войти в нашу жизнь.

Тут читатель вправе спросить: а что это значит конкретно для меня? Что я могу сделать? Как я могу включиться в эту гонку за современной технологией и техническим прогрессом? Вопрос резонный, и на него есть резонный ответ.

Первое, что необходимо каждому из нас,— во многом перестроить свое сознание. Мы развивались быстро, стремительно, но не всегда, скажем так, гармонично. Вероятно, произошло определенное отставание массовой психологии от тех технологических сдвигов, которые происходят в нашем обществе, да и во всем мире. Вероятно, поэтому высокий уровень образования еще не вполне и далеко не во всех отношениях нашел свое адекватное отражение в культуре труда и образа жизни. Здесь скрывается живой источник ускоренного прогресса, двигателем которого является сам человек — с его профессиональной культурой, ответственностью, убежденностью, патриотизмом.

Каждый ли осознал?

Да, вопрос стоит именно так: каждый ли из нас осознал подлинно революционный характер нового технологического переворота, который начался в 70-х годах и подобно океанским волнам прокатывается ныне по всему миру?

Состязание — экономическое, военное, культурно-информационное — между разными социальными системами идет в самом стремительном ритме. Чтобы выиграть это состязание, нужно быстро, очень быстро двигаться вперед.

Для промышленной революции, начавшейся в XVIII веке, понадобилось примерно 250 лет, чтобы она достигла кульминации. Научно-техническая революция добралась до своих вершин всего лишь за каких-нибудь 40 лет. Современный технологический переворот надвигается с космической скоростью. Его олицетворяют мини-компьютеры, информатика, новые материалы, неизвестные прежде источники энергии, новая технология во всех отраслях экономики, новый уровень автоматизации, первая и вторая «зеленые» революции в сельском хозяйстве. Не пройдет и четверти века, как современная технология полностью преобразует промышленную базу индустриально развитых стран. И наша социалистическая страна призвана быть на гребне технологической революции. Как говорил М. С. Горбачев, мы обязаны в короткий исторический срок выйти на самые передовые рубежи производительности труда, качества продукции, эффективности производства.

С чего начинается новый этап борьбы за передовое место в мировой технологии? В первую очередь, подчеркивалось на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, необходимо изменение приоритетов между отраслями народного хозяйства, а значит, и всей технологической и экономической политики на перспективу.

Покусимся на святыню: сталь. На протяжении многих десятилетий мы повторяли: сталь — основа основ нашей промышленности. В общем, и сейчас этот принцип сохраняет свое значение, но с весьма существенными дополнениями. Во-первых, не всякая сталь, а высококачественная, которая может быть использована для производства тончайших современных машин. Во-вторых, не только сталь, но и пластмасса, другие материалы, заменяющие металл.

Могут сказать: прежде чем вкладывать средства в новые отрасли, нам нужно подтянуть отстающие или менее развитые — сельское хозяйство, транспорт, легкую промышленность, сферу услуг. От них зависят снабжение промышленности сырьем, коммуникации, а значит, нормальная, бесперебойная работа предприятий. От них зависит уровень жизни народа. Это верно. И все же

на первый план выдвигаются новые отрасли народного хозяйства — станкостроение, прежде всего компьютеризация, информатика, новые материалы и другие отрасли, символизирующие технический прогресс.

Мы пока говорим о крупномасштабных проблемах. Но что значит технологическая, компьютерная революция для каждого предприятия, колхоза, научного учреждения?

Можно было бы внести в порядке обсуждения такое предложение: на всех предприятиях — независимо, идет ли речь об автомобильном заводе, птицефабрике или компьютерной лаборатории,— начать дело с составления программы технологической модернизации. Именно программы, а не только плана. Почему? Потому что программа оставляет место для полета мысли, она обращена в желаемое будущее. А план требует четкой ориентации на имеющиеся ресурсы, он может стать сугубо рабочей частью программы.

Авторы такой программы могли бы реалистически — значит, честно и откровенно — соотнести уровень своего хозяйства с лучшими образцами — отечественными и мировыми, с учетом стремительного развития технологии. А затем, хотя бы в общей форме, наметить этапы модернизации хозяйства, повышения его эффективности, радикального улучшения качества изделий. Иными словами, определить, как добиваться повсеместного распространения уже достигнутых в нашей стране высоких образцов (а главное — мирового уровня) в различных областях науки, техники, производства.

Качественные преобразования

В общем плане ясно: внедрение достижений технологической революции станет возможным, если назревшим изменениям будут соответствовать структура производственных отношений, механизм планирования, организационная структура и правовой статус предприятий, характер взаимодействия производства и распределения, формы и методы стимулирования лучших показателей, структура потребления — словом, все сферы народного хозяйства и социального управления. Но готовых моделей таких преобразований нет, их подсказывают анализ нашего собственного опыта, результаты экспериментов, практика других социалистических стран, всего индустриального мира.

В условиях капитализма процесс преобразований идет более или менее стихийно. Происходят структурные сдвиги прежде всего в рамках каждой монополии, предприятия, в системе подготовки работников и т. д. Правда, и правительственная политика все чаще берет на себя роль регулятора этого процесса. Например, в Японии государство уже давно стимулирует новейшие отрасли промышленности, а также изменения в системе образования.

В наших условиях любые качественные изменения на производстве, в распределении, образовании могут быть только результатом планомерной деятельности. Но это особенно остро выдвигает проблему осмысления сложных процессов, выработки концепций развития, их овеществления в решениях и планах.

Самый сложный вопрос — не только определить, что надо сделать, но и как, каким путем? Партия отвечает на него так: необходимо достичь нового качественного состояния общества — его экономики, системы социально-политических отношений и институтов, всей совокупности труда и жизни миллионов советских людей.

В связи с этим надо сказать о некоторых предрассудках, которые мешают разработке современных концепций развития. Главный из таких предрассудков — пусть это не покажется абстрактной игрой ума — непонимание диалектического характера социалистического развития, страх перед любыми противоречиями, неумение видеть их и преодолевать в интересах развития.

Бытует представление, будто противоречия — это всегда плохо, это то, что должно быть разрешено и сведено к некой непротиворечивой сущности. Но думать так — значит глубоко заблуждаться. Противоречие есть сама жизнь, это источник развития. Конечно, для общества вредно и опасно, когда противоречие достигает уровня антагонизма или кризиса. Но для социализма в значительно большей степени характерны противоречия, которые выступают естественными стимулами роста.

Не правда ли, сказанное звучит парадоксом? Ведь обыденный стереотип, по сути, выглядит так: до сих пор все цивилизации развивались на основе борьбы противоречий, а наша цивилизация будет развиваться без противоречий, без борьбы.

Подобное недиалектическое мышление не просто проникло в сознание отдельных теоретиков и пропаганди-

стов. Нет. Оно нашло свое отражение и на практике, стало тормозом для соревновательности и общественной активности.

Соревнование, состязательность

Мы отвергли безжалостную конкуренцию и частную инициативу, благодаря которым развивается капитализм. Это чуждо самой природе социализма. Но значит ли, что мы отвергли состязательность, личную инициативу, предприимчивость, изобретательность? Конечно нет. Не может быть продвижения вперед помимо и без соревновательного механизма. И речь идет вовсе не о таком благостном соревновании, где не бывает проигравших.

Каждый человек — в колхозе ли, на заводе, в научном учреждении — всегда должен чувствовать, что с ним кто-то соревнуется, кто-то старается его опередить. И когда его опередят, это будет прежде всего моральной победой соперника, а затем и успехом, дающим ему реальные преимущества — престижные, материальные и др. Тот же принцип относится к деятельности трудовых коллективов.

Не слишком ли мало места отводим мы подлинному социалистическому соревнованию, как его мыслил Ленин? Ни одно ведомство не может предвидеть все пути технического прогресса и заложить их в план. Напротив, необходима инициатива каждого коллектива, каждого руководителя, каждого человека на своем рабочем месте, умноженная на право решать те или иные проблемы самостоятельно. Вероятно, стоило бы подумать, например, о разделении объединения — если оно занимает монопольное положение в производстве данного товара массового спроса — на несколько самостоятельных единиц, соревнующихся между собой и получающих свои дивиденды в зависимости от реализации продукции.

Иначе говоря, состязательность — коллективная и личная — незаменимый компонент производства. Проблема состоит в том, чтобы поставить непосредственного производителя в такие условия, которые стимулировали бы его инициативный и высокопродуктивный труд, поощряли стремление непрерывно внедрять достижения науки и техники.

Разумеется, все это легче декларировать, чем осуществлять. Но потому-то и проводятся социально-экономи-

ческие эксперименты, опробуются новые формы организации труда. Такие, как бригадный подряд на предприятиях, метод звена и семейного подряда в колхозах, и другие формы подлинно хозрасчетных отношений.

Профессионализм и организация труда

Вполне ли мы осознали, что дальнейший прогресс нашего общества — технологический и социальный — зависит от каждого из нас? От уровня квалификации и активности каждого труженика, начиная от рабочего, крестьянина, учителя, врача и кончая министром? Всем нам жизненно необходим самый современный уровень высококвалифицированного труда.

Известна проблема ликвидации неквалифицированного труда, который занимает еще большое место в общей трудовой деятельности. Но не менее остро стоит проблема труда высшей квалификации (под «высшей» имеются в виду лучшие отечественные и мировые образцы). Полагаю, как раз здесь и зарыта та самая собака, которая позволит нам догнать и убить сразу двух зайцев: сделать рывок к передовой технологии завтрашнего дня и успешнее решать проблему труда низшей квалификации.

Какое место занимает сейчас высококвалифицированный труд в общем балансе труда в нашей стране? 10 процентов, 15, 5? Расчетов нет. Но видно даже невооруженным глазом, что пока процент этот невелик. Кроме того, и это самое неприятное, заметна тенденция усреднения такого труда, его снижения до уровня просто квалифицированного.

Должен ли работник получать вознаграждение только в зависимости от своего статуса или также в зависимости от результатов труда? Должны ли все инженеры-теплотехники или все доктора наук получать одинаковую зарплату? В принципе, казалось бы, это вполне разумно. А главное, удобно — для бухгалтерии, финансового контроля. Но, увы, это не вполне справедливо и — самое существенное — недостаточно стимулирует высококачественный труд. Потому что инженер не равен инженеру. Врач не равен врачу, а доктор наук — другому доктору наук, писатель — писателю, режиссер — режиссеру. Одни трудятся с большей отдачей, умением и энтузиазмом, а другие остаются, скажем, на среднем уровне квалификации.

Как быть? Строить зарплату в зависимости от результата труда. Очевидно, что борьба за эффективность, за интенсификацию труда неизбежно ведет за собой дифференциацию в оплате. Кто производит продукции больше и лучшего качества, тот лучше зарабатывает. Кто заботится о внедрении новых достижений науки и технологии, а тем более сам выступает в роли изобретателя, тот заслуживает большего морального и материального вознаграждения. Уровень дифференциации в оплате труда определяется требованиями эффективности производства и социальной справедливости. Иначе получается нивелировка и снижение качества.

Сейчас, когда технология так стремительно меняет условия труда, каждый человек, где бы он ни трудился, должен подумать: соответствует ли мой труд лучшим отечественным и мировым стандартам? Не отстаю ли я? Это, без преувеличения, ключевой вопрос самосовершенствования каждого советского человека. А стало быть, ключевой вопрос совершенствования социализма.

Долой полупрофессионализм, равнодушие и вялость, да здравствует мастерство и талант, страстная, смелая, новаторская мысль! Таково требование, идущее из глубинных недр технологической революции.

Конечно, здесь возникает не только вопрос о нравственном императиве каждого работника. Главное — организация труда и система поощрения. Одно дело, когда усредненно поощряется просто квалифицированный труд, и совсем иное, когда выделяется труд высшей квалификации, труд талантливый.

Порядок и цивилизованное поведение

Вполне ли мы осознали, что каждому из нас необходимо серьезно задуматься над своим отношением к порядку, организованности, над отношением к своим обязанностям, над своим повседневным поведением? Честно выполняй свой служебный долг, держи свое слово, не лги, не воруй, не пьянствуй, не нарушай правил цивилизованного поведения — эти простейшие моральные нормы стали важным условием нашего социального и технологического прогресса. И пора вернуть изначальный смысл нравственным понятиям. «Взял» (на производстве, у потребителя) — значит, украл, «дал» (распределителям ценностей — материальных или престиж-

ных) — значит, дал взятку, «приписал» (ради себя или своего коллектива) — обманул государство, «достал» (дефицитный товар) — нарушил право других, «сорвался» (с работы) — прогулял, «отписался» (в ответ на претензию) — проявил бюрократизм. Ну а понятие «сервис» означает обслуживание. Оно не имеет ничего общего с халтурой, обманом и хамством.

Социалистическая цивилизованность — ключ ко многим проблемам воспитания и самовоспитания.

Пример, очевидный для всех,— порядок на улицах, в том числе в нашей любимой столице. Посмотрите, что здесь происходит! Все три элемента уличного движения — пешеходы, водители, регулировщики ГАИ оказались не вполне подготовленными к современным условиям. Пешеходы пренебрегают подземными переходами и световыми сигналами. Водители норовят растолкать друг друга, как в очереди за дефицитом. А регулировщики? Они сопротивляются автоматизации светофоров, хотя давно доказаны ее бесспорные преимущества.

Элементарная норма цивилизованного существования: работая — работай! Казалось бы, что тут и говорить? На то она и работа, чтобы не просто сидеть, или стоять, или ходить, а что-то делать, что-то производить. Но согласитесь, бывает и не так. Иные часами обходятся без реального дела. Сидят строители, покуривая или даже потягивая «по маленькой». Сидят секретари, почитывая детектив из стыдливо приоткрытого ящика стола. Сидят ученые мужи в дни посещения института — эти, правда, обогащаются интеллектуально: играют в шахматы или решают кроссворды.

В чем здесь причина? Откуда берется психология ничегонеделания? Почему иным людям приятнее не работать, чем работать? Казалось бы, тянуть время без дела мучительно. Причина — низкая внутренняя культура. Она уходит своими корнями в далекие времена подневольного труда (и уклонения от него). Но в наше время такая психология — нелепый пережиток.

А проблема неритмичной работы? Пусть не покажется натяжкой, но по своей природе это отрыжка патриархального сознания, которая кристаллизовалась в формах организации труда: «Давай! Давай!» и «Эй, ухнем!» Это прекрасно работало, когда бурлаки тащили свои грузы по реке или посуху. Но в век мини-компьютеров? Можно ли «эй-ухать» в космосе или при посадке лайнера?

Смешно и говорить. Но почему же можно кое-как раскачиваться первую неделю месяца, а в последнюю выдавать на-гора чуть ли не половину плана?

Немало, разумеется, зависит и от того, как восстанавливается работоспособность, или, говоря иначе, от культуры потребления и отдыха. Может ли человек полноценно трудиться, если он тратит на водку больше, чем на еду? Создание более современной структуры потребления, общественного питания и отдыха — непременное условие формирования работника современного типа.

И еще к вопросу о цивилизованности. О том, что мы, по причинам непонятным, нередко относим к формальным, внешним и потому несущественным проявлениям культуры,— о вежливости и доброжелательности человеческих отношений во всех сферах производства и обслуживания. За этим стоит не только «личная культура». Нет, за этим — рациональная организация труда и чувство ответственности каждого работника. Вежливость, сдержанность, взаимопонимание на работе, в местах отдыха и дома — не роскошь, а условие хорошего творческого труда.

Обмен опытом

Вполне ли мы осознали необходимость овладеть не только мастерством обучения других, но и изучения их опыта?

Как первопроходцы в новую, социалистическую цивилизацию, мы привыкли показывать пример другим народам. И пример наш сейчас использует едва ли не треть всех живущих на Земле людей. Это внушает нам чувство естественной гордости. Но гордость не имеет ничего общего с чванством. Было бы нелепо думать, что нам нечему поучиться у других народов, особенно в области науки, техники, технологии, методов организации труда.

Много нового и интересного имеется в опыте стран социалистического содружества. Формы организации труда в промышленности, стимулирование сельскохозяйственного производства, достижения и проблемы экономических реформ в Чехословакии, ГДР, Венгрии, Болгарии и других социалистических странах — теперь это такое же всеобщее достояние, как и советский опыт. Конечно, речь идет не о механическом заимствовании друг

у друга. Условия в каждой стране во многом неповторимы. Речь об ином — о том, чтобы, выбирая свои, наиболее эффективные пути решения проблем, в полной мере учитывать сходный опыт других стран социализма.

У каждого народа есть свои достижения во всемирном технологическом состязании. И умение учиться на лучших образцах — верный признак цивилизованности. Каких успехов можно добиться на этом пути, показывает нам Япония. Первотолчком ее технологического взлета явилась уникальная способность творчески осваивать достижения ушедших вперед народов.

В странах Запада примерно 80—90 процентов самодеятельного населения — лица наемного труда: рабочие, инженеры, ученые. И право же, у нас с ними больше общности, чем у них со своими хозяевами. Грешно ли обмениваться с ними (пусть и через их хозяев!) лучшими достижениями в сфере научного и технологического творчества?

Разве одна страна, даже наиболее индустриально развитая, в состоянии опережать все другие страны в области научно-технического прогресса? Это невозможно ни для той же Японии, ни для Соединенных Штатов Америки, ни для Советского Союза.

Мы не можем быть первыми во всех видах спорта. Это мы поняли давно, как мы поняли, что все равно должны к этому стремиться. Точно так же мы не можем быть первыми во всех сферах современной технологии. Это означало бы, что все другие народы топчутся на месте — бесталанно и безруко. Но мы должны стремиться быть на самом высоком уровне во всех сферах трудовой деятельности. И в космосе, и в электронике, и в информатике, и в автомобилестроении, и в генной инженерии, и в медицине. Нельзя довольствоваться высшими достижениями в одних областях и мириться с отставанием в других. Напротив, весь общественный организм должен ощущать взаимосвязанность своих усилий, свою волю к саморазвитию.

Только тогда, когда стремлением к высшим знаниям и производительности труда, подлинной страстью творчества и самосовершенствования будут охвачены миллионы, мы действительно сможем соединить потенциальные преимущества социализма с достижениями научно-технической революции.

Глава XVII

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ

Развитие самоуправления — на уровне трудовых коллективов, местных Советов, общественных организаций, в высших эшелонах власти и управления — вот магистральный путь борьбы за достижение наших стратегических целей, в том числе за техническое и технологическое перевооружение народного хозяйства.

Необходимо ясно представить себе не только отдельные элементы развития социалистической демократии и самоуправления, но и весь процесс в целом. Ибо эти проблемы не могут решаться по частям — отрывочно, кускообразно, мозаично. Здесь необходима четко продуманная программа, предусматривающая поэтапное осуществление назревших преобразований, с тем чтобы в конечном счете получить действительно качественно новый и цельный механизм управления народным хозяйством и всем нашим обществом. Конечно, это произойдет не сразу, не в один и даже не в два-три года. Потребуются огромные усилия, преодоление сопротивления, поиск и эксперименты.

Уточнение концепции

Исходной представляется мысль, высказанная Лениным, которая нашла свое отражение в новой редакции Программы КПСС. «...Низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся,* на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы».

Конечно, с той поры, когда была дана эта принципиально важная характеристика, утекло много воды. Эксплуататорские классы не только свергнуты, не только отстранены от власти. Они просто исчезли, их нет в нашем обществе. Его составляют трудящиеся — рабочие, колхозные крестьяне, трудовая интеллигенция. Несомненно и другое: в Советы и другие органы власти и управления вошел не только передовой слой рабочего класса, но и все другие трудящиеся классы и группы населения. Крестьяне представлены здесь в полном соответствии со своим удельным весом в обществе. Что касается трудовой интеллигенции, то надо прямо сказать, что в исполнитель-

ных органах власти она в количественном отношении занимает едва ли не ведущее место, поскольку все более усложняющееся дело управления требует высокого уровня образования и компетентности. В этом было, есть и будет важное достижение социалистической демократии по сравнению с буржуазной, где у кормила власти находятся — чтобы там ни говорили, ни писали — по преимуществу, а иногда и исключительно выходцы и представители привилегированных классов, элиты.

Но избавило ли нас это важное достижение от проблем управления обществом и государством? Достаточно поставить вопрос таким образом, чтобы ясно представить себе ответ: нет, не избавило.

Известно, сколько сил и внимания требует задача совершенствования управления, прежде всего экономикой, а также социальной, культурной и другими сферами жизни. Речь идет о перестройке не одного какого-то звена, а всей системы управления народным хозяйством. Почему?

Первое — она недостаточно эффективна с точки зрения воздействия на наш экономический и социальный прогресс; второе — она не в полной мере, не во всем и не всегда выражает интересы, законные потребности, чаяния всего народа и отдельных, входящих в него групп; третье — это приходится признать с особым чувством сожаления — она не избавила нас от тенденции к бюрократизации и коррупции.

Откуда возникли эти проблемы? Почему так произошло? Начать с того, что на все эти проблемы указывал еще Ленин в первые годы строительства Советского государства, всех органов нашей политической власти. Замечания Владимира Ильича на этот счет хорошо известны. Ими были буквально пронизаны все последние ленинские работы. В сущности, Ленин ставил вопрос ребром: либо мы победим бюрократизм, либо бюрократизм победит нас и в нем потонет живое дело социализма как творчества самих масс.

Оглядываясь на пройденный путь, мы можем с полным основанием констатировать, что партия сумела создать могучий, достаточно гибкий аппарат управления из самих трудящихся. Благодаря этому нам удалось решить задачи индустриализации страны, изменения культурного облика населения страны. Но сформированная еще в далекие времена первых великих революций цель — управление не только для народа, но и непосредственно самим

народом — осталась. Так же, как осталась и настоятельная необходимость заботливого выращивания ростков, побегов, форм и механизмов социалистического самоуправления.

Если взглянуть на эти проблемы с общетеоретической точки зрения, то, вероятно, их сущность кроется в известной самостоятельности функций управления в обществе, на что указывали еще Маркс и Энгельс. Вот одно из наиболее примечательных суждений Энгельса по этому поводу: «Общество порождает известные общие функции, без которых оно не может обойтись. Предназначенные для этого люди образуют новую отрасль разделения труда *внутри общества*. Тем самым они приобретают особые интересы также и по отношению к тем, кто их уполномочил; они становятся самостоятельными по отношению к ним, и — появляется государство».

Раньше мы исходили из того, что это положение относится исключительно к эксплуататорскому государству. Но практический опыт строительства Советского государства показал, что и мы не избавлены от определенной тенденции к относительной самостоятельности государства. Конечно, мы далеки от мысли, что появляется какая-то особая группа людей, слой или класс, стоящий над обществом и повелевающий им. Но несомненно, что бюрократия — это социальная группа со своими традициями и интересами.

Тем не менее тенденции к определенной самостоятельности, точно так же, как и проявления бюрократизма в советском аппарате управления, не исчезли. Это реальный факт. Отрицать его так же бессмысленно, как бессмысленно отрицать реально существующие проблемы в нашем экономическом или социальном развитии.

Какой же выход? Он указан решениями XIX партконференции. Это развитие социалистического самоуправления. Конечно, еще на протяжении длительного периода самоуправление не заменит государственных форм и механизмов управления, будет существовать вместе с ними, в них самих, переплетаясь, углубляя демократизм всей политической системы. Но если мы не пойдем этим путем, то с нашим государством может случиться то, против чего также предостерегали наши классики: толкая вперед экономическое развитие в одних направлениях, оно будет ставить ему препоны в других, причиняя вред экономическому развитию и порождая растрату сил и материалов в массовом количестве.

О том, что это — не надуманная проблема, говорят факты серьезных упущений в нашей экономической политике, в использовании достижений нового современного этапа научно-технического прогресса. Ошибки, допущенные в политике инвестиций, капиталовложений, привели к отставанию от мирового уровня прежде всего в новейших отраслях промышленного производства — машиностроении, информатике, биотехнологии. Партия извлекла уроки из этого опыта и разработала программу социально-экономического развития. Теперь настала очередь крутых реформ советской политической системы, развития социалистического самоуправления.

И еще один важный момент — о взаимодействии общества и государства. Мы часто повторяли мысль, что государство является главным орудием построения социализма. Но мы стали забывать куда более важную идею, что социализм — это творчество самих народных масс, всего общества.

Заводы, фабрики строятся не государством. Поля обрабатываются не должностными лицами. И не они двигают вперед науку и культуру. Все это делают рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция. А государство направляет, организует этот процесс.

На первых этапах социализма государство, обладающее монополией на принуждение, неизбежно должно было сыграть особую роль. Иначе невозможно было отнять собственность у капиталистов, перебросить средства из одних сфер в другие для ускоренной индустриализации. Сейчас организующая, направляющая, в том числе и принудительная, деятельность государства, конечно, также необходима. Но главное значение приобретает роль самого общества.

Активность, инициатива людей, объединенных в коллективы, находятся в прямой зависимости от их заинтересованности — экономической, престижной, моральной. Да и не только от этого, но и от их самодеятельности, от чувства хозяина производства, от того, в какой мере они ощущают себя не механическими исполнителями спущенных сверху указаний, а участниками принятия решений, действующими свободно, добровольно, по глубокому внутреннему побуждению и, стало быть, с энтузиазмом.

Демократизация, развитие процессов в духовной сфере, утверждение ценностей социалистических и общече-

ловеческих — главный и даже единственный способ осуществления перестройки. Но именно демократия отвергает шараханья и метания из крайности в крайность, что так дорого обходилось нашей стране.

Теперь нужно шаг за шагом решать назревшие проблемы, переходя от элементарных — наведение порядка, преодоление коррупции, грубейших форм бюрократизма и нецивилизованности — к более сложным — внедрение кооперативов, семейного подряда, индивидуального труда в структуре социалистического производства и, наконец, к самым революционным — преобразование системы управления народным хозяйством и на началах плана, полного хозрасчета, использования достижений технологической революции. Сегодня, как никогда остро, встала проблема ответственности каждого советского человека за судьбы перестройки, за судьбы социализма, за судьбы Родины.

Наконец, главное. О развитии демократии и самоуправления. Этот процесс находится в прямой зависимости от примера, который показывает партия и в своей внутренней жизни, и в методах руководства обществом. Именно партия в апреле 1985 года положила начало процессу расширения гласности, критики и самокритики, развертывания социалистической демократии по всем направлениям. Опыт прошлого показал: каков уровень партийной демократии, таков и уровень советской, профсоюзной и непосредственной демократии самих трудящихся.

Пожалуй, самая важная, принципиальная проблема развития самоуправления состоит в правильном взаимодействии партии и государства, партийной организации и других институтов советской политической системы. Принципиальное решение этой проблемы было намечено еще в начале 20-х годов на партийных съездах. Уже тогда возникла сложная, можно сказать, диалектическая проблема. С одной стороны, появилась опасность выхода из-под партийного влияния тех или иных звеньев государственного, профсоюзного и других аппаратов, что неизбежно вело к сужению демократии, распространению бюрократических явлений, к застою. С другой стороны, появилась угроза подмены партийными организациями государственных и общественных организаций, что тоже парализовало бы их активность, их самостоятельность. И сегодня продолжается борьба против обеих крайностей.

Важнейшее значение имеет последовательное проведение ленинских принципов коллективного руководства. Деятельность Ленина обнаруживает глубочайшую пропасть, которая существует между авторитетом лидера и культом личности. Признанный вождь партии и рабочего класса, Ленин нередко должен был с полным пониманием личной ответственности отстаивать правильность предлагаемых им решений. Наглядный пример тому — Брестский мир с Германией в 1918 году, подписанный под решительным нажимом Ленина (вплоть до угрозы отставкой). В то же время Ленин — не только в силу обстоятельств, но и по убеждению — подчинял всю свою деятельность воле партийного коллектива, иной раз в вопросах менее принципиальных шел на уступки, предвидя, что жизнь все равно исправит неточное решение. В понимаемой так коллективности Ленин видел не слабость, а силу руководства.

Ленин высоко ценил в людях политический талант, способность самостоятельно оценивать новую обстановку и вырабатывать наиболее эффективные пути для достижения нужных результатов. Он требовал систематически, исподволь и неуклонно воспитывать подходящих людей, видеть как на ладони всю деятельность каждого кандидата на высокий пост, знакомиться с их индивидуальными особенностями, с их сильными и слабыми сторонами, с их победами и поражениями. «...Нам нужно выработать себе опыт, чтобы правильно распределить в нем роли, чтобы одному дать сентиментальную скрипку, другому свирепый контрабас, третьему вручить дирижерскую палочку».

Постигая живое движение ленинской мысли, сопоставляя ее с колоссальным опытом становления социализма в нашу эпоху, мы яснее осознаем важнейшие проблемы демократизации советского общества, воплощения в жизнь принципов социалистического самоуправления народа.

Огромное влияние на политическую систему, на методы и формы партийной и государственной деятельности нашей страны оказала личность Ленина, ленинский стиль руководства.

Будучи гениальным политическим мыслителем, он обнаружил редчайшую способность точно, безошибочно схватывать каждую новую ситуацию, четко формулировать политическую задачу, пути ее решения, лозунг, обращенный к массам. Именно он превратил в своей

деятельности политику в науку, основанную на анализе соотношения классовых сил и влияний, на всесторонней оценке фактов, на выработке наиболее эффективных решений.

Способность к необходимым поворотам в политике проявилась и в таком редчайшем для политического лидера качестве, как готовность отказаться от прежде выдвинутого лозунга под влиянием новых обстоятельств жизни. Накануне революции партия и Ленин выступали за роспуск постоянной армии и переход ко всеобщему вооружению народа. Но когда этого потребовали развязанная контрреволюцией гражданская война, остро враждебное отношение со стороны империалистических держав, именно Ленин подписал декрет о создании Красной Армии для защиты республики.

Дар научного предвидения событий составляет лучшее качество политического деятеля. Этим даром сполна был наделен Владимир Ильич. План ГОЭЛРО, кооперирование крестьян, революция в странах Востока, возможность поворота в международных отношениях Советской республики с капиталистическими странами — какие бы мы стороны социально-политической жизни России того времени ни взяли, везде обнаруживается острое ленинское проникновение в день грядущий.

Иногда строительство нового, Советского государства представляют несколько упрощенно, будто задача состояла лишь в том, чтобы чуть ли не механически применить принципы, уже до этого открытые и разработанные. На самом деле это совсем не так.

Другое упрощение, которое тоже иногда допускают, заключается в том, что труд самого Ленина берут не в динамике, а в статике, между тем если мы сравним ленинские работы кануна революции, в годы гражданской войны и в начале социалистического строительства, то легко увидим, какой огромный путь по практическому освоению дела руководства новым обществом прошли руководитель новой власти, вся партия в целом. Переломным в этом отношении, как нам кажется, был период нэпа. Он ознаменовал вступление Советского государства в полосу нормального существования. Поэтому те несколько лет, когда Ленин осуществлял руководство в этих условиях, представляют ценнейший капитал для изучения принципов научного руководства новым обществом, и в первую очередь экономикой.

Партия и государство

Конкретная программа преобразования политической системы была принята XIX Всесоюзной конференцией КПСС. Одним из важнейших положений этой программы явилась установка на формирование правового социалистического государства. Эта установка предполагает создание такого правопорядка, при котором общественные интересы обеспечиваются законодательно закрепленной защитой индивида от любых посягательств не только других индивидов, но и государственных органов, взаимной ответственностью государства и всех тех, кто вступает с ним во взаимоотношения, регулируемые правом.

Движение в данном направлении требует прежде всего усиления и расширения конституционных гарантий. Необходимо в этой связи прежде всего создать прочные, незыблемые преграды рецидивам авторитарного толка и сопутствующим им массовым репрессиям и в полной мере обеспечить не только социально-экономические, но и гражданские права и свободы человека.

Есть существенное различие в подходах к реконструкции экономической и правовой систем. Если в первом случае неизбежны многоэтапность, использование метода проб и ошибок, которые в конце концов можно сравнительно быстро поправить, то с правовой системой дело обстоит иначе. Нет ничего более постоянного, чем временные решения,— этот парадокс особо уместен, когда речь идет о новых законах. Законы трудно, да и вредно, менять каждые пять или десять лет: они перестанут работать.

Сейчас на этапе институциализации идей перестройки право на жизнь имеют только радикально новые установления и законы.

Вопрос о лидере страны — один из ключевых вопросов демократизации. Хотя основы советской политической системы существенно не менялись, политический и идеологический режим менялся коренным образом — от Ленина к Сталину, от Сталина к Хрущеву, от Хрущева к Брежневу. Независимо от государственных постов лидером страны становился руководитель партии. При этом обнаруживалась закономерность — примерно пять лет у каждого нового партийного руководителя уходило на то, чтобы тем или иным путем возвыситься над другими высшими партийными деятелями. Борьба

за приобретение реальных полномочий лидера лихорадила партию и государство, приводила либо к поспешным односторонним решениям, либо к параличу власти.

Опыт показал также, что прежний механизм избрания лидера страны на Политбюро ЦК КПСС имеет серьезные недостатки. Иначе невозможно объяснить, как у кормила такой великой державы, как СССР, в труднейший период мировой истории могли оказаться такие лица, как Л. И. Брежнев и К. У. Черненко.

Учитывая особое значение поста лидера страны, признано целесообразным перейти к тому, что можно было бы назвать президентским принципом правления. Имеется в виду вначале избрание Генерального секретаря ЦК КПСС, а затем его баллотирование на пост Председателя Верховного Совета СССР на Съезде народных депутатов. Получение двух мандатов — от руководящей партии и от всего суверенного народа — дает лидеру страны необходимые полномочия для проведения заранее объявленной им политики. К тому же это повышает требования к отбору кандидата, известного всей стране. Закрепление двух пятилетних сроков замещения этих постов создает гарантии против формирования режима личной власти.

Президентский принцип обсуждался уже в 50-е — начале 60-х годов. Н. С. Хрущев склонялся к нему, но не успел ничего предпринять в этом отношении. Л. И. Брежнев позаимствовал в нем то, что ему лично импонировало,— совмещение высшего партийного и государственного поста, отбросив демократическое существо дела.

Опыт показал, что концентрация власти в одном политическом институте приводит в конечном итоге к злоупотреблению ею. Поэтому очень важно, чтобы каждый из существующих институтов пользовался правом принятия самостоятельных и окончательных решений лишь в пределах своих полномочий.

В этом — важнейший смысл реформы политической системы СССР, предложенной XIX Всесоюзной конференцией КПСС.

Принципиальная проблема развития самоуправления — обеспечение правильного взаимодействия партии и государства, партийных организаций и других институтов советской политической системы. Решение этой проблемы было намечено еще в начале 20-х годов на

партийных съездах. Уже тогда обнаружилась сложная диалектика этого вопроса. С одной стороны, появилась опасность выхода из-под партийного влияния тех или иных звеньев государственного, профсоюзного и других аппаратов, что неизбежно вело к сужению демократии, распространению бюрократических явлений, к застою. С другой стороны, появилась угроза подмены партийными организациями государственных и общественных организаций, что тоже парализовало бы их активность, ограничило бы их самостоятельность. Обе эти крайности проявляются и по сей день.

Один из застарелых, глубоко укоренившихся пороков — приверженность многих партийных комитетов и их аппарата методам командования, стремление всем диктовать, за всех решать. Все еще многочисленны попытки ввести гласность, демократию в удобные рамки, приструнить прессу, действовать, не считаясь с мнением общественности.

В одном месте прижимают «возмутителя спокойствия», посмевшего восстать против затхлости, бесхозяйственности, злоупотреблений. В другом — ущемляют права колхозников. В третьем — превращают в фарс выборы руководителя. В четвертом — игнорируя мнение людей, принимают решения, идущие вразрез с их жизненными интересами и правами.

Несомненно, в этом сказывается выработавшаяся за многие годы у значительной части партийных кадров привычка все «держать в кулаке», быть во всех делах высшей инстанцией, действовать методами силового давления. Их прямо-таки пугает растущая активность масс. Пробуждение инициативы, творчества, самостоятельности людей — самая большая, самая трудная, но и узловая задача перестройки. Без этих качеств, без творческих личностей никакое движение вперед сегодня невозможно.

Самое важное, что, на мой взгляд, нужно для успеха перестройки,— это все более полное раскрепощение инициативы каждого человека — идет ли речь о производстве, культуре или политике, ибо у каждого есть выбор форм деятельности и образа жизни.

Мы видели на опыте прошедших четырех лет, что реформы буксуют, когда не учитываются альтернативные предложения, идеи, предостережения, в конечном счете интересы народа, каждого человека, выражаемые общественным мнением. Альтернативные — чему и кому?

Тем идеям, проектам законов, планам, которые вызревают в аппарате управления.

Выше уже обращалось внимание на необходимость четкого разграничения функций партии и государства. Такое разграничение решено начинать с верхних эшелонов руководства страной. Это значит, что Центральный Комитет и Политбюро ЦК будут теперь выступать и действовать лишь как органы политического руководства, не допуская подмены высших государственных органов власти и управления. Все, что входит в компетенцию Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, должны делать именно они.

Это в полной мере относится и ко всем другим партийным комитетам.

Важное значение для развития демократии в самой партии имеет социалистический плюрализм мнений. Нужно при этом четко различать две главные традиции: ленинскую, которая соединяет социализм и демократию, и сталинскую, которая разъединяет их. Политическое сознание коммунистов, а также всего народа пока отражает обе эти традиции; причем на сталинскую работает вековой опыт авторитарно-патриархальной культуры народов СССР. Важно, чтобы борьба этих традиций проходила в цивилизованных формах, не перерастала в конфликт, вела к конструктивным решениям, содействуя все большему укреплению ленинской традиции, а стало быть — революционной перестройке.

В связи с этим широко обсуждается вопрос о восстановлении следующих ленинских принципов партийной жизни: права парторганизаций на обсуждение общих проблем политики партии; строгого подчинения исполнительных органов представительным; выборности, сменяемости и подотчетности кадров; партийного плюрализма мнений и свободы критики вплоть до принятия решения; гарантий для меньшинства после принятия такого решения; права коммуниста в случае партийного обвинения на защиту чести и достоинства.

Особое значение имеет принцип выборности, сменяемости и подотчетности руководителей. Опыт показал опасность политической иллюзии, когда на партийные форумы избирали людей за их производственные успехи. За такие успехи надо вознаграждать — морально и материально — на производстве. Политика и управление, как многократно подчеркивал Ленин, требуют особых свойств, а именно: высокой общественной, полити-

ческой активности, самостоятельности суждений, смелости и новаторства — словом, способности вносить личный вклад в дело революционной перестройки.

Сейчас в высший эшелон руководства партией пришли и приходят крупные деятели с высоким уровнем подготовки и морали. Эта новая тенденция должна быть распространена на все уровни партийного руководства.

В соответствии с ленинским замыслом Верховный Совет СССР превращается в постоянно работающий советский парламент, избираемый Съездом народных депутатов СССР. Этот постоянно действующий орган будет, опираясь на плюрализм мнений в обществе, тщательно готовить законы, контролировать деятельность исполнительных органов, посредством реального права распределять финансы и ресурсы.

В состав Верховного Совета СССР должны выдвигаться такие кандидатуры, которые известны избирателям как серьезные деятели, знающие общественно значимые проблемы и способные на деле добиваться их решения. Круг избираемых в Верховный Совет СССР работников исполнительных органов должен быть сведен до минимума.

Аналогичный принцип будет распространен и на областные, городские, районные и местные Советы.

Признано целесообразным рекомендовать на посты председателей Советов, как правило, первых секретарей соответствующих партийных комитетов. Конечно, пока это эксперимент, трудный и во многом спорный.

Какие доводы приводятся в защиту объединения этих постов?

Если первый секретарь партийного комитета будет избран председателем Совета, то это поднимет авторитет Совета, поможет усилить его контроль за деятельностью исполкома, позволит действительно разграничить функции партийных и советских органов в условиях, когда центр тяжести управленческой деятельности перемещается в Советы. В то же время рекомендация партийных руководителей на посты председателей Советов поставит их под более действенный контроль трудящихся, поскольку избрание станет осуществляться на сессиях тайным голосованием. А это значит, что мандат партийного руководителя, который ему вручают коммунисты, будет каждый раз как бы проверяться и подтверждаться представителями народа на всех ступенях системы Советов. Конечно, возможны случаи, когда

рекомендуемая кандидатура партийного секретаря не получит депутатской поддержки. Тогда, понятно, и партийный комитет, коммунисты должны будут сделать из этого соответствующие выводы.

XIX Всесоюзная конференция КПСС рекомендовала значительно расширить представительство трудящихся в высшем эшелоне государственной власти. Для этого существующее сейчас территориальное представительство населения дополняется непосредственным представительством от общественных организаций, входящих в политическую систему.

В структуре верховной власти создается Комитет конституционного надзора, избираемый Съездом народных депутатов СССР. Его задача — следить за соответствием законов и других правовых актов Основному Закону страны. Существование такого комитета — дополнительная гарантия демократического контроля за деятельностью всех должностных лиц, включая занимающих самые высшие посты.

При всем решающем значении представительных органов власти основное бремя непосредственного руководства экономикой и другими сферами жизни ложится на плечи государственного аппарата. Он проводит работу по оперативному управлению жизнью советского общества. От его квалификации, заинтересованности, активности и умения в большой степени зависит и осуществление плановых задач.

В данной области, как и в других, в советском обществе имеются немалые проблемы. Это прежде всего проблема ведомственности. Принимаются меры для ее преодоления. Одна из наиболее важных из них — объединение в единый комплекс ведомств, занимающихся однородными проблемами. А ведомств у нас имеется более ста.

Почему же их так много? По-видимому, причиной возникновения многих из них было организационное реагирование на реальные проблемы. Возникала новая хозяйственная задача, надо было вытащить из прорыва ту и или иную отрасль производства. И тут трудно было уйти от соблазна создать новое министерство или ведомство, которое занималось бы этим вопросом, получило бы соответствующий статус и возможности для вхождения в более высокие инстанции с предложениями, просьбами или требованиями. Такие решения давали в одних случаях больший, в других меньший эффект, в третьих

вообще никакого или даже оказывали противоположное действие. Проблемы дробились, связь между ведомствами усложнялась, что приводило ко многим несогласованностям и противоречиям в управлении производством и социальной жизнью.

Многие звенья аппарата управления в условиях, когда на место административных методов приходят экономические, на место практики приказов — практика стимулирования, на место запретительных инструкций — разрешительные, оказались излишними.

Иными словами, назрела коренная реформа государственного аппарата. Разумеется, вопрос о ней должен быть еще тщательно продуман и изучен. Сейчас можно говорить только о некоторых ее принципиальных направлениях.

Первая проблема — укрупнение министерств и ведомств, их объединение в комитеты, комиссии и другие формы по признаку родственной деятельности. Простое слияние группы министерств под одной крышей вряд ли что-либо сдвинет с места. Нецелесообразно создавать новые надстройки над министерствами и ведомствами, важно органически соединять и координировать их работу.

Но просто упорядочить организационную деятельность этого эшелона управления недостаточно. Необходимо внести радикальные изменения в сферу прав и обязанностей, полномочий и ресурсов, методов деятельности министерств, ведомств и вновь создаваемых комитетов, в распределении функций между ними. Нужно определить, какие министерства действительно необходимы, какие должны быть объединены, какова роль узкого и широкого состава Совета Министров Союза ССР, четко распределить их права и обязанности и неукоснительно руководствоваться этим на практике.

Но такое упорядочение — это еще не развитие демократии, а тем более самоуправления. Решить эту — главную — задачу можно, только усилив контроль за министерствами и ведомствами со стороны представительных органов, а также внеся изменения в процесс выдвижения, отчетности и сменяемости кадров государственного аппарата.

Сложилась практика, когда такие кадры нередко закрепляются на своих постах на десятилетия, иногда пожизненно. Между тем в ряде стран существует порядок, когда должностное лицо определенного ранга,

достигшее шестидесяти лет, уходит в отставку, на пенсию. Это не означает, что человек лишается возможности продолжать трудовую деятельность. Однако он может работать лишь за пределами государственного аппарата.

Такая практика позволяет постоянно обновлять кадры в рамках аппарата управления, широко привлекать молодые умы, создавать барьер против старения аппарата.

Кроме возрастной проблемы следовало бы также продумать вопрос и о более широком распространении на государственный аппарат принципа выборности, в особенности при замещении должностей по конкурсу.

По-прежнему остро стоит вопрос о борьбе с бюрократизмом. Решается он не шумными эскападами, а научной организацией управления, поскольку оно еще долго будет требовать профессионалов, а значит — «бюрократов». Кроме того, нельзя упускать из виду практический опыт. Грозные филиппики против бюрократизма в 20-х годах не помешали становлению культа личности, а сам этот культ использовал лозунги антибюрократизма во время массовых репрессий в 30-х годах. «Культурная революция» в Китае тоже проходила под этими лозунгами.

Научная постановка этой проблемы предлагает: 1) подчинение аппарата представительным органам, партийной и беспартийной массе; 2) рациональную организацию управления путем умелого распределения функций; 3) выдвижение или выборы действительно крупных организаторов, профессионалов; 4) сменяемость автоматически по возрасту либо в соответствии с демократической процедурой регулярной ротации и отзыва малоспособных людей.

Есть еще один путь — альтернативная общественная деятельность для представителей аппарата. Тогда никто не будет цепляться за кресло, и люди сами будут проситься в отставку, например, когда им не импонирует новое руководство и его политика.

Чрезвычайно важное направление демократизации — гласность, что означает усиление влияния общественности на всю политическую жизнь, на принимаемые решения, на обсуждение результатов и перспектив, включая сюда и критику недостатков и конкретных лиц, несущих за них ответственность. Заметим кстати, что положение

об усилении влияния общественного мнения было впервые включено в Конституцию СССР 1977 года. Как раз в тот пункт, где говорится о развитии социалистической демократии.

После начала перестройки в этом отношении произошли огромные перемены. Все общество прониклось критическим духом, и, за малым исключением, этот процесс имеет деловой, конструктивный характер. Люди говорят, пишут, выступают, желая улучшить положение дел на разных участках социалистического строительства, содействовать продвижению вперед. Конечно, эта волна, как и любая другая, не обходится без пены, без выступлений демагогов и клеветников. Однако надо отличать пену от благотворного потока, содействующего благоприятным для всего общества переменам.

В первых рядах здесь идут печать, прежде всего газеты, телевидение и радио. Средства массовой информации буквально преобразились. Они стали смело, открыто, а нередко и глубоко освещать проблемы экономического, социального и культурного развития.

Средства массовой информации все более превращаются в один из важных институтов социалистического самоуправления. Они выражают общественное мнение, которое служит важнейшим инструментом социалистической демократии. Это — коллективный народный разум, который помогает партии принимать назревшие и наиболее эффективные решения и одновременно включает широчайшие массы в сознательное, добровольное выполнение этих решений, заряжает их энтузиазмом, жаждой творчества, воспитывает в них чувство нового, производственную и социальную активность.

Важнейший институт, где формируется общественное мнение,— собрания трудящихся, проходящие в рамках различных организаций — партийных, профсоюзных, комсомольских, общие собрания трудовых коллективов. Здесь тоже заметны сдвиги, хотя они и не могут сравниться с тем, что наблюдается в сфере массовой информации. Слишком сильно сказываются многолетние традиции, когда все было заорганизовано и расписано, когда люди, тоскливо позевывая, ожидали окончания выступлений основного докладчика и участников обсуждения, заранее внесенных в список, а нередко проинструктированных или по крайней мере опрошенных по поводу того, что они собираются сказать.

Особенно важна гласность в рамках малых групп, будь то звено, бригада, цех, трудовой коллектив, где все друг у друга на виду. Здесь хозяйская заинтересованность прямо и непосредственно связана с заработной платой, с улучшением условий труда, с производительностью труда, с распределением благ.

Права человека и гражданина

Важнейшая идея XIX партконференции — указание на права человека как главный критерий демократии. По сути, это новый для нас взгляд, который меняет многолетнюю и даже многовековую традицию нашей политической культуры. Мы знали демократию как волеизъявление большинства, ее господство над меньшинством. Но мы плохо представляли демократию как неотъемлемые личные права человека, на которые не может покуситься никто — ни другие люди, ни государство.

Достоинство человека есть достояние государства. Только тогда он становится добрым гражданином, который по внутреннему долгу выполняет свои обязанности. И не заслуживает уважения государство, даже самое могучее, если в нем унижен, не защищен человек.

Обсудим прежде всего вопрос о правах гражданских, таких, как неприкосновенность личности и жилища, право на справедливый суд и судебную защиту, свобода передвижения внутри и вне страны, право на информацию, тайна переписки и телефонных разговоров и др. Начать с этого имеет смысл по двум соображениям. Первое — сейчас готовятся крупные законодательные акты в этой области; второе — здесь больше всего сходятся интересы всех слоев и групп общества: коммунистов и беспартийных, состоятельных и малообеспеченных, представителей руководства и рядовых.

В сущности, в период культа, да и в пору застоя, трудно было найти человека, на какой бы ступени социальной лестницы он ни находился, который чувствовал бы себя вполне под защитой закона, гарантирующего его гражданские права. Вспомните рассказ Н. Хрущева о том, как брали Берию. Больше всего Хрущев боялся вести переговоры по телефону, так как знал, что телефон прослушивается. Это у него — у Первого секретаря ЦК КПСС! А потом, когда его в октябре 1964 года освободили от работы «по собственному желанию», он находился, по сути дела, в опале на даче без права выезда

за границу, выступлений в печати, занятия общественной деятельностью. По какому закону? Какой суд принял решение об ограничении его гражданских прав? Президент США Р. Никсон был снят с поста по очень неблаговидному делу, но и после этого он занимается активной общественной работой, получая за это вознаграждение в несколько раз более, чем оклад президента. Он разъезжает по всему миру, публикует свои мемуары, приглашается для консультаций различными правительственными организациями.

Могут сказать — это нам не указ. Долгое время в основе нашей концепции прав человека лежала простая мысль: у них на Западе все вдоль, а у нас все будет поперек. Что немцу здорово — то русскому вред. Стрижено-брито. Мы жаждали найти такие формы демократии, которые не продолжали бы прежние, а опровергали их, доказывали их несостоятельность. При этом вместе с водой выплескивался и ребенок — общечеловеческое содержание демократии.

Да, мы совершили гигантский исторический шаг в сфере равенства. Такого шага не знало до нас ни одно общество. Богатых нет, их «ликвидировали», отняли у них собственность. «Человек всегда имеет право на ученье, отдых и на труд». Это выразило главное завоевание революции в области экономических и социальных прав.

Но наследие вековой политической культуры, усиленное сталинизмом, не исчезло. Оно овеществилось во многих институтах власти. И самое главное — оно осталось в душах людей и, подобно нерастворимому кристаллу, продолжает собирать вокруг себя мутные потоки несправедливости. Гоняясь за призраком всеобщего равенства, мы во многом пожертвовали свободой. Воля большинства нередко подавляла стремление меньшинства, коллектив — личность, государство — конкретного человека. На Западе полагают, что это привнес социализм, но это неверно. Это то, что социализм прихватил из своего исторического прошлого: мертвые до сих пор держат за горло живых. Худшие из традиций старой России через сотни каналов — психологических, политических, нравственных — просочились в новое общество, по-хозяйски расположились в нем и стали выдавать себя за подлинный социализм.

Большим несчастьем было то, что Россия никогда не знала либеральной традиции, иными словами, личных прав человека, неотделимых от него, на которые никто

не может посягнуть. В Великобритании «Билль о правах» был принят в 1689 году, в Америке — Декларация независимости США в 1776-м, во Франции — Декларация прав человека и гражданина в 1789 году. У нас только в 1918 году была принята Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа. И лишь сейчас мы подошли к пониманию необходимости Декларации прав человека.

Верно говорится: надо выдавить из себя по капле раба. Но, быть может, еще важнее — выдавить из себя по капле господина. Наше подлинное несчастье состоит в том, что все, или по крайней мере многие, жаждут властвовать. Властвовать хотя бы в рамках семьи, своего двора, бригады, трудового коллектива, наконец, государства. Мы ликвидировали частную собственность, а вместе с ней и господство денег. Но тем большее значение приобрела власть, понимаемая как право произвольно распоряжаться судьбами других людей, не оглядываясь на законы.

Человек — это звучит гордо. Мы помнили эти слова из пьесы «На дне», хотя они были вложены в уста забулдыги Сатина. Но оглядываясь вокруг себя, мы, подобно Радищеву, обнаруживали, как часто попирались достоинство, честь, независимость и сама жизнь человека.

Мне врезалась в память цифра с того времени, когда я был еще на практической работе: в год в центральные партийные и государственные учреждения поступало примерно 5 миллионов жалоб. Не знаю, быть может, сейчас их количество снизилось, но несколько миллионов наверняка пишут в Москву, в самые высокие учреждения, отчаявшись найти решение своих дел на местах. И еще столько же людей пишут в республиканские и местные органы. Вместе с семьями число жалобщиков, стало быть, составляет около 30—40 миллионов человек. Это симптом острой социальной болезни, которую надо незамедлительно лечить.

Первый шаг на пути ее решения — судебная реформа. В давние времена еще в Киевской Руси родилось понятие — суд правый. Самым выдающимся юридическим документом за всю историю России была «Русская Правда». Само слово «право» проистекало от правды, справедливости. «Русская Правда» определяла в своих статьях, как искать справедливости и осуществлять правосудие жителю Киевской Руси. Я посоветовал бы нашим

юристам, готовящим сейчас законы, перечитать этот документ. Странно сказать, но его пронизывает человеколюбие, чувство достоинства и ответственности властей перед людьми. «Русская Правда», кстати говоря, не знала смертной казни. По тем временам «Русская Правда», вероятно испытавшая на себе влияние византийской юридической культуры, стояла в ряду наиболее демократических документов эпохи. К несчастью, после татаро-монгольского ига пришла новая традиция. Она воплотилась, в частности, в «Уложении» Алексея Михайловича, которое предусматривало больше десятка видов смертной казни, в том числе закапывание живьем в землю, заливание раскаленного свинца в горло и тому подобные изобретения варварского воображения.

Дело не только в жестокости, которая стала спутником нашей юридической практики на многие столетия. Дело еще в том, что сам институт суда стал рассматриваться как органическая часть государственной власти. И когда А. Вышинский называл суд «карающим мечом революции», ни у одного образованного человека не возникало сомнение, откуда он черпал свои представления. Странно сказать, но до сих пор наш суд рассматривается главным образом как учреждение, карающее преступников, орудие самозащиты общества от нарушителей принятых в нем порядков.

Иными словами, главное дело нашего суда — борьба с преступностью. Но как раз это-то и не отвечает демократическому взгляду на суд. Какой процент общества составляют преступные элементы? До сих пор у нас не публикуется статистика — стыдно, что ли, что все еще много преступлений, или правоохранительные органы боятся критики за неэффективность своей деятельности, но несомненно, что такие элементы составляют меньше одного процента населения. А что же остальная часть — 99 процентов — разве она не нуждается в суде правом, скором и справедливом? Вот тут-то и зарыта собака.

Нам нужно в корне изменить представление о целях и задачах, функциях судебной системы. Те самые 5 миллионов, которые присылают свои жалобы в высшие партийные, государственные органы, да еще добрых 5 миллионов, которые пишут в республиканские, областные и районные организации, должны иметь реальную возможность восстановить свое право через суд. А суд должен видеть в этом свою первую и самую святую обязанность. Между прочим, облагороженный такой деятельностью,

он сможет выступать в качестве эффективного института и для борьбы с подлинной преступностью в стране.

Такой взгляд на роль суда означает ни мало ни много как коренное преобразование всей судебной системы.

Судьи первой инстанции могут избираться. Наверное, некоторые судьи могут назначаться представительными учреждениями на длительный срок. Главное — изменить статус судьи. Судья должен быть хорошо обеспечен, независим от государственной и партийной власти и находиться только под контролем закона.

Зайдите в судебное учреждение, а потом в отделение милиции, а потом в прокуратуру, потом в исполком, потом в райком партии. Уже сами стены, двери, окна, мебель покажут вам, что цепочка выстраивается именно в такой последовательности. Хуже всего устроены суды. И заработная плата у судебных работников, как правило, ниже, чем у работников милиции, и т. д. Но вся эта пирамида должна быть перевернута и на вершине должен стоять судья, ибо именно ему доверено самое святое — человек. Ни робот, даже самый современный, ни самолет, даже сверхзвуковой, ни автоматическая линия, а человек. И с этим существом надо обойтись по-человечески: помочь ему, когда его право нарушено, и наказать тех, кто нарушил его право, ссудить, если он сам нарушитель, но строго в соответствии с законом пробудить у него чувство достоинства и тем самым начать перевоспитание.

Мне говорил один очень компетентный человек о том, что у нас в 5—6 раз меньше судей на единицу населения, чем в странах Западной Европы. Наши судьи задыхаются от количества дел, которые приходится рассматривать, отчего, конечно, страдает качество их работы. Значит, надо взять деньги, предусмотренные для строительства нескольких заводов (сколько их ни строили, жизненный уровень населения от этого особенно не возрастал), и потратить эти деньги на расширение числа судебных работников, повышение их заработной платы, реконструкцию судебных помещений. Затем взяться за решение кадровой проблемы. Ибо судья — это человек высокой профессиональной подготовки, буквально травмированный чувством гражданской ответственности и справедливости, безукоризненно честной репутации. Только тогда он имеет моральное право делать то, что в свое время считалось прерогативой господа бога или его помазанников на земле.

Один научный работник как-то сказал мне, что согласно закону имеется больше тридцати случаев, когда гражданин вправе обращаться в суд в связи с нарушением его законных интересов. Проблема-де только в том, что граждане не знают своих прав. Видите, как интересно закрутил! Виновата офицерская вдова, которая сама себя высекла. А судьи знают об этом? Принимают ли они к производству дела граждан во всех этих тридцати случаях? Очень сомневаюсь. Больше того, твердо знаю, что даже сейчас, после того как был принят Закон СССР «О порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан», количество дел, которые принимаются в производство, выросло очень ненамного. По всеобщему мнению, Указ этот почти ничего не дал. А почему?

С ним произошло то же самое, что иной раз происходит с нашими техническими новинками. Вот, скажем, купили мы в свое время хорошую машину «фиат» и стали выпускать под названием «Жигули». Однако кому-то пришло в голову модернизировать ее. Поставили новый карбюратор — последнее слово нашей технической мысли, и машина перестала двигаться. Понадобились еще новые усилия, чтобы усовершенствовать этот карбюратор и снова превратить машину в подвижный предмет. А для чего его надо было менять?

Наша чиновная мысль ничуть не уступает технической.

В хороший закон, который предусматривал расширение права на судебную защиту, была внесена маленькая деталь. Даже не новый карбюратор, а жоклер. Чья-то умная голова написала, что обжаловать в суд можно только индивидуальное решение должностного лица. И машина сразу стала. Где они у нас, индивидуальные решения? Председатель райисполкома или заведующий его отделом, следователь прокуратуры или директор завода — никто из них не принимает решения от собственного имени. Они действуют коллегиально или от имени учреждений. А вот на учреждение или на коллегию жаловаться нельзя. Так маленький поворот, незаметный для невооруженного глаза, свел на нет большой замысел.

Откуда это у нас пошло — желание видоизменить устоявшиеся и апробированные в других странах формы? Откуда возникло стремление создавать демократические институты, противостоящие всему предшествующему

опыту человечества? Думаю, что это пошло к нам от наших далеких предков, которые мечтали превратить Москву в третий Рим: два погибли, третий у нас, а четвертому не бывать. Это идет от претензии на создание своеобычной цивилизации, которая не была бы похожа ни на Запад, ни на Восток. Потом это нередко перемешивалось с плохо понятыми идеями социализма: в каждый политический институт стремились внести хотя бы маленький жоклер, который нередко превращал его в неработающее учреждение.

Это соображение относится и к вопросу о суде народных заседателей. Не будем скрывать — речь идет о модели суда присяжных. Я впервые внес это предложение еще в 1957 году в одной из моих статей журнала «Коммунист». Вот как давно! И тогда эта идея была отвергнута именно по тем мотивам, что она списана с суда присяжных, то есть с западного опыта. Я, правда, уже тогда мог сказать, что модель нашего суда с двумя народными заседателями, которые все вместе решают и вопросы невиновности, и вопросы мер наказания, тоже имела своих предшественников. Подобная модель существовала только в довоенной Германии.

Сейчас фактически предрешен вопрос о расширении числа народных заседателей по особо важным делам, но остается открытой проблема, будут ли народные заседатели самостоятельно выносить вердикт о виновности. А ведь в этом корень вопроса. Простое увеличение числа народных заседателей абсолютно ничего не даст, кроме дополнительной суеты: куда их сажать в наших плохо оборудованных помещениях, наделять ли всех их правом участвовать в судебном заседании и т. д. Это будет тот же самый жоклер, который останавливает всю машину.

Суть дела как раз в том, чтобы в трудных случаях, которые требуют большого житейского опыта, знания подлинной жизни, а не только закона, доверить этот вопрос о виновности не профессиональным юристам, а простым людям, которые живут в тех же условиях, что и обвиняемый. Введение такого судебного разбирательства даже по немногим случаям имело бы принципиальное значение и для облагораживания всей судебной деятельности. Оно поднимало бы права человека на иную высоту, показывая, что они представляют собой предмет всеобщей заботы и общество не жалеет усилий для справедливого решения.

Еще один стереотип, который пришел к нам от старых времен,— это вера в эффективность жестоких наказаний. Сейчас она опровергнута опытом всего человечества, да и нашей собственной истории. Сколько жестокостей осуществил Сталин, сколько уничтожил людей, чтобы обеспечить свой культ на века. И что же? Десталинизация началась на второй день после кончины. Зачем было громоздить горы трупов, если этот культ не удержался даже одно столетие?

Сейчас складывается всеобщее убеждение в том, что надо решительно преодолеть ненужные жестокости наших уголовных законов. Правда, по одному вопросу мнения расходятся — об отмене смертной казни. Лично я выступаю за такую отмену. Замечу, что дореволюционная программа нашей партии включала такое требование. Всем известно, что Ленин отменил смертную казнь сразу после гражданской войны, в момент, когда не было преодолено сопротивление свергнутой буржуазии, а преступность в стране достигла чудовищных масштабов. Конечно, если ориентироваться на наши чувства, то необходимо сохранить смертную казнь в отношении тех, кто совершает убийства, используя особенно жестокие методы.

Но кроме эмоций есть еще разум. И разум напоминает: насилие рождает насилие, а кровь рождает кровь. Довольно лилось крови в России! Давайте попробуем строить здание общественной морали на другом, гуманном, а значит, и более прочном фундаменте.

Кроме того, есть еще деловое соображение. Уже сейчас при подготовке проекта Уголовного кодекса многие предлагают сохранить смертную казнь не только в случае убийства, но и по целому ряду других составов преступления. А впоследствии, если в принципе сохранится смертная казнь, ее нетрудно будет распространить на новые и новые виды преступлений. А там недалеко и до рецидива массовых репрессий.

Говорят, что российского человека не устрашить простым тюремным заключением. Я придерживаюсь как раз противоположной точки зрения. Если вместо смертной казни ввести пожизненное заключение, без права помилования, в одиночной камере, то это устрашит потенциального преступника значительно больше, чем угроза смертной казни. Так или иначе здесь есть над чем подумать и о чем поспорить.

Едва ли не самая страшная традиция, которая пришла к нам от наших крепостнических времен,— это подозрительность. Нет дыма без огня — сколько человеческих судеб было исковеркано из-за этого убеждения. Донос — челобитная — тайный суд — опала — казнь.

Такой была традиция политической власти России, которая пришла к нам от монголо-татарских, а затем крепостнических времен. В 20—50-х годах эта традиция была восстановлена во всем своем варварском великолепии. После сталинского периода два элемента этой цепи — тайный суд и казнь отпали, но три других все еще продолжают свое действие. Да и тайный суд был отменен не вполне. Сохранялась подозрительность, ужасная привычка слушать доносы. Я видел великих мастеров «накапать начальству». Так, как-то мимоходом, но чтобы задело, осталось в душе и когда-то выплеснулось гневом. Не говорю о Сталине, его подозрительность граничила с паранойей. Но и те, кто боролся против Сталина, тоже любили склонять свое ухо к умелому доносителю.

Семьдесят лет понадобилось, чтобы отказаться от самой презренной и архаичной формы доноса — анонимки. Сейчас настала пора сделать следующий шаг — выбросить на свалку не анонимный, а тайный донос, который отравлял и до сих пор отравляет жизнь тысячам и тысячам людей в нашей стране — коммунистов и беспартийных — и стоящих в самом низу бюрократической лестницы, и вознесенных на политический Олимп. Тайный аппаратный донос, перед которым человек беззащитен, поскольку он даже не знает, ни кто его сочинитель, ни в чем суть обвинения,— этот донос может перевернуть всю судьбу человека.

Надо сломать эту традицию, прежде всего в сознании каждого представителя власти. Затем сломать ее среди многочисленной «дворни», которая нередко окружает «жадною толпой» руководителей разных рангов. Далее сломать ее среди работников органов, ведущих расследование. И уж совершенно отвергнуть эту традицию в суде. Каждый, кто приходит в суд, даже если его приводят в наручниках, приходит туда как исполненный достоинства гражданин Советской страны. И только после тщательного, объективного, честного и справедливого расследования и вынесения приговора может быть доказано, что человек совершил преступление.

В этом, собственно, и заключен принцип презумпции невиновности. Человек считается виновным, когда его

вина установлена судебным приговором. Конечно, следователь, который передает дело в суд, не может не быть убежденным, что человек виноват. Но это вопрос личной совести и личной ответственности следователя. А в глазах общества и в глазах всех других должностных лиц человек, предаваемый суду, остается невиновным.

Почему необходимо такое предположение или такая презумпция? Потому что ее альтернативой является противоположный взгляд: раз есть донос, раз есть подозрение, значит, что-то нечисто. И покатилось и поехало...

Из нарушений других гражданских прав мне представляется наиболее чудовищным насильственное заключение в психиатрическую лечебницу. Кто может сказать, сколько было таких случаев, когда расправлялись подобным образом с людьми, которые не хотели смотреть в рот начальству? Чего я абсолютно не понимаю — как наши врачи, представители благородной профессии, участвовали в подобной ужасающей жестокости? Необходимо провести с помощью самых высококвалифицированных специалистов самое тщательное расследование подобных случаев, чтобы навсегда смыть это позорное пятно из нашей гражданской практики. Незаконное заключение в психиатрическую лечебницу должно рассматриваться в Уголовном кодексе как тягчайшее преступление против личности. Что может быть страшнее — превратить здорового человека в больного, разрушить всю его жизнь и жизнь его семьи? Фильм «Полет над гнездом кукушки» показал, что это международная проблема. И у нас, представителей социалистической страны, должны быть абсолютно чистые руки в этом вопросе.

Свобода совести тесно переплетается с не зафиксированной в нашей Конституции свободой убеждения. Важно, конечно, вернуться к тем установлениям, которые были в ленинское время об отношениях между религией и государством, о свободе верований всех религиозных направлений — православного, католического, мусульманского, индуистского, иудейского, а также различных сект и др.

Со времени Петра Великого у нас развилась еще одна традиция — соединение светской и духовной власти, государства и церкви. Петр, правда, сам не претендовал на роль ведущего идеолога, но полностью подчинил церковную деятельность бюрократии. Зато Екатерина II

пожелала быть не только императрицей всероссийской, но и великим просветителем своей эпохи. Александр I, тоже не чуждый вначале своего правления либеральных идей, как бы раздвоил себя, воплотившись в двух ипостасях — государственной через Аракчеева и духовной через Сперанского. Раздвоение, однако, быстро закончилось полным торжеством «преданного без лести» и опалой духовного наставника. Николай I считал себя вправе цензурировать Пушкина и в целом направлять процесс культурной жизни народа. Николай II распустил Государственную думу во имя духовного единения нации перед лицом военной угрозы, подписав тем самым себе смертный приговор.

Такой традиции Запад, кстати, не знал. Александр Македонский не претендовал на роль, которую играл его духовный наставник Аристотель. Нерон при всех своих амбициях считался с Сенекой, Людовик XVI терпел Вольтера.

У нас же соединение политического и идеологического начала в деятельности вождя стало традицией. Для Ленина это было понятно, поскольку он пришел к власти прежде всего как идеолог, следовал определенной доктрине и стремился осуществить ее на практике. А вот Сталин уже стал создавать себе мантию самого крупного теоретика после того, как занял пост генерального секретаря ЦК партии. До этого мало кто знал его небольшую брошюру «Анархизм или социализм?», которая не шла ни в какое сравнение с многочисленными книгами и статьями ленинских соратников. Сталин называл партию орденом меченосцев. Здесь одинаково важны оба понятия: и меч, и орден. Религиозное объединение, где сам командор претендовал на истину, единственную и непогрешимую,— и не только в сфере политики и идеологии, но даже в таких отдаленных сферах, как языкознание...

Во времена Брежнева эта претензия лидера на духовное руководство нацией приобрела такие формы, которые не знала вся история человечества. Девять томов произведений человека, который двух слов не написал собственной рукой, премии в качестве ученого и литератора, кажется, вбили последний камень в нелепую традицию соединять в одном лице политика, идеолога, ученого и жреца искусства. Социалистический плюрализм предполагает преодоление этой традиции. Множественность мнений в науке, искусстве, культуре — залог

здорового развития общества. Будем надеяться, что закон о гласности отразит новый, а не традиционный подход.

Кто так решил, чтобы при социализме происходило сужение, а не расширение права на передвижение? В период, когда страна находилась в капиталистическом окружении, когда политический режим разъедала идеология и практика культа личности, когда изоляция страны рассматривалась как непременное условие социалистического строительства, больше всего пострадало именно это право. Оно касается не только выезда и въезда за пределы страны, но и права выбирать место жительства внутри ее.

Ни для кого не секрет, что только в конце 50-х годов по инициативе Хрущева крестьянское население получило паспорта и право переселяться в города или другую сельскую местность. А ведь тогда крестьянство насчитывало половину всего населения, и эта половина была лишена одного из самых элементарных человеческих прав. Прописка, которая неизвестна подавляющему большинству стран мира, мотивировалась главным образом перенаселенностью городов и жилищными трудностями. Тем не менее города повсеместно продолжали расти, поскольку бурное развитие индустрии требовало притока новой рабочей силы, а люди селились в бараках, землянках, общежитиях. Они добивались с помощью заинтересованных заводов, фабрик, учреждений преодоления препятствий, воздвигнутых паспортным режимом.

Почему же он сохраняется до сих пор в нетронутом виде? Что это за «священная корова», к которой нельзя подступиться? В Югославии нет паспортной системы, граждане получают паспорта, только когда они хотят выехать за границу. Во многих странах Восточной Европы нет прописки. Что ни говорите, а паспортный режим порожден на две трети системой тотального контроля за гражданами, а не экономическими соображениями. Для начала, на наш взгляд, следовало бы обсудить вопрос о резком ограничении числа тех городов, где сохраняется прописка, а затем об отказе от паспортного режима. Паспорт нужен для осуществления права поездки или выезда за границу.

Сейчас произошла большая либерализация в отношении возможности для любого советского человека поехать в социалистические страны, резко увеличились такие возможности для поездок и в капиталистические

страны. Это одно из реальнейших завоеваний демократизации в нашей стране для простого человека. Надо надеяться на дальнейшее продвижение в этом направлении. За такими требованиями стоят не только естественные стремления людей, особенно молодых, увидеть мир, посетить Париж, Лондон, Рим, Нью-Йорк. За этим стоит проблема формирования подлинно открытого общества. Только тогда, когда каждый рабочий, крестьянин, инженер, врач, ученый получит возможность знакомиться с лучшими образцами профессиональной деятельности в современном мире, мы действительно сможем осуществить коренную перестройку нашего труда и его производительности. Ни одна страна в современном мире не может развиваться в одиночку, будучи отрезанной от научных и технических достижений в других странах.

Для осуществления права путешествовать за границу важно решить на честной основе проблему валютного обмена. Сейчас уже многое сделано для этого, однако далеко не все.

Формально существующий курс валюты, как известно, не отражает реальность. В первую очередь нужно рассматривать вопрос о новом туристском курсе в отношениях с социалистическими странами. Здесь есть определенный положительный опыт и взаимная заинтересованность. Но затем придется пересмотреть валютное соотношение и с капиталистическими странами. Конечно, это очень нелегкая проблема. Однако без ее решения право на посещение других стран может оказаться для подавляющего большинства нашего населения пустым звуком.

Пора обсудить вопрос и о незаконном ограничении гражданских прав коммунистов. Сколько раз среди ученых, писателей и журналистов мы сталкивались с таким явлением: наказали человека по партийной или служебной линии и не пускают после этого его за границу, не печатают или плохо печатают статьи в газетах, журналах, книги. Но почему, по какому праву?

Когда суд выносит приговор, он четко указывает, каким ограничениям подвергается виновный — конфискация имущества, ссылка и т. д. Иное дело партийное взыскание. Скажем, вынесли выговор с занесением в личную карточку, это само по себе уже достаточно тяжелое наказание для коммуниста. А потом начинается нечто совершенно незаконное. Это противоречит и Уставу пар-

тии, и Конституции СССР. Сложилось так, что пока есть партийное взыскание, человек не может выехать за границу или занимать новую должность. Но кто так судил? И где мера, где критерий для определения степени ограничения гражданских прав? В решении всех этих вопросов фактически царит произвол. Те, у кого больше связей, преодолевают такие ограничения сравнительно легко и быстро, те же, у кого связей меньше, застревают в искусственно созданной изоляции на долгие годы. Это порочная практика.

Из числа других гражданских прав особое внимание заслуживает право на информацию. Это многоплановая проблема. Сейчас открыты или открываются многие архивы, которые держали под спудом важнейшие документы, а также книги, касающиеся советской истории, особенно идеологических и политических борений 30—50-х годов. Вероятно, следовало бы продумать порядок обнародования документов, которые отнесены к государственной тайне, через определенный срок. Например, сейчас в США обещают открыть архивы Дж. Кеннеди, включая те, которые были связаны с военной и государственной тайной и находились за семью печатями. Нам тоже нужны стабильные правила, иначе под предлогом секретности можно снова на длительные периоды закрывать информацию от общества. А потом она вываливается на голову неподготовленных людей, особенно молодежи, и деформирует сознание.

Большое значение имело прекращение глушения зарубежных радиостанций. Вопреки опасениям небо не обвалилось и птицы продолжают летать; никакого заметного влияния эта информация на наш нравственный климат не оказала. То же самое относится и к телевизионным передачам. Нам надо включиться в сеть Евровидения, покончив наконец с детским страхом, что они могут воздействовать на нас больше, чем мы на них. То же самое следует сказать и о зарубежной прессе. По меньшей мере странным и нелогичным выглядит положение, когда советские граждане имеют возможность слушать передачи различных радиоголосов на русском языке, в том числе враждебных нам, и не получают доступа к прессе стран Запада. Сейчас, когда многие наши газеты стали издаваться в переводе на иностранные языки, стоит заново продумать вопрос относительно продажи западных газет, по крайней мере в крупнейших городах нашей страны.

Конечно, право на информацию касается не только нашей и зарубежной прессы, радио и телепередач. Это более широкая проблема. И надо думать, что она найдет отражение в готовящемся проекте Закона о гласности. Так или иначе информация должна перестать быть монополией круга посвященных, к ней должны получить доступ все желающие.

Итак, политическая практика выдвинула в качестве главной проблемы действительные гарантии гражданских прав. Это предполагает преодоление предрассудков и устарелых традиций, очищение социализма от всего, что было позаимствовано у худших образцов прошлого.

Политическая культура

Страна пришла в движение. Гласность и демократия дали возможность каждому человеку заявить обо всем, что наболело. По накалу жизни последние три года насыщеннее иных десятилетий — столько проблем поднято на политических форумах, в трудовых коллективах, в печати, литературе, театре, кино, на телевидении. Общественное мнение становится все более важным фактором развития.

Но даже в древние времена было ведомо, что за словом должно следовать дело. Иначе слово только теребит душу. Надо ли говорить, что неконструктивная критика — это начальный уровень общественного сознания. Все справедливо отвергают маниловщину, которая так долго кормила народ очередными обещаниями молочных рек и кисельных берегов. Но не менее вредна и ноздревщина, вздорные эскапады, пустые, как мыльные пузыри. Более всего нужна деловая работа по ускорению развития страны, излечению наших экономических и социальных недугов.

Как говорил М. С. Горбачев на встрече с руководителями средств массовой информации и творческих союзов, сейчас мы как бы заново проходим школу демократии. Работать в новых условиях учатся все — и руководители, и массы, взращивая в общественном сознании семена подлинной политической культуры, которая служит перестройке.

Наша политическая культура имеет достаточно долгую и, будем прямо говорить, довольно противоречивую традицию. А как говорил Пушкин, привычка — душа держав.

За нашими плечами и Киевская Русь, и Новгородское вече, о которых мало кто вспоминает, и 300 лет восточного ига, и Грозный Иоанн, и Петр Великий, и сумрачный Николай I, и жалкий Николай II... Пушкинское «народ безмолвствует» отразило политическую традицию авторитаризма. А незадолго до этого Жан-Жак Руссо вынес ужасающий приговор: в России никогда не будет демократии, поскольку это — страна рабов; народ имеет то правительство, которого заслуживает. Чаадаев, этот печальный русский гений, бросил потомкам исторгнутый из больного сознания крик: Россия — страна без будущего.

К счастью, он ошибся, как ошибся и женевский мечтатель. В Октябре 1917 года веками давимый, но не раздавленный народ, руководимый большевиками, сделал могучий рывок к демократии. Мы — не рабы, рабы — не мы! Но дорога к народовластию была усыпана терниями и обильно полита кровью.

В ленинское время рабочий, матрос, солдат и крестьянин стали учиться управлять государством. Но недостаток общей и политической культуры был не последним фактором, приведшим к тому, что вместо управления через трудящихся стало управление для трудящихся.

Тенденция к бюрократизации управления, с которой решительно боролся Ленин, усилилась после его смерти. История еще скажет свое слово о той эпохе. И о том, что было впервые создано на нашей земле (чем мы всегда будем гордиться) самоотверженной, исступленной борьбой партии, всего нашего народа за технический и социальный прогресс. И о том, как наш великий и мужественный народ сумел в Отечественной войне такой страшной ценой выстоять и одержать победу. И о том, что мы не можем, не вправе прощать или оправдывать,— о жестоких репрессиях против кадров в партии, в армии, среди интеллигенции, о человеческих трагедиях.

Кстати, замечу, что сам культ личности не только насаждался сверху. Увы, он отражал собой феномен определенного уровня политической культуры масс.

В период, который наступил после XX съезда КПСС, тоже причудливо перемешались свет и тени. Были созданы гарантии против реставрации культа личности и репрессий. Однако тогда не удалось осуществить радикальное преобразование нашего общества. В 70-е годы стали накапливаться негативные процессы, нерешенные проблемы, явления застоя и консерватизма.

И вот апрель 1985 года. Поистине как мало прожито, как много пережито! Гласность, демократизация, экономические реформы — все это всколыхнуло душу каждого человека.

На наших глазах начала формироваться в значительной степени новая советская политическая культура. А вместе с этим и политический человек — активный участник общественного процесса. Со своим мнением, позицией, со своими предпочтениями и действиями. И тут обнаружилось то, что можно было предполагать заранее. По ряду вопросов мы имеем не вполне совпадающие взгляды, хотя все мы стоим на почве социализма и Советской власти.

Откуда же идет сопротивление перестройке? Кто его носители? Многие убеждены: сопротивляется только бюрократия.

Но это отнюдь не является монополией представителей аппарата управления. Пассивная к переменам часть массы тоже должна быть рассмотрена как фактор торможения перестройки, хотя, за небольшим исключением, люди очень ответственно относятся к происходящему.

Помимо «старого бюрократа», осторожного перестраховщика на поверхность опять пытается выйти эластичный краснобай от перестройки, который процветал в прежнее время и жаждет укрепиться в новом. Однако сейчас нужна не ловкость, не шустрая способность пристроиться к перестройке, а преданность делу, профессионализм, да и обыкновенная порядочность и искренность.

А вот еще один тип имитатора. Избран человек на должность — на заводе, в научном учреждении, в творческой организации. Куда направлена его активность: на общее дело или служение прежде всего самому себе? Как только новый руководитель, так сказать, пристрастится к привычному в прошлом занятию — получение званий, премий, наград, должностей, вояжам по Европам — ясно: это «своекорыстный перестройщик».

Наряду с горячими сторонниками перестройки, буквально выстрадавшими ее на собственном опыте, появляются люди, которые раньше помалкивали, а сейчас торопятся наверстать упущенное, не останавливаясь перед самыми крайними суждениями. Конечно, любое суждение, продиктованное стремлением служить делу обновления, заслуживает внимания. Но право на критику,

предполагает и право на критику критики, как отмечал Маркс.

Мы слышим, например, легковесные суждения о неизбежности и даже полезности безработицы как пресса, способствующего росту производительности труда.

Надо ли напоминать, что гарантированный труд и социальное обеспечение представляют собой главные завоевания социалистической системы. И никто в нашей стране не согласится отказаться от этих завоеваний, достигнутых дорогой ценой. Но посмотрим на этот вопрос и с практической точки зрения.

Не раз приходилось слышать от руководителей многих предприятий, что они готовы сократить число работающих на одну четверть или даже на треть при условии использования оставшегося фонда для оплаты труда остальных. Одна четверть означает в масштабах страны несколько десятков миллионов человек. Что с ними делать?

Взять их на пенсионное обеспечение государство не в состоянии. Выбросить на улицу — об этом и думать невозможно. Значит, надо искать другие пути — перераспределение и переобучение рабочей силы. Значит, надо всерьез задуматься над тем, какой орган в масштабах страны займется этой проблемой, которая будет становиться все более острой по мере освоения новой техники и технологии, интенсификации труда. Да и справедливо ли будет возлагать на плечи трудящихся бремя переходного периода к новой системе управления экономикой?

Не так наивно выглядит и выдвигаемая дилемма: «свободный рынок» либо плановая экономика. Конечно, сейчас стоит задача развития товарно-денежных отношений. Но выдвижение названной дилеммы способно лишь привести к очередным бесплодным дискуссиям вместо поиска путей осуществления структурных реформ.

Известно, как остро стоят у нас проблемы преодоления сверхцентрализма и ведомственности. 18 миллионов человек в аппарате управления — это слишком большая цена за гипертрофирование принципа централизации. Очевидно, что в условиях реформы, когда главным звеном планирования и управления становится предприятие и объединение, центральный аппарат ведомств и министерств может быть с пользой для дела сокращен вдвое или даже втрое. Но надо ли возвращаться к идее совнархозов, то есть к той попытке, которая не удалась в 60-х годах?

Сейчас накапливается опыт выборов по многомандатной системе в Советах, трудовых коллективах. В ходе первых экспериментов выявились реальные проблемы совершенствования процедуры выдвижения кандидатов, проведения избирательной кампании, развития политической культуры масс. Именно самоуправление должно обеспечить выдвижение на руководящие посты не любого и каждого, а наиболее способных, талантливых организаторов, подлинных деятелей.

«Низы» тоже не свободны от влияния социальных условий. Перестройке сопротивляются и те, кто до сих пор предпочитает получать побольше, а работать поменьше, кто обогащается за счет дефицита.

Решения нужно искать, опираясь на современный опыт и далеко заглянув в будущее. Только глубокие, революционные реформы помогут создать высокоэффективную экономическую систему, вбирающую в себя как губка научно-технический прогресс, способную выдержать конкуренцию с ведущими индустриальными державами современного мира.

Есть еще один тип имитатора. Среди массы людей, честно и добросовестно использующих новые права, в том числе право выбора руководителей, появляются и такие, которые пользуются гласностью, чтобы скомпрометировать требовательных и принципиальных руководителей, более одаренных специалистов, свести личные счеты, захватить те места, которых они не заслуживают по уровню своей профессиональной подготовки.

Еще немало людей, фанатично верящих лишь в одну идею, неспособных даже выслушать оппонента. Они рвутся на улицу, чтобы заявить зачастую необоснованный протест, громить несогласных. Каждая из таких групп противостоит другой, и дай им волю, того и гляди, сойдутся врукопашную.

Как быстро происходит взаимопроникновение демократии и охлократии! (Охлократия, по Аристотелю,— это власть толпы.) Еще вчера, например, представители «Памяти» настаивали на справедливой идее сохранения русской национальной культуры — памятников старины, зодчества, наименований городов, улиц, районов. Словом, защищали наше национальное достояние, широкое использование ценностей прошлого. И это было хорошо. Но к этому движению примазались люди, которые выступают с позиций национализма.

Наше общество самое образованное в мире, но надо ли доказывать, как много еще предстоит сделать для воспитания политической культуры и подлинной цивилизованности, чему Ленин придавал такое огромное значение. Пройдет немало времени, пока все мы действительно овладеем искусством вести честную и добросовестную полемику, выслушивать оппонента и даже противника, преодолевать в себе атавистическое поползновение любой ценой «подавить», «ликвидировать» мнение, не совпадающее с нашим.

Производственная демократия

Сама жизнь поставила на повестку дня необходимость разработки такого фундаментального правового акта, как Закон о государственном предприятии. Этот закон, который введен в действие с 1 января 1988 года, призван коренным образом изменить условия и методы хозяйствования в основном звене экономики, закрепить в деятельности предприятий сочетание планового начала и полного хозрасчета, самостоятельности и ответственности, узаконить новые формы самоуправления, рожденные творчеством масс.

Здесь задача довольно сложная, двуединая. С одной стороны, укрепить персональную ответственность руководителей предприятий, учреждений, не связывать им руки, а расковать их инициативу и одновременно развить коллективизм, коренным образом возвысить участие всех трудящихся в контроле за деятельностью администрации — и в решении общих проблем и особенно проблем социального развития. Руководителям предприятий и учреждений нужны широкие полномочия — финансовые, материальные, административные — для того, чтобы они могли выступать в роли руководителей, а не механических исполнителей идущих сверху или сбоку указаний. Эти полномочия касаются права распоряжаться определенной долей прибыли, заключать договоры с другими предприятиями, выходить на рынок внутри страны, а в определенных пределах — и на внешний рынок, нанимать работников, устанавливать дифференцированную шкалу заработной платы, распределять ресурсы. Эти полномочия касаются и общей стратегии развития предприятия, модернизации техники, внедрения новой технологии, повышения качества продукции, развития всей социальной сферы. Руководство предприя-

тия должно брать на себя всю полноту ответственности за решение этих вопросов. Директор должен быть директором, а не пешкой на шахматной доске, которая целиком зависит от движения более тяжелых фигур.

Но с другой стороны, в связи с этим как раз и возникает самая настоятельная необходимость усиления контроля за деятельностью администрации снизу — всем трудовым коллективом. Речь, конечно, не идет о том, чтобы трудовой коллектив, например, на своих общих собраниях постоянно занимался решением оперативных вопросов предприятия, учреждения, кооператива. Это было бы нелепым извращением демократии и могло бы привести только к дезорганизации всего трудового процесса. Речь идет о другом — о том, чтобы руководители постоянно чувствовали, что подлинными хозяевами на предприятиях, в учреждениях и кооперативах являются трудовые коллективы. Именно им принадлежит решающее слово.

Особенно важен принцип выборности руководителей предприятий, производств, цехов, отделений, участков, ферм и звеньев, бригадиров и мастеров. Современный этап перестройки, переход на новые методы хозяйствования, хозрасчет, самофинансирование и самоокупаемость переводят эту задачу в практическую плоскость. Мера эта важная, необходимая, и она, несомненно, будет с одобрением встречена трудящимися.

Имеющийся опыт показывает значение и другой проблемы самоуправления трудового коллектива: это правильное распределение полномочий, функций, прав и обязанностей всех его институтов, правильное понимание своей роли каждым участником. Как говорили в старину — богово — богу, кесарю — кесарево. Нужен оркестр, где у каждого свой инструмент и все слушаются дирижера. Директор и его заместители, секретарь парткома и его члены, местный комитет, партийное и общее собрание — все должны иметь четко определенный круг полномочий и обязанностей, действуя как хорошо слаженный механизм. Но кроме распределения функций здесь есть еще и различие в подходах. Конечно, и администрация, партком и местком, и весь трудовой коллектив глубоко озабочены тем, чтобы правильно сочетать интересы государства, данного коллектива и каждого работника. Директор заботится о выполнении плана и удовлетворении социальных нужд коллектива, на это же нацелена деятельность партийной и профсоюзной организаций, производственного совещания. И все же между

ними имеются серьезные различия. Если администрация, в силу самого своего положения, должна в первую очередь проявлять заботу о выполнении плана, не игнорируя другие задачи, то профсоюзная организация и общее собрание в первую очередь должны проявлять заботу о защите интересов трудового коллектива, законных прав каждого работника.

Эта особенность положения профсоюзов в условиях социализма отмечалась на последнем съезде профессиональных союзов страны. Профсоюзы защищают интересы рабочего человека от бюрократии. В противном случае задачи профсоюзов ничем бы не отличались от задач руководителей производства.

Есть еще одна важная проблема самоуправления трудового коллектива. Это — проблема контроля за выдвижением и сменяемостью руководящих кадров. Здесь у нас имеются прямо противоположные тенденции. В одних случаях, например в колхозах, мы видим невероятную текучесть кадров руководителей. В других случаях, например в научных учреждениях, мы видим, как руководители засиживаются на своих местах чуть ли не на всю жизнь. В то же время — и это главное — при выдвижении руководителя слабо учитывается мнение коллектива. Фактически все решается в вышестоящих организациях.

Как исправить сложившееся положение? Речь идет о том, чтобы ограничить пребывание руководителей заводов, фабрик, кооперативов, научных учреждений, учреждений культуры определенным сроком, скажем не более четырех — шести лет, так, чтобы каждый раз происходило обновление крови в организме, приходил человек с новыми идеями и жаждой их воплощения. Кроме того, следует шире использовать практику экспертных оценок при выдвижении на руководящие должности, а в необходимых случаях шире практиковать прямые выборы руководства. Так или иначе, покончить с застойными явлениями в кадровой политике, которые являются источником бюрократизма и консерватизма.

Широкими возможностями для демократизации процесса управления экономикой и социальной сферой располагают колхозы, социалистическая кооперация. Заслуживают поддержки шаги, уже предпринятые во многих республиках, краях и областях, по расширению кооперативных форм деятельности, имеющих большую перспективу.

* * *

В результате первых выборов на съезд Советов и в Верховный Совет СССР должно быть решено самое главное — преобразование Верховного Совета СССР в советский парламент, в корпус законодателей. Зависит это не только от новых установлений, но и от состава избираемых депутатов. Совет становится парламентом, когда в нем работают парламентарии, то есть люди, имеющие свои взгляды и позиции, способные твердо отстаивать их, находить необходимые компромиссы, люди достаточно компетентные, чтобы участвовать в формировании и написании законов (обсуждать законы может любой гражданин). Только когда законы будут готовить сами парламентарии, привлекая, разумеется, экспертов из научной среды, от общественных организаций и аппарата управления, мы сможем говорить о крупном шаге в развитии демократии, о том, что у нас возник ее основной институт.

В решении экономических проблем на первое место выдвигается сейчас аграрная реформа. Не пора ли признать, что колхозы как коллективная форма труда, позаимствованная у промышленного производства, оказались во многом малоэффективными? В некоторых видах производства, например в птицеводстве или хлопководстве, они показали высокий уровень производительности труда. Но можно ли дальше игнорировать тот известный факт, что фермеры, составляющие 2,5 процента населения США, кормят всю страну и продают огромную часть продукции за рубежом? А на наших приусадебных участках, на которые приходится лишь один процент земель, производится почти треть сельскохозяйственной продукции. Вероятно, этот опыт будет учтен в готовящемся законе об аренде, чтобы люди имели возможность заключить договор по своему выбору — либо с колхозом, либо с государством в лице местной власти и им были бы гарантированы и выход на рынок, и закупки техники и удобрений, а главное — закрепление земли.

Развитие рынка и товарно-денежных отношений, хозрасчета поставит политический плюрализм на почву плюрализма экономического, откроет двери состязательности и конкуренции государственной, кооперативной, семейной, индивидуальной и других форм собственности.

Наша перестройка внутри страны столкнулась с острыми проблемами. Благородный замысел руководства страны вести этот процесс не только сверху, как это

было во времена Хрущева, но и снизу, начать дело с гласности и демократизации столкнулся с сопротивлением бюрократии и худших представителей толпы.

И в том и в другом явлении нашли свое отражение традиции авторитарно-патриархальной политической культуры. И это неудивительно. Из пут сталинизма и застоя не только власть, но и общество вырывается с огромными шрамами в сознании, душах, привычках. Не напрасно древние говорили, что самым губительным следствием тирании является развращенное общество. Мы столкнулись с парадоксом: для демократизации общества нужна демократизация власти, но для демократизации власти нужно демократическое общество. Нужны люди, способные и умеющие жить с оппонентом. А вовсе не такие, которые — будь то в защиту «левых» или «правых» позиций — жаждут, как минимум, подавить оппонента, согнать его с трибуны, а как максимум — сгноить в концлагере. Терпимость к другим, лояльность, плюралистичность мнений и простая порядочность — вот чего не хватает нашим яростным полемистам. Мне постоянно приходится сталкиваться с этим, особенно во время публичных слушаний по поводу прав человека. И самое важное — всем нам не хватает конструктивных идей. Все мы горазды писать о прошлом и так неохотно анализируем опыт настоящего и обсуждаем проблемы будущего.

Национальная проблема стала средоточием многих борений, хотя за ней высвечивается главная — социальная проблема. Почему у нас произошел такой взрыв национальных чувств? Это очень сложный вопрос. В одном узле здесь сплелись различные течения. Кроме того, очевидно, что в разных районах страны есть свои специфические проблемы — в Армении, Азербайджане или Грузии, в Эстонии или Латвии, на Украине или в России. Но есть и некоторые общие причины.

Первая: надо признать, у нас не было подлинной ленинской федерации. Гладко было на бумаге, а на деле были овраги. Не буду говорить о беспрецедентном геноциде Сталина — переселении целых народов со своих исторических земель. Посмотрите на представительство республик, и особенно малых наций, в центральных министерствах, ведомствах, во всех органах, осуществляющих реальную власть. Здесь происходила постоянная кадровая эрозия. Вторая: возможная угроза ассимиляции — языковой, культурной, даже географической — для малых народов. Это не только наша проблема. Могучая

сила интеграции под воздействием технологической революции вызывает могучее сопротивление наций, жаждущих сохранить свои вековые культурные ценности и традиции. Третья причина: посягательство на достижения национальных культур. Уничтожение храмов, запустение старинных городов, пренебрежение к духовному наследию предков. Это коснулось едва ли не всех наших народов.

Но эти причины перекрывают социальные. В условиях экономического дефицита представителям многих наций стало казаться, что их «объедают» другие нации. Такие настроения появились в Прибалтике, но не меньше — среди народов России, которые имеют самый низкий уровень жизни в сравнении с населением других районов страны. А на самом деле всех «объедало» государство с его огромными, в том числе иррациональными, расходами как в капитальном строительстве, так и в военном производстве.

Всем равно была навязана административная система, которая не позволяла каждому человеку, каждому народу быть хозяином производимых продуктов труда.

Как решать эти проблемы, которые касаются едва ли не всех наций и народностей нашей страны? Общий принцип более или менее ясен: нужно удовлетворять законные интересы всех наций, предоставить каждой из них подлинную самостоятельность, экономическую и культурную автономию и одновременно воссоздать подлинную федерацию, взаимовыгодную интеграцию, укрепить наш Союз. Но что именно делать — это нужно решать только совместно, спокойно, постепенно, на основе представительства всей федерации, без навязывания воли большинства меньшинству, а тем более без межнациональных конфликтов.

Самостоятельный массив проблем составляют права, свободы и обязанности граждан в формирующемся правовом социалистическом государстве. Опираясь на социалистические традиции, мы должны выйти на уровень принятых нами международных обязательств в решении вопросов о свободе передвижения, свободе совести, судебной защите прав человека, деятельности неформальных организаций. Начатый у нас переход от государственного социализма к гражданскому социалистическому обществу предполагает все более полное раскрепощение инициативы и самостоятельности в экономической, социальной, культурной и других сферах жизни.

Часть пятая

ОПЫТ КИТАЯ

Экономические реформы

Политические предпосылки

Часть пятая

ОПЫТ КИТАЯ

Глава XVIII

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Начало реформам в Китае положили политические перемены в руководстве страной. На V пленуме ЦК КПК (февраль 1980 г.) произошла сенсационная реабилитация Лю Шаоци, погибшего в период «культурной революции», важные перестановки в руководстве партии и страны. Решения этого пленума, без преувеличения, имели поворотное значение для судеб КПК и всего китайского народа. Была изгнана четверка «леваков» во главе с Ван Дунсином и избран Секретариат ЦК КПК в количестве 11 человек — из числа сторонников Дэн Сяопина.

В руководстве Компартии Китая восторжествовали люди, которые проводят радикальные реформы в рамках социально-экономической системы Китая.

Одновременно с персональными переменами шел процесс восстановления всех институтов политической системы Китая — партийных, хозяйственных, государственных, профсоюзных, молодежных и других организаций. Была восстановлена деятельность съездов КПК, ЦК КПК, Политбюро и Секретариата ЦК КПК, Всекитайского собрания народных представителей, Постоянного комитета ВСНП, Государственного совета КНР, всех министерств и ведомств; работа всех этих институтов была парализована или прервана в период «культурной революции». Восстановлена деятельность Народного политического консультативного совета Китая, который со времени «культурной революции» существовал только номинально, деятельность органов планирования экономики, профсоюзов, организации коммунистической молодежи, творческих объединений писателей, художников, композиторов. Приняты некоторые меры по укреплению законности в стране, приняты законы о местных народных собраниях, народных судах, народных прокуратурах, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, закон о лесоводстве и др.

Важные перемены происходят в области культурной и научной жизни страны. Многие деятели литературы,

искусства, науки, которые подвергались преследованиям во время «культурной революции», были реабилитированы и вернулись к творческому труду. Была восстановлена деятельность университетов, Академии наук КНР, всех научных и учебных заведений. Предприняты меры для увеличения числа учащихся в школах и высших учебных заведениях, пересмотрены программы обучения с учетом достижений естественных и общественных наук.

Бремя наследования

Когда говорят о последствиях социального и политического произвола режима «культурной революции» в Китае, в первую очередь принято упоминать об ущербе, нанесенном развитию производительных сил. Действительно, это период не только прямого разрушения национальной экономики, но и — в особенности — время утраченных возможностей. Помимо прямого ущерба, связанного с постоянным снижением темпов развития промышленности, с отставанием сельского хозяйства от демографического роста, имеется огромный косвенный ущерб — то, что недополучено, недоиспользовано страной, располагающей огромными трудовыми и естественными ресурсами.

Однако мне хотелось бы начать свои размышления о тяжком бремени наследования, которое досталось новым китайским руководителям, не с экономических проблем. Я хотел бы вернуться к традиции, которая была столь ярко выражена в творчестве, скажем, таких мыслителей, как Конфуций в Китае или Геродот и Тацит в античном мире. Они говорили в первую очередь о падении или порче нравов как о самом драматическом последствии длительного господства тиранической власти. Речь идет об общественном сознании, о самом широком распространении в обществе безнравственности, бесчеловечности, неправды и непорядочности. Иными словами, о крушении социально-психологических основ, на которых держится все общественное здание. В Китае эта порча нравов касалась всех сторон общественной жизни — морали и семейных отношений, быта и массовой психологии, законности и форм распределения материальных благ.

Сами китайские руководители все чаще используют одно и то же понятие для характеристики порядков, нравов, психологии, укоренившихся в результате господства

единоличной власти,— феодальные традиции. Феодальные традиции в механизме наследования власти; феодальные традиции в распределении постов и методах выдвижения кадров; феодальные традиции в образе жизни политической верхушки; феодальные методы внутрипартийной борьбы; наконец, феодальная структура политических отношений в целом.

Упомянутый V пленум ЦК (февраль 1980 г.) принял специальный документ «Нормы партийной жизни», разработанный Центральной комиссией КПК по проверке дисциплины во главе с Чэнь Юнем. В этом документе запрещается создавать культ личности, а также осуждаются партийные руководители, которые «навязывают массам свою волю, угнетают народ, нарушают постановления, запускают руку в государственный карман и т. п.».

В документе с удивительной методичностью дается перечень порочных явлений среди членов партии, которые, став чиновниками: 1) превращаются в господ, пекутся лишь о собственной выгоде; 2) ведут дела как бог на душу положит, не занимаясь обследованием и изучением вопроса; 3) самодурствуют, издеваются над людьми; 4) двуличествуют, лгут и обманывают; 5) преследуют и мстят за их критику; 6) занимаются делячеством, фракционностью, мешающей проведению партийной политической линии; 7) не выступают против и не докладывают о людях и делах, связанных с подстрекательской, подрывной контрреволюционной деятельностью; 8) подхалимничают, укрывают политических врагов, беспринципно потворствуют им; 9) совершая ошибки, не признают их, а замазывают; 10) беспринципны, плывут по течению; 11) разглашают секреты; 12) гоняются за привилегиями для достижения своих корыстных целей; 13) разводят семейственность, произвольно относятся к партийным решениям.

«Женьминь жибао» писала (21 сентября 1980 года), что бюрократизм и семейственность «стали фактором возможного перерождения». В печати постоянно появляются статьи против сектантства, фракционности внутри партии и других антипартийных нравов.

Самая страшная болезнь, которая распространилась во всей политической системе страны и проникла во все поры китайского общества,— это ложь и фальшь как норма политической жизни, норма отношений между партией, государством и человеком. Речь идет не просто

о разрыве между политическими декларациями и практикой, а о неистребимой фальши самих деклараций, целиком или, во всяком случае, частично замешенных на очевидной лжи, которая стала неизбежным ритуалом политического поведения многих руководителей и руководимых, проникла в основы официальной и социальной психологии масс.

В китайской печати приводят пословицу: ложь в сообщении — все равно что крысиный помет в прозрачном супе. В июне 1980 года агентство Синьхуа признало, что «в последние десять лет нашу партию захлестнуло море лжи, народ ежедневно слышал ложь». В Китае, продолжает агентство, рассматривают правду как такой товар, который можно доверить только немногим. Что касается средств массовой информации, то для них «правда» — это очередное указание, исходящее от группировки, господствующей в данный момент.

Никколо Макиавелли, этому блистательному политическому писателю, который, как никто другой, понимал природу единоличной власти и ее влияние на самого государя, на его приближенных, на весь народ, принадлежит одно из самых глубоких суждений, касающихся наиболее драматического последствия длительного господства тирании. Он писал, что результатом такого господства является развращенное общество. Это общество людей с истерзанными душами, откуда капля за каплей выдавливались понятия чести и достоинства, справедливости и добра. Именно в этом видел он наиболее трудную проблему смутного времени, наступающего после смерти тирана. Такое общество, полагал Макиавелли, нелегко направить к демократии, поскольку нравы в нем предельно испорчены предшествующими годами рабской покорности, угодливости, взаимными доносами, примирением с несправедливостью и нескончаемым произволом.

О развращенном обществе стали откровенно говорить и писать сами руководители в Китае. Они утверждали, что разложение нравов затронуло все общество.

Обнищание миллионов людей, преступность, размывание морали, пополнение армии люмпенов, отсутствие идеологической почвы под ногами — все это типичные приметы смутного времени. Времени, когда, пробудившись после длительного господства единоличной власти, страна увидела свои искаженные черты, едва прикрытые маской покорности и долготерпения.

Деформация социализма

Что собой представляла китайская система накануне реформ?

В первое десятилетие КНР были заложены некоторые основы новой системы, которая обнаружила ряд преимуществ по сравнению с прежде существовавшей, при гоминьдане. Победа государственной и кооперативной собственности — это исторически огромный шаг вперед. Она позволила устранить класс помещиков и капиталистов и эксплуатацию одного класса другим. Эта экономика в лучшие свои периоды, особенно в первые 10 лет, содействовала успешному развитию производительных сил и более равномерному распределению материальных благ среди различных слоев и групп населения. Она несла в себе зародыш социалистических производственных отношений.

В то же время, как пишут китайские ученые, деформированная в результате режима личной власти Мао Цзэдуна, китайская экономическая система обнаружила ряд органических пороков.

Слыша внутри Китая критику и саморазоблачения, некоторые специалисты в Гонконге, Японии, США старались убедить китайских руководителей в том, что виновата во всем сама социалистическая система, которую Китай позаимствовал у Советского Союза. В Китае даже — прямо или косвенно — иной раз раздаются голоса: а не является ли капиталистическая система более эффективной, чем социалистическая, хотя и менее справедливой? Но этот вопрос возникает в незрелом уме, который отражает незрелые отношения незрелого общества. Дело не в социализме, а в деформации социалистических принципов. И не только в этом. Дело еще в том, что китайские руководители насаждали то, что считали социализмом и коммунизмом, черпая полными пригоршнями формы, методы организации и механизмы не откуда-нибудь, а из старого, феодального Китая.

Кромвель говорил: «Тот человек идет дальше всех, кто не знает, куда он идет». Дальше — верно, но куда: вперед или назад? Поиск пути к коммунизму, который нашел свое отражение в политике «большого скачка», «народных коммун», «культурной революции», окончился полным провалом.

Очевидно поэтому, что Китай встал в конце 70-х годов перед труднейшими проблемами своего развития. Это и демографические проблемы. Это и экономические проблемы. Это и культурные проблемы. Это и социальные и политические проблемы. И мыслящие люди в Китае стали все больше понимать, что решить эти проблемы невозможно, не осуществив структурных реформ.

Идея структурных реформ, то есть реформ, касающихся самих основ общества, стала тем катализатором, вокруг которого до сих пор кипят страсти, дискуссии, сталкиваются различные суждения.

Что собой представляло китайское общество в демографическом отношении? Согласно оценкам специалистов, численность сельского населения составляла в 70-х годах не 80 процентов, как считали раньше, а 87 от общего населения страны. Что касается городского населения, то оно было сконцентрировано главным образом в 20 с лишним городах, численность населения каждого из которых далеко перевалила за миллион человек.

Отсюда можно видеть, что Китай оставался в основном большой деревней. Пожалуй, во всем мире нет другой такой страны, по крайней мере сколько-нибудь крупной, где деревня так превалировала бы над городом. Отсюда вытекают по меньшей мере две острые демографические проблемы. Первая: перенаселенность деревни, что порождает относительное уменьшение обрабатываемой земли на душу населения. И вторая: прогрессирующее отставание роста производства продуктов питания от демографического роста.

В целом армия труда в стране пополняется ежегодно 10 миллионами человек. За 29 лет население Китая увеличилось на 400 миллионов человек. Существуют различные данные в Китае о среднегодовом приросте сельскохозяйственной продукции в 60—70-х годах. Прирост зерна в среднем на 2 процента в год, а прирост населения был примерно на том же уровне. Таким образом, в демографическом росте заложена острейшая проблема экономического развития Китая. Ему трудно было сохранять даже тот нищенский жизненный уровень, который был в начале народной революции.

На первых порах китайские руководители практически не осуществляли ограничения рождаемости. В годы «большого скачка» быстрый рост населения стал рассматриваться едва ли не как фактор прогресса. Рассчи-

тывали на крестьянское население, которое не приходится кормить. Здесь видели даровые рабочие руки, с помощью которых можно осуществить не только строительство ирригационных объектов, дорог, но и возводить доменные печи, выплавлять чугун, добывать полезные ископаемые.

Нынешние китайские руководители спохватились, но население за годы народной власти увеличилось почти вдвое. Сейчас выработана целая система правовых и экономических мер, направленных на радикальное ограничение рождаемости.

Бурный рост населения в Китае неблагоприятно сказался не только на обеспечении продовольствием, но и на положении с жильем. Здесь стало хуже, а не лучше. В первые годы после народной революции в городах на человека в среднем приходилось 4,5 квадратного метра жилой площади, а в 1977-м эта цифра уменьшилась до 3,6 квадратного метра.

Демографическая проблема, которая тесно переплелась с активным походом против культуры в период «культурной революции», создала острейшие проблемы с образованием в Китае. Китайская печать приводит любопытные данные об уровне образования в Китае в сравнении с другими странами. В 1978 году на 10 тысяч человек в Китае приходилось 9 студентов, а в США — 524 студента, в Японии — 205, в Югославии — 185. «Наш уровень еще ниже, чем в Индии, мы занимаем 113-е место из 141 страны мира», «У нас 100 миллионов неграмотных, причем многие из них стали неграмотными в последнее десятилетие» («Гуанмин жибао», 22 февраля 1980 г.). По другим подсчетам, около 300 миллионов человек, главным образом крестьян, были либо совершенно неграмотными, либо полуграмотными. Их образ жизни, их сознание и психология мало чем отличались от образа жизни и психологии помещичьих крестьян до революции в Китае.

Среди 141 государства Китай занимал в конце 70-х годов 10-е место с конца по затратам на душу населения на цели образования. Япония затрачивала на образование 39 процентов национального дохода. Китай (с 1950 по 1965 г.) затрачивал 1,7; с 1966 по 1976 год — 1,1. Сразу после крушения пресловутой четверки было затрачено чуть больше — 1,12 процента.

Особую тревогу у руководителей страны вызывала чрезвычайно низкая профессиональная подготовка спе-

циалистов в области экономики. В сфере промышленности, согласно обследованию, в некоторых отраслях технические знания имели только около 4 процентов работников. Неутешительны данные и в отношении руководителей предприятий. Только 22,4 процента руководителей в промышленности и на транспорте — директоров и секретарей парткомов — имели технические знания. В связи с этим «Жэньминь жибао» отмечает, что для того, чтобы дать среднее образование кадрам, потребуется 11—12 лет, высшее образование — 14—15 лет. По словам газеты, «те, кто учится в начальной школе, завершат свое образование в 90-х годах и только в конце века смогут внести свой вклад в работу».

Проблема демографии, а также развитие образования и культуры тесно переплетаются с коренными проблемами экономики.

Первые шаги

В конце 70-х годов начался поворот в политике Китая в направлении реформ. Вот некоторые материалы зарубежной печати по поводу начала этого поворота. Уже сами названия статей говорят о многом: «КНР. Руководство промышленностью. Планы структурных изменений», «Медленный поворот Китая к системе свободного рынка», «Разрушение нового Китая», «Прощайте, коммуны», «Китай. Цена модернизации», «КНР. Инфляция». Для этих и многих других статей, опубликованных в гонконгской, японской, американской, западноевропейской печати, характерно одно: признание того, что в Китае начиналось осуществление далеко идущих экономических реформ, которые могут сказаться на всей структуре общества.

Что же это были за реформы и каково их направление? О чем же спорили в Китае в то время?

В «Жэньминь жибао» (сентябрь 1979 г.) отмечалось, что в Китае имеются три школы по вопросам управления экономикой. Одна школа по-прежнему защищает систему, существовавшую в 50-е годы. Другая школа считает, что решить проблему может предоставление провинциям большей свободы действий, «не понимая, что это оставляет без изменений бюрократический характер системы и приведет к разрыву сотрудничества между провинциями». «Посмотрите на Соединенные

Штаты, Японию или Западную Европу,— говорит автор,— экономическая активность предприятий США или Японии не ограничена какими-либо административными рамками, а «Общий рынок» в Европе ломает даже национальные границы». Третья школа, которая представляет новое течение и которую поддерживает газета, призывает к отказу от административных рамок. Предприятие должно платить налоги там, где оно находится. Региональные власти должны снабжать его электроэнергией и другими ресурсами. Центральное правительство будет указывать лишь направление, в котором должно развиваться предприятие, но не должно отдавать безапелляционных приказов.

В газете «Жэньминь жибао» (октябрь 1979 г.) отмечалось, что преимуществом социализма является упразднение частной собственности и эксплуатации, устранение хаоса, который господствовал при капитализме. Однако это не означает, что вся страна должна стать единым предприятием. «Это утопическая точка зрения,— отмечала газета,— наша нынешняя система действует по этой утопической схеме. Средства производства принадлежат всему народу. Поэтому кое-кто думает, что все предприятия — это государственные предприятия и все должно решаться государством. При таком подходе вся экономика похожа на одно огромное предприятие, принадлежащее кабинету министров и действующее по плану, разработанному государственными органами». Но экономика, по мнению газеты,— это не здание, построенное из кирпичей. Это живой организм, состоящий из живых клеток, из многих самостоятельных организаций под общим централизованным руководством.

В печати обсуждался и другой принципиальный вопрос — о характере собственности при социализме. При этом одни ставили знак равенства между общественной и государственной собственностью, а другие тяготели к коллективной собственности предприятий. Тем не менее большинство участников дискуссии высказывались против превращения государственной собственности предприятий в кооперативную. «Если возложить на предприятия (имеются в виду государственные предприятия.— *Ф. Б.*) ответственность за прибыли и потери и если предоставлять им независимо решать финансовые вопросы, то фактически получается коллективная собственность» («Жэньминь жибао», сентябрь 1979 г.).

С чего начались реформы? Вначале правительственные органы осуществили некоторые меры по наведению элементарного порядка в экономике, а также нововведения, направленные на то, чтобы оживить экономику, повысить заинтересованность тружеников промышленности и сельского хозяйства, снять барьеры на пути технического прогресса.

В чем состояли эти нововведения? В июле 1979 года Госсовет КНР принял ряд документов относительно реформ руководства экономикой, права промышленных предприятий на самоопределение. Другие решения касались поощрения кооперативных предприятий, местных промыслов и небольших частных предприятий. Эти меры имели специальной целью не только увеличение производства товаров широкого потребления, оживление сферы услуг, но и ликвидацию многомиллионной армии безработных в основных городах Китая. Было разрешено создание кооперативных предприятий, кустарных промыслов. Разрешено существование самодеятельных мастеровых, торговля вразнос. Разрешены кооперативные и частные мастерские по пошиву одежды, ремонту велосипедов и машин, другой техники, а также кустарные ремесла.

Проблема прибыльности и рентабельности стала центральной в деятельности предприятий. Государство преобразовало, а частью закрыло в 1979 году 3600 промышленных объектов, поскольку они были убыточными и дорогостоящими.

В поисках стимулирования технического прогресса правительство предоставило ряду предприятий и объединений в порядке эксперимента возможность сохранять часть своей прибыли и использовать ее для закупки нового оборудования, а также для расширения программ социального обеспечения рабочих, для их премирования. Например, в угольной промышленности, где прибыль незначительна, предприятие получило право оставлять на свои нужды до 20 процентов прибыли, а в химической промышленности, которая отличается высокой прибыльностью, эта доля составляет 2—3 процента. При этом часть предприятий и компаний — примерно полторы тысячи — получила разрешение продавать свою продукцию не только государству, но и непосредственно на рынке.

Следующее важное решение, которому в самом Китае придавалось большое значение,— это разрешение некоторым предприятиям и объединениям организовать

совместную экономическую деятельность с иностранными компаниями. Это разрешение было дано вначале лишь немногим предприятиям и осуществлялось вначале с большой осторожностью.

Пожалуй, самое важное преобразование касалось «коммун». Эта форма организации сельского хозяйства была введена в 1958 году. С той поры она, сохраняя свое название, претерпела серьезные изменения. Одно из них состояло в том, что основной единицей «коммун» стала производственная бригада — хозрасчетное объединение, которое, как правило, распространяется на всю деревню.

Новый премьер-министр КНР Чжао Цзыян, еще будучи первым секретарем комитета КПК провинции Сычуань, предпринял ряд изменений в деревне, в частности широкое использование приусадебных участков. При этом он употребил фразу из четырех иероглифов, которую использовали в прошлом,— «сю ян шэн си», что означает «дать передышку для восстановления благосостояния». Крестьяне сдавали государству в определяемых заранее количествах зерно, растительное масло и другую продукцию, а все остальное оставалось на усмотрение хозрасчетной бригады. В провинции Сычуань было разрешено создавать более мелкие бригады, хотя в то время еще не разрешалось закреплять участки за отдельными крестьянскими дворами.

Эта система вскоре распространилась на всю страну. Были осуществлены и более глубокие перемены. Маленькие производственные бригады становились все меньшими, им поручили проведение определенных работ. Распространился принцип, что всякая форма хозяйничания на земле, за исключением изменения собственности на землю, хороша и приемлема, если будет приводить к росту производства продукции.

Уже первые шаги в новой экономической политике КНР явились показателем поиска более реалистического подхода к острым проблемам, с которыми столкнулась страна. Критический дух в оценке результатов экономической деятельности предыдущих 20 лет выплеснул на поверхность подлинные проблемы экономического, социального и культурного прогресса Китая, демографического развития.

Как подчеркивали многие китайские теоретики, Китай нуждается в глубоком анализе опыта всех других социалистических стран, в том числе опыта нэпа в СССР,

а также осуществления экономических реформ в Венгрии и Болгарии. Это не означает, конечно, что китайские экономисты могли бы почерпнуть готовые рецепты из этого опыта. Но, несомненно, это поставило их поиски решений на более прочную основу, поскольку многое из того, что сейчас осуществляется или рекомендуется теми или иными специалистами в Китае, уже испытано и получило оценку практикой, показало свои позитивные стороны и издержки.

Китайские руководители поставили грандиозную задачу — увеличить производство промышленной и сельскохозяйственной продукции страны к 2000 году в 4 раза, задачу придать экономике гармоничный и современный характер, стабилизировать политическую систему, сделать ее эффективной с точки зрения принимаемых решений, осовременить культурную жизнь и придать образу жизни людей цивилизованный характер, очеловечить отношения и восстановить социалистические нравственные устои.

Глава XIX
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ

Осенью 1985 года я получил возможность непосредственно познакомиться с опытом экономических реформ в Китае, посетив эту страну в составе группы, представлявшей Общество советско-китайской дружбы. Все мы — и ветераны, и новички — с одинаковым волнением ждали встречи с великой страной. Встречи с ее прошлым, уходящим в туманную даль тысячелетий, с ее настоящим, когда страна как будто пробудилась от болезненного сна и смело двинулась вперед к своему будущему. Меня же особенно интересовали реформы в Китае.

Мы вели беседы с нашими гостеприимными хозяевами, обсуждали вопросы развития Китая на самых различных уровнях, начиная от кооперативов и кончая профессурой университетов и крупными государственными руководителями. Этой обильной информацией мне и хотелось бы поделиться с читателем. Думается, что сейчас нас больше всего интересуют именно факты и та интерпретация, которую им дают в Китае.

Экономические реформы, затрагивающие систему управления и производственные отношения, каждого

работника этой миллиардной страны,— сложный, многоплановый и во многом противоречивый процесс. Нужно время, и время значительное, чтобы опробовать на практике новые формы хозяйственной жизни. Нужно время, чтобы во всей полноте оценить полученные результаты — положительные и негативные. Поэтому я хотел бы резервировать за собой право на суждения — мы еще будем иметь не один случай вернуться к ним в будущем.

В деревне

Мы беседуем с Чжао Маомэй. Она староста деревни, расположенной в центральной части Китая, неподалеку от уездного города Цзянчэн, всего в 2 километрах от могучей реки Янцзы. Чжао 38 лет. Старостой она работает четыре года. Раньше была бригадиром на свиноферме. Коротко остриженная голова, решительный взгляд, четкая речь, прекрасное знание жизни деревни — все выдает в ней опытного руководителя с широким кругозором и твердой волей.

— Наша деревня насчитывает 320 семей, или 1107 человек,— рассказывала староста.— Но располагаем мы всего 790 му пахотной земли. При этом поля неровные, много холмов и камней. Нам пришлось проделать огромную работу, чтобы выровнять почву, возвести ирригационную систему, применить удобрения. Это обеспечило значительный рост урожая. Раньше мы собирали 200—300 цзиней (1 цзинь = 0,5 кг) пшеницы и риса с одного му, а теперь 1600 цзиней. Большую роль сыграл переход к системе звеньевой ответственности.

— Мы слышали, что в Китае почти повсеместно осуществлен семейный подряд. Почему вы предпочли у себя звеньевой подряд?

— В наших условиях этот метод оказался более эффективным, поскольку кооператив располагает значительным количеством техники, которую в условиях семейного подряда было бы труднее использовать. Доходы в каждой семье повысились примерно вдвое за последние шесть лет.

Наряду с земледелием члены кооператива работают на деревенских промышленных предприятиях и в торговле. Валовая продукция всех отраслей хозяйства выросла за годы реформы с 13 до 49 миллионов юаней. В деревне есть школа с бесплатным образованием. Кроме того, кооператив направляет в вузы своих юношей и

девушек, давая им заем 1000 юаней каждый год с условием: после окончания вуза вернуться работать в кооператив. Кооператив обеспечивает пенсией: женщин — с 55 лет, мужчин — с 60 лет. Размер пенсии невелик — 45 юаней, а для рабочих — 75 процентов последней заработной платы. В деревне есть Дом культуры и Дом инвалидов и стариков. В последнее время широко развернулось индивидуальное строительство домов. Кроме того, для общих нужд построены водопроводная станция, гостиница и некоторые другие сооружения.

Мы посетили и другую деревню в той же местности. Председатель кооператива, сухощавый человек в европейском костюме и кедах, рассказал нам, что в этой деревне крестьяне работают по семейному подряду. При этом примерно треть продукции продается государству по твердым ценам, одна треть перерабатывается здесь же, в деревне, а одна треть идет на потребление.

Пахотной земли здесь тоже не хватает. Кооператив располагает 836 му земли. Этого мало для того, чтобы занять 758 трудоспособных крестьян. Поэтому в кооперативе широко развивается мелкое промышленное производство. Здесь действуют небольшие фабрики по производству проволоки, винтов, синтетического волокна, кирпича, ткацкая фабрика, красильня. Мы посетили общежития для рабочих, обширные складские помещения, столовую, ресторан, гараж, кинотеатр. Все эти небольшие предприятия развиваются на местные средства и основаны на кооперативном принципе. Средняя заработная плата рабочих — 150 юаней.

Население живет в больших двухэтажных домах, хотя для других деревень страны это нетипично. В одном корпусе — три-четыре семьи. Квартиры из двух этажей. Семья из четырех человек, которую мы посетили, занимает площадь 150 квадратных метров (включая подсобную). Водопровода, туалета и отопления в доме нет.

В Шанхайском университете

Более основательно и подробно мы обсудили проблемы современной китайской деревни во время встречи с группой профессоров в университете Шанхая. В ней приняли участие экономисты и философы, другие специалисты, представители руководства этого крупнейшего центра образования и науки КНР.

— После «культурной революции», которая нанесла колоссальный ущерб развитию Китая, наша страна встала перед труднейшими проблемами,— рассказывали наши хозяева.— Это и бурный рост населения, которое достигло только в деревне более 800 миллионов. Это и нехватка пахотной земли — до революции было примерно 2,7 му на душу населения, а сейчас примерно 1,5 му. Это явная и скрытая безработица в деревне, низкая производительность труда крестьян, незаинтересованность в его результатах, ориентация почти исключительно на примитивное земледелие. Понадобились радикальные изменения производственных отношений на селе.

— Каков характер основных изменений?

— Первое и главное — переход к подрядной ответственности. Подряд в рамках семьи, кооператива, промышленного предприятия в деревне, торгового объединения. Второе — ориентация на многоотраслевое сельскохозяйственное производство, расширение животноводства, огородничества, технических культур. Третье — бурный рост мелкого и среднего промышленного производства в деревне. И наконец, — этот процесс только начинается — использование современных научных достижений, особенно в области растениеводства и удобрений.

— Как выглядят результаты этих нововведений в масштабах всей страны?

— В 1984 году Китай собрал 407 миллионов тонн зерна — больше, чем какая-либо другая страна в мире. Между тем пять лет назад в Китае был получен урожай в 318 миллионов тонн. По урожайности зерновых Китай вышел на одно из первых мест в мире. Он собирает 2,5 тонны пшеницы и 4,8 тонны риса с гектара.

— За счет чего достигнуты такие значительные успехи?

— За счет трудолюбия крестьян, заинтересованных теперь, как никогда в прошлом, в результатах своего труда. Мы начали с того, что повысили закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, а также приняли меры по специализации земледелия и расширили возможности для внутреннего рынка. Вместе с семейной формой ответственности и специализацией производства это обеспечило быстрый рост урожаев. Почти все продовольствие сейчас производится на основе семейного подряда. На юге каждая семья выращивает три урожая в год. Урожаи

хлопка выросли втрое. Производство пшеницы — более чем в два раза. При этом доля ручного труда в земледелии составляет 80 процентов. Работают по преимуществу женщины, пользуясь мотыгами и серпами, даже без тяглового скота.

— Как сказался подъем производства на доходах крестьян?

— Доходы крестьян за последние пять лет выросли больше, чем за двадцать предшествующих лет, в среднем в два раза. В целом по Китаю доход на душу населения в 1984 году составлял от 122 до 470 долларов, в среднем 300 долларов в год. Мы рассчитываем, что к концу века эта цифра возрастет до 800 или даже 1000 долларов.

— Ну а как обстоит дело с социальной дифференциацией в деревне? Вероятно, она значительно возросла в результате использования семейного подряда?

— Да, действительно, такая проблема существует. Но у нас нет оснований ее драматизировать. Мы регулируем рост доходов с помощью прогрессивных налогов. Пока нас больше беспокоит проблема преодоления нищеты в деревне, хотя мы многого уже добились. Но и сейчас в стране имеется не менее 9 миллионов семей, которые официально относятся к категории бедных.

Что касается тех, кого можно отнести к категории богатых крестьян, то их насчитывается примерно 11—13 процентов. Они добиваются успеха за счет собственного труда, хозяйственной инициативы и применения достижений науки. Вы сами могли наблюдать строительный бум в нашей деревне. Глинобитные хижины, крытые соломой, все чаще заменяются новыми кирпичными домами под черепицей. Крестьяне вкладывают деньги в электротовары, телевизоры. Во многих семьях есть не один, а несколько велосипедов. Мы считаем, что при умной политике государства средний крестьянин будет стремиться дорасти до уровня богатых, а бедный — до уровня средних.

— А как все-таки соотносится семейный подряд с кооперативом? Не ведет ли он к постепенному развитию фермерского хозяйства западного образца?

— Мы убеждены, и опыт подтверждает это, что подрядная система крестьянских дворов уничтожила уравниловку. Она не только не разрушила кооперативы, но, напротив, укрепила их. Кооперативы за это время не обеднели, они увеличили свои фонды, располагают

лучшей техникой, чем прежде. Дело в том, что семейный подряд существует в рамках кооператива, который распределяет средства производства между семьями, обеспечивает плановую продажу продукции государству, помогает крестьянам продавать их излишки, распространяет научные методы хозяйствования.

На предприятиях

В городе Уси мы посетили завод, производящий радиоэлектронные товары. Это государственное учреждение местного подчинения, построенное около 30 лет назад. На нем трудится более 2800 человек, в том числе 415 инженерно-технических работников. В год завод производит 50 тысяч магнитофонов, 3 тысячи радиоприемников и около 2 миллионов штук лентопротяжных механизмов для магнитофонов.

С 1980 по 1984 год прирост продукции увеличился на 70—75 процентов. Прибыль ежегодно росла на 120 процентов, производительность труда увеличилась в 8,5 раза, а прибыль в 22,5 раза. Завод в Уси — передовое предприятие, он отмечен серебряной медалью на всекитайском конкурсе.

Мы беседовали с руководством завода.

— Как смогло ваше предприятие добиться таких успехов в такие короткие сроки?

— Все дело в экономической реформе, которую мы начали осуществлять несколько лет назад. Во-первых, с помощью местной власти мы образовали акционерное общество, в котором участвуют 39 предприятий, находящихся в 14 городах, с общим количеством рабочих и служащих 15 600 человек. Эти предприятия работают на основе хозяйственной кооперации. Именно благодаря кооперации и единому финансированию мы смогли добиться этих результатов.

— А каковы главные черты преобразований, которые осуществлены в последние годы на вашем заводе?

— Раньше главную роль играл директивный план. Теперь тоже имеется план, но не директивный, а направляющий. Он включает в себя только несколько показателей и рассчитан на использование рыночного регулирования. Наш завод выступает не только в качестве производителя, но и сам занимается торговлей через собственные, а также кооперативные и частные магазины, и это позволяет постоянно реагировать на конъюнкту-

ру рынка. Мы вступили в активные связи с внешним миром, импортируя прогрессивную технологию. Именно благодаря этому мы организовали производство лентопротяжных механизмов. Благодаря этому же каждый год обновляем свою продукцию. Если в 1980 году мы производили самые простые магнитофоны, а в 1983 году однодорожечные стереомагнитофоны, то с 1984 года уже выпускаем двухкассетные магнитофоны среднего и даже высшего качества.

— Какие изменения произошли в управлении заводом?

— Главное изменение — переход на систему ответственности директора. Ему предоставляется право решать все основные вопросы. Здесь осуществляется вертикальный подряд — от директора до рабочего — как дополнение к горизонтальному — на уровне всех предприятий, входящих в корпорацию.

— Что означает директорский подряд?

— Это означает, что директор берет в подряд весь завод. Он подписывает контракт с высшими органами управления, в котором обозначаются такие показатели, как объем продукции, качество, стоимость, прибыль, охрана труда и т. д. От выполнения этих показателей зависит зарплата директора и премии. В свою очередь начальники цехов подписывают сходный контракт с директором, а бригадиры — с начальниками цехов.

— А как растет зарплата рабочих?

— Доходы рабочих за несколько лет выросли на 60 процентов, в то время как ежегодный прирост валовой продукции равняется 80 процентам.

Концепция структурных реформ

Центральным событием для меня стала встреча с ответственным работником Комитета по экономической реформе Госсовета Ли Цисянем. Советник, человек лет под шестьдесят, с крупными чертами лица, был одет, в отличие от всех других людей, с которыми мы беседовали, в традиционный френч кадровых работников («суньятсеновка»). В беседе приняли участие ученые из Академии общественных наук Китая и других учреждений — Хун Юй, Ван Юнцзян и другие.

— Наша реформа,— говорил Ли Цисянь,— отражает особые условия, в которых находится Китай. Практика предшествующих 30 лет показала правильность основ-

ных принципов социалистической системы. Однако в прошлом существовало много нерациональных вещей, и прежде всего чрезмерная централизация экономической системы. Было необходимо ограничить неизбежную при социализме централизацию, развить планирование и в то же время предоставить предприятиям широкие права, полностью использовать рыночный фактор. Пока прошел только год с того времени, как мы стали осуществлять радикальную реформу в городе. Понадобится не менее пяти лет для ее претворения в жизнь.

— Каковы экономические результаты реформ и виды на будущее?

— В шестой пятилетке среднегодовой прирост валового промышленного и сельскохозяйственного производства составил 11 процентов (12 — в области промышленности и 8,1 — в сельском хозяйстве). В седьмой пятилетке предполагается увеличить валовую продукцию промышленного и сельскохозяйственного производства на 38 процентов, а валовой национальный продукт — на 44 процента. Предусматривается 6,7 процента среднегодового прироста валовой продукции промышленности и сельского хозяйства.

За пять лет — или более длительный срок — мы рассчитываем создать в основном фундамент новой, социалистической хозяйственной модели, имеющей китайскую специфику.

— Что же это за экономическая модель? В чем ее специфика?

— Первое и главное — это расширение самостоятельности предприятий, вплоть до их превращения в самостоятельных производителей. Это относится не ко всем предприятиям. Не везде одинаковые условия. Но ведущие предприятия должны сами нести ответственность за свои прибыли или убытки. Мы выделили прибыльные и конкурентоспособные предприятия в отдельную группу. Но самое главное — это изменить систему распределительных отношений и отношений между предприятиями. Раньше вся прибыль фактически изымалась государством, и оно заодно покрывало все убытки предприятий. Теперь мы переходим на систему налоговых отношений, когда значительная часть прибыли остается у самих предприятий.

— Какую же роль играет государственный план?

— Он направляет работу предприятий и объединений. С этим как раз связан второй элемент реформы — изме-

нение методов планирования. Такие важнейшие дефицитные товары, как сталь, медь, цемент, по-прежнему распределяются государством, хотя некоторая их часть уже поступает на рынок. Например, мы из центра распределяем 80 процентов стали, а цемента — только 20 процентов. В конечном счете имеется в виду, что все материалы, в том числе дефицитные (исключение составит, разумеется, сфера военной промышленности), станут распределяться через рынок.

— На каком этапе находится реформа в промышленности?

— Реформа затронула сейчас в основном средние и мелкие предприятия, где вводится система ответственности в различных формах. Кроме того, предоставлены широкие права провинциям, районам и городам. И, может быть, самое важное: мы начали переход от отчислений с прибыли к взиманию налога. В настоящее время налог равняется приблизительно 50 процентам чистой прибыли. Это значит, что остальная часть остается на предприятии, которое использует ее для технической реконструкции, повышения оплаты труда и строительства жилья, детских и культурных учреждений, а также в качестве премиального фонда.

— Каково место частного производства? Оно, судя по всему, тоже получает развитие в Китае?

— Да, мы решили оживить частное производство и поэтому позволили индивидуальным хозяйствам проявить себя в сфере обслуживания, торговли, кустарных промыслов. Мы разрешили создать частные столовые, пошивочные мастерские, мелкие торговые точки, теперь у нас вся торговая сеть выстроилась по-новому. Государственная торговля — это крупные магазины. Средние торговые предприятия принадлежат коллективам на паевых началах. Мелкая торговля представлена кооперативными, семейными и индивидуальными формами.

— Не приведет ли подобная децентрализация в управлении промышленностью вместе с развитием семейного подряда в деревне к размыванию общественных форм собственности?

— Мы четко определили, что обобществленный сектор занимает и будет занимать ведущее место в нашей экономике. В настоящее время подавляющая часть всего национального продукта производится в обобществленном секторе. Семейный подряд не затрагивает отношения собственности, поскольку земля по-прежнему остается

в руках коллективов и только закрепляется на определенный период в пользовании за отдельными крестьянскими дворами. Основные средства производства и впредь будут оставаться в руках государства и коллективов. Что касается индивидуальной собственности, то она развивается не так быстро, как может показаться. Например, до сих пор 80 процентов розничной торговли обеспечивают государственные и коллективные предприятия. Создана крепкая коммерческая основа обобществленного сектора. В этих условиях нас не должно пугать развитие индивидуального предпринимательства, особенно в сфере обслуживания, торговли, ремесел, промыслов, мелких предприятий.

Государство сдает в аренду частникам небольшие магазины, столовые и чайные. Например, в провинции Гуандун в 1984—1985 годах в коллективное пользование на паях было передано 126 торговых единиц, а в индивидуальное — 238. Значительно выросла также торговля через рынок, что до 1978 года было вообще запрещено. В 1984 году в этой провинции уже функционировало 6300 рынков. Объем торговли на рынках составил около 20 процентов общего объема торговли провинции.

Социальные проблемы

— Как сказываются проводимые реформы в социальной области? Не опасаетесь ли вы роста дифференциации доходов в городах и обострения социальной напряженности?

— Пока нас радуют результаты реформ как в деревне, так и в городе. Сравните такие цифры: с 1952 по 1980 год уровень жизни населения в Китае вырос в два раза. И с 1979 по 1984 год — тоже в два раза. Это реальный результат реформ. При этом выросли как максимальные доходы, так и минимальные. Повторяю, пока мы не столкнулись с такой проблемой, что богатые еще более богатеют, а бедные — беднеют, поскольку все распределение идет исключительно по труду. И еще один факт. Раньше у нас в городах насчитывалось примерно 20 миллионов безработных. Теперь благодаря развитию индивидуальных и кооперативных форм, особенно в сервисе, нам удалось решить эту проблему. Сейчас насчитывается не более одного миллиона людей, ожидающих работы.

Любопытны и результаты проникновения реформ в сферу медицинского обслуживания населения. Значи-

тельно выросло число больниц, которые построены на коллективные и частные средства. Мы разрешили частную практику, и сейчас более 80 тысяч врачей занимаются ею. В целом же по стране 51 процент сельских лечебно-медицинских заведений являются собственностью коллективов и групп, а 31,5 процента клиник находятся в ведении частных лиц. Зарегистрировано около тысячи медицинских работников, которые занимаются частной практикой в самом Пекине.

— Не возрастают ли в связи с этими процессами такие опасные явления, как коррупция, хищения, и другие?

— Такие явления действительно сопутствуют процессу реформы, и они неизбежны. Мы знаем, что этого нельзя было избежать и в условиях абсолютного господства в этих сферах государственной собственности. Но особенно большие трудности возникли в связи с политикой «открытых дверей».

— На Западе утверждают, что для осуществления планов модернизации вам до 2000 года понадобится не менее 100 миллиардов долларов иностранных инвестиций. Так ли это?

— Планов привлечения иностранного капитала в таких масштабах у нас нет. За шестую пятилетку КНР использовала иностранных инвестиций на сумму 10,3 миллиарда долларов. Вы знаете о нашей политике «открытых дверей» для прибрежных и некоторых других городов. Эта политика уже сейчас дает позитивные результаты. Но дальнейшее будет зависеть не только от нас, а и от иностранных компаний, их заинтересованности во вложении капиталов в нашу экономику.

Теоретические дискуссии

Наконец, мне хотелось бы рассказать о наших беседах с учеными Академии общественных наук Китая, которые касались главным образом теоретических вопросов. Мы встретились с заведующим одним из отделов академии Чэнь Жуймином и Ли Синанем, которые учились в СССР и хорошо говорили по-русски. Их анализ и суждения дополнили картину экономических преобразований в Китае.

— Каковы перспективы реформы? Можно ли представить себе сейчас, к каким социальным последствиям она приведет? Какой тип общества она формирует?

— Тип общества? У нас называют пять моделей социалистической экономики: 1) «военный коммунизм» в СССР; 2) нэп, который преобразовался в 30-х годах в «сталинскую систему экономики»; 3) система, складывающаяся сейчас в СССР под воздействием реформ; 4) венгерская модель; 5) югославская модель.

Раньше мы использовали у себя экономическую систему, которая стояла ближе к «военному коммунизму», чем к советской системе 30—50-х годов. Все решалось в одном центре. Экономическая система функционировала как одно гигантское предприятие. Но она все меньше себя оправдывала по мере приобщения к современной технологии, и это особенно отрицательно отражалось на темпах роста жизненного уровня.

— Вы знаете, мы признаем многообразие путей социализма. Хотелось бы спросить: опыт каких стран социализма при проведении реформ вам особенно близок?

— Сейчас каждая страна в соответствии со своими задачами и проблемами ищет свои пути и решения. Наш путь в общем и целом — специфически китайский. Но нас интересует венгерский опыт, в особенности в отношении перехода от директивного к направляющему планированию. Конечно, отказаться полностью от планирования, как показал опыт Югославии, было бы неверно. Нас интересует опыт СССР по управлению капитальным строительством. Что касается капиталистических стран, то особое значение для нас имеют методы подготовки кадров и внедрения новой технологии. Несколько десятков тысяч китайских студентов обучаются в Японии, США, других странах, и одновременно мы приглашаем к себе иностранных специалистов.

— В связи с реформами перед вами возникло, наверное, немало новых теоретических вопросов? И конечно, ключевой вопрос — о характере общественной собственности и соотношении ее различных видов в условиях Китая.

— Да, это главная проблема, не очень ясная для нас самих. Сейчас мы придерживаемся такой концепции. Государство, оставаясь собственником, передает из трех составных элементов права собственности: владение — пользование — распоряжение — по меньшей мере два из них — пользование и распоряжение — в руки предприятий и коллективов. На основе подряда или аренды.

— Ну и последнее — о новых проблемах, которые сопутствуют реформам. Наверное, их немало?

— Конечно. И самая острая из них — это «духовное загрязнение». Оправданная условиями бедности, почти нищеты в течение десятилетий, политика обогащения нередко перерастает в безудержную погоню за богатством. Поэтому экономические преступления, включая взятки, подкуп, спекуляцию, контрабанду, махинации, достигли у нас рекордных масштабов со времени основания КНР.

— И как вы боретесь с этим?

— Мы стремимся развивать и улучшать всю социально-политико-правовую инфраструктуру; она должна служить постоянным амортизатором проводимых экономических реформ. Но все это в конечном счете, как мы полагаем, разрешимые проблемы. Они сопровождают процесс динамичного роста активности всего нашего многомиллионного населения.

Для полноты картины добавим, что в докладе премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна на четвертой сессии ВСНП шестого созыва (25 марта 1986 г.) говорилось о несбалансированных темпах роста производства, чрезмерном росте совокупного общественного спроса, росте цен, нерациональном завышении фонда потребления, непомерном росте капиталовложений в основные фонды и т. п. Эти негативные последствия в основном связаны, по его словам, с недостаточным контролем государства над экономическим развитием, что привело к «нестабильности» и «напряженности» экономического развития.

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ

Заключительные заметки

Новое мышление. Технологическая революция. Перестройка. Обновление. Реформы — экономические, социальные, политические. Самоуправление.

Что является главным при подходе к этим проблемам? Где ключ к преодолению отставания нашего сознания от происходящих в стране перемен? Не будет преувеличением сказать, что на XXVII съезде КПСС был восстановлен именно диалектический метод. И на основе анализа всего опыта, накопленного человечеством в XX веке. Почему мы говорим — восстановлен? Потому что, на наш взгляд, на протяжении прошедших десятилетий в нашей теоретической мысли можно было отметить различного рода колебания в подходе к этому вопросу.

Немало вреда нанесло то, что можно было бы назвать вульгарным и даже обывательским толкованием диалектики. Закон единства и борьбы противоположностей, сформулированный Марксом и Энгельсом и развитый Лениным, был как бы разделен на две части. Единство стало ключевой, едва ли не исключительной, характеристикой для определения социализма, источников его развития и движущих сил. А противоречия стали, в сущности, монопольным принципом для анализа процессов, происходящих в современном капитализме, во всем несоциалистическом мире, и, что было особенно опасно с политической точки зрения, в подходе к международным проблемам, характеру взаимоотношений социалистических и капиталистических стран на мировой арене.

Справедливости ради надо заметить, что политическая мысль здесь нередко обгоняла теорию. Так, например, уже на XX съезде КПСС в 1956 году был сделан принципиальной важности вывод в том, что нет фатальной неизбежности войны, что противоречия между социализмом и капитализмом должны решаться на основе мирного сосуществования, экономического соревнования, идеологической борьбы. Точно так же именно с политической

трибуны мы услышали в последние годы напоминание о необходимости анализа противоречий социалистического общества и отношений между странами социализма, противоречий хотя и неантагонистического характера, но тем не менее требующих к себе самого серьезного подхода.

Переломным в этом отношении был XXVII съезд КПСС. На нем был дан глубокий анализ комплекса проблем, с которыми столкнулся социализм и род человеческий на современном этапе. Особое значение, на наш взгляд, имело органическое сочетание проблемы единства и проблемы противоречий. Одно не существует без другого. С большой наглядностью и силой это проявило себя при анализе четырех групп противоречий современного мира, единства целей и задач человечества в борьбе за самосохранение, выживание, в решении глобальных проблем.

Немало нового мы находим и в подходе к вопросу о механизме, формах, методах, путях разрешения противоречий. Это чрезвычайно важный и до сих пор недостаточно теоретически разработанный вопрос, из-за чего мы нередко плаваем без руля и ветрил в философском истолковании нового мышления на международной арене. Проблема механизма преодоления противоречий, решения конфликтных ситуаций, ослабления международной напряженности и восстановления разрядки, безусловно, заслуживает внимания не только политиков, специалистов по международным отношениям, но и философов.

Не будем закрывать глаза на очевидный факт. И марксисты и антимарксисты на протяжении ряда десятилетий — в период до второй мировой войны и после нее — исходили из концепции о том, что противоположность двух мировых систем неизбежно ведет к военному столкновению или по крайней мере военному состязанию и конфронтации. Все большее накопление ракетно-ядерного оружия все яснее показывало ошибочность такого подхода, необходимость отказа от логики «холодной войны», навязанной империализмом США странам социализма и всему миру. Но человеческая мысль не поспевала за этой крутой переменой в военной технологии.

Как уже отмечалось, наша страна уже в середине 50—60-х годов стала извлекать уроки из этого опыта. Но только на XXVII съезде КПСС, в последующих выступлениях руководства нашей страны новое мышление стало рассматриваться в качестве ключевой проблемы для анали-

за современности. Руководство КПСС первым поставило вопрос о том, что нужно отбросить концепцию врага, которая легла в основу разделения держав на два военных блока, стала источником безудержной гонки термоядерного вооружения; первым сформулировало идею о том, что проблемы безопасности можно решать только сообща, что надо учиться искусству жить вместе; первым поставило вопрос о приоритете общечеловеческих ценностей, о первостепенном значении проблем выживания людей на нашей планете.

Новое мышление дает ключ к пониманию проблем современного социализма и преодоления безнадежно устаревших догм и стереотипов. Прежде всего по вопросу о противоречиях при социализме. Напомню, например, что в период 30-х годов в нашей стране преувеличивалось значение противоречий социализма и даже делались такие ошибочные теоретико-политические выводы, как неизбежность обострения классовой борьбы по мере развития социалистического общества. Мы помним также, что в основу так называемой «культурной революции» в Китае легла концепция «обострения противоречий внутри народа». Нет нужды напоминать о том, с какими драматическими эксцессами это было связано на практике.

С другой стороны, в последние 20—30 лет в нашей пропаганде, можно без преувеличения сказать, замалчивались противоречия социализма. Недооценка противоречий как источника развития социализма и всего, повторяю, современного мира в целом послужила базой для консервативного, застойного мышления и отвечающей ему практики.

Проблема механизма разрешения противоречий и их использования в качестве источника развития стала чрезвычайно важной для анализа социалистического общества. Во многих работах противоречия при социализме рассматривались главным образом с одной точки зрения: как источник трудностей, негативных процессов. Стали предприниматься попытки теоретического осмысления опыта кризисов в ряде социалистических стран: в Венгрии в 1956 году, в Чехословакии в 1968 году, в Польше на рубеже 80-х годов, так же как и «культурной революции» в Китае в 60—70-х годах.

Эти вопросы, безусловно, заслуживают внимания. Нам необходимо глубже анализировать объективные и субъективные источники кризисных явлений и социальной на-

пряженности в странах социализма, особенно в тех, которые находятся на начальном этапе социалистического строительства и в которых еще не завершен переходный период от капитализма к социализму, или в таких странах, где субъективизм и волюнтаризм становятся фактором торможения развития страны.

Тем не менее, думается, главная проблема лежит в другой плоскости. Это — понимание противоречий социализма как важнейшего двигателя процесса развития, внутреннего мотора динамичности и состязательности общества. Для марксиста элементарно, что строительство социализма означает преодоление классовых антагонизмов, формирование общества дружественных трудящихся классов. Однако неумение использовать противоречия в интересах развития, вырабатывать соответствующую такому подходу политику означало ориентацию на стагнацию общества, ослабление стимулов для научного и технологического прогресса, консерватизм в теории и на практике. Полагать, что социализм — это непротиворечивое, бесконфликтное общество, лишенное состязательности и борьбы, не только неправильно, но и опасно. Это может привести к серьезным ошибкам в экономической и социальной политике.

Новый подход к проблемам развития советского общества опирается по меньшей мере на три принципа. *Первый* (о нем уже упоминалось): понимание противоречий как источника развития. Особо важно анализировать противоречия между современным уровнем развития производительных сил в условиях новой технологической революции и производственными отношениями, всем механизмом хозяйственного управления; противоречия между централизованным планированием и товарно-денежными, рыночными отношениями; между развитием экономической и социальной сферы; между классами, между различными социальными группами; между социальной справедливостью и эффективностью; между требованиями профессионализма и участием в управлении всех трудящихся; между централизованным руководством и растущим влиянием общественного мнения на принимаемые решения и др. Все эти противоречия — не аномалии, не отклонения от какого-то магистрального процесса изменений. Нет, они могут и должны быть обращены во благо социализма умелой политикой.

Отсюда следует тот практический вывод, что множественность, состязательность и честная борьба являются

важными, действенными стимулами нашего развития. Рабочие, крестьяне, писатели, актеры, художники, врачи и официанты — все они состязаются в деле созидания материальных и духовных ценностей, образцов труда высшего качества. А судьи кто? Читатели, зрители, потребители этих ценностей — словом, народ. И судит он, народ, простейшим путем — читает или не читает книги, посещает или не посещает театры, кино, музеи, выставки, покупает или не покупает вещи, ходит или не ходит в кафе и т. д. И никаких привилегий для тех, кто создает ценности, независимо от их постов и званий, никакого искусственно создаваемого дефицита для того, чтобы навязывать людям ту или иную продукцию. Чистая и честная игра перед лицом публики. Именно так это мыслил себе Ленин в 20-х годах, когда поощрялась состязательность в экономике и культуре, литературе, изобразительном творчестве. Ни одно из направлений культуры не имело права и возможности «ликвидировать» своих оппонентов, утвердить свое монопольное господство — все стояли перед необходимостью хорошо, интересно, талантливо работать.

Второй не менее важный принцип, примененный партией для анализа нашего развития, касается вопроса конкретности истины. «Конкретный анализ конкретной ситуации» — «душа марксизма». Как сильно это было сказано Лениным — «душа марксизма»!

Требование конкретности, реализма и правды с огромной силой прозвучало на XXVII съезде КПСС. Все мы видим, какое влияние это оказало на деятельность средств массовой информации, на творчество писателей, публицистов, ученых. Очищение общества, развитие гласности и критики органично дополнили идею перестройки всей нашей социально-экономической системы. Включение в поле общественного сознания и дискуссий таких произведений, как «Пожар» В. Распутина, «Плаха» Ч. Айтматова, «Печальный детектив» В. Астафьева, «Покаяние» Т. Абуладзе, и многих других, в которых с великой болью душевной ставятся насущные проблемы нашего общества, стало знамением нового, более широкого взгляда и поиска путей нашего нравственного возрождения.

Третий принцип касается соотношения реформы и революции применительно к социалистическому обществу. Наша философия обычно занималась этой проблемой, размышляя над теми процессами, которые происходят

в условиях капитализма. Иное дело — социализм. Мы как-то даже стыдились употреблять слово «реформа» применительно к социализму. Нам виделось в этом некое сползание к реформизму, ревизионизму. Но ведь совершенно очевидно, что невозможно осуществлять серьезные преобразования в социалистическом обществе, не прибегая к реформам.

Сейчас перед теоретической мыслью в нашей стране выдвинуто новое понятие — о революционных преобразованиях в условиях социализма. В чем его смысл? Это не простой вопрос. Конечно, этот принцип не имеет ничего общего с так называемой «революцией сверху», которая прокламировалась на рубеже 30-х годов при осуществлении коллективизации страны. Речь идет совсем о другом. Речь идет, по нашему мнению, о характеристике глубины, радикальности, качественности осуществляемых в нашей стране преобразований. Речь идет о подлинно структурных преобразованиях — и не в их узком истолковании как изменение организационной структуры, аппарата управления. Речь идет о принципиальных изменениях в производственных отношениях в условиях господства общественной собственности. Речь идет о более последовательном осуществлении коренного принципа социальной справедливости нашего общества: «От каждого — по способностям, каждому — по труду».

Не случайно в связи с этим такое большое место в нашей теории и практике занял вопрос о социалистической собственности. Было преодолено представление о наличии каких-то низших и высших форм собственности, недооценка кооперативной собственности и других форм товарищеской групповой собственности, возможностей для широкого использования индивидуального труда. Этот новый подход воплощается во многих решениях и законодательных актах — по развитию кооперации, об индивидуальной трудовой деятельности, о социалистическом предприятии, о борьбе с нетрудовыми доходами.

Революционный по своей сути характер носит постановка партией вопроса о соотношении социализма и демократии. Конечно, мы давно знали из теоретических работ Ленина, что не может быть социализма без последовательного развития демократии. Но, вероятно, только сейчас мы поняли все значение этого принципа для перестройки нашей социально-экономической системы, для приобщения к новейшим достижениям технологиче-

ской революции, для всего духовного, нравственного обновления общества.

Новое мышление и новая социальная практика стимулируют новый подход к пониманию социализма в целом. Как говорил в одном из своих выступлений М. С. Горбачев, ни одна система не имеет права на существование, если она не служит человеку.

Общеизвестно, что завоевания современного социализма сопровождались многими негативными явлениями. И это касалось прежде всего отношения к человеку. Надо ли говорить, что культ личности, необоснованные репрессии, преувеличение роли насилия на деле наносили огромный ущерб социализму и компрометировали его в глазах мирового общественного мнения.

И пусть никого не пугает понятие этического социализма как важной составной части, стороны, принципа социализма научного. Социализм имеет простую и очевидную цель: благосостояние и культура человека труда. Все остальное — и индустрия, и обобществление — это средства для осуществления этой цели.

Наши классики обосновали научный социализм в борьбе против иллюзий утопистов, которые думали и писали прежде всего о человеке. Но Маркс и Энгельс не только не отбросили этические принципы социализма, его гуманизм, его человечность и цивилизованность, а, напротив, жестоко высмеивали тех псевдокоммунистов, которые отрицали завоевания культуры и цивилизации, в том числе и буржуазной.

Вот, например, что писал Маркс против казарменного, грубого коммунизма, как «больной тени» научного социализма. «Этот коммунизм, отрицающий повсюду *личность* человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности... Всякая частная собственность как таковая ощущает — *по крайней мере* по отношению к *более богатой* частной собственности — зависть и жажду нивелирования... Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме. У него — *определенная ограниченная* мера. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной* простоте *бедного,* грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился

над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее».

Основная характеристика модели современного социализма — *эффективность.* Социализм не докапиталистическое, а послекапиталистическое общество. И согласно марксистской теории социально-экономической формации, он должен обеспечить более высокий уровень производительности труда, индустриального и научно-технического развития, жизни, чем капитализм. И в исторической перспективе обеспечит. Отсюда вытекает гигантская задача развития производительных сил на основе технологической революции.

Другая характеристика — *демократизм.* Социализм решил задачу приобщения к власти и управлению рабочего класса и всех трудящихся. Но осталась не решенной проблема развития демократических форм. Отсюда задача демократизации политической системы социалистического общества.

Еще одна характеристика социализма — *гуманизм.* Социализм не имеет иной цели, кроме повышения благосостояния и культуры каждого трудящегося человека, обеспечения его экономических, социальных и юридических прав. Это особенно важно в связи с нарушениями законности и прав человека, которые имели место в ряде социалистических стран.

Большое значение имеет анализ объективных причин структурных, революционных реформ. Главная объективная причина — необходимость преодоления технологического отставания, внедрения достижений научно-технической революции не только в экономику, но и в управление, культуру и весь образ жизни. Еще одна важная причина — появление кризисных явлений в некоторых странах социализма. Это проявляется в растущем технологическом отставании от индустриально развитых капиталистических стран; в отставании по уровню и качеству жизни; в замедлении темпов экономического развития; в формировании «экономики дефицита»; в росте задолженности капиталистическим странам; в бюрократизации управления и падении нравов, в размывании социалистических ценностей и др.

Можно назвать следующие основные черты модели эффективного, демократического, гуманистического социалистического общества: 1) планово-товарная экономика; 2) множественность видов общественной собственности — возвышение государственной до уровня общена-

родной, развитие кооперативной, семейной, индивидуальной форм и др.; 3) развитие гражданского общества и подчинение государства обществу; 4) разделение власти, полномочий и функций между партийными, государственными и общественными организациями, преодоление бюрократизма; 5) развитие самоуправления, формирование общественного мнения как фактора политического процесса, построение государственного управления по принципу — лучше меньше, да лучше; развитие выборности, ротации кадров, профессионализма; 6) экономическая состязательность (социалистическая конкуренция) и состязательность культурных направлений, воспитание социалистической личности, полное преодоление наследия авторитарно-патриархальной культуры и формирование социалистической. Все эти преобразования направлены на укрепление социализма, совершенствование методов руководства со стороны коммунистической партии, осуществление подлинно народной власти. Важно сознавать при этом, что формирование качественно новой модели социализма и решение соответствующих проблем займет длительный период — не одно десятилетие.

И еще — о взаимосвязи процессов внутреннего развития и внешней политики страны. Такая взаимосвязь предопределяется прежде всего системным характером всех осуществляемых преобразований. Сейчас даже трудно сказать, что оказывает большее влияние на общественное мнение не только внутри страны, но и на международной арене — реформы, проводимые в СССР, или наша борьба за безъядерный мир на всей планете.

Итак, новое мышление набирает силу. И на практике и в теории. Ему принадлежит будущее.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Федор Михайлович Бурлацкий

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ

Диалоги и суждения
о технологической революции
и наших реформах

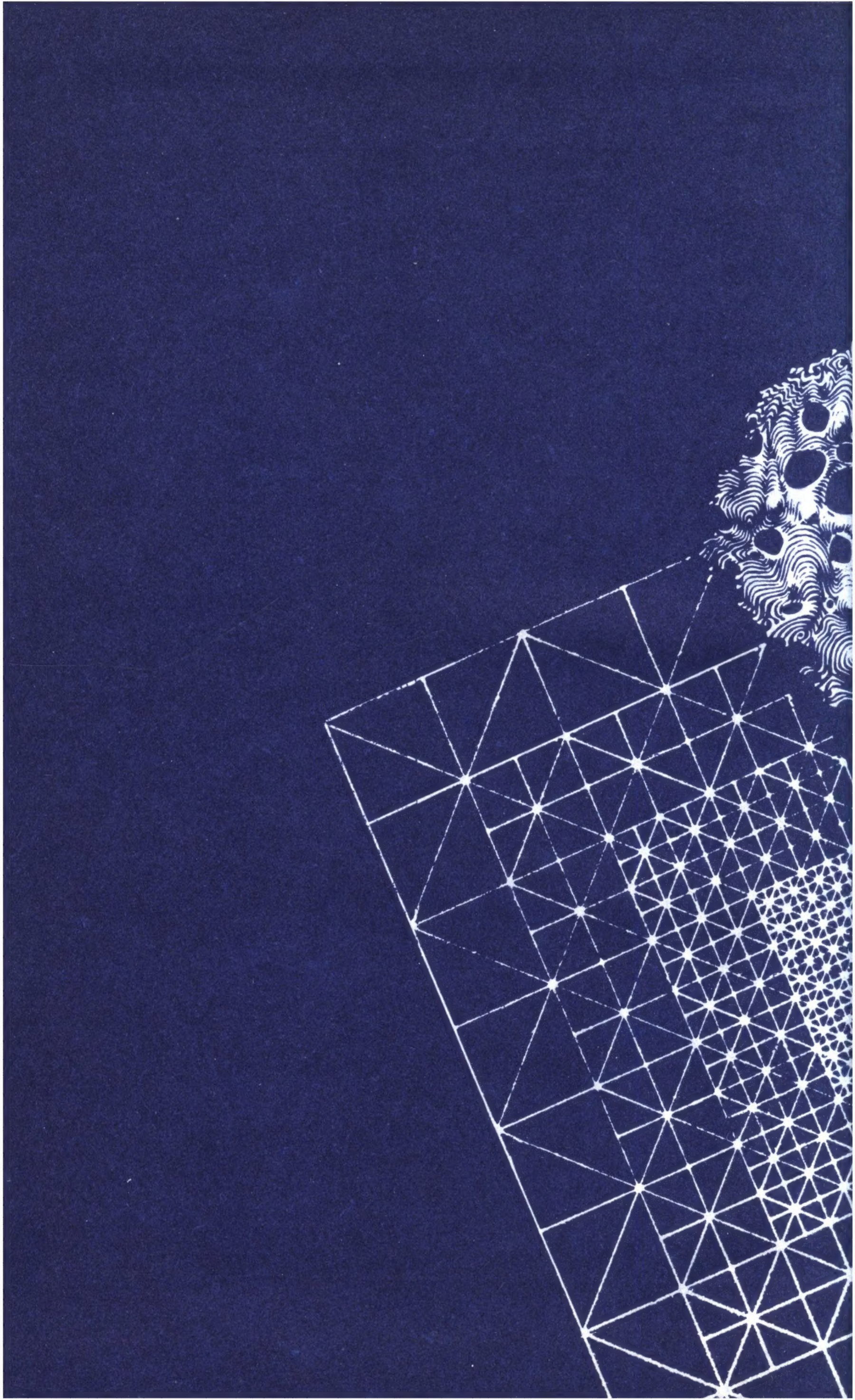
Заведующий редакцией **В. И. Кураев**
Редактор **Т. С. Хажилова**
Младший редактор **В. В. Калина**
Художник **А. А. Пчелкин**
Художественный редактор **В. И. Шедько**
Технический редактор **Ю. А. Мухин**

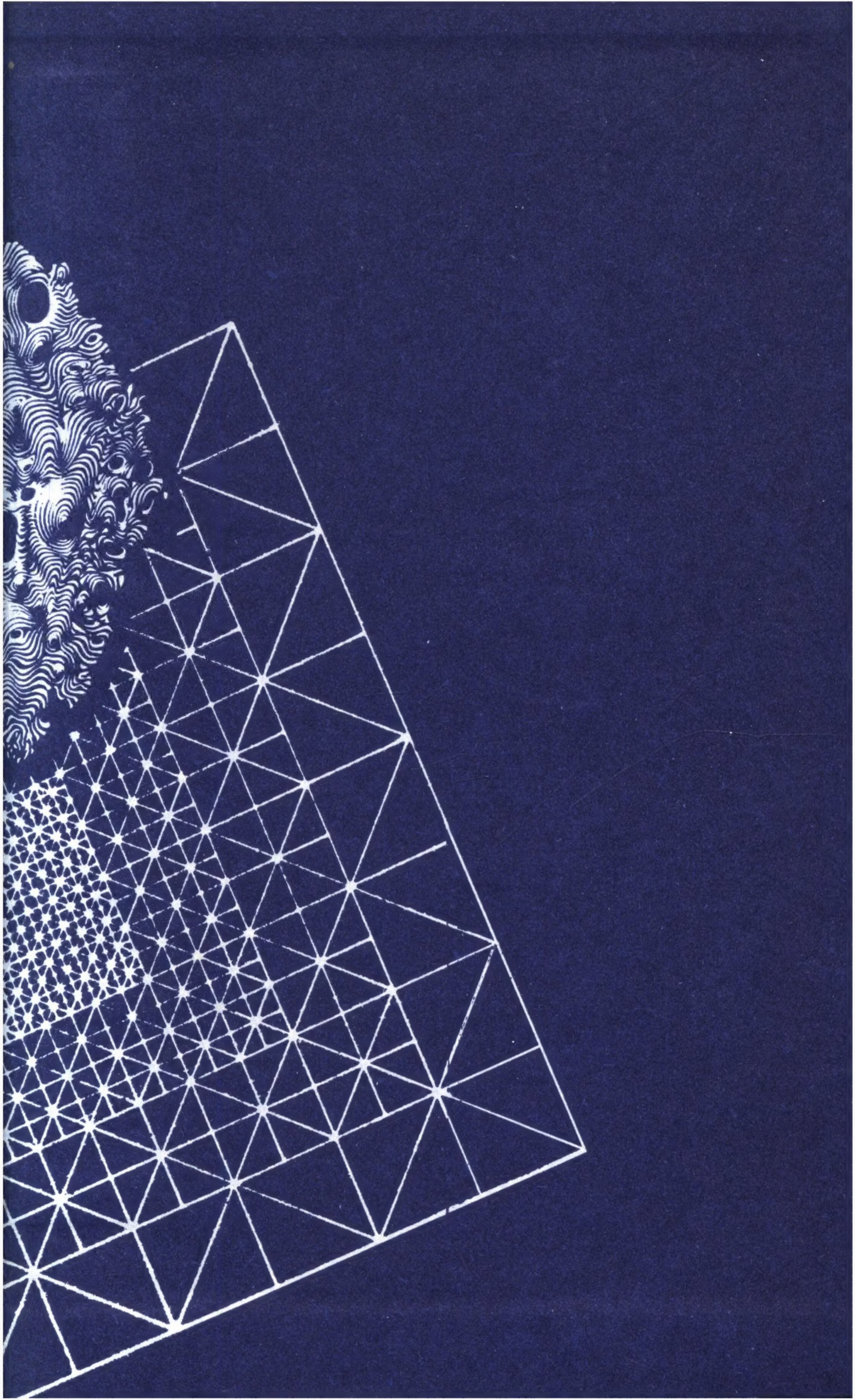
ИБ № 8393

Сдано в набор 30.12.88. Подписано в печать 23.03.89. А02925. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 22,68. Усл. кр.-отт. 23,52. Уч.-изд. л. 24,28. Тираж 150 000 экз. Заказ № 4405. Цена 1 р. 80 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

1 р. 80 к.

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ

Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах

Бурлацкий Федор Михайлович — ученый и публицист, профессор, член Союза писателей СССР. Автор книг «Ленин. Государство. Политика», «Мао Цзэдун», «Загадка и урок Никколо Макиавелли», «Социология. Политика. Международные отношения», политических спектаклей «Бремя решения», «Два взгляда из одного кабинета» и других работ. Предлагаемая книга включает в себя диалоги с известными западными учеными, сценарии спектаклей, статьи, объединенные общим замыслом — раскрыть сущность нового мышления, показать, как формируется новый взгляд на осуществляемую в нашей стране перестройку, происходящую во всем мире технологическую революцию.

Политиздат

Федор Бурлацкий

Новое мышление